

МАЙКЛ ГРАНТ

РАСЦВЕТ
РИМСКОЙ
ИМПЕРИИ

МАЙКЛ ГРАНТ

РАСЦВЕТ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

КНИЖНЫЙ
 КЛУБ
СЕМЕЙНОГО ДОСТА

Харьков
2005

ББК 63.3(0)3
Г77

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства.

Выражаем особую благодарность
литературному агентству «Synopsis»
за помощь в приобретении прав на публикацию этой книги.

Перевод с английского:
Michael Grant. «The Climax of Rome»,
Weidenfeld & Nicolson Ltd, London, Great Britain, 1996.

Дизайнер обложки *Сергей Ткачев.*

SBN 966-343-150-4

© Michael Grant, Publications Ltd, 1989
© Hemiro Ltd., издание на русском
языке, 2005
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», художественное оформ-
ление, 2005

БЛАГОДАРНОСТИ

Выражаем благодарность за разрешение опубликовать фотографии: Британскому музею (фото №№ 1, 4, 9, 10, 58); Национальному музею (Афины) (3); Государственному музею (Берлин) (2, 5, 69); Национальному музею (Рим) (7, 13, 17); The Art Museum (Цинциннати) (8); Новой Карлсбергской глиптотеке (Копенгаген) (11, 25); Ватиканскому музею (12); The Metropolitan Museum of Art, Rodgers Fund, 1905 (14, 15); Археологическому музею (Флоренция) (16); Музею искусства, Смит Колледж (Нортхемптон, Массачусетс) (18); Civico Museo Romano (Бреша) (19); Музею Манисы (Турция) (20); Королевскому музею искусства и истории (Брюссель) (21); Музею изящных искусств (Бостон) (22, 56); Palazzo dei Conservatori (Рим) (23); Капитолийскому музею (Рим) (24); Музею Остии (25); Министерству образования Ливии (26); Foto Lala Aufsberg (27); Deutsches Archäologisches Institut (Рим) (28, 68); Bill Pepper (30); The Walters Art Gallery (Балтимор) (57); The Dumbarton Oaks Collection (Вашингтон) (59); The Mansell Collection (29, 60, 61, 64, 65, 66, 72, 74, 77, 84, 86, 87, 94, 95, 96, 99, 100); Palazzo Pubblico (Мельфи) (62); Стамбульскому музею (Топкапы) (63); The Royal Ontario Museum (Университет Торонто) (67); Réunion des Musées Nationaux (70); Музею изящных искусств (Гарвардский университет) (71); Лувру (Париж) (72); André Held (73); Fototeca Unione (Рим) (75, 82, 92); The Radio Times Hulton Picture Library (76, 81, 83, 93, 97); Thomson Newspapers Ltd. (78); The Lydney Park Estate Co (79); The Warburg Institute (80); Dura-Europos Publications, за снимок 85; Landesmuseum (Трир) (88, 89, 90, 91); J. Allan Cash (98).

Выражаем благодарность за предоставление возможности опубликовать фотографии монет и медалей (снимки 31—55): Staatliches Münzkabinett (Берлин); Британскому музею; Castello Sforzesco (Милан);

Bibliothèque Nationale (Париж); Monnaies et Medailles S. A. (Базель); Glendining and C^o Ltd.; R. Delbrueck, *Die Münzbildnisse von Maximinus bis Carinus*; J. M. C. Toynbee, *Roman Medallions*.

На фотографиях №№ 32, 34, 39, 42, 43, 47, 50, 52 представлены изделия из золота, №№ 46 и 53—55 из серебра, остальные — из бронзы и латуни.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга посвящена истории Римской империи в период от восшествия на престол Марка Аврелия и до смерти Константина Великого (161—337 гг. н. э.). Автор попытался систематизировать и проанализировать важнейшие события политической и экономической жизни, а также культурное и религиозное развитие, уделив внимание их причинам и последствиям.

На протяжении этого периода империя не только обратилась в христианство, но и прошла через множество испытаний. Многие события той эпохи, известные только специалистам, находятся в забвении. Зачастую причины этого следует искать в трудности для понимания источников, сохранившихся до наших дней, да и сам рассматриваемый период не принадлежит полностью ни Античности, ни Средневековью, что и составляет одно из его несомненных достоинств. Будучи мостом между двумя мирами, эта эпоха характеризовалась быстрыми переменами, предрешившими ход истории на много лет вперед. Но представление о ней как о пограничной «ничьей земле», промежутке — в корне неверно. Такой туманной характеристикой этот период обязан Эдварду Гиббону, полагавшему, что счастливая эра в истории человечества закончилась со смертью Марка Аврелия, а после нее настали упадок и гибель.

Подобные воззрения, изложенные Гиббоном с несравненным блеском, приобрели статус классических. Со времен Ранней империи римские авторы пропагандировали мысль о том, что Рим стареет. Историк Дион Кассий, описывая конец правления Марка Аврелия, отмечал, что его труд переходит от золотого века к веку железа и ржавчины, как и развитие римской истории. В следующем столетии св. Киприан, представитель нелюбимого Гиббоном христианства, соглашаясь с Дионом, говорил, что чувствует холод смерти, надвигающейся отовсюду.

Такой взгляд на рассматриваемую эпоху слишком мрачен, да и неполон. Политика и экономика действительно не давали повода к радости. Чувство страха и неопределенности стало сильнее, чем когда-либо, резко усилились авторитарные тенденции в правительстве. Но политические и экономические бедствия и гнет государственной машины не только не препятствовали триумфам культуры и идеологии, а зачастую, напротив, давали им толчок. Во многих областях достижения были столь значительны, что эпоха, породившая их, должна быть признана одной из значительнейших в мировой истории. Она важна для нас и тем, что показывает, на что способен человек даже в таких тяжелых обстоятельствах.

Поэтому книга и называется «*Расцвет Римской империи*». Исследуя по порядку все вопросы, в эпилоге автор укажет причины, которые дают ему право считать столь неожиданное название вполне оправданным и даже неизбежным применительно к тому периоду (с. 349). Еще один парадокс представляет собой слово «Рим». Люди, определявшие тогда ход истории, были римлянами в том смысле, что они жили в Римской империи. Но самые выдающиеся из них происходили не из Рима и даже не из Италии. В частности, в книге много места отведено восточной части Римской империи, что может быть неожиданным для западных студентов-историков, но отражает, как представляется, важность того региона в III и IV вв. н. э. Вечный город был не только названием города Рима, он стал концепцией, целой последовательностью концепций, символом великой общности, включавшей в себя многие культуры. Таков Рим, расцветом которого и стала эта эпоха.

Выражаю благодарность авторам, работы которых цитирую:

A. H. Armstrong and Messrs Allen and Unwin. *Plotinus*.

Душеприказчиков M. Hadas и Bobbs-Merrill Co. *Three Greek Romances*. Everyman's Library. *Heliodorus: Ethiopian Story*.

E. C. Echols и University of California Press. *Herodian of Antioch's History of the Roman Empire*.

E. R. Dodds и the Cambridge University Press. *Pagan and Christian in an Age of Anxiety*.

The Cambridge University Press. *Cambridge Ancient History*.
А. Н. М. Jones и Messrs Longmans. *The Decline of the Ancient World*.
Messrs William Heinemann за переводы Ахилла Татия, Галена (О природ-
ных силах) и Тертуллиана (Апология) в The Loeb Classical Library.
M. Staniforth и Penguin Books. *Marcus Aurelius' Meditations*.
P. Turner и Penguin Books. *Lucian's Satirical Sketches*.
G. R. S. Mead и Penguin Books. 'Hymn of Soul' in F. C. Happold's
Mysticism.
P. Jay и 'Oxford Magazine'. *Pervigilium Veneris*.
E. O'Brien и Mentor Books. *The Essential Plotinus*.

Следует поблагодарить проф. А. Н. М. Jones и проф. F. W. Walbank за разрешение прочитать их работы до публикации. Я выражаю благодар-
ность сотрудникам библиотеки Королевского университета Бел-
фаста: Anthony Burton, Julian Shuckburg, а также Patricia Vanags из Messrs
George Weidenfeld and Nicholson Ltd. и W. Bernstein, подобравшей иллю-
страции к книге. Выражаю благодарность и университету Саскачевана за публикацию моей лекции по этой теме, а также *Horizon* (Нью-
Йорк), *Mankind* (Лос-Анджелес) и *History Today* (Лондон), в которых
были опубликованы выдержки из книги об усилении империи после
кризиса середины III в. н. э., триумфа христианства и течений гности-
цизма и манихейства.

Я признателен жене за неоценимую помощь.

Гаттайола, 1968

Майкл Грант

I

**ПЕРЕМЕНЫ
В АНТИЧНОМ
МИРЕ**

ИСТОРИЯ ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ

Очерк истории

Римская империя простиралась от Британии на севере до пустыни Сахара на юге. Но ее основные и наиболее проблемные границы протянулись на тысячи километров по Рейну, Дунаю и Евфрату, на некоторых участках выходя за пределы этих великих рек.

В начале рассматриваемого периода большая часть империи наслаждалась миром. Август (ум. в 14 г. н. э.) заменил республиканское правление монархией, тщательно замаскировав ее под традиционными институтами власти, и, последовательно реформировав администрацию, способную контролировать тридцать (позднее — около пятидесяти) провинций эффективно, честно и не так жестко, как раньше, заложил нерушимые основы для «Римского мира» (Pax Romana). Низкий уровень социального развития империи не позволяет согласиться с Гиббоном в том, что ее население уже никогда не сможет наслаждаться счастьем и процветанием, как во II в. н. э. (с. 7). Однако жизнь подданных империи той эпохи была благословлена повсеместным прочным миром, какого не видели ни их предки, ни последующие поколения.

Хотя в этот период и наблюдалось некоторое угасание творческой мысли, правление Марка Аврелия украсили труды четырех писателей, которые подтверждают мнение, сколь неверно было бы расценивать тот период просто как постклассический (чем часто грешат преподаватели). Упомянутые авторы: блестящий латинский романист Апулей из Африки и греческие писатели: сатиричный, острый, как бритва, Лукиан из Каппадокии, Гален из Малой Азии, «отец средневековой медицины», и, наконец, сам император — его «Размышления» показывают нам одного из самых высокоинтеллектуальных и вдумчивых людей из всех, когда-либо восседавших на троне.

Но именно в период правления Марка Аврелия и его соправителя Луция Вера обстановка на границах начала резко ухудшаться, что впоследствии привело к распаду Римской империи. Серия уже привычных и дорогостоящих военных операций против восточного соседа империи — Парфии — совпала с невиданной доселе по остроте угрозой, исходившей от живших за Рейном и Дунаем германцев и сарматов. За ними последовали эпидемия чумы и ряд других войн на протяжении III в. н. э. Эти военные кампании изображены на арке Марка Аврелия и передают непривычное для римлян ощущение ужаса и страдания. Война обходилась государству в такие средства, что пришлось резко повышать налоги, жертвуя благополучием среднего класса. Существовала и другая причина обнищания населения. В результате борьбы за престол и череды насильственных смертей императоров после более чем столетнего спокойствия возобновились гражданские войны. После смерти сына Марка Аврелия — полубезумного, пренебрежительно относившегося к традициям Коммода (180—192 гг.) (в его правление заметно возросла роль восточных религиозных течений, а гладиаторские игры проходили с участием самого императора) — грянула разрушительная гражданская война, длившаяся четыре года, в которой из пяти претендентов на престол выжил только Септимий Север (193—211 гг.)^{1*}.

Траян (ум. в 117 г.), римско-испанского происхождения, был первым императором не с Апеннинского полуострова, что послужило примером на будущее. В дальнейшем мало кто из правителей происходил из Италии — страна утратила политико-экономическое значение и стала всего лишь оправой для дотационного, однако сохранившего свой престиж Вечного города. Септимий, в свою очередь, стал первым императором из неевропейцев: его родиной была Северная Африка — единственная земля, продолжавшая дарить империи утонченную литературу на латыни. Влиятельная жена императора, Юлия Домна, была родом из Сирии — страны, которая давала империи множество талантов из числа эллинизи-

---

* Перечень императоров и даты правления см. с. 357—358.

рованных писателей и художников. Сирийская и восточная литература в целом, эстетические и религиозные взгляды Востока оказывали все более заметное влияние на греко-римские традиции, таким образом способствовав образованию того оригинального сплава культур, которым отличается Поздняя империя. Хотя Септимий гордился тем, что он следовал традиции золотого века Антонинов (через усыновление Марком Аврелием), благодаря управленческому таланту, ясности мысли и безжалостности он сумел превратить свое правление в абсолютную монархию, в чем ему помогали самые известные за всю историю права юристы. Новый, мрачный век требовал приспособления государства к стремительно возрастающему налогообложению как деньгами, так и в натуральном виде. Отвлечься от земных тягот, если это вообще было по силам, люди могли за чтением произведений лучших романистов Античности — Лонга и Гелиодора.

Сын Септимия Каракалла (211—217 гг.), грубый, но болезненно амбициозный, устранил своего тестя, префекта претория*, а потом и своего брата Гету, пережив последнего только на пять лет. Восхождение на трон его преемника Макрина, мавретанца по происхождению, показало слабость сената, так как Макрин стал первым императором, не заседавшим в сенате. Вскоре на римском престоле его сменил первый сириец Элагабал (218—222 гг.), четырнадцатилетний жрец солнца и гомосексуалист, принадлежавший к семье Юлии Домны. Радикальная попытка Элагабала загнать Рим в русло восточных вероучений была преждевременной. Его младший двоюродный брат Александр Север (222—235 гг.), мать которого Юлия Мамаея была регентшей, продолжил этот курс, но не столь стремительно и не так бесцеремонно. В отличие от предшественника, Александр Север пытался играть роль римского традиционалиста, уважающего сенат. Но вернуться к прежней форме правления — принципату («конституционной монархии») — не удалось, поскольку в империи снова возникли финансовые проблемы из-за изменения ситуации на Востоке. Единственным сопоставимым по

---

* Об этой должности см. с. 109.

размерам с Парфией, давним восточным соседом и врагом Римской империи, стал более опасный соперник — Иран во главе с династией Сасанидов.

Становление этой могущественной державы, к сожалению, совпало с превращением Римского государства из военной монархии в военную анархию. Следующие полстолетия империю почти непрерывно раздирали войны между претендентами на трон. Этой слабостью Рима воспользовались не только персы, но и германские племена, становившиеся все более опасной угрозой для империи на дунайской границе. Великан-фракиец, крестьянин по рождению, император Максимиан I (235—238 гг.) мог бы успешно отбивать нападения с севера, если бы не проявлял излишнюю жесткость, из-за которой и был убит своими подданными.

В 238 году на римском троне успели посидеть семь императоров. Шестеро из них правили попарно и были убиты². Соправление наследовало пример консулов времен Республики и было призвано облегчить ношу власти. Из семи императоров выжил в тот год только тринадцатилетний юноша — Гордиан III (238—244 гг.), а его префект претория Тимеситей стал всемогущим министром. Ираном в то время управлял самый воинственный из Сасанидов — Шапур I. Кроме того, в течение последующих двадцати лет Римская империя подвергалась частым нападениям германцев. Ряд солдатских императоров (их обремененные заботами лица изваяны с невиданным мастерством) едва ли могли спасти римскую цивилизацию от этих напастей. Филипп Араб (244—249 гг.) развлек римлян празднованием тысячелетия Вечного города; Деций (249—251 гг.) и Валериан (253—260 гг.)³ в период чумы и возрастающей инфляции обвинили во всех бедах усиливавшуюся «секту» христиан. Последние, в свою очередь, через высокоученых апологетов в Александрии и других городах вскоре сумели представить в нужном свете гибель Деция от рук германцев (готов) и неслыханный позор Валериана, взятого в плен персами. После этих страшных событий римские полководцы в провинциях один за другим стали провозглашать себя императорами. Галлиен (253—268 гг.), сын, соправитель

и наследник Валериана, столкнулся и с отделением западных провинций под власть Постума. Более того, перед лицом краха валюты, инфляции и натиска с двух сторон — включая и окончательную потерю плацдарма между верховьями Рейна и Дуная — Галлиен был вынужден признать фактическую независимость обширного восточного региона Пальмиры, управляемой Оденатом. Зенобия, вдова и приемница Одената, завоевала все восточные провинции Рима. Теперь император контролировал только центральную часть своей державы, по-видимому близкой к окончательному развалу.

Тем не менее начался длительный процесс восстановления военного контроля над империей ценой неисчислимых человеческих жизней и страданий. Выпавшие на период правления Галлиена катастрофы и сомнительная репутация культурного эллинофила, недостаточно жестко настроенного против христиан, не помешали ему остановить череду несчастий, создать новую мобильную армию кавалеристов и одержать важную победу над готами. После него — в период, когда умерли два величайших мыслителя того века, платоник и мистик Плотин из Кампании и основатель манихейства Мани из Персии, — три императора из придунайского крестьянства, бывшего костяком римской армии, Клавдий II Готский (268—270 гг.), Аврелиан (270—275 гг.) и Проб (276—282 гг.), проявив полководческий талант и выдержку, устранили угрозу с севера⁴.

Для этого Аврелиан даже пошел на то, чтобы навсегда покинуть провинцию Дакия, расположенную на левом, северном берегу Дуная. Зато он восстановил власть империи над отделившимися восточными и западными регионами. Аврелиан пытался вернуть официальный статус язычеству (а именно солнцепоклонничеству и культу Митры как его течению), которое стало уподобляться христианству и другим религиям, приобретая монотеистический характер.

Кар (282—283 гг.) сумел навести порядок на восточной границе. Его сыновья-соправители⁵ возобновили практику раздела империи на части, при Диоклетиане (284—305 гг.) эта модель стала нормой. Сам он из Никомедии (Измит в современной Турции) правил восточными

провинциями, а западными из Медиолана (Милан) управлял возвышенный им до статуса соправителя (августа) Максимиан, такой же, как он, иллирийский крестьянин. Эта система получила название «тетрархия» — у каждого августа был младший соправитель и наследник — Галерий на Востоке и Констанций Хлор на Западе. К этому времени Рим фактически уже не был имперской столицей.

При Диоклетиане завершился процесс превращения римского государства в абсолютную монархию. Диоклетиан, сочетавший консервативный римский патриотизм с ясным системным пониманием власти и планированием своей политики, формализовал свое правление церемониалом, похожим не столько на римский эпохи Августа, сколько на персидский при дворе его современников Сасанидов. Сакрализованное искусство этого периода прошло долгий путь от идеалов античной классики. Воздвигались дворцы невиданно величественные, оригинальные и дорогие. Еще большие налоги легли на плечи подданных империи, когда Диоклетиан понял, что необходимо расширить бюрократический аппарат и вдвое увеличить армию. Нужды огромных человеческих ресурсов обеспечивались тем, что единичные в III веке сборы натуральных податей теперь стали системой. Методы, использовавшиеся для изъятия всего необходимого у населения, какими бы грабительскими они ни были, демонстрировали состояние дел в империи, а правительство впервые в мировой истории стало публиковать ежегодный государственный бюджет. Но Диоклетиан, вслед за своими предшественниками столкнувшийся с галопирующей инфляцией, слабо понимал суть экономических процессов, поэтому попытка сдержать рост цен денежной реформой или невиданным до него эдиктом, устанавливавшим потолок цен на различные товары, была неудачной.

На пути к тоталитарному правлению Диоклетиан решил объединить жителей империи вокруг традиционных культов. Его желание сделать почитание языческих богов обязательным для всех вылилось в самые жестокие преследования христиан (303 г.), продолжавшиеся и после отречения Диоклетиана (305 г.) в течение восьми лет, когда тетрархия распалась, а империю лихорадило от слишком большого числа правителей⁶. Но Галерий, провоцировавший Диоклетиана на эти преследова-

ния, лежа на смертном одре, прекратил антихристианскую кампанию (311 г.). Хотя его преемник Максимиан II Дайя (ум. в 313 г.) тоже предпринял попытку поддержать язычество как противовес христианству, Константин Великий, до того времени строгий приверженец культа солнца, провозгласил, что его победа над Максенцием в Италии (312 г.) сопровождалась добрыми христианскими предзнаменованиями. Позже, все более упорно навязывая империи христианство, хотя и не совсем последовательно с теологической точки зрения, Константин превратил христианскую церковь из врага государства в официальную религиозную организацию, получавшую деньги из казны и подчинявшуюся императору, и построил для нее немало великолепных новых храмов.

Константин, человек энергичный, убежденный в том, что он шел по пути, указанному свыше, разгромил армию своего восточного соправителя Лициния и стал единовластным правителем империи (324—337 гг.), пережив шестерых императоров-соперников. Он завершил масштабную реорганизацию армии, сделал ее более мобильной, стабилизировал положение на всех границах, значительно расширив бюрократический аппарат. Усиление авторитаризма и теократии при Константине нашло отражение в его статуях, застывших в трансцендентном созерцании, и знаменовало крах гуманистической традиции.

Императору необходимо было находиться поближе к границам на Дунае и Евфрате и восточным провинциям, богатством тогда намного превосходивших западные, поэтому Константин избрал новой столицей Византий на Босфоре, переименовав его в Константинополь (324—330 гг.). После окончательного раздела империи (395 г.) по линии, проходившей с севера на юг западнее Сингидуна (Белграда), ее западные территории лишились императора и вошли в состав новых германских королевств (476 г.). Но восточные земли под властью Константинополя сохранили название Римской империи и продолжили традицию Рима еще почти на тысячу лет.

Исторические источники

Древних источников, описывающих эту путаную череду событий, весьма много, поэтому одной из основных задач историка является

выделение действительно важного из массы деталей. Однако сведения в них отрывочны для того, чтобы составить полное представление. «Тот период подобен туннелю, освещенному с обоих концов, с редкими и небольшими светлыми промежутками между ними»⁷. Эти слова относятся к середине III века (235—284 гг.), но даже освещение с обоих концов туннеля, пусть и яркое в контрасте с темнотой посередине, было прерывистым⁸. Чтобы установить, что все-таки происходило, следует сложить головоломку, делая выводы из имеющейся информации, — задача более сложная, чем реконструкция истории раннего Рима или позднейшей Византии.

Самая серьезная проблема заключается в отсутствии полного повествования о событиях того времени, написанного кем-либо из выдающихся древних историков. Начало той эпохи в какой-то мере освещено в сохранившихся фрагментах труда Диона Кассия из Никеи (Изник) в Малой Азии, написанного по-гречески. Сенатор и высокопоставленный чиновник, он написал историю Рима от основания города до 229 г. н. э. в 80 книгах. Но книги, посвященные последним 183 годам (кроме неполных вариантов двух последних книг), сохранились только в форме компендиума XI века⁹, где также присутствуют лакуны. Дион Кассий был современником и свидетелем событий после 180 г.¹⁰; он пристрастен, склонен рассказывать байки и предаваться воспоминаниям, в чем была и его сила, и его слабость как историка. Геродиан, эллинизированный сириец, написал историю 180—238 гг. в восьми книгах. Помпезная, поверхностная, повторяющаяся и неточная, его история сохранила некоторое количество уличной болтовни и дает нам возможность взглянуть на конец золотого века Антонинов глазами людей, живших в III веке. Были и другие, позднейшие историки, писавшие свои работы по-гречески, они перечисляют ряд нигде более не упоминающихся фактов и событий.

Historia Augusta на латыни, написанная (как декларируется) шестью авторами, продолжавшими сенатскую аристократическую традицию, представляет собой жизнеописания императоров от Адриана и до восшествия на престол Диоклетиана (117—284 гг.), хотя повествование о событиях с 244 по 253 г. отсутствует. Несколько биографий посвя-

щены Диоклетиану и Константину, но анализ текста показал, что этот труд, по крайней мере в том виде, в котором он дошел до нас, составлен через полстолетия, если не через целое столетие или даже два после их правления. Хотя это и дает основания считать, что книга не принадлежит тем шестерым авторам, а значит, на нее как на источник совершенно нельзя полагаться, пространные биографии деятелей II века включают довольно много бессистемно подобранного материала, нигде более не встречающегося, и поэтому, вероятно, подлинного (не безоговорочно). Возможно, эти сведения восходят к Марию Максиму, автору продолжения «Жизни двенадцати цезарей» Светония, который служил, как было установлено, одним из полководцев Септимия Севера. *Historia Augusta* содержит непропорционально большую биографию Александра Севера (правил в 222—235 гг.), которая может быть пересказом о жизни Юлиана Отступника (361—363 гг.). Другие биографии III века, авторы которых не слишком известны, кажутся, как видно из свидетельств того времени, попросту сказочными и приводят явно сфабрикованные документы.

Последний великий врач Античности, Гален, рассказывает о себе сам и весьма пространно. Он пишет по-гречески, как и большинство романистов того времени, за исключением великолепного латинского автора Апулея. Выдающиеся философы Марк Аврелий и Плотин — последний в своих «Эннеадах», опубликованных его учеником Порфирием, — также используют греческий язык. По вопросам теологии, как языческой, так и христианской, есть огромное количество произведений различных авторов на разных языках, из которых можно выделить труд по истории христианства — «Церковную историю», написанную по-гречески Евсевием (260—340 гг.)¹¹. Множество интересных исторических сведений можно почерпнуть из «Дигест» Юстиниана, большая часть которых, с изменениями или без, была заимствована у юристов эпохи династии Северов. Тринадцатая из «Сивиллиных книг» проливает свет на события на Востоке империи в III веке.

В Египте найдены тысячи папирусов, которые перевернули наши представления об истории античного романа и осветили многочисленные аспекты общественной и частной жизни той эпохи¹². Археоло-

гия и искусствоведение зачастую дают нам множество источников: разнообразные надписи в ошеломляющих количествах включают гарнизонный календарь (*Feriale Duranum*) из города Дура-Европос; более шестидесяти фрагментов эдикта о ценах Диоклетиана, найденных в тридцати двух разных местах; Сасанидскую надпись Шапура I на «Каабе Зороастра» (в местности Накш-и-Рустам), которая, в противовес римской пропаганде и особенно надписям на римских монетах, рассказывает о войнах Римской империи против Ирана. Ведь в то время, как ни в какое другое, чеканка и обращение монет (и памятных медалей) имели важное значение для политики, военного дела, экономики, религии и искусства. Иногда на монетах встречаются имена и изображения самозванных императоров или родственников императоров, которые более нигде не встречаются¹³. «Несомненно, в монетах заключен клад частично уже открытый, частично ожидающий своего исследователя; клад, который, если не будут найдены новые надписи или манускрипты, предлагает нам единственную возможность проникнуть под покров тьмы, скрывающей до сих пор большую часть истории III века»¹⁴.

II

ПОЗДНЯЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

ВОЕННЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Кризис внутри империи

От восшествия на престол Марка Аврелия в 161 г. до смерти Константина Великого в 337 г. титул императора (августа) с резиденцией либо в столице, либо в каком-нибудь другом городе империи носили около восьмидесяти человек. Только с 247 по 270 г. на престол вступали тридцать императоров. В этом заключалась одна из наиболее сложных (и дорогостоящих) проблем римского государства. Различия между императорами, узурпаторами и претендентами весьма иллюзорны, так как большинство сумевших утвердиться на престоле императоров были не менее достойны звания узурпаторов, чем те, кто не смог добиться признания.

Древний обычай, по которому императоров «короновал» сенат, превратился в смехотворный фарс. В течение того периода сенат, хоть и пользовавшийся глубоким уважением, предпринял только две или три попытки привести императоров к власти, каждый из которых удержался при ней очень недолго¹. Императора практически всегда выбирала армия. Новый август, провозглашенный своими войсками, обычно письменно извещал сенаторов о своем восшествии на престол и требовал их одобрения. Под давлением сенат соглашался. Мотивы войск были эгоистичны: они надеялись на щедрые подарки, которые всегда раздавались по такому случаю (с. 71). Поскольку солдаты служили в основном в той местности, откуда и рекрутировались, местечковая солидарность у них была развита сильнее, чем патриотизм. При поддержке гражданского населения своих областей они провозглашали новых императоров с прискорбной частотой, а правитель, которого они смещали, почти всегда погибал.

Подобная абсолютно нестабильная ситуация с наследованием престола парализовала оборону империи, нанося громадный ущерб ее

экономике. Постоянно разгорались дорогостоящие гражданские войны; время от времени с границ отзывались войска — ведь императорам надо было обороняться или нападать на соперников — римских полководцев. Геродиан вопрошал: «Какая польза в том, что истребляются варвары, если куда больше народу убивают в самом Риме и провинциях?» Германцы и Сасаниды, естественно, хорошо знали об этих беспорядках — неизвестно, насколько они согласовывали свои нападения, но, в любом случае, они извлекали пользу из внутренних проблем Римской империи.

Иногда сами войска проявляли инициативу, и полководцам оставалось только надеть пурпур, иначе отказ означал гибель от рук своих же солдат. Изредка полководец брал власть в свои руки, чтобы удовлетворить насущные потребности какой-либо провинции, защитить ее границы. Но почти всегда соблазном был трон августов, сколь недолговечным не представлялось бы пребывание на нем. Результат, как мы видим сегодня, — невероятное множество людей, чьи изображения выбиты на монетах. Ведь после провозглашения кого-либо императором, он, где бы ни находился, обязан был наградить своих сторонников отчеканенными по такому случаю деньгами.

Затем необходимо было попытаться, как правило тщетно, установить порядок наследования престола, в надежде вселить в людей уверенность и отразить практически неизбежные удары. Существовало два способа. Можно было, подобно Септимию Северу, Филиппу Арабу, Децию, Валериану и многим другим, спешно выдвинуть и назначить соправителем своего сына, или сыновей, или других родственников, чтобы в случае смерти императора был шанс безболезненного наследования трона в семейном кругу. Теоретически армию устраивала династическая преемственность такого рода, хотя ее преданность наследнику могла быстро улетучиться, если он оказывался скупым или слишком юным и неопытным для того, чтобы командовать войсками. Сенат, со своей стороны, приветствовал второй способ, а именно назначение наследника правителя не из членов семьи, а усыновление подходящего и компетентного кандидата. В таком случае с сенатом часто советовались, а человек, предложенный в наследники, мог быть

одним из видных членов сената, а значит, сенат продолжал оказывать на него влияние. Такой способ усыновления едва ли был возможен для тех, кто возглавлял мятежи в пограничных областях. Но в самом Риме в течение стабильного II столетия таким способом назначили четырех весьма успешных и талантливых императоров, последним из которых стал Марк Аврелий. Веком позже Диоклетиан, ярый приверженец доктрины игнорирования прав родственников императора на трон, стремился выбрать лучшего из возможных кандидатов себе в наследники. На этом принципе была создана система тетрархии Диоклетиана. Но и в эпоху Антонинов, и в правление Диоклетиана императоры, которые не имели сыновей и не могли передать власть по наследству, ставили себе в заслугу то, что включали усыновленных наследников в свои семьи посредством брака*.

После правления нескольких усыновленных императоров Марк Аврелий назначил наследником своего сына Коммода. Поскольку сам он правил с соправителем Луцием Вером, Марк Аврелий возвысил своего сына до соправителя августа, полагая, что его опытные соратники помогут Коммоду утвердиться на троне. Коммод стал первым правителем, чья легитимность и благосклонность к нему богов происходили от «рождения в пурпуре». Монеты и медали подчеркивают особенную знатность Коммода, а когда в 177 г. он женился, Марк Аврелий выпустил медаль, посвященную и себе, и своему сыну как основателям династии (PROFAGATORIBVS IMPERII). Однако юноша оказался сумасбродом, настолько не придерживающимся традиций, что несчастье было неминуемо. Предвидел ли Марк Аврелий это или нет, но отказ своему сыну в праве на трон в пользу кого-либо другого, скорее всего, стал бы причиной гражданской войны. В будущем таких войн из-за наследования предстояло еще очень много.

Именно убийство Коммода (192 г.) послужило толчком к их началу. Преторианцы, вспомнив, как им это удавалось в I веке, последовательно возвели на престол двух императоров. В течение пяти месяцев оба они были убиты². Но в это время инициативу перехватили армии

* Генеалогические таблицы см. с. 355.

в провинциях, и, хотя преторианцы при случае продолжали пытаться сделать правителями своих командиров³, именно роль армии стала определяющей в последующее столетие. В гражданских войнах 68—69 гг. н. э. легионы в Испании, Германии и Сирии выдвинули своих претендентов. В 193 г. такие же попытки предприняли армии на Дунае, в Сирии и в Британии⁴. После четырех лет кровопролития и разорения победил Септимий Север*, кандидат дунайских войск. Утвердившись в качестве единственного правителя Римской империи, он предпринял меры против будущих узурпаторов (таких, как он), ограничив количество войск, которые могли находиться под командованием наместника одной провинции, двумя легионами.

Дунайская армия по численности значительно превосходила другие, и во время последующих схваток за трон в течение III столетия зачастую ее кандидат добивался успеха. Кульминацией стал 235 г., когда на Верхнем Рейне императором был провозглашен Максимиан I — фракиец, начавший службу простым солдатом. Кроме того, дунайская армия выдвигала и потенциальных правителей, которые не смогли утвердиться во власти⁵. Но из добившихся признания императоров многие были иллирийцами, выходцами из придунайских или балканских земель. Деций, рожденный там, но в семье италийского происхождения, правил недолго и неудачно. Зато Клавдий II Готский (268—270 гг.), Аврелиан, Проб, Диоклетиан и Константин, все выходцы из иллирийских крестьян, были людьми исключительной силы и полководческого таланта, предотвратившими несмотря ни на что крушение империи в борьбе с внешними врагами (с. 52 и далее).

Жизненно важными пограничными провинциями, которые объединяли западные и восточные части империи, были Верхняя и Нижняя Паннонии (ныне территории на востоке Австрии, на западе Венгрии и севере бывшей Югославии) и далее на восток Мезия, простиравшаяся до устья Дуная. Именно эти регионы поставляли Риму не только самых талантливых императоров, но и лучших солдат; многие из них

* В этой книге он обычно называется Септимием, чтобы отличать его от Александра Севера и других императоров из этой династии.

служили в огромной армии в тех же областях. К счастью, жители пограничья были патриотами Италии и Рима — в их сердцах жил образ «Вечного Рима» как неразрывно связанного с их родиной. Защищая дунайскую границу, они защищали и свои дома, и Италию одновременно.

В Паннонии, на которой лежало бремя ответственности за оборону границ, процесс романизации коснулся лишь верхних слоев городского населения, а греческое влияние отсутствовало вовсе. До установления римского господства Паннония была экономически развитой и весьма самобытной, о чем свидетельствуют памятники архитектуры и искусства. Но монеты Деция, восхваляющие обе Паннонии и успехи иллирийской армии, демонстрируют понимание местными жителями и солдатами своей особой роли в Римской империи. Из их числа происходили немногие сенаторы, зато офицеры — столпы армии — при поддержке своих земляков могли стать выдающимися императорами.

Рейнская армия в этот период уступала дунайской и по численности, и по важности, хотя ее солдатам приходилось отражать набеги свирепых германцев (с. 50). Они чувствовали, что Рим отдает предпочтение дунайским легионам и не предоставляет им помощь в защите границ. Во время глубокого кризиса солдатам и офицерам рейнской армии казалось, что лучшим выходом из создавшейся ситуации будет выдвижение собственного императора. Поэтому они поддержали Постума, наместника германских провинций, расположенных вдоль Рейна, в мятеже против Галлиена, сын которого был убит по приказу Постума в городе Колония Агриппина (Кельн) в 259 или 260 г. Этот мятеж был лишь одним из многих, но его последствия для Рима стали особенно тяжкими. К Постуму присоединились не только Галлия, но и Британия, и Испания, какое-то время он даже контролировал часть Северной Италии⁶. В течение четырнадцати лет Западная Европа была отдельным большим государством, противостоявшим Риму в холодной войне, иногда переходившей в открытые боевые действия.

Галлиен выпустил золотые медали для своих офицеров и друзей, очевидно, в благодарность за их верность в противостоянии с Постумом

(ов *FIDEM RESERVATAM*). Постум, со своей стороны, отчеканил монеты с несколькими подчеркнутыми упоминаниями германского образа Геркулеса — он принял его как своего божественного покровителя — и с надписью в свою честь как восстановителя величия Галлии. Расчет был на возрастающее галльское самосознание, но на более поздних монетах следы националистического курса отсутствуют, а Постум назван восстановителем мира. Он считал себя истинным римлянином, и в городе Августа Треверов (*Augusta Trevirorum*, современный Трир) — одном из германских центров деловой активности, которые заменили в качестве политических центров расположенные дальше от границы города, — он учредил собственный сенат и назначил консулов, независимых от римских. Терзаемая внешними и внутренними напастями, империя распадалась на части. Надписи на монетах Галлиена («Мир повсюду») и Постума (традиционная — «Счастье века») являются ярким примером несбыточных пожеланий.

Неудобное положение законного императора меж двух врагов отразил заключительный период войны с Галльской империей. Для того чтобы сдерживать Постума и в то же время противостоять внешней угрозе, Галлиен создал мобильную армию, базировавшуюся в Медиолане (с. 60). Но командир столь внушительной армии становился угрозой безопасности Рима. Первый (и вполне компетентный) командир, Авреол, дезертировал от Галлиена к Постуму и впоследствии был объявлен императором (268 г.). В том же году второй командир армии, Аврелиан, стал одним из организаторов заговора, в результате которого был убит Галлиен. Ни один император не мог контролировать все, поэтому эффективное воинское соединение представляло потенциальную угрозу. Неспособность власти решить эту внутреннюю проблему стала одной из главных причин падения империи под натиском внешних врагов.

После поражения Тетрика, последнего из преемников Постума, в решающей битве с армией Аврелиана (274 г.) положение в Галлии осложнилось. В правление Проба вспыхнули еще два бунта. И как сто лет назад, толпы отчаявшихся и нищих людей — безземельных крестьян, беглых рабов и дезертиров — собрались под руководством двух вожаков, строивших достаточно амбициозные планы (285—286 гг.)⁷.

Бунтовщики были сокрушены Максимианом, соправителем Диоклетиана. Но вскоре более серьезное восстание в тех же западных провинциях практически повторило узурпацию власти Постумом. Караузий, морской офицер, происходивший из семьи простых моряков, живших в районе устья Рейна, получил от Максимиана задание охранять Британию от германских пиратов, но вместо этого стал ее независимым императором (286/287—293/294 гг.)⁸. Он нанес поражение Максимиану и получил, можно сказать, официальное признание, отчеканив монеты, где изобразил себя соправителем всей Римской империи. Караузий временно контролировал и северо-запад Галлии, но цезарь (заместитель) Максимиана Констанций I Хлор отнял у него Гезориак (современная Булонь). Позже Караузий был убит своим первым министром Аллектом, который и стал его преемником. Через три года Констанций восстановил в Британии власть империи.

Караузий, желая вести торговлю с Фризией и с прибрежными территориями, чеканил монеты из более качественного серебра, чем бывшие в обращении в Римской империи, но его сепаратное государство в Британии, подобно державе Постума, предпочитало следовать римской традиции. Караузий славил себя как восстановителя Британии, но в этих лозунгах не было никакого национализма. Большинство британских монет декларируют Имперский мир (PAX AVG.), и, конечно же, Караузий гордился своей способностью защитить Британию от вторжений извне. Но если местные правители смогли добиться успеха в борьбе с варварами, то раздоры внутри империи между римскими армиями за власть и необходимость постоянно охранять внутренние рубежи лишь отягощали и без того невыносимое бремя — оборону внешних границ империи.

Римская армия на Востоке уступала дунайской и не отставала в соревновании по провозглашению своих императоров. Авидий Кассий, наместник Сирии и фактический правитель Востока, который пользовался поддержкой своих соотечественников-сирийцев, служивших в войсках на Востоке, в 174 г. поднял восстание против Марка Аврелия (тогда это еще не вошло в обычай). После этого император запретил

назначать наместников из их родных провинций. Другим императором из Сирии был Элагабал (218—222 гг.). Позже немало императоров были приведены к власти восточными войсками⁹, среди них и Филипп Араб (244—249 гг.), сын арабского шейха. Последующие претенденты восходили на престол при поддержке лучников из Осроены (Северо-Западная Месопотамия), на их родине или в местах службы¹⁰.

Но наиболее упорное и длительное сепаратистское движение возникло на Востоке — в городе-оазисе Пальмира (современный Тадмор), откуда рекрутировались лучники. Пальмира, стратегически удачно расположенная в пустыне на перекрестке караванных путей между Сирией и Месопотамией, владела ценными в тех местах колодцами и доступом к зимним притокам Евфрата. Уже к I в. до н. э. Пальмира установила контроль над торговлей между названными странами и взяла на себя организацию и защиту караванов, проходивших по пустыне. Присоединенный в 17 г. н. э. к Римской империи город к 75 г. н. э. был связан с Евфратом дорогой и процветал за счет сбора таможенных пошлин. С начала II в. н. э. в Пальмире располагался мощный римский гарнизон. Септимий и его семья придавали городу большое значение. Пальмира возвысилась, получив статус римской колонии. Юридически обусловленная таким «повышением в чине» утрата военной независимости означала для нее только усиление — многочисленные квазиавтономные формирования конных лучников из окрестностей Пальмиры стали важным элементом римской армии, защищавшей границу с Парфией.

Когда Парфию сменила более мощная держава Сасанидов (с. 38), роль Пальмиры в системе обороны империи стала ключевой. Однако в культурном отношении положение города было двусмысленным. Пальмира, конечно, не была чужда некоторым греко-сирийским тенденциям в архитектуре и в одежде, что роднило ее с Римской империей. Но монументализм, строгая фронтальность, религиозная направленность искусства (подобно позднему византийскому) свидетельствуют о близости к традициям Вавилонии (находившейся под властью Парфии, а потом Сасанидов) и ее городских центров, таких как Селевкия (ныне Тель Омар), расположенная поблизости от столично-

го Ктесифона на противоположном берегу Тигра (к юго-востоку от Багдада) и считавшаяся третьим по значению городом мира. Параллели с искусством Пальмиры обнаруживаются еще восточнее, например в Шами, в горах к северу от Суз (Юго-Западный Иран).

Поэтому, как минимум культурно, Пальмира была ближе к своему восточному соседу. Другая причина для сохранения хороших отношений с Сасанидами была политической: именно их контроль над Персидским заливом в устьях Евфрата и Тигра был весьма важен для пальмирской торговли. Неудивительно, что, когда Шапур I захватил восточные провинции Рима и пленил Валериана (с. 41), правитель Пальмиры Оденат стал искать покровительства победителя и союза с ним (ок. 260 г.), но получил презрительный отказ. Позже Шапуру I, несмотря на очевидные успехи, пришлось сожалеть об этом, ибо после отказа Оденат превратился в стойкого приверженца Рима. Галлиен, оказавшись в отчаянном положении, мог поручить оборону всех восточных рубежей только Оденату. При поддержке лучников из Пальмиры и Осроены и тяжелой кавалерии Оденат дважды смог приблизиться к персидской столице. Пока римское правительство было занято обороной других рубежей, Пальмира установила контроль над территорией от горного хребта Тавр на севере до Красного моря на юге. Сверх того, Оденат фактически стал командующим всей римской армией на Востоке. Для того чтобы бросить вызов Ирану, Галлиен даже позволил Оденату именоваться царем царей¹¹. И еще, к неудовольствию римских наместников восточных провинций, считавших Одената варваром, он получил титулы вождя Востока и императора.

В 266/267 г. Оденат, вынужденный отвлечься от завоевания Вавилонии для отпора готскому вторжению в Малую Азию, был убит. Его вдова, энергичная и хорошо образованная Зенобия (Бат Заббай), с помощью видного греко-сирийского ученого Кассия Лонгина, служившего у нее первым министром¹², решила добиться полной независимости Пальмиры. Не скрывая своего восхищения Клеопатрой, она захватила Египет и большую часть Малой Азии. Ее владения простирались от Месопотамии и почти до Европы¹³. Когда римским императором стал Аврелиан (270 г.), Зенобия раскрыла свои новые замыслы.

Хотя антиримские настроения, вероятно, были на подъеме в Пальмире, она провозгласила своего сына¹⁴, унаследовавшего все титулы отца, *августом*, как это делалось в Риме, а себя нарекла *августой*. Даже Пальмира, став независимым от Рима государством, не могла сойти с наезженной колеи римской идеологии, столь привычной для взбунтовавшегося города.

Когда Зенобия поняла, что Аврелиан принял вызов, она попыталась достичь компромисса теми же методами пропаганды: на монетах снова появились старые титулы ее и ее сына, а на другой стороне — изображение Аврелиана. Но такая уступчивость была уже запоздалой, ибо Аврелиан, провозгласивший себя восстановителем Востока, отбил Малую Азию и Египет и разбил войска под командованием главного полководца Зенобии близ Антиохии и Эмесы (ныне — Хомс). Пальмира поддалась ему, затем восстала и снова была покорена. Зенобия, как и Тетрик (последний узурпатор на западе империи), была оставлена в живых для того, чтобы пройти в золотых цепях в триумфе Аврелиана. Ее город был опустошен. К неудобству римлян — им теперь самим пришлось охранять караванные пути — Пальмира опять стала обычным поселением среди пустыни. Позже Диоклетиан заново отстроил Пальмиру, вернув ей былое величие (с. 148).

С 266 по 274 г. Римская империя была разделена на три независимые части с резиденциями правителей в Августе Треверов на Западе и в Пальмире на Востоке. Законному императору оставалось только то, что лежало посередине. Хотя правители восставших Востока и Запада не забывали о защите от внешнего врага, Аврелиан считал их более опасными для центральной власти даже в период обострения обстановки на границах империи. Поэтому он предпринял дорогостоящие походы вначале против Зенобии, а потом против Тетрика. Когда после немалых трудов империя была воссоединена, Аврелиан наконец-то выступил против Ирана, который, к счастью для Рима, сам страдал от внутренних неурядиц и был не в силах поддержать Зенобию. Но во время похода Аврелиан, как и многие до и после него, пал от кинжала убийцы.

Довольно длинный перечень восстаний и узурпаций власти продолжал пополняться¹⁵. В Египте греческие и эллинистические писате-

ли давно высказывались против тирании, несправедливости, алчности и слабости Рима, называя его императоров некультурными, похотливыми юдофилами. Во многих других провинциях — часто без подобных громких антиримских высказываний — также происходили случаи измены и посягательств на власть Рима. Редкие территории не имели сепаратистских течений и своих кандидатов на престол. Диоклетиан стремился навести порядок, удвоив количество провинций и увеличив число законных императоров (с. 98). Однако хаос, царивший в империи, связывал римским правителям руки, а им требовались все силы, чтобы выдержать усиливающееся с каждым годом тяжкое бремя военных действий на границах империи.

Кризис на границах империи

В обороне нуждались многие участки границы, но единственной мировой державой среди врагов Рима долгое время был его восточный сосед. До III в. н. э. полуфеодалное ираноязычное Парфянское царство под властью династии Аршакидов контролировало Месопотамию, Иран и — не столь прочно — некоторые земли к северу и востоку от него. Парфия граничила с Римской империей по Евфрату. Такое близкое расположение границы Рима к Средиземному морю делало ее весьма уязвимой¹⁶.

Хотя продолжительность боевых действий, как бы дорого они ни обходились, составляет только одну шестую часть истории сосуществования двух держав, между ними сохранялись напряженные отношения. Парфяне нападали на Сирию, а Рим, в котором всегда были «ястребы», подстрекавшие императоров подражать примеру Александра Македонского, предпринял немало вторжений на парфянскую территорию. Иногда они оборачивались катастрофой; под Каррами (нынешний Харан) Марк Красс потерял и свою армию, и свою жизнь (53 г. до н. э.). В то же время многие походы оказывались успешными. Например, Траян овладел парфянской столицей Ктесифоном и расположенной на другом берегу Тигра Селевкией (115 г. н. э.), и даже даровал парфянам марионеточного монарха (REX PARTHIS DATVS, с. 37). Но подобные победы, весьма дорогостоящие в отношении как чело-

веческих потерь, так и финансовых ресурсов, никогда не давали Риму преимущества надолго. Единственным решением проблемы стало бы полное уничтожение одной державы другой, а это было не по силам ни их армиям, ни их бюджетам.

Основным направлением римской внешней политики стало осуществление контроля над северными сателлитами Парфии. Долгое время полем битвы служили нагорья Армении — страны, которая не имела четко определенных рубежей и простиралась от Северной Месопотамии до Большого Кавказа, а на западе, в верховьях Евфрата, граничила с Римской империей. В течение нескольких столетий две соперничающие державы вторгались в Армению или провоцировали там перевороты, с тем чтобы иметь на армянском троне марионеточного правителя, который служил бы интересам той или иной державы. И Парфия, и Рим при этом боялись видеть Армению вне своего влияния, считая, что в руках соперника она превратится в кинжал, нацеленный им прямо в сердце. Но, несмотря на все затраченные усилия, ни одна сторона не добивалась своего на сколько-нибудь длительный период. Дипломатические договоренности, достигнутые при Августе и при Нероне, не считались гарантией, потому что влиятельные люди в римском обществе — в аристократии и военных кругах — требовали не компромисса, а полной победы. Изображения на монетах империи однозначно свидетельствовали, что слава считалась важнее практических результатов. Император, не способный или не желавший вести широкомасштабные войны на границах, вскоре мог пасть от рук своих же подданных: так сложились судьбы как минимум трех императоров¹⁷. Поэтому попытки решить конфликт дипломатическим путем были редкими, осторожными и недолговечными.

Римские императоры все большее внимание обращали на Месопотамию, считая захват этой страны ключевым для завоевания армянских нагорий и нанесения решающего удара по Парфянскому царству. Собственно стратегически важной частью Месопотамии римляне считали не все междуречье Тигра и Евфрата, а только его северо-западную часть (сейчас территории Сирии, Ирака и азиатской Турции). Эти земли, подвергшиеся интенсивной греческой колонизации при наследниках

Александра Македонского, представляли собой важное связующее звено между Сирией и лежавшими далее на юго-восток пустынями. Кроме того, оккупация их римскими войсками давала возможность, во-первых, пройти половину пути к важнейшим городам Парфянского государства, во-вторых, нападать на Армению сразу с двух сторон. Поэтому Траян и аннексировал эту территорию: создал новую провинцию, названную Месопотамией, и, овладев Арменией, не назначал туда по традиции марионеточного царя, а превратил ее в еще одну римскую провинцию. Траян, убежденный сторонник завоеваний, присоединил к империи даже Ассирию (Адиабену) на восточном берегу Тигра, а южной части Междуречья даровал марионеточного «парфянского царя». Траян намеревался сделать эти завоеванные земли передним краем, находившимся между противником и традиционной линией обороны. Но после его смерти император Адриан решил, что аннексии не давали империи никаких преимуществ, и вернулся к прежней политике контроля над буферным государством — Арменией — с подконтрольным Риму царем. Другим сателлитом, поддерживаемым Римом, стала Осроена, находившаяся непосредственно на восточном берегу Евфрата, столицей которой был город Эдесса (Урфа в современной Турции). Адриан, возможно, был прав: постоянный контроль над Месопотамией стал бы слишком дорогостоящим даже для римской казны. Парфяне могли двинуться вверх по течению, используя в качестве прикрытия пустыню на левом фланге и горные территории — на правом. В этом случае римлянам удержать провинцию оказалось бы весьма трудно. Но тактическое отступление не вынудило Адриана окончательно отказаться от идеи римского присутствия в этом регионе, поэтому, как и в предыдущие столетия, на границе возобновились постоянные мелкие стычки.

Во время очередного государственного переворота в Армении, организованного Парфией, в бою погиб наместник римской провинции Каппадокии, выполнявшей роль буфера между Востоком и Малой Азией. Марк Аврелий направил своего соправителя Луция Вера командовать военными действиями против Парфии (163—166 гг.). Как и ранее, столица парфян была разрушена, а Эдесса вновь перешла под

протекторат Рима. Скорее всего, именно тогда римляне захватили город Дура-Европос (Салахия), расположенный на Евфрате, ниже устья реки Хабур, укрепили его и разместили там гарнизон. Город основали греки, но к тому времени он находился в орбите парфянской культуры: здесь сплавливались в одно целое различные языки и культуры. Теперь он стал южным форпостом римской провинции Месопотамии¹⁸. Война завершилась, и на Востоке почти на тридцать лет воцарился мир.

В 195 г. парфяне, пользуясь тем, что Римская империя была охвачена гражданской войной, снова вторглись в Месопотамию. Через три года римляне, уже под властью Септимия, опять взяли в осаду вражескую столицу, и провинция Месопотамия вернулась под власть Рима, хотя Септимию не удалось овладеть Гатрой — арабской крепостью в пустыне. Чтобы усилить влияние империи, в регионе разместили как минимум четыре поселения ветеранов римской армии. Историк Дион Кассий, хотя и ни в коей мере не враг Септимию, подверг критике эти дорогостоящие завоевания¹⁹. Но Каракалла, охваченный желанием подражать Александру Великому, считал иначе. Строя амбициозные планы, он подумывал о женитьбе на дочери парфянского царя Артабана V (подобная мысль была новой для римских императоров). Но царь не одобрил его предложение, и оно осталось одним из «если бы» мировой истории. Каракалла вернулся к традиционной стратегии завоевания Междуречья, на этот раз прибегнув к похищению царей Армении и Эдессы. Каракалла переправился через Тигр в Ассирию, но накануне решающей битвы он был убит (217 г.). Его преемник Макрин, преподнеся диадему Армении кандидату от Парфянского царства, проявил слабость, за что поплатился: его войска дезертировали, а сам Макрин был казнен.

Но произошло событие — ключевое для того века, — впоследствии доставившее Риму немало неприятностей. На протяжении предыдущего столетия мощь Парфии иссякала. Этому способствовали постоянные войны против Римской империи, а вторжение Септимия стало сокрушительным ударом²⁰. Они ослабили власть парфян над вассала-

ми. Один из них — Ардашир (Артаксеркс), правивший из Персеполя **землями,** простиравшимися от Персидского залива до современного Исфахана, — вторгся на земли парфянских царей, сверг Артабана V (223—226 гг.)²¹ и основал новую династию — династию Сасанидов, назвав ее по имени своего деда Сасана.

Столицей нового государства остался Ктесифон, но священным городом был Истахр (возле Персеполя). Почти восемь столетий назад, когда великая династия Ахеменидов сменила у власти мидян, первенство в политике перешло от северных иранских племен к южным. Теперь повторился тот же сценарий. Сасаниды нарочито подчеркивали свою связь со славным прошлым Ирана, однако сохранили политические институты и культурные традиции, существовавшие у их непосредственных предшественников — парфян. Это не помешало династии Сасанидов создать государство более мощное, чем Парфянское царство. Отказ от греческих образцов для чеканки монеты нового государства был знаком националистической направленности политики Сасанидов²². Значительно усилилась централизация власти, как в бюрократическом аппарате, так и среди зороастрийского жречества, для которого характерна нетерпимость к иноверцам. В Иране была создана стабильно функционирующая государственная машина. Уважая права парфянской знати, Сасаниды в противовес им создали новый класс знати — не столь высокопоставленной, зато зависимой непосредственно от них.

Тесное взаимодействие с народами окраинных территорий Ирана позволило Сасанидам спасти греко-римский мир от нашествий орд кочевников — остановить их на далеких северных и восточных границах своей державы. В этом Сасаниды ничем не отличались от римлян — раздираемые внутренними раздорами, они также были вынуждены постоянно сдерживать натиск варваров. Однако Рим видел в возрастании военной мощи восточного соседа большую угрозу, чем в набегах орд германцев, из-за лучшей скоординированности действий. Армия Сасанидов, пополнив ряды традиционной для парфян тяжеловооруженной кавалерии (конники были одеты в кольчуги) за счет новой знати, стала самой современной и мощной на то время. Римляне, отдав должное

этому роду войск, создали и у себя нечто подобное, но уже не могли ни отбросить своего восточного соседа на прежние позиции, ни хотя бы усмирить его. Военные действия на Востоке, бывшие до того отчасти «роскошью» для Римской империи, теперь стали жизненно необходимыми и финансово чрезвычайно обременительными.

Сасаниды были сильны и жаждали расширения своих владений. Заявляя о восстановлении границ времен Ахеменидов, они считали своим долгом отобрать у Римской империи все земли к востоку от Эгейского моря. Именно с этой угрозой и пришлось столкнуться императору Александру Северу, не имевшему никакого военного опыта. В 230 г. Ардашир захватил Месопотамию. И хотя Гатра, та самая крепость посреди пустыни, на тот момент занятая римским гарнизоном, выдержала осаду персов²³, в некоторых восточных гарнизонах вспыхнули мятежи. Александр Север предпринял ответное наступление сразу в трех направлениях, но не добился успехов, при этом из-за суровых климатических условий потерял много людей. Потери, которые понесли иранские войска, были не меньшими, поэтому римлянам удалось на время вернуть провинцию Месопотамию. Но шесть лет спустя, в правление Максимиана I, провинция была потеряна снова, города Нисибин и Карры стали добычей Сасанидов.

Осложнение ситуации на востоке Римской империи произошло, когда на престол Сасанидов взошел Шапур I (ок. 239—270 гг.), принявший провокационный для римских императоров титул «Царь царей Ирана и не Ирана». После Ганнибала Шапур I оказался самым опасным врагом Рима за всю его историю. Он провел три широкомасштабные военные кампании: первую в правление Гордиана III в 242—244 гг., вторую — между 250 и 256 г., третью, положившую конец правлению Валериана, — в 259/260 г. Повествование Шапура I о победах, высеченное на камне на трех языках в Накш-и-Рустам возле Персеполя²⁴, не сравнимо с той скудной информацией, которую находим у греческих и латинских авторов. Его утверждение о том, что он покорил тридцать семь городов, очевидно, соответствовало действительности. Под его власть перешли города Месопотамии: Карры, Нисибин (ок. 254 г.), Дура-Европос (255—258 гг.)²⁵, Эдесса (ок. 260 г.), Гатра. Шапур описал

победу над римлянами в генеральном сражении у Барбалисса к юго-востоку от города Алеппо (Халеб). Рим потерял не только Месопотамию, но и Армению. Шапур I один раз, если не дважды, устанавливал свою власть над Антиохией²⁶, а в пику Траяну, поставившему марионеточного царя Парфии, он возвел здесь на трон марионеточного римского императора. Шапур I захватил даже цезарей в Каппадокии (Кайсери в современной Турции), разорив Малую Азию и Сирию с жестокостью, которая дает основания полагать, что он, несмотря на ряд громких заявлений, не планировал их аннексировать. Такая свирепость охладила врагов Рима, радовавшихся успехам Шапура I. Хотя царь имел репутацию человека храброго, щедрого и высокообразованного, он совершал ошибки. Такой ошибкой оказался и отказ от помощи сильнейшего из его возможных союзников в том регионе — Пальмиры (с. 33).

Пять рельефов, высеченных в камне на склонах гор в области Фарс в Иране, изображают трех римских императоров на различных этапах военной и политической деградации²⁷. Римские монеты, напротив, время от времени сообщали о достигнутых победах. Но юный Гордиан III, столь же неподготовленный к ведению войны, сколь и Александр Север, лишился жизни в Месопотамии во время похода на Иран (244 г.). На одном из монументов Шапура I Гордиан III изображен павшим ниц, из чего следует, что он либо погиб в бою, либо был убит своими же солдатами. Ходили слухи, что виновен в его смерти Филипп Араб, префект претория, ставший после Гордиана III императором. В любом случае, Филипп не продолжал военные действия. Он заключил мир с Шапуром I, удержал за собой провинцию Месопотамию, бескровно вывел войска из Армении и уплатил царю значительную денежную сумму. Хотя в таком решении были свои преимущества, сохранять контроль над Месопотамией без Армении было весьма трудно. Дипломатический выход из сложившейся ситуации дал повод иранцам считать, что Филипп согласен с их претензиями: на том же рельефе, где Гордиан III изображен павшим, Филипп Араб имеет вид просителя. Но куда худшей была судьба Валериана, плененного Шапуром I. Легенда говорит о том, что император попал в засаду, хотя, возможно, он бежал от собственной взбунтовавшейся армии. Как и многие римские солдаты,

содержавшиеся в специальных поселениях, Валериан навсегда остался пленником царя. Рассказ об этом самом позорном в римской истории событии неоднократно повторялся в иранских источниках. Галлиен, сын Валериана, или не сумел вызволить отца из плена, или не пытался. Упоминания о Валериане постарались стереть отовсюду.

После смерти Шапура I Сасаниды сохраняли контроль над Арменией и Месопотамией, но внутренние неурядицы ослабили их натиск на Запад. В частности, они практически не воспользовались временной независимостью Пальмиры от Римской империи (с. 34). Когда римляне восстановили свою власть над Пальмирой, император Карвернул провинцию Месопотамию и захватил столицу Сасанидов, но вскоре (в 283 г.) погиб от удара молнии (но, скорее всего, в результате очередного заговора). Потом царь Ирана Нарсес (292—302 гг.) объявил войну Риму, разгромил соправителя Диоклетиана цезаря Галерия и опять установил контроль над Месопотамией²⁸. Однако, когда Галерий нанес Сасанидам поражение в Армении и даже захватил в плен жен и детей иранского царя, Нарсес вынужден был покинуть все завоеванные территории и просить мира. Договор подтвердил права Римской империи на все спорные земли, хотя теперь граница проходила севернее. Форпостом римлян вместо Дура-Европос стал город Киркесий (возле Бассиры). Эти рубежи оставались неизменны вплоть до времен Мухаммеда. Римская империя на время получила преимущество, а Нарсес признал сферой ее влияния Армению и другие земли на Кавказе.

Однако мир длился недолго. Старая практика «перетягивания каната» возобновилась, причем Риму необходимо было выставлять против державы Сасанидов все большую армию. Шапур II (310—379 гг.), восстановивший центральную власть после периода внутренних междоусобиц, когда Армения перешла в христианство, оккупировал ее, но вскоре отступил, а на армянский престол Константин Великий посадил своего юного родственника. Политика контроля над Арменией путем назначения выходцев из императорской династии не имела успеха, и борьба за Армению и Месопотамию продолжилась. Армения была разделена между соперниками (384—387 гг.), но в VII веке полностью

попала под власть Арабского халифата, покорившего и Сасанидский Иран, и восточные части Византийской империи. К тому времени обе державы заметно ослабели от войны с нечастыми перерывами, которая длилась семь столетий.

Границы усиленно охранялись. Вдоль границы до Петры через пустыню мимо Пальмиры и Босры Диоклетиан возвел, а кое-где восстановил, хорошо укрепленные форты с квадратными башнями и потерями (подземными выходами), построил новые дороги и оружейные мастерские²⁹. Далее на север, в междуречье Тигра и Евфрата, поделенном между Римом и государством Сасанидов, также были созданы мощные фортификационные сооружения. Впечатляющие оборонительные валы тянулись на 470 миль. Иран тоже имел свои мощные укрепления — это был своеобразный глухой барьер между двумя мирами. Однако у народов по обеим сторонам границы было много общности, где бы ни пролегли оборонительные линии, общность разделенных ею людей оставалась. В тщательно разработанных церемониалах римского и иранского дворов было много схожего, а в периоды редкого напускного дружелюбия в их отношениях император и царь называли друг друга братьями. Но оба правителя отвергали мирные отношения (вопреки возможности вести торговлю предметами роскоши через Пальмиру, Петру и Александрию) в пользу поддержания нескончаемого противостояния.

Войны с Парфянским царством отчасти носили характер игры: кампании закаляли римские войска, а императоры получали почетные титулы и овации. Но становление державы Сасанидов превратило военную игру в смертельно опасное занятие. После ударов, нанесенных Риму Шапуром I, когда соперничество скатилось до привычной свары за обладание Арменией и Месопотамией, римляне наконец осознали, что это более сильный враг. Поддержание спокойствия на границах и военные походы, необходимые для удержания своих позиций, а также снаряжение для армии требовали огромных, невиданных расходов.

Армии, отправляемые на Восток, были самыми многочисленными в истории Рима. Для этого отзывались войска с северных границ. Вскоре снова возникла необходимость перебросить войска с Рейна или

Дуная, а вместе с ней угроза заставить Рим вести войну на два фронта, если племена, жившие по ту сторону этих рек, воспользуются уменьшением численности римских войск.

Почти вся северная граница империи проходила по Рейну и Дунаю, за исключением двух «бастионов» — выступов границы к северу — Декуматских полей между верхним Рейном и верхним Дунаем и Дакии на левом берегу в низовьях Дуная³⁰. К востоку от северных границ Рима жили независимые даки, народ фракийской группы, и племена, принадлежавшие к многочисленному ираноязычному народу сарматов — умелые лучники и создатели великолепных произведений степного «звериного» стиля, которые зачастую проживали в тех землях. К северу от западной части этой границы, как и во многих областях внутри Римской империи, обитали германцы. Их можно было встретить по всей длине границы, проходившей по двум рекам, от Аквинка (Будапешта) до устья Рейна.

Главные боги германцев покровительствовали войне. Однако эти народы занимались и земледелием, и животноводством³¹ и постепенно, хотя не имели городов и были подвержены междоусобицам, выработали систему государственного управления. Управляли ими короли или несколько вождей, в той или иной степени зависимые от народного собрания (тингга) своего племени. Тацит придерживался того взгляда, что свобода германских народов представляла большую опасность для Рима, чем деспотизм парфянских царей. Но действительно серьезной эта угроза стала лишь во II в. н. э., когда оказалось, что германские племена способны координировать свои военные действия, образуя большие коалиции или конфедерации. В их руки попадало немало золота: от самих германцев, служивших Римской империи, от торговли в пограничных областях, отчасти потому, что римляне предпочитали видеть свои границы окруженными «санитарным кордоном» из полунезависимых государств, правителей которых Рим был готов субсидировать, несмотря на непопулярность такого курса среди некоторых представителей римской аристократии.

Сначала напряженная ситуация возникла на римской границе, проходившей вдоль Рейна. Во II в. н. э. центр противостояния сместился на Дунай, в то время охранявшийся уже десятью легионами, тогда как на Рейне их стояло всего четыре. Непокойная обстановка на Дунае усугубилась в правление Марка Аврелия — события развивались словно лавина и навсегда изменили облик империи. Ибо за долгий период относительного спокойствия довольно примитивное сельское хозяйство германцев перестало удовлетворять потребности возросшего количества населения. Они жаждали новых земель и хотели оставить свои поля, расчищенные в лесной и болотистой местности, ради более плодородных земель на территории империи. Впервые германцы вознамерились завоевать римские владения для того, чтобы поселиться там самим. В то же время народы, обитавшие близ римских границ, оказались под давлением с другой стороны. На севере «варварских» земель происходили конвульсивные передвижения людских масс: большие группы племен, живших на побережье Балтийского моря, переселялись на земли в бассейне нижнего Дуная, где обитали сарматы и независимые от Рима даки.

В 166 г. положение ухудшилось. Инициативу в свои руки взяли маркоманы, жившие в Богемии (современная Чехия), которые торговали с Римом интенсивнее, чем другие их соплеменники, и, таким образом, испытали большее влияние римского общественного устройства. С территории между Дунаем и Тисой (сейчас это восток Венгрии и север Сербии), не принадлежавшей Риму, перешло в наступление и одно из сарматских племен³². Угроза становилась более серьезной, и хотя римские чиновники в провинции ожидали и давно уже научились сдерживать эту угрозу, из-за того, что Рим отвлекся на войну с парфянами, его ответные действия слишком запаздали (с. 37).

Война с варварами, начавшаяся на Дунае при Марке Аврелия, была ожесточеннее, чем раньше (поэтому императору пришлось лично командовать римскими войсками), и длилась почти четырнадцать лет — до конца его правления. Хронология военных кампаний неясна, но Рим потерпел два тяжелых поражения, оба — если верить одной из

существующих версий — в 170 г. Сначала германцы проникли в провинции в верховьях Дуная (Реция и Норик) и в область среднего течения Дуная, где на римском берегу простиралась равнина — желанная добыча для захватчиков. Перейдя через Альпы в Италию, они сожгли город Опитергий (к северо-востоку от современной Венеции) и осадили Аквилею. Потом, а может и почти одновременно, германское племя из района Карпат через Нижний Дунай прошло почти весь Балканский полуостров, очевидно, до самых Афин, так как они разграбили даже Элевсин³³. Войска Марка Аврелия, обездвиженные чумой, принесенной с Востока, постепенно и не без труда восстановили контроль над ситуацией, проведя серию кампаний, поставивших империю на грань финансовой катастрофы.

Теперь у Марка Аврелия было два выхода из кризисного положения. Во-первых, можно было впустить большое количество германцев в пределы империи в качестве поселенцев. Это позволило бы снизить их давление на римские границы. При этом иммигранты обрабатывали бы земли, которые, из-за неравномерной заселенности империи, в любом случае не приносили урожая. Из них можно было набирать и солдат для армии. Такой импорт северных племен в пределы империи не был чем-то новым — Август таким же образом, очевидно, умиротворил приграничные территории, позволив пятидесяти тысячам варваров поселиться во владениях Рима. Нерон, как представляется, позволил переселение на земли империи вдвое большего числа варваров. Но со времен Марка Аврелия подобная иммиграция стала носить систематический характер. Поселенцы, за которыми надзирали специальные чиновники, получали статус свободных, что было выгодно Риму по многим причинам, распределялись между римскими землевладельцами или арендаторами императорских латифундий и официально прикреплялись к своим земельным наделам. Императоров, организовывавших переселения по такой схеме, обвиняли в варваризации Римской империи. Но эти переселения способствовали спаду националистических настроений и предоставляли Риму земледельцев и солдат, которые пригодились империи позднее, когда она боролась за выживание.

Другим возможным решением для Марка Аврелия являлась аннексия варварских земель. Он намеревался занять землю между Дунаем и Тисой, а также смежные территории и преобразовать их в римскую провинцию Сарматия, таким образом сократив и укрепив границу, которая тогда уже доходила бы до хребтов Карпатских гор. Он предполагал также аннексировать Богемию, включая соседние земли (часть современных Моравии и Словакии), и создать там провинцию под названием Маркомания. Подобная экспансия на север заменила бы границу по Дунаю на более удобную оборонительную линию в Судетах и Карпатах. Такая стратегия подготовила бы почву для дальнейшего продвижения на север, в ходе которого протяженность границы могла бы стать еще короче. С такой же целью Август в свое время пытался завоевать Германию, планируя границу по Рейну и Дунаю заменить границей по Эльбе и Дунаю, причем самые опасные германские племена оказались бы в пределах Римской империи.

Август потерпел неудачу, так же как и Марк Аврелий. Первую попытку осуществить вышеизложенный план завоеваний пришлось отложить из-за восстания на востоке империи (175 г.)³⁴, а вторую прервала его смерть. Очевидно, под влиянием Саотера, выходца из Вифинии, которому эти земли, наверное, казались чуждыми и малопривлекательными, император Коммод, сын и наследник Марка Аврелия, оставил эту идею, а германцы, по достигнутым договоренностям, должны были вести себя мирно. Следование политике Марка Аврелия могло изменить ход истории Центральной Европы, потому что империя имела шанс получить более пригодные к обороне границы и многочисленных земледельцев и защитников в лице германцев. Марк Аврелий проявил стремление к романизации варваров, когда запретил большому племенному союзу, на чьи земли он имел виды, переселиться на территорию, куда его власть не распространялась (179 г.)³⁵. При этом завоевания утяжелили бы бремя расходов на управление, развитие и оборону империи. Поэтому Коммод и его советники и решили, что осуществить аннексию невозможно. Это решение оплакивали авторы-«ястребы», ненавидевшие нового императора. Дальнейшая экспансия Рима действительно скорее создала бы новые проблемы,

чем разрешила старые, а расходы на нее явно не соответствовали ресурсам империи, и так уже используемым на пределе возможностей.

Тем не менее обстановка на северных границах оставалась беспокойной. На протяжении следующих нескольких десятилетий неприятности Риму доставляли жившие на левом берегу Нижнего Дуная независимые даки³⁶, которых потревожило перемещение Марком Аврелием германских племен.

Позже, в правление Каракаллы, особенно серьезная опасность возникла западнее, в регионе Декуматских полей, расположенных в истоках Рейна и Дуная. И здесь в результате военных кампаний Марка Аврелия различные племена и роды образовали весьма грозную федерацию аламанов (*Alle Männer* — все люди) — от этого слова происходит название Германии во французском, испанском и португальском языках. Передвинувшись под давлением других племен из района Бранденбурга на запад, аламаны стали представлять угрозу выступающей территории между верховьями Рейна и Дуная. Каракалла, любивший использовать в политике предателей и провоцировать междоусобные раздоры среди германских племен, нанес аламанам поражение на реке Майн. Он же ввел в моду и подражание германцам. Сам Каракалла носил германскую одежду (его прозвище *Каракалла* происходит от названия германского или кельтского плаща), а его убийство объясняли — справедливо или нет, неизвестно — предпочтением, которое он отдавал солдатам германского происхождения, в то время игравшим важную роль в римской армии.

Каракалла также предоставлял обильные субсидии золотой монетой германским племенам, жившим по ту сторону северных границ. Подобная политика, вероятно, обходилась дешевле, чем военные действия, но все же подвергалась жесткой критике. Ибо, когда юный Александр Север, ослабивший северные гарнизоны ради укрепления восточных рубежей, направился в Могунциак (современный Майнц) и попытался откупиться от германской агрессии, за излишнюю для римского императора дипломатичность он был убит своими же солдатами (235 г.). Его преемник Максимин I, сам выходец из фракийских крестьян, популярный в определенных кругах за пределами империи, восстановил

мир по линии Рейна и Верхнего Дуная. Но его последующие походы на северо-восток против сарматов и даков не имели успеха из-за гражданской войны, в которой Максимин был убит (238 г.).

С появлением в этих регионах новых германских племен, более грозных, чем какие-либо из известных римлянам, давно беспокойная ситуация стала резко обостряться. Народы, обитавшие на северных берегах Нижнего Дуная, подвергались все возрастающему натиску с отдаленных территорий. Причиной этого была миграция племен, живших на Балтийском побережье, к низовьям Дуная, где уже размещались сарматы и независимые даки. Одним из этих племен были готы. Долгий путь на юг этого германского народа потом веками воспевался в сагах. Около I в. до н. э. началась миграция готов из Скандинавии. Сначала они поселились в низовьях Вислы, а после 100 г. н. э. двинулись на юго-восток и, подгоняемые сарматами, разместились неподалеку от устья Дуная³⁷. Во время миграций в Северном Причерноморье готы приобщились к эллинистической и сарматской культурам и переняли принципы политического единства, которые передали и остальным германцам. Кроме того, готы, не знавшие тактики боя и искусства осады, многое переняли из военной науки римлян³⁸.

В 230-х гг. готы начали прорываться через границу на нижнем Дунае. Первые набеги могли происходить еще в правление Александра Севера. В 238 г. они переправились через реку и получили от Рима субсидию. Однако во времена Филиппа Араба римляне не захотели или не смогли больше платить, и рассерженные готы, соблазненные раздорами в Римской империи и попытками узурпации власти³⁹, опять перешли через Дунай и подступили к стратегически выгодно расположенному Маркианополю (Провадия, к западу от Варны), который едва мог выдержать их натиск (248 г.). Полководец Филиппа Деций подавил бунт и отбросил готов столь успешно, что войска провозгласили его императором. Но укрепленная граница на Дунае, восстановленная Децием, оказалась неспособной сдержать готов, которыми руководил выдающийся вождь Книва, чьи масштабные замыслы обернулись самыми грозными бедствиями для Римской империи. Готы взяли Филиппополь (современный Пловдив), лежавший далеко к югу от границы, и ис-

требили все его население. Затем под Абриттом в Добрудже (приморская часть современной Румынии) сам император пал в битве с Книвой, возможно преданный Галлом, его преемником (251 г.).

Итак, на севере, так же как и на востоке, появился враг, представлявший для империи серьезную угрозу. Две враждебные силы, противостоявшие Риму на двух фронтах, получали преимущество от действий друг друга. А империя столкнулась с огромной опасностью и необходимостью нести невиданные, бесконечные расходы. Война на два фронта была не по силам ни одному императору; катастрофы на восточной границе не уступали тем сокрушительным поражениям, которые римляне понесли от германских орд. Германцы вторгались в пределы империи значительно чаще, чем до того, прорывались на многих участках границы, были лучше организованы — римляне не могли противостоять им. Империю опустошали чума и внутренние междоусобицы, Сасаниды грабили римские провинции на востоке, а готы с помощью другого восточногерманского народа — бургунов, теперь вторгались не только на Балканский полуостров, но и в Малую Азию, дойдя до Эфеса на юге и до Центрального плато на востоке (253 г.). Сверх того, готы, обзаведясь флотом в греческих городах на Черном море, пустились в пиратские экспедиции, разоряя богатые приморские города, такие как Халкидон (Кадикей в современной Турции). Их набегам с моря подверглись даже Трапезунд (Трабзон) на южном берегу Черного моря и Пантикапей (Керчь) в Крыму, что нанесло сильный удар по снабжению Римской империи продовольствием⁴⁰.

Другие племена, жившие к северу от римской границы, объединили усилия и широким фронтом двинулись на империю. Среди них были франки — грозная конфедерация, объединившая разрозненные племена, мигрировавшие от низовий Эльбы к Рейну. Частыми атаками (отряды по тридцать тысяч бойцов, идущие плотным строем) франки прорвали римскую оборону, пронесли по Галлии и Испании, разрушив Тарракон (современную Таррагону), и дошли до побережья Северной Африки.

Поскольку один человек не мог управлять войсками на двух фронтах, армия Римской империи была разделена между двумя командующими — это предвосхитило позднейшее разделение государства на Западную Римскую империю и Восточную (Византию)⁴¹. Император

Валериан принял под свое начало войска, выступившие против Ирана, а его сын Галлиен возглавил оборону на Западе. Валериан сгинул в плену, а Галлиен продолжил борьбу. Тем не менее вторжения германцев с севера и отделение западных провинций под предводительством Постума (с. 29) заставили римлян эвакуироваться с ключевого плацдарма на севере, которым и овладели германцы. Это были те самые Декуматские поля, прикрывавшие территорию между верховьями Рейна и Дуная. Оставленные земли римлянам больше не удалось вернуть, а граница теперь проходила по Рейну — от устья до озера Констанц (ок. 259/260 г.)⁴². Хотя ни Галлиен, ни Постум не смогли вернуть Римской империи этот участок, ставший для врага лакомым куском, Постуму удалось сдержать франков и аламанов и не допустить их в Галлию. Галлиену пришла в голову более интересная идея: он позволил маркоманам, жившим в Богемии, создать свое государство, располагавшееся частично по римскую сторону дунайской границы, и даже заключил что-то вроде брака с дочерью вождя маркоманов (ок. 260 г.).

Но вскоре Галлиен, единственный на тот момент законный император, столкнулся со столь же опасной германской угрозой с северо-востока. Используя в качестве матросов герулов, недавно переселившихся в область Северного Причерноморья, готы собрали невиданное количество кораблей и воинов в устье Днестра (268 г.). Греция и Малая Азия вновь подверглись опустошению. Восстановить последовательность событий нелегко, потому что авторы, не любившие Галлиена, предпочитали приписать всю славу его преемнику. Вероятно, нападавшие, возвращаясь домой по суше, на территории Балканского полуострова встретили именно Галлиена. Он отрезал германцам пути к отступлению и разбил их в самой кровавой битве III столетия под Наиссом (Ниш в современной Сербии), оставив на поле боя пятьдесят тысяч врагов⁴³. Затем Галлиен вернулся к своей нетрадиционной политике «экспериментов» с германцами, о которых упоминалось выше, и пожаловал знаки консульского достоинства сдавшемуся в плен вождю герулов. Но продолжать свой курс Галлиену помешала имена — он был заколот своими же офицерами.

Однако начало было положено — вероятно, но Римская империя сумела нанести германцам немало серьезных поражений. Когда аламань

вторглись в самую Италию, Клавдий II (268—270 гг.) разбил их при озере Бенак (теперь — Гарда), а затем наголову разбил готов, за что получил прозвище Готский⁴⁴. Изгнание готов из империи завершил Аврелиан. Тем не менее другие германские народы через перевал Бреннер продолжали просачиваться в Италию. Но и они, добившись успехов вначале, потерпели поражение от Аврелиана в битвах под Фанум Фортунаэ (Fanum Fortunae, нынешний Фано) и Тицином (теперь Павия) в 271 г. Военнопленные и их семьи были распределены между владельцами покинутых виноградников в Этрурии. На северо-востоке, однако, Аврелиан решил отступить. Задунайскую провинцию Дакию, в которую проникали орды варваров, удерживать было очень трудно, поэтому император навсегда покинул эту провинцию (ок. 271 г.), сократив и укрепив границу⁴⁵.

Через несколько лет император Проб столкнулся с многочисленными племенами германцев, напавших на Галлию с трех направлений в 276—277 гг. Разобравшись блестяще с этой проблемой, Проб отправился спасать положение на Балканах. Поселившиеся там (территория нынешней восточной части Венгрии) вандалы — германский народ — вскоре выступили в поход на юг. Проб возобновил политику размещения варваров с севера на территории римских провинций. Но, несмотря ни на столь щедрые уступки, ни на то, что жажда земли других германских племен отчасти была утолена оставленными Римом Декуматскими полями и Дакией, вторжения германцев не прекращались. При императоре Таците (275—276 гг.) произошли новые набеги на Малую Азию, а Максимиану дважды пришлось отбивать нападения на Галлию. Максимиан переправился через Рейн и дошел до Северного моря после того, как германцы потерпели ряд поражений от его цезаря Констанция I Хлора. В результате франки стали буфером между Римом и остальной Германией. В последующее десятилетие Галерий также добился успеха в борьбе против маркоманов и сарматов, а Константину пришлось разбираться с франками и аламаннами (306 и 328 гг.). На восточном участке границы вместо земельного вала он построил каменную стену от Аксиополя (современная Чернавода на Дунае) до города Томис на Черноморском побережье (Констанца в Румынии). Эти укрепления помогли Константину разбить наголову готов, опять ставших угрозой для Рима (334 г.).

Константин часто набирал в армию германцев и продвигал их по службе: из их числа происходило большинство его солдат и полководцев (с. 63). Таким образом, германская угроза на границе обернулась возможностью укрепить мощь Рима. Константин также продолжил политику привлечения варварских племен в качестве земледельцев на опустевшие территории и добился мира для одного поколения римлян. Однако после 350 г. франки и аламаны, используя желание соперников по гражданской войне внутри империи заручиться у них военной поддержкой, захватили прочные плацдармы на римском берегу Рейна. А сокрушительный разгром войск императора Валента вестготами у Адрианополя (Эдирне в современной Турции) в 378 г. отныне открыл путь в балканские провинции для переселенцев с севера⁴⁶. С того времени на территории Римской империи с ее согласия возникало все больше германских государств. Границы по Рейну и Дунаю окончательно ушли в прошлое после того, как в 410 г. Рим поддался Алариху, королю вестготов, пришедшему в Италию от границ способной еще обороняться Восточной Римской империи. С образования германскими народностями королевств берет начало процесс формирования европейских государств.

Более полутора столетий после первого вторжения готов, в эпоху разрушений, грабежей и хаоса, которые германцы принесли в империю, римляне стойко и почти без уступок удерживали эти границы. Таким образом, сложились условия для сохранения наследия Античности — оно не погибло под натиском анархии, а сохранялось и передавалось потомкам. Как говорил Гиббон, нам не стоит задаваться вопросом, почему пала Римская империя, а скорее надо удивляться тому, что она так долго продержалась. Например, в 250—260-х гг. поражения на двух фронтах и другие катаклизмы происходили так часто, что, казалось бы, у Рима не оставалось ни единого шанса выжить. Но эту бурю империя выдержала. Поворотным пунктом стал последний год правления Галлиена, а за ним трех императоров-иллирийцев — все гениальные военачальники, — в который с мертвой точки процесс восстановления мощи Римской империи, сопровождавшийся расцветом

римской армии и лучшими примерами военного искусства на все времена. Поэтому далеким от истины оказалось другое суждение Гиббона, который назвал тех, кто населял тогда Римскую империю, пигмеями, сопоставляя их с отважными варварами севера. Ибо полководцы и солдаты римской армии, выходцы из разных народов, справлялись с проблемами куда серьезнее тех, с которыми когда-либо сталкивались их предшественники, продлевая жизнь Римского государства с такой доблестью, какую можно считать почти сверхчеловеческой.

Но за благосклонность фортуны была заплачена высокая цена — неисчислимые человеческие жертвы, утрата материальных и духовных ценностей, колоссальные денежные траты. Деньги были нужны на реорганизацию и увеличение армии до таких размеров, о которых предыдущие поколения, жившие не в столь трудные времена и не имевшие таких проблем, даже и подумать не могли.

Расцвет римской армии

Со II в. до н. э. римская армия состояла из двух частей. Первой составляющей являлись легионы, в каждом из которых насчитывалось по пять тысяч солдат и 120 лошадей. Все легионеры были римскими гражданами. Они поступали на службу, как правило, в восемнадцать лет и служили по двадцать пять лет. Второй немаловажной частью вооруженных сил Рима были вспомогательные войска (*auxilia*), набравшиеся не из римских граждан, а из жителей провинций. Эти войска состояли из пеших и конных подразделений по пятьсот или по тысяче человек в каждом. Императора защищала преторианская гвардия — приблизительно пять тысяч воинов, отобранных среди римских граждан. При Августе число легионов стало постоянным — 28, но после катастрофического разгрома Вара в Германии (9 г. н. э.) их осталось 25. Позже их число изменялось, а Марк Аврелий, озабоченный укреплением границы на Верхнем Дунае, довел количество легионов до 30. Потом Септимий Север прибавил еще три. Одновременно примерно с той же скоростью возрастало количество солдат во вспомогательных войсках. При Августе в общей сложности в регулярной армии служило около 260 тысяч человек. В правление Септимия — более 300 тысяч.

Для офицеров настал звездный час. Септимий даровал им многочисленные привилегии, а военные должности открывали пути для карьерного роста. Офицерство стало новой военной аристократией — особой кастой, давшей империи многих высших чиновников и практически всех императоров. Эта элита не была статична, все время менялась, так как новые офицеры чаще всего поднимались по служебной лестнице из нижних чинов. Септимий старался как можно больше людей из числа младших командиров возводить в офицерские должности. Зачастую такие офицеры были только поверхностно романизованы и малообразованны. Раскопки в Дура-Европос показывают, что офицеры тамошнего гарнизона жили практически лучше всех горожан. Это неудивительно, ведь Септимий положил им жалованье в пятьдесят раз большее, чем у простых легионеров.

В начале периода Империи в истории Рима многие из служивших во вспомогательных войсках происходили из северных областей Испании и Галлии, тогда как рекруты для легионов набирались в более романизованных областях на юге тех же стран. Другие легионеры, подобно большинству преторианских гвардейцев, происходили из Италии, чаще из ее северной части. Но уже к 100 г. н. э. количество жителей провинций среди легионеров превосходило число италийцев в четыре или пять раз, хотя большинство офицеров все еще были родом из Италии.

Вначале и легионы, и вспомогательные войска размещали далеко от их родины. Но с каждым годом все чаще людей в оба рода войск стали набирать по месту их проживания, и ко времени правления Марка Аврелия большая часть солдат служила в своих родных странах. Люди сражались с врагом упорнее, защищая свои дома и семьи, и, в любом случае, только такой набор рекрутов мог дать достаточно солдат, которые не стали бы дезертировать. В то же время подобная практика создавала большой риск мятежей и узурпации власти, и с этим риском приходилось мириться, так как нужное количество солдат иначе обеспечить все равно не представлялось возможным.

У рекрутирования на месте имелось еще одно преимущество — солдатская профессия постепенно становилась наследственной. Списки

солдат, найденные в Египте и относящиеся к периоду Ранней империи, показывают, что из тридцати шести новобранцев только двое были солдатскими сыновьями, тогда как в 168 г. н. э. из тридцати семи — двадцать. В следующем столетии сыновей солдат уже принуждали поступать на службу по примеру их отцов⁴⁷. Дело в том, что, несмотря на все призывы записываться в армию, набор рекрутов осуществлялся исключительно силовым путем. Документ, описывающий призыв в Малой Азии, относится к эпохе правления династии Северов⁴⁸, но, вероятно, принудительная система набора в армию появилась значительно раньше.

Кроме того, около 200 г. н. э. различие в статусе новобранцев в легионы и во вспомогательные войска исчезло или стало номинальным. Когда Каракалла предоставил всему населению империи римское гражданство, различие стерлось вовсе. Это обеспечило равноправие всех жителей империи, но затруднило привлечение честолюбивых людей на военную службу.

Поскольку на Востоке легионов было довольно много — восемь на границе и четыре в других местах⁴⁹ — местный призыв означал, что большая часть римских легионеров восточного происхождения. Но войска, стоявшие на Дунае, были еще многочисленнее: при первых императорах и Рейн, и Дунай получили каждый по семь легионов, но в правление Септимия их стало четыре и двенадцать соответственно. Следовательно, в римской армии преобладали выходцы из воинственных народов Балканского полуострова (с. 29).

Внешняя угроза, обострившаяся во времена Марка Аврелия, воодушевила войска, особенно в ключевых дунайских легионах. Концентрация в одном регионе и этническая общность способствовали формированию в дунайских легионах не только костяка обороны империи, но и школы для будущих императоров. Три легиона, созданные Септимием для военных действий против Парфянского царства, также состояли, вероятнее всего, из солдат из придунайских провинций. Один из этих легионов после завершения войны с парфянами перевели в Альбанум близ самого Рима, что создало важный прецедент. До того в Италии никогда не было постоянных легионов — метрополия

армия свое превосходство над провинциями. Далее Септимий реорганизовал преторианскую гвардию, традиционно состоявшую из жителей Италии, в воинское соединение, основную часть которого составляли дунайские легионеры.

Эта практика отражала замену концепции защиты нечеткой и изменчивой границы империи с варварами стратегией возведения на границе укрепленных линий. Подобно внушительным стенам, которые в конце II в. н. э. и особенно в III в. н. э. строились вокруг городов (в том числе вокруг Рима)⁵⁰, на таких укрепленных рубежах был построен ряд фортов. Войска, стоявшие там гарнизоном, при необходимости призывали на помощь легионы из больших военных лагерей, составлявших вторую линию обороны. И они, и передний край обслуживались большими, разнообразными, постоянно действовавшими оружейными мастерскими и целыми военными заводами⁵¹.

Одним из результатов подобной фиксации границ стало размещение войск и в обычных городах. Например, их кварталы внутри городской черты Дура-Европос (ок. 165 г.) неоднократно перестраивались и расширялись. Второй тенденцией стало развитие новых городов из военных лагерей и крепостей, многие из которых существуют и сегодня. Изначально такие поселения были разделены на две части: для армии и для гражданского населения, которое работало на военных или торговало. Иногда там находилось место и каким-нибудь местным общинам. Благоустройству быта военнотружущих и мирных жителей помогали частые ценные указания от императоров. Пытаясь повысить привлекательность службы в армии, Септимий официально признал связи солдат с местными женщинами, как правило, соотечественницами⁵². Хотя устав и не позволял солдатам действующей армии жениться, подобные семейные пары встречались повсеместно: многие более ранние свидетельства подкреплены многочисленными находками женской и детской обуви в форте II века, входившем в комплекс Антонинова вала (сейчас — Бар Хилл в Шотландии). Теперь же сожительницы солдат получили некий легальный статус, так же как их сыновья, которым подобно своим отцам предстояло служить в армии.

Чтобы обеспечить наследственное восполнение личного состава легионеры наделялись землей в объеме, достаточном для того, чтобы прокормить себя. Эта политика ставила своей целью снижение расходов на армию и устранение нехватки рабочих рук в сельском хозяйстве, поэтому главным занятием солдат в мирное время стала обработка земли⁵³. Вообще у военнотружущих могли быть разнообразные мирные профессии — например, Марк Аврелий и другие императоры распределяли солдат на гражданские стройки. Но стремление превращать военнотружущих в крестьян и собственников было характерно, прежде всего, для Септимия Севера. Папирусы рассказывают, о чем солдаты писали домой: в их письмах говорилось о собственности, покупках, арендах, работниках. Сверх того, прежние постановления, запрещавшие тем, кто состоял на службе в армии, заниматься коммерцией, были забыты, и много сделок и спекуляций происходили вокруг распродажи из армейских складов и продукции оружейных мастерских.

Одновременно с тем как военнотружущие, «прикрепленные к земле» в укрепленных пограничных районах, постепенно превращались в крестьян, происходил и обратный процесс — гражданское население приграничных областей призывалось во вспомогательные войска (*limitanei*) для охраны границ. Разница между превращением крестьян в солдат и переводом солдат на крестьянскую работу может показаться несущественной, тем более что и те, и другие рекрутировались в одной местности и в результате становились частью регулярной армии. Но *limitanei* представляли собой плохо обученное, состоявшее из случайных людей ополчение, по типу пехотинцев, которых в Средние века набирали из крестьян. Предполагалось, что набранные там же рекруты, проходившие надлежащее военное обучение, будут упорно защищать родную землю, а основные вооруженные силы империи все равно не справлялись без их помощи.

Септимий и его наследники дали толчок процессу создания такого военизированного крестьянства. Однако, по крайней мере до эпохи домината, структура обороны в разных странах отличалась. В Северной Африке, например, наметилось сотрудничество между армией, ветеранами, жившими в городах-колониях, и работниками в импера-

терских латифундиях. Сельское население таких латифундий концентрировалось в укрепленных поселениях, размещенных вдоль границы в два эшелона. В Африке, как и на северных и восточных границах, обитатели таких поселений (*castella*) составляли оплот обороны⁵⁴.

Но призыв крестьян на службу наносил вред сельскому хозяйству, поэтому пополнение *limitanei* происходило также и за счет варварских племен, обитавших в приграничных областях. Со времени правления Траяна на границах по Рейну и Дунаю во вспомогательных частях служили германцы и сарматы, а к 270 г. (возможно, уже к 245 г.) много германцев служили уже в регулярной армии⁵⁵. В Британии целые племена таким же образом призывались на военную службу. Столь широкое привлечение варваров в качестве солдат искажало римский характер имперской армии; но варвары доблестно сражались, и без их помощи действительно нельзя было обойтись.

Наконец, немаловажной была роль наемников из соседних зависимых государств, которых римляне продолжали набирать в армию. Заметное место среди подобных войск, особенно в III в. н. э., занимали конные лучники из Осроены и Пальмиры. Многие из этих наемных лучников служили не только у себя на родине, но и участвовали в театрах военных действий вдали от Месопотамии. Специфические военные навыки таких национальных подразделений высоко ценились римлянами⁵⁶. При Септимию их набор был увеличен, а Каракалла разместил легковооруженные войска вдоль северной границы империи.

Подобные отряды являлись одними из немногих элементов римской армии, которые легко было пополнить. Но поражения, нанесенные ей германцами во времена Марка Аврелия, предвещали более непоправимые неудачи в будущем, показав, что статическая структура обороны империи не приспособлена для отражения одновременного наступления врагов с разных направлений. В случае серьезного прорыва границы или, еще хуже, нескольких таких прорывов одновременно, глубина линии обороны оказывалась недостаточной, ибо, кроме небольшой преторианской гвардии, предназначенной для охраны особы императора, не было никакого резерва, способного прийти на помощь окраинам. Этот недостаток проявился уже в скупой финансируемой

армии Августа, а теперь, когда ситуация на границах ухудшилась, он стал катастрофическим. Из нескольких легионов и вспомогательных войск Марк Аврелий сформировал временные мобильные подразделения, состоявшие из небольших отрядов. Септимий разместил один легион возле Рима, очевидно желая создать постоянный резерв, который можно было направить на любой участок обороны, где требовалась помощь.

По сравнению с конными подразделениями мобильность легиона была низкой, поэтому, по мере развития концепции стратегического резерва, все большую долю в нем составляла кавалерия. Конные лучники и копьеметатели были бесполезны, но первой необходимостью стало создание тяжелой кавалерии, способной противостоять всадникам, игравшим главную роль в войсках сарматов, Парфянского царства и державы Сасанидов. Военная стратегия иранских народов издавна опиралась на применение всадников, облаченных в кольчуги (катафрактов) и металлические шлемы, с длинными тяжелыми пиками и мечами. Примеру их постепенно начали следовать и восточногерманские племена, попавшие под влияние сарматской культуры⁵⁷. В III в. н. э., когда Сасаниды переняли и улучшили достижения парфян, тяжелая кавалерия, набиравшаяся из мелкой феодалской знати, напрямую зависимой от царя царей, заняла среди них достойное место (с. 39). Римляне постепенно стали использовать катафрактов уже во времена Адриана (ум. в 138 г.), но, столкнувшись с грозной иранской кавалерией (ок. 232—233 гг.), они осознали необходимость создания многочисленной армии тяжеловооруженных всадников⁵⁸. Галлиен, которому пришлось противостоять не только внешним врагам, но и узурпатору Постуму, сформировал полевую кавалерийскую армию (264—268 гг.), предназначенную быть не только резервом, но и мобильной ударной силой. Основной базой этого войска стал Медиолан (Милан), находившийся между Римом и внешними линиями обороны. Медиолан — стратегический центр, ставший чуть ли не более важным, чем сама столица, — вместе с Аквилеей, Вероной и Тицином (Павией) составил новую систему обороны Италии с севера после потери плацдарма между верховьями Рейна и Дуная (с. 51).

Новые оборонительные структуры отличались от старой статичной системы тем, что опирались они не столько на крепости, сколько на мобильные конные подразделения. Эти элитные части состояли из эскадронов (их количество неизвестно), в каждом из которых обычно насчитывалось по пятьсот человек. В их состав входили тяжеловооруженные конники, похожие на средневековых рыцарей (конические шлемы, заимствованные у иранской кавалерии, позже появились и у германцев). Уже в то время существовали почти средневековые представления о рыцарском достоинстве, о чем свидетельствуют золотые перстни сыновей центурионов. Воинами этой армии были наемные конные лучники из Осроены и Пальмиры, мавретанские всадники-копьеметатели, а также новый и весьма ценный корпус далматских конников, чья иллирийская кровь гарантировала верность императорам и разбавляла контингент воинов слишком уж экзотического происхождения.

Появление новой армии Галлиен отметил выпуском монет с изображением крылатого коня Пегаса как духа расторопности (*ALACRITATI*). Другие лозунги касались отваги конницы (*VIRTUS EQVITVM*) и призывали их к лояльности (*FIDEI EQVITVM*). Но именно здесь крылось слабое место творения Галлиена. Следуя примеру любимых им греков, император свел высших офицеров этого войска, происходивших в основном из придунайских земель, с другими офицерами в особом клубе избранных (*protectores*), который располагался в одном лагере с императором и составлял часть его свиты⁵⁹. И тогда командиры этой кавалерийской армии, естественно люди амбициозные, испытывали большой соблазн взбунтоваться. Так и произошло — этот соблазн оказался непреодолимым для первых же командиров, назначенных Галлиеном (с. 30). Главный из них, Авреол, перед тем как предать своего господина, продемонстрировал мощь нового войска при подавлении восстания на Среднем Дунае⁶⁰. Второй командующий, Аврелиан, став императором (270 г.) после Клавдия II и Квинтилла, использовал легкую кавалерию против тяжеловооруженной конницы Зенобии. Тем не менее и тяжелую кавалерию он существенно усилил. На рельефе более позднего периода предстают всадники в чешуйчатой броне

и иранских шлемах, под знаменем по типу иранского — с изображением разинувших пасть и шипящих змей⁶¹.

Диоклетиан (284—305 гг.) продолжил кардинальную реорганизацию армии Римской империи. Разделяя озабоченность своих предшественников малоподвижностью армии, он создал конную «лейб-гвардию» из варваров (*scholae*) и разделил всю армию империи на две категории. Новые мобильные части, именовавшиеся *comitatus*, включали и пехоту, но их сила прежде всего заключалась в кавалерии. Исследователи полагают, что Диоклетиан несколько сократил численность регулярной армии, но едва ли это помогло сократить расходы, тем более что позднее армия была поделена на четыре части, каждую из которых следовало снабжать и обеспечивать тыловыми службами. Это произошло потому, что не только Диоклетиан, но и другие императоры тетрархии имели по мобильной армии.

В дополнение к его нововведениям, касавшимся регулярных войск, Диоклетиан возобновил укрепление рубежей империи. Он восстановил фортификационные сооружения вдоль границ и перестроил валы и стены во всей империи по единой схеме. Были установлены стандарты для управляемых военной администрацией оружейных мастерских, производивших оружие и другие необходимые предметы для защитников границ и всего государства. Пограничные войска были реорганизованы в основную часть армии и стали называться *limitanei* (с. 58), вероятно, значение этого слова расширилось. За исключением дунайских войск, по численности они обычно уступали мобильной армии. Желая компенсировать недостаточное количество высоким качеством, Диоклетиан, впечатленный, наверно, массовыми мобилизациями в Иране, решил, что ключом к решению военных проблем станет радикальное увеличение личного состава римской армии. При императоре Септимиусе армия насчитывала от трехсот до четырехсот тысяч человек, а при Диоклетиане их численность превысила полмиллиона⁶². Набрать нужное количество новобранцев можно было, только ужесточив условия призыва. Хотя Диоклетиан, как и другие императоры, соглашался нанимать людей на службу за деньги, он, скорее всего,

первым установил регулярный ежегодный призыв, рассчитываемый по той же шкале, что и земельный налог (с. 77). Введение этой системы позволило привлечь много рекрутов из числа римских граждан. Впрочем, Диоклетиан стремился как можно больше пользы извлечь из воинственного духа и различных боевых навыков выходцев из варварских племен. Солдаты, набранные из практически неиссякаемых отрядов варваров, включали горцев из центра Малой Азии, ставших позже основой византийской армии, а также многих германцев⁶³.

Количество выходцев из германских племен в армии резко увеличилось в правление Константина. Он ценил присущее им умение противостоять своим воинственным соплеменникам по ту сторону границы. Германским военным частям присваивался высокий статус, полководцы германского происхождения были в фаворе у императора. Распустив славную когда-то преторианскую гвардию (выступившую против него в войне за контроль над Италией и Римом), Константин возвысил созданную еще Диоклетианом гвардию, основную часть которой составляли германцы. Часто солдаты германского происхождения принимались и в новые подразделения кавалерии и пехоты. Они, вместе с отрядами, отозванными из приграничных районов, пополняли мобильную армию, ставшую теперь главной ударной силой и стратегическим резервом, большим, чем все прежние армии⁶⁴. Во времена Диоклетиана префекты претория часто руководили войсками во время военных операций, но Константин, чтобы исключить понятные соблазны, характерные для столь влиятельных военачальников, поставил свою армию под начало двух командующих — магистра конницы и магистра пехоты. Пограничные войска стали получать меньшее жалованье и пользоваться меньшим уважением, чем «главная», мобильная армия. Это, разумеется, вызывало у них недовольство. Но на дунайской границе и на других участках Константин осуществил масштабную реорганизацию и укрепил гарнизоны. И он, и Лициний, готовясь к войне, усилили флот, и решающая битва между ними произошла именно на море в 324 г.

К концу IV века армия увеличилась вдвое по сравнению с существовавшей двумя столетиями раньше, а расходы на ее содержание выросли еще больше за счет резкого увеличения числа лошадей, корм для которых

обходился не дешевле солдатской пищи. Если сыновьям бывших солдат пограничных войск и предоставляли льготы, то население всех провинций, особенно богатых, терроризировалось суровыми наказаниями за уклонение от призыва. Повысились требования и к физическому состоянию солдат — минимальный допустимый для новобранца рост, равный ранее 150—152 см, к 367 г. достиг 167 см. Офицеры также стали служить лучше, чем в прежние времена, так как почти все они были профессионалами.

Со времен военных поражений середины III в. н. э. все больше внимания уделялось кавалерии, но на практике формирование и использование конницы происходило медленно. Разгром войска императора Валента вестготами под Адрианополем в 378 г. в первую очередь был обусловлен превосходством конницы варваров. В Западной Римской империи иссякали источники для пополнения армии, тогда император Феодосий призвал на службу в кавалерию сорок тысяч варваров в статусе конфедератов (союзников), наделив их землями в пределах империи. Для западной части империи необходимость прибегать к таким средствам не предвещала ничего хорошего, потому что очень скоро войска здесь состояли только из подобных формирований наемников-конфедератов. В середине V века воинские части в провинциях стали распускаться и вскоре исчезли — армия Западной Римской империи прекратила свое существование. В Восточной империи, напротив, армия и государство продержались еще тысячу лет. Кавалерия в Византии оставалась важнейшим родом войск и царицей сражений.

Восточная Римская империя выжила благодаря достижениям в военном деле в период от вступления на трон Марка Аврелия и до смерти Константина. В течение этих 176 лет римским армиям пришлось пройти испытания и выдержать удары внешних врагов, которые не выпадали на долю правителей Ранней империи. Внешние и внутренние угрозы вынудили императоров полностью реорганизовать армию и увеличить ее чуть ли не вдвое, и таким образом помогли преодолеть глубокий кризис середины III столетия, отдалив неизбежный распад империи. Армия Рима существовала уже полтысячелетия и одержала немало побед, поэтому время преодоления невиданных бедствий должно считаться временем расцвета римской армии.

ЦЕНА ВЫЖИВАНИЯ

Бюджет

Самой грандиозной и насущной задачей правителей Римской империи было обеспечение нужд разрастающейся армии, от которой теперь зависело их существование.

При Августе жалование легионера равнялось 225 денариям (серебряным монетам) в год. В конце I в. н. э. Домициан увеличил его до 400. Септимий установил жалование уже в 500 денариев¹, а преторианским гвардейцам поднял плату с 1250 до 1700. Его сын Каракалла даровал прибавку к жалованью еще на 50%, после чего ежегодно казначейство обязано было выплачивать сумму в 70 миллионов денариев. Известны слова Каракаллы: «ни у кого, кроме меня, денег быть не должно, а мне они нужны, чтобы отдать их солдатам»². Но возрастание выплат военнослужащим в результате такой политики выражалось в пятикратном увеличении расходов по сравнению с тратами на армию при Августе и связано было не столько с ростом ее численности, сколько с повышением стоимости жизни, произошедшим за два столетия. Причем удорожание жизни, возможно, даже превышало увеличение доходов военнослужащим. Это означает, что солдаты II в. н. э. до повышения жалования при Септимии и Каракалле получали весьма скромное вознаграждение. Это было удобно для правителей, которые могли себе позволить содержание армии, если не случалось ничего экстраординарного. Такая политика стала испытанием на прочность лояльности армии по отношению к власти, как и ее эффективности, но когда начался кризис, императоры больше не могли так рисковать.

Вскоре их усилия удовлетворить запросы солдат повышением жалования стали бесполезными — из-за постоянного обесценивания римской валюты этих денег хватало только на карманные расходы.

¹ В источниках Римской империи.

От Августа империя унаследовала великолепные монеты, отчеканенные в невиданных дотоле количествах. В денежную систему входил так называемый «золотой» (*aureus*), а также денарий из серебра — монеты, в которых содержание драгоценного металла равнялось, или почти равнялось, официальной стоимости самой монеты. Античное общество полагало, что рыночная стоимость монеты зависела от цены металла, то есть от его количества, затраченного для изготовления монеты. Как и люди XX века, испытавшие раздражение, впервые получив взамен монет банкноты, древние греки и римляне не понимали символической стоимости денег. Римская империя долгое время отдавала дань таким представлениям, выпуская в обращение золотые и серебряные монеты. Однако, чеканя мелкую монету из недорогих металлов, например бронзы, римское правительство постепенно приучило население принимать ее по символической стоимости, превышавшей рыночную стоимость затраченного металла. Когда разница между реальной и номинальной стоимостью стала слишком уж очевидна, республиканские власти были вынуждены прекратить выпуск такой бронзовой монеты, хотя многим городам было позволено продолжать чеканить ее при условии соблюдения символической стоимости. Позже Август возобновил выпуск официальной мелкой монеты Римского государства, используя взамен дискредитировавшей себя бронзы более привлекательные материалы — латунь и медь. Разница между себестоимостью и номинальной ценностью таких монет была значительной, поэтому они приносили императорам большую прибыль. Вскоре монеты из латуни и меди вышли в обращение по всей Италии и в западных провинциях.

Жители Римской империи не могли смириться с тем, что золотые и серебряные монеты содержали бы драгоценных металлов меньше, чем соответствовало их номинальной стоимости. Тем не менее императоры достаточно быстро нашли два способа, как обойти эти предубеждения. Во-первых, монеты из драгоценных металлов стали выпускать более легкими; во-вторых, в серебре появилась лигатура. В итоге эти способы обмана тех, кто использовал такие монеты, стали новились скрытым взиманием с них налога на капитал. Первый спо-

соб — облегчение монеты — не мог применяться слишком уж беззастенчиво, так как обман был очевиден, а вот ухудшение качества серебра казалось весьма удачным решением. Удачным, но подрывавшим доверие к властям. Причиной подмешивания лигатуры в серебряные денарии было желание выпустить их в больших количествах. Однако правительство империи не осознавало или не придавало значения, решая насущные проблемы, тому, что, если денежная масса увеличивалась без соответствующего увеличения массы товаров на рынке, возрастали цены, а общий уровень жизни понижался. При таких обстоятельствах было неизбежным накопление старых, хороших монет в тайниках и ослабление покупательной способности новых, худших монет. Этот процесс больно ударил по людям, получающим фиксированные денежные поступления, и по людям, которые дали какие-либо суммы денег в долг и ожидали от должников заранее оговоренных выплат.

Таким образом, римские власти стали на опасный путь. Соблазн был велик: чеканить монеты из серебра с примесями, которые выглядели вполне прилично; и удерживаться от выпуска таких монет без ограничений. Появление большого количества денариев, стоящих 85 % от номинала, при Траяне непоправимо ущербало еще, наверное, не нанесло³. Но это было только начало: на фоне войн, землетрясений и мора высокая нравственность Марка Аврелия не помешала его чиновникам обесценить серебряные монеты еще на шесть процентов. К тому времени реальная стоимость денария составляла лишь три четверти от его номинальной стоимости, и ситуация только ухудшилась, когда Септимий, нуждавшийся в деньгах в тяжелый период гражданской войны, опять резко понизил содержание серебра в денарии (194—195 гг.). Теперь до номинальной ценности монете не хватало уже 40 %.

Примеси в серебряных монетах стали слишком явственны, а их выпуски так часты, что вскоре проявилось недоверие народа к казне⁴. Согласно императорскому декрету, найденному в Миласе в Малой Азии, запрещался обмен денег по незаконному курсу по причине бедственного положения рядовых граждан, вызванного подобной дикой

спекуляцией (209—211 гг.)⁵. Впрочем, сразу же после того Каракалла, чтобы покрыть огромные расходы на армию, был вынужден выпустить серебряные монеты не только с низким содержанием металла, но и слишком легкие. Дабы отвлечь внимание от веса этих монет, были отчеканены монеты нового достоинства — в два денария⁶, названные антонинианами, по официальному имени императора Каракаллы. Большой размер и приятный внешний вид монеты должны были скрыть то, что ее номинальная стоимость не должна оцениваться по весу. К тому времени в Эфесе (Сельчук в нынешней Турции) хлебная лепешка стоила вдвое дороже по сравнению с ценой сто лет назад. Очевидно, такое явление наблюдалось повсеместно. Но императоров волновали другие безотлагательные проблемы. Поэтому они не обращали внимания на этот процесс. Хотя власти и продолжали выказывать озабоченность качеством монеты⁷, выпуск монет с еще большим содержанием лигатуры продолжался и доходил до абсурда. Галлиен, остро нуждавшийся в деньгах, чтобы выплатить жалование армии, когда просто не было серебра для монет, не говоря уже об обеспечении стоимости металла для них, выпустил антонинианы из одной только бронзы, слегка посеребренные снаружи. Реальная стоимость таких антонинианов упала до 0,5 % от первоначальной стоимости. Коммерсанты по всей империи отказывались принимать эти монеты, доверие к государственным деньгам исчезло. Древний папирус сообщает, что происходило в то время. Когда через два года египетские финансисты опять столкнулись с подобной монетой, почти не имевшей реальной стоимости, они отказались принять ее и закрыли свои конторы. Им было приказано продолжать работу, принимать и обменивать любые монеты, кроме явно фальшивых⁸. Но предписания были бесполезны — никто уже никому не верил. Золотые монеты, стоимость которых когда-то была абсолютно стабильной, теперь, почти полностью исчезнув из обращения, доставались только армии в качестве подарков (с. 72). Из-за того, что копи истощались либо не контролировались властями, золото не удавалось изыскать в нужном количестве, а номинальная ценность монет настолько упала, что при продаже или покупке чего-либо ими рассчитывались на вес. Но и это случалось

очень редко, так как обесценивание серебряных монет привело к тому, что почти все золотые осели в тайниках у тех, кому посчастливилось их иметь.

Крах серебряной монеты имел катастрофические последствия, лихорадившие империю в течение нескольких десятилетий после смерти Галлиена. Например, в Египте, согласно папирусам, 30 литров пшеницы стоили $7/8$ греческой драхмы во II в. н. э., от 12 до 20 драхм в начале III века, а ко времени восшествия на престол Диоклетиана — уже 120 тысяч. В 258—275 годах цены в большинстве римских провинций поднялись примерно на 1000 %. Результатом стало невиданное обнищание населения. В частности, оклады солдат и других государственных служащих практически ничего не стоили.

Аврелиан пытался справиться с этой проблемой, проведя денежную реформу. Но, как и в правление Каракаллы, она заключалась в дальнейшем снижении качества металла, скрытом под привлекательным внешним видом монеты. Аврелиан выпустил новую монету, содержащую не более 5 % серебра, но обладавшую «убедительными» большими размерами, которые должны были облегчить шок от чрезвычайно завышенной номинальной стоимости монеты, равной, очевидно, пяти денариям⁹. Аврелиан, пытаясь навязать эту монету населению, приказал вернуть старые монеты государству. Обменный курс, по которому казна платила новыми деньгами за старые, оказался невыгоден их владельцам, поэтому они предпочитали не продавать их государству, а прятать. Меры, предпринятые Аврелианом, несомненно, вызвали панику и финансовый кризис. Но как временные мероприятия, направленные против галопирующей инфляции, они имели некоторый успех, так как в последующие двадцать лет катастрофический рост цен прекратился.

Новый виток инфляции, самый безумный из скачков цен в III столетии, произошел именно в 290—300 годах. Аврелиан оказался неспособен восстановить номинальную стоимость серебряных денег, а с потерей копей в Дакии была утрачена возможность чеканить нужное количество золотых. Диоклетиан предпринял попытку ввести стабильную денежную систему, основанную на всех трех металлах — золоте,

серебре и посеребренной бронзе (ок. 294/295 г.). Из последней он выпускал монеты большие по размеру и с большим содержанием серебра, чем раньше. На них было обозначено то же достоинство (пять денариев), что и на вполонину меньших монетах Аврелиана. Необычная идея уменьшить на 50% номинальную стоимость монет была той мерой дефляции, которой Диоклетиан надеялся понизить и стабилизировать цены. Но люди поспешили превратить новые монеты, обладавшие высокой покупательной способностью, в товар, что, наоборот, привело к более резкому повышению цен, чем когда-либо ранее. Не помогла и чеканка монет из драгоценных металлов. Среди них были золотые монеты (ок. 286 г.) высокого качества, какого не знали в предыдущие десятилетия, и большего, чем когда-либо, веса. Выпускались и серебряные монеты (ок. 294 г.), хотя и оцененные выше реальной стоимости, — это были лучшие из всех монет, отчеканенных на монетных дворах за прошедшие сто лет¹⁰. Но золотых и серебряных монет было недостаточно для стабилизации положения валюты. Несмотря на то что Диоклетиан обязал выплачивать земельный налог этими монетами, а города — продавать драгоценные металлы в слитках, запасов золота и серебра все еще не хватало для того, чтобы чеканить монету в достаточных количествах¹¹. В результате золотые и серебряные монеты вскоре исчезли из обращения и перепродавались по завышенному курсу. Поэтому вновь набравшему обороты повышению цен воспрепятствовать они не смогли.

В 301—302 гг. Диоклетиан предпринял еще одну отважную попытку остановить инфляцию. Он издал эдикт, устанавливающий фиксированные максимальные цены на все товары и максимальные оклады по всей Римской империи¹². Такая регуляторная политика основывалась на предположении, что повышение цен вызвано не обесцениванием валюты, а только алчностью злостных спекулянтов, объединенных в синдикаты. Императоры жаловались, что «цены, чудовищность которых невозможно выразить человеческим языком, приводят к тому, что одной покупкой солдат лишает себя всего жалованья, и что усилия всего мира по содержанию армии не приносят результата из-за мерзкой жадности мошенников». Очевидно, правителей заботило прежде всего положение

солдат. Поскольку и инфляция, и дефляция могли стать катастрофой в деле обеспечения нужд армии, единственным выходом оставалось удержание цен в приказном порядке, подкрепленном угрозой уголовного наказания. Все цены приводились в новой валюте, выпущенной при Диоклетиане. Максимально допустимые цены были установлены на более чем 900 товаров — от свиных колбасок за 2 денария до плащей, цена на которые колебалась от 1500 до 10000 денариев. В сохранившихся источниках содержатся максимальные цены на 41 вид товаров и максимальные оклады для 130 категорий служащих. Этот эдикт, самый ценный документ для исследователей экономической истории Античности, официально провозглашал гибель мира свободного обмена и экономической активности при невмешательстве властей. Столь тщательно прописанного документа не будет издано на протяжении последующих шестнадцати веков. Эдикт, если и сыграл немаловажную роль в восстановлении монетарной экономики (с. 75), своей главной цели — ограничения роста цен — не достиг. Власти не имели средств производства и не могли контролировать их, поэтому оказались неспособны навязать подданным свои правила игры. В результате товары исчезли с рынка¹³, а инфляция продолжала неумолимо расти. Согласно эдикту Диоклетиана с учетом девальвации предыдущих лет, фунт золота оценивался в 50 тысяч денариев¹⁴. Но уже через десять лет после эдикта эта цифра составляла 120 тысяч, если не больше, а к 324 г. поднялась до 300 тысяч¹⁵. Строить ценовую политику на столь стремительно обесценивающейся валюте было делом безнадежным — пытаюсь коренным образом изменить ситуацию, Диоклетиан потерпел поражение.

В период кризиса у денежной системы отсутствовала возможность удовлетворить самую насущную потребность — выплату вознаграждений солдатам за их службу. Как бы ни повышалось их жалованье (с. 65), с обесцениванием денег оно все равно оставалось скудной милостыней. Императоры изыскивали способы, чтобы ежегодно обеспечивать содержание армии.

Прежде всего, давно уже вошло в обычай преподносить преторианцам и легионерам денежные выплаты в виде подарков. Изначально

это была доля от военных трофеев, потом императоры просто выплачивали деньги, чтобы отметить какие-либо годовщины или знаменательные события, или завещали их солдатам. В частности, поводом для раздачи подарков становилось восшествие каждого императора на престол. Во II веке во время кризиса эти платежи стали и частыми, и более значительными по размеру. И если подарки, случавшиеся в период правления какого-либо императора, могли выплачиваться и серебряной монетой с примесью (ее выдавали обычное жалованье), то подарки, которыми отмечалось восшествие на трон, обязательно выдавались полновесной золотой монетой.

Два императора, очень недолго правившие во время гражданской войны, последовавшей за убийством Коммода, пали, прежде всего, из-за отказа или неспособности заплатить солдатам то, что посулили, вступая на трон¹⁶. Этот урок усвоил Септимий, который до такой степени увеличил эти денежные выплаты, что они превратились в обычное средство покупки верности армии, лоск которому придавали ежегодные празднества, взывавшие заодно и к религиозности, и к патриотизму. В эпоху Ранней империи преторианцы в таких случаях получали намного больше денег, чем легионеры¹⁷. С выходом легионов на авансцену политической жизни размеры подарков и тем, и другим стали одинаковыми. Во время мятежа после смерти Галлиена солдатам раздали по 20 золотых¹⁸. Офицерам часто доставались памятные золотые медали внушительных размеров.

В период гражданских войн, происходивших после отречения Диоклетиана от престола, как и в другие времена, подарки солдатам часто становились решающим фактором в военном и политическом противостоянии. Частые одаривания на протяжении нескольких веков вывели армию на ведущие роли в политике, и теперь императорам приходилось привязывать ее к себе узами благодарности. Но хотя подарки солдатам были не роскошью, а необходимостью, на монетах римских правителей о них нет ни слова, в то время как восхвалялись любые другие проявления щедрости императоров, включая известные хлебные раздачи римским гражданам. Наверное, раздавая воинам деньги в качестве подарков, правители не считали это заботой о сол-

датах, так как те безо всякого особенного вознаграждения должны были сохранять столь громко расхваливаемую верность (FIDES MILITUM, FIDES EXERCITVVM).

Огромные суммы, необходимые для выплаты подарков, собирались за счет увеличения налогов. Поземельный налог и подушный налог, прямые налоги, которые уплачивались провинциями для сбора нужных средств, повысить не удалось. Вместо этого Каракалла установил экстравагантный налог, известный как «коронный» сбор. Изначально он представлял собой дань золотом для изготовления венца триумфатора, налагавшуюся полководцами Римской республики на завоеванные провинции и народы. Со времени правления Августа многие императоры принимали эти якобы добровольные подарки от провинций и городов своей империи, как правило, неиталийских. Марк Аврелий, несмотря на денежные затруднения, полностью или частично отказывался от таких подарков. Каракалла же, стоявший перед лицом более серьезной нехватки денег на содержание армии, не раз требовал выплаты подобных подношений, провозглашая фиктивные победы, которые подданным следовало отмечать таким способом¹⁹. Кроме того, из традиционных косвенных налогов римских граждан он удвоил налог на наследство и налог на освобождение рабов, а сделав почти всех жителей империи гражданами, он значительно увеличил число тех, кто обязан был платить эти налоги (с. 117)²⁰. Применяя такие суровые методы, Каракалла стал одним из немногих императоров, которые переоценили, а не недооценили свои финансовые потребности, так как после его смерти (217 г.) в казне оставалось еще большое количество свободных денег.

Но взимание всех этих податей приносило мало пользы. Из-за резкой девальвации валюты и столь же драматического роста цен армии необходимы были деньги гораздо большие, чем те, которые можно было собрать за счет каких бы то ни было налогов. К тому же эта система не проявляла достаточной гибкости — на сельское население приходились фиксированные непрогрессивные сборы, не зависевшие от того, какой доход приносили землевладения. Императоры не имели

источников, где можно было взять деньги в долг. При необходимости Марк Аврелий продавал общественные здания, Септимий, Каракалла и Максимин I (235—238 гг.), заработавший на этом дурную славу, — конфисковали частную собственность. Но если прибыли от этих более или менее экстраординарных мер обеспечивали необходимые поступления при неотложных нуждах, то увеличение количества монет с пониженным содержанием серебра влекло за собой настолько резкие скачки цен, что солдаты уже не могли существовать на одни только жалованье и подарки (с. 65).

Соответственно, императорам приходилось вместо недостающего жалованья деньгами выдавать солдатам продовольствие, одежду и сырье для изготовления оружия, что и происходило часто и повсеместно²¹. Такие платежи натурального характера, называемые *annona militaris*, приобрели системный характер в правление династии Северов. Впервые они были применены в Египте около 200 г. н. э. В правление Каракаллы, а затем Септимия Севера такая практика стала применяться шире. Тогда же и в других провинциях натуральные раздачи солдатам стали происходить все чаще. По мере ухудшения качества денег, что побуждало казначейство беречь оставшиеся драгоценные металлы, оплата натурой становилась основным видом вознаграждения военнослужащих.

Во II в. н. э. продовольствие, одежда и оружие выдавались за счет вычетов из жалованья, но по мере возрастания объемов выплат натурой эту практику отменили. Изначально государство возмещало средства гражданскому населению, кроме того, обязывалось поставлять продовольствие и материалы для армии. Такие товарно-денежные отношения зафиксированы в правление Александра Севера²². Но к этому периоду суммы, которые чиновники уплачивали подданным империи, уже не соответствовали рыночным ценам. К тому же общепринятой становилась практика не выплачивать никакого вознаграждения вовсе. Принудительные поставки для армии, без всякой компенсации, случались и раньше в чрезвычайных ситуациях (например, в 128 г.). В III веке невыплаты стали нормой. Для сбора и распределения материальных ценностей была создана особая структура под началом пре-

фекта претория, выступавшего в качестве главного интенданта армии, а вдоль главных дорог образована сеть складов, в которых военные части законно получали необходимые товары. Вероятно, именно Септимий обязал каждую провинцию обеспечивать продовольствием войска, стоявшие на ее территории²³. Провинции, в свою очередь, переключивали ответственность на землевладельцев, а те собирали требуемые продукты непосредственно у земледельцев. Магистраты городов также были обязаны осуществлять обширные поставки государству. В источниках сохранились сведения о том, как города и деревни отдавали своих коров, телят, коз, вино и сено.

Если у кого-то доставало на то богатства, он мог заменить такие поставки деньгами. Но платежи натурой стали практически повсеместными. Может показаться странным, что огромная империя была не в состоянии содержать армию числом от четверти до полумиллиона человек без того, чтобы, помимо обычных налогов, прибегать еще и к подобным примитивным, «доисторическим» реквизициям товаров. Но от денег в то время было мало толку. В любом случае, бремя содержания армии государство могло нести только за счет радикальных изъятий у населения. Технологии в римской цивилизации были настолько отсталыми, что производство продовольствия, тканей, оружия и доспехов требовало много времени и затрат; то же касается и их перевозки. Денег от налогообложения не хватало для покрытия расходов государства на все это. Возмещали недостачу за счет поставок товаров населением, которые по своей стоимости значительно превосходили доходы государства в денежном эквиваленте и представляли собой жизненно важный налог империи — главное средство для содержания армии.

Однако не только армия получала выгоду от таких изъятий продовольствия и материалов. Вторым в этом списке стал постоянно увеличивающийся бюрократический аппарат Римской империи. Еще одной заботой государства было субсидирование Италии. На протяжении II столетия из-за низкого уровня социально-экономической базы, неразвитости системы коммуникаций и финансово-кредитных отношений происходит распыление производства по западным провинциям.

Италия постепенно превращалась в паразита, существование которого поддерживалось императорскими латифундиями и налогообложением, денежным и натуральным. Сам Рим, благодаря привилегированному статусу, окончательно погрузился в безделье. В 150 г. н. э. насчитывалось 130 праздничных дней в году, а через два столетия — уже 176. В непраздничные дни римляне посещали многочисленные общественные здания, среди которых важнейшее место занимали термы. Более ста тысяч жителей Рима имели право на получение бесплатных раздач. Осуществляли их многочисленные коллегии (с. 85) под надзором императора, а власти настолько гордились этими раздачами, что прославляли их на монетах, где, впрочем, не упоминались подарки, которые получали солдаты. Императоры налагали на провинции подать натурой, чтобы собрать достаточно хлеба и накормить праздное население Рима. При Константине практика бесплатных раздач жителям столицы была заимствована из Рима в Константинополь, где восьмидесяти тысячам человек предоставили право на получение бесплатного продовольствия. Иждивенцами, кормить которых приходилось налогоплательщику, являлись также императорский двор, администрация общественных работ и государственная почта, организованная столь эффективно, что письмо могло пройти за день 120 миль²⁴. Люди, жившие поблизости от почтовых станций, иногда покидали свои дома, убегая от притеснений почтовых чиновников.

Главным же бременем населения империи оставалась, безусловно, армия, которая выживала в основном за счет поставок продовольствия и материалов, постоянно изымавшихся у подданных. Подобным образом организованное снабжение войск позволило впервые в истории Рима создать систему бесперебойных поставок для армии. Но используемые для этого методы стали причиной постепенного обнищания гражданского населения. Прежде всего, от непредсказуемости взимаемых в натуральной форме, которые обрушивались на простых людей, как удары молнии. Поэтому Диоклетиан счел необходимым положить конец подобной несправедливости. Во время его правления потребность в натуральных выплатах только возрастала, так как римская армия стала больше, чем когда-либо, а содержание четырех император-

ских дворов обходилось государству значительно дороже. Итак, Диоклетиан сделал подати натурального характера плановыми и регулярными. Именно он выработал единицу налогообложения. По всей Римской империи сельскохозяйственная земля была поделена на определенное количество единиц измерения площади — ярм (*juga*), которые считались равноценными, но рассчитывались по-разному — с учетом региона, качества почвы и злаков. Затем количество продовольствия, которое государство взимало с каждого землевладения, рассчитывалось по числу таких ярм. Константин добавил к ярму (*jugum*) вторую единицу измерения — голову (*caput*) — «душу», имея в виду земледельца (одного мужчину или двух женщин. — *Прим. пер.*). Собственно, при Диоклетиане эта единица применялась для взимания налога деньгами, а Константин стал использовать обе единицы для оценки подлежащих натуральным платежам²⁵.

Теперь у императора была методика полноценного исчисления количества и вида товаров, которыми каждая местность должна была его снабдить. Но главным достижением налоговой реформы стало то, что изъятия больше не совершались непредсказуемо: они происходили ежегодно — и каждый раз его предвляло составленное должным образом уведомление. Даже если люди не стали богаче, чем были раньше, они хотя бы знали, что они должны отдать. Впервые в истории у государства появился ежегодный бюджет.

При его подготовке префекты претория, назначенные Диоклетианом, каждый год оценивали в своих регионах продовольствие и материалы, необходимые государству. Следовало избегать переоценки, которая вела бы к разбазариванию продовольствия, скоропортящегося в первую очередь, тем более нельзя было допустить недооценки, потому как потом пришлось бы добирать недостающее. Рассчитав нужды своих территорий, префекты претория вычисляли объем податей в единицах *juga* и *capita*. До начала финансового года они отправляли свои предписания в провинции, число которых было увеличено, чтобы обеспечить более тщательный контроль над финансами. Власти провинций в свою очередь распределяли суммы, приходившиеся на них, между городами и отдельными подданными. В целях как можно большей

точности постепенно была составлена перепись населения всей империи по регионам.

Перепись завершили только после смерти Диоклетиана, но важность нововведения подтверждает обращение наместника Египта к подданным задолго до вступления в силу новых установлений (297 г.).

Наши прозорливые августы, Диоклетиан и Максимиан, и благородные цезари, Констанций и Галерий, видя, что сбор налогов в казну происходит таким образом, что некоторые люди отделяются слишком легко, а с некоторых берут слишком много, решили искоренить эту порочную и пагубную практику и, в интересах населения наших провинций, установить на благо всех способ, по которому налоги будут взиматься впредь. Я после того объявил во всеуслышание, сколько подати будет наложено на каждую агуга (0,27 га) в соответствии с качеством земли, и сколько на каждую голову крестьянина, и с какого возраста и до какого, согласно их изданному божественному эдикту и приложенной к нему смете, копии которой я прилагаю к своему эдикту. Так что провинциалы, увидев, какие огромные выгоды они получили, должны предпринять все усилия, чтобы выплачивать причитающееся по божественным установлениям вовремя и не ждать, пока их принудят. Все должны исполнять свой долг с надлежащим рвением, а если кто-либо и после того, как получил все эти выгоды, будет поступать иначе, он будет наказан²⁶.

Наместник выказывает определенное беспокойство по поводу вероятных уклонений от уплаты налогов, и действительно, это препятствие нельзя было устранить в экономических условиях, не приспособленных к планированию сверху. Обнаружились и другие препятствия. То, что основную тяжесть возложили на сельское хозяйство, не было так несправедливо, как может показаться, ведь именно оно производило преимущественную часть валового продукта империи (с. 88). Хуже то, что богатым все легко сходило с рук, потому что они быстро находили способы получения льгот, хотя относительно их были предусмотрены особые сборы²⁷. Кроме того, единицы налогообложения сильно различались в каждой местности и часто устанавливались произвольно и несправедливо. Оказалось весьма непросто уравнять всех

В соответствии с единицами, в которых должны быть учтены люди, земли и скот. Императоры пытались исправить первоначальные ошибки, но не всегда добивались успеха, а результаты переписи населения оставались без пересмотра в течение многих лет. Правители, используя громоздкость бюрократической машины, слишком легко поддавались соблазну с каждым годом повышать требования. Но какой бы ошибочной, грубой и безликой ни была схема, по которой собирались налоги, с ее введением по всей империи впервые сбор налогов воспринимался как единая система, призванная, как грандиозная военная операция, решать важнейшие проблемы государства. Для отсталых экономической науки и системы управления финансами в Римской империи переход от налоговой анархии к годовому бюджету был величайшим достижением.

Когда бюджет стал опираться прежде всего на поступления натурального характера, значительно превосходившие денежные, монетарная экономика оказалась на грани исчезновения — перехода на более примитивный уровень натурального хозяйства. Но все же эдикт Диоклетиана о ценах, изданный через несколько лет после начала его налоговой реформы (с. 70), оперировал ценами в денежном выражении. Хотя главная цель эдикта — контроль над ростом цен — не была достигнута, его приверженность к определению стоимости в валюте могла стимулировать дальнейшее развитие монетарной экономики параллельно с вытесняющим ее натуральным хозяйством. Какие-то рудименты денежных отношений не исчезали никогда, схема, по которой они осуществлялись, не утратила работоспособность, некоторые налоги продолжали уплачиваться деньгами, солдаты и другие государственные служащие так же получали жалованье — зарабатывать деньги не стало бессмысленным занятием. Со временем роль денег опять возросла.

Денежной единицей, в которой эдикт Диоклетиана указывал предельно допустимые цены, оставались скромные денарии — валюта для бедных. Следующие шаги на пути восстановления монетарной экономики касались уже оборота денег, отчеканенных из благородного

металла. В 312 г. Константин ввел в обращение новую золотую монету — солид — и законом обязал всех ее принимать. Солид получился легче золотого (*aureus*) Диоклетиана, поскольку Константин, наверное, счел непрактичным такой высокий стандарт для чеканки золотых — 60 на фунт. Солидов же из фунта получалось на 12 больше. Инициатива Константина оказалась успешной. Люди не оставили старого обычая перепродавать золотые монеты по весу, но вскоре утвердилось мнение, что новые золотые монеты были верными, полновесными, стоящими своего номинала.

Но главной причиной популярности солидов стало то, что Константин сразу же принялся выпускать их в количествах, куда больших, чем удавалось Диоклетиану. Это было удивительно, если принять во внимание тяжелую нагрузку на казну Константина. Ему дорого обходились и субсидирование христианского духовенства, и постройка Константинополя. Тем не менее император смог найти драгоценный металл для чеканки своей монеты. Во-первых, он установил два новых налога, уплачиваемых драгоценными металлами²⁸. Во-вторых, он повелел, чтобы так же поступала рента от императорских латифундий. В-третьих, он приобрел значительный золотой запас после победы над своим соперником Лицинием²⁹. А в конце своего правления Константин конфисковал сокровища языческих храмов (с. 336). Эти запасы золота позволили императору с размахом наладить чеканку солидов³⁰. А значит, в конкуренции между денежным и натуральным способами ведения хозяйства, как и до кризиса, стали преобладать деньги. Монетарная экономика опять заняла достойное место, потеснив свою архаичную «соперницу». Правители переводили некоторые поставки в натуральной форме в платежи солидами, а через полтора столетия подобная практика стала общепринятой. Бюджет все более из преимущественно натурального, как при Диоклетиане, превращался в монетарный. Таким образом, тенденция возвращения средиземноморской цивилизации к первобытному натуральному хозяйству утратила свою силу.

Массовая чеканка золотых монет приносила пользу прежде всего правящему классу и чиновникам, которые хотели получать жалованье наличными, а не беднякам, которые никогда и не видели золотой мо-

неты. В то же время инфляция денег из посеребренной бронзы, с которыми имели дело бедняки, раскручивалась бесконтрольно и ужасающе стремительно. Триста тысяч денариев за фунт золота (4250—4500 за солид) в 324 г. превратились почти в 20 миллионов (275 тысяч за солид) к 337 г., а еще двадцатью годами позже фунт золота стоил свыше 330 миллионов денариев. Спираль инфляции стремилась к более головокружительным цифрам³¹ до тех пор, пока византийский император Анастасий I (493—518 гг.) не ввел в обращение крупные бронзовые монеты с фиксированной стоимостью по отношению к солиду, и люди приняли это нововведение. Так завершилась эпоха девальвации валюты. Таким образом, Константин не достиг стабильности, наступившей только к концу V века. Впрочем, выпуск в обращение его новой монеты — солида — был решающим шагом на этом пути, памятным для истории мировой экономики. Эта монета доминировала в раннесредневековой Европе и являлась одной из сильных сторон Византийской империи. Солиды сохраняли первоначальный вес и чистоту материала до 1070 г. и на протяжении более тысячи лет обеспечивали основу для товарно-денежных отношений на огромной территории, охватывающей в том числе Шотландию, Скандинавию, Русь, Эфиопию и Индию.

Государство отвечает за все

Содержание армии за счет налогообложения в денежной и натуральной формах в условиях постоянного кризиса валюты становилось причиной повсеместного обнищания простого народа. Положение ухудшалось и из-за расширения бюрократического аппарата, необходимого для проведения изъятий. Гражданская и военная полиция, информаторы и секретные агенты не были чем-то новым, но увеличение штата и реорганизацию этих теперь постоянно действующих институтов приходилось оплачивать населению империи. В период гражданских войн после смерти Коммода военная полиция стала функционировать регулярно, а не от случая к случаю, как это было раньше³². Соответственно появилась сеть локальных штабов, служивших базой для полицейских операций. Вдобавок империя кишела шпионами. Некий автор восхваляет Филиппа Араба, противопоставляя

его хищному Максиминому I, видимо скорее надеясь, чем будучи убежден, что тот облегчит гнет доносчиков. «Толпы шпионов шастают по всем городам и слушают, что говорят люди. Свобода высказываний, даже у людей умеренных и справедливых, испарилась, и все дрожат при виде собственной тени»³³.

В работе полицейских структур активно принимали участие военные, поскольку от них зависело обеспечение армии всем необходимым. Многочисленные законы того времени свидетельствуют о постоянных покушениях на права гражданских властей. Военные судьи брались за решение многих дел, для которых не всегда имели соответствующую квалификацию³⁴. Офицеры гарнизона также, по собственному желанию, могли сделать жизнь местных жителей невыносимой, а рядовые солдаты (в дополнение к многочисленным дезертирам) часто не считались с законом, совершая преступления или просто отбирая причитающееся им продовольствие. Пертинакс распорядился прекратить притеснения гражданского населения (193 г.). Много свидетельств об отчаянном положении мирных жителей содержится в их петициях то одному, то другому императору. Это тоже не было чем-то новым, но теперь в таких петициях против разнузданных вояк появилась особенная настойчивость. Держатели земельных участков, проживавшие в императорских латифундиях в Лидии, жаловались одному из своих хозяев, возможно Септимию, на агентов военной полиции и шпионов³⁵. Крестьяне и землевладельцы в Скаптопаре, где уже тогда были организованы курорт и сезонная ярмарка (Кюстендил в современной Болгарии), отчаянно просят заплатить за постой и пищу (238 г.); угрожая сбежать и таким образом лишиться казну причитавшихся с них платежей и услуг: «мы заявляем, что наше терпение на исходе»³⁶. Много подобных жалоб поступало от жителей императорских имений в Малой Азии. Арагуэны из Фригии, например, писали Филиппу: «Над нами совершают жестокое насилие, выжимая из нас все, те, чей долг нас охранять, — офицеры, солдаты, городские магистраты и чиновники, вам подчиненные»³⁷. В Египте, где солдаты живут припеваючи, а крестьяне голодают, изъятия приводят в ужас затравленное население. «Даже когда с нами поступают по закону, тяжело сделать все, что

мы должны». Однако бесчестные уловки чиновников-притеснителей делали эту задачу неосуществимой. Вот вопросы, заданные оракулу: «Продадут ли меня? Стану ли я нищим? Следует ли мне убежать? Закончится ли когда-нибудь мое бегство?»³⁸

Эти мрачные факты отображают картину безграничного насилия. Но через какое-то время наметились перемены — не к большей свободе, а к более строгой и методичной регламентации. Бремя неизбежного государственного принуждения ложилось на плечи основных участников производства и торговли. Несмотря на бедствия, которыми изобилвала эпоха, и на упадок экономики в Италии (с. 76), торговля и производство на других землях процветали, то есть падение показателей в одних географических регионах и областях деятельности сопровождалось ростом в других³⁹. Большая часть производства находилась в руках корпораций или гильдий, называемых коллегиями (*collegia*). Такие общества взаимопомощи торговцев и ремесленников по родам деятельности стали привычными, как и другие виды объединений, еще в эпоху позднего эллинизма, особенно в Египте при Птолемах. Обычай позже утвердился и в Италии, где встречаются упоминания, к примеру, о коллегии сардинских поваров в Фалериях (ок. 200 г. до н. э.). В поздней Республике такие коллегии представляли политическую угрозу, но, как и многие другие организации, они были легализованы Августом, считавшим их деятельность важной для всего государства (7 г. до н. э.). По той же причине Клавдий и другие императоры предоставляли коллегиям налоговые льготы. Но, очевидно, члены коллегий обратили свои права в ущерб государству, так как Адриан постановил, что ради получения упомянутых льгот член коллегии должен пустить значительную часть своего капитала на общественно полезные цели. Марк Аврелий запретил кому-либо состоять в двух или более коллегиях одновременно.

Септимий также приказал, чтобы льготы при уплате налогов государство предоставляло только тем участникам объединений граждан, кто трудился на себя лично. Но юридические документы утверждают, что Септимий расширил налоговые льготы на коллегии, которые

помогали казне в проведении общественных работ и в других нуждах, а в контрактах на заказы от государства вместо названий вписаны имена частных предпринимателей. Традиционно самой влиятельной была корпорация судовладельцев, которые отвечали за снабжение Рима и баз военного флота зерном и другими необходимыми товарами. Хотя коллегии ничего общего не имели с профсоюзами, судовладельцы в Арелате (Арль в современной Франции), перевозившие войска и их запасы, угрожали забастовкой (201 г.)⁴⁰. По всей империи людям этой профессии Септимий жаловал значительные привилегии. Он также возвел в особый ранг коллегии, поставлявшие в столицу горы зерна и мясо, которые потом раздавались населению (с. 76)⁴¹.

Идея Септимия использовать эти учреждения для выполнения важных для империи задач стала быстро воплощаться в жизнь после его смерти. Александр Север увеличил число таких организаций, благосклонно уделяя немало внимания тем, кто приносил пользу государству. Еще один шаг на пути усиления государственного контроля предпринял Аврелиан, который сам руководил деятельностью важнейших коллегий, отдавая прямые приказы. К концу III века эти организации, и частные, и частично огосударственные, подчинялись правительству империи и постоянно использовались им в осуществлении своей политики. Члены коллегий не имели права законным путем покинуть место работы. Подобные обязательства возлагались на всех тех, кто по наследству, через приданое или в дар получал землю, контролируемую коллегией.

Членство оставалось добровольным только в восточных провинциях, а на Западе лишь до конца IV века. Позже ремесленников, уехавших из города, силой возвращали назад. Тем не менее уже в правление Диоклетиана торговец не мог рассчитывать на успех своего дела, если он не состоял в коллегии. Система закрытых объединений применялась в каждой профессии и в каждом виде деятельности не только в Риме, но и во всех общинах в целом. Были коллегии держателей гостиниц, продавцов рыбы, горшечников, серебряных дел мастеров и прочих. Коллегии продолжали оказывать влияние на правительство, особенно судовладельцы, — делегации нередко добивались решений в свою

пользу. Чаще, однако, законодательство притесняло коллегии. Осужденных преступников в наказание включали в состав коллегий. Известно, что пекарей (возможно, и не только их) принуждали выбирать себе жен из семей собратьев по коллегии.

Коллегии, как главные агенты на рынке, играли ведущую роль в городской жизни. Но правительство империи, стремившееся подчинить в первую очередь тех, кто поставлял продовольствие и товары и платил налоги, не удовлетворилось контролем над коллегиями и принялось за города — основу греко-римской цивилизации. Во II в. н. э. видные люди в городах все реже выказывали желание служить магистратами. Отчасти это было связано с возрастанием вмешательства государственной власти в городское самоуправление. Императоры стали назначать своих представителей для надзора за одним или несколькими городами, участие которых в делах города делало службу в городских советах скучной и несущественной. Но более важной причиной для потери популярности гражданской службы были расходы, которые она подразумевала. Во-первых, существовала традиция, согласно которой магистраты, а особенно те, кто на год становился главой городского совета (единолично или коллегиально), должны были обеспечивать город величественными зданиями и пышными зрелищами. Во-вторых, императоры все больше полагались на городские советы в деле сбора налогов.

По закону все граждане должны были исполнять службы (*munera*), для которых они имели способности, но до кризиса никто не навязывал этого подданным империи. Впервые обязательную службу стал практиковать Септимий, расходы которого на армию возрастали из-за частых военных кампаний, поэтому требовался неослабный контроль городских властей над своим населением — выжимать натуральные платежи и вовремя направлять их в распоряжение государства. Преобразование органов городского самоуправления в агентуру правительства, от которых оно ожидало максимальной эффективности, привело к тому, что каждый способный к тому человек принуждался к службе на посту городского магистрата. Исключения были возможны, но

только в тщательнейшем образом оговоренных случаях. Городским советам позволялось назначать чиновников по своему усмотрению, но Септимий предписал создание комитетов из десяти избранных членов, которые руководили бы городом и отвечали, прежде всего, за сбор необходимых государству средств. Наместникам провинций надлежало обеспечить справедливое распределение публичных должностей по возрасту и рангу. Если реквизиции оказывались недостаточными, должностным лицам городского самоуправления приходилось возмещать разницу из своего кармана. Поэтому вскоре появились известия о людях, оставлявших свою собственность, лишь бы избежать службы⁴². В Египте, а вероятно и в других провинциях, попытки уклониться от выполнения гражданского долга пресекались и наказывались (ок. 250 г.).

Города быстро теряли свободу, традиционно им присущую. В период глубокого общеимперского финансового кризиса было установлено тотальное государственное регулирование. Максимин I (235—238 гг.), сам фракийский крестьянин, безо всякой жалости обращался с собственностью горожан — представителей среднего класса, да и с самими горожанами тоже, ведь они казались императору людьми мало важными по сравнению с солдатами. Далее на горожан обрушилась гиперинфляция, превратившая в фикцию долговременные обязательства, такие как займы и фиксированная арендная плата (с. 67). Другой причиной резкого снижения доходов городов послужило увеличение числа крупных латифундий (с. 90), владельцы которых различными способами освобождались от уплаты налогов городам, которые, в свою очередь, лишались возможности переложить обязательства перед государством на плечи крестьян. Кроме того, от вторжений внешних врагов и гражданских войн города несли более тяжелые потери, чем те, что выпадали на долю деревни. Два процветающих города Галлии, Лугдун (нынешний Лион) и Августодун (Отен), были разрушены в 197 г. и в 269 г. соответственно. Солдаты Аврелиана хотели взять штурмом Тиану в Каппадокии, но император напомнил им: «Мы воюем ради освобождения этих городов. Давайте пощадим жителей города, наших соотечественников, и захватим трофеи у варваров»⁴³.

Примерно в то же время ряд восточных городов утратили одну из самых ценных своих привилегий, а именно право на выпуск собственной бронзовой монеты. Право городов на собственное законодательство также у них отняли, и вся традиционная независимость городов практически сошла на нет. Главной задачей городских магистратов стал сбор податей для правительства империи, поэтому для эффективного выполнения членство в органах городского самоуправления, примерно во времена царствования Диоклетиана, стало принудительным, а для выходцев из определенных кругов сопровождалось требованием передавать должность по наследству. Мнение людей о работе в органах городского самоуправления отражает наказание, наложенное Максенцием на одного христианина, — он приговорил того к должности городского магистрата. Тем не менее сохранялись возможности уклонения от этих обязанностей — Константин сетовал, что в городских советах недостает людей⁴⁴. Одной из основных причин постоянного наличия там вакантных мест был отток магистратов на чиновничьи должности. Императоры не могли этому воспрепятствовать, а при Константине сокращение количества городских служащих стало интенсивнее, так как немало магистратов в поисках выхода из своего трудного положения становились христианскими священниками. Константин пытался помешать этому, заявляя, что богатства церкви должны идти на благо бедных людей, а богатым пристало заботиться о мирских нуждах.

Но, несмотря на давление государственной машины, городская жизнь катилась по накатанной колее и состояла отнюдь не из одних только нужды и горя. В Дура-Европос, например, стоимость жизни оставалась сравнительно низкой. Время от времени появлялись новые большие города, известен, например, Филиппополь, основанный Филиппом Арабом на своей малой родине возле современного г. Шахба в горах Джебель-Друз в Сирии. Города принадлежавшей Риму Северной Африки наивысшего расцвета достигли в 175—240 гг. Даже и в позднейшую эпоху велось значительное строительство, например в Остии, в городах Британии и Египта⁴⁵. Сверх того, городская жизнь в области распространения греческой культуры активнее противостояла ударам

извне, но и здесь пришла в упадок, потому что в период кризиса почти весь городской средний класс был уничтожен налогообложением или принужден пойти на службу к императору (с. 90). Ей еще предстояло возродиться, но уже другой, менее самодостаточной, чем в классический период.

Городской средний класс — один из типичных признаков античного мира. Именно его представители были авторами многих достижений той эпохи, а в римские времена многие из них сотрудничали с правительством империи на пользу или в ущерб своему родному городу. Но неприязнь императоров к городскому населению была небезосновательной. Если не говорить о низком уровне культуры горожан, об отсутствии у них творческого начала (что едва ли волновало такого человека, как Максимин I), то главным их недостатком являлась расточительность. Веками горожане тратили огромные суммы на капитальное строительство и общественные увеселения. Империи часто приходилось вмешиваться в муниципальные дела именно из-за сумасбродности и безалаберности местного самоуправления. К тому же богатые горожане если не искали популярности строительством ненужных общественных зданий, то проматывали свои деньги на предметы роскоши или покупали землю. Ни то, ни другое не прибавляло богатства общине. И более того, некоторые императоры, выходцы из крестьян, правившие в III веке, сочли, что исключительно городская направленность античной цивилизации способствовала созданию политической и экономической модели, в которой как будто пропасть разделила город и деревню, лишив последнюю каких бы то ни было преимуществ.

Хотя деревня, как и прежде, находилась на обочине политической жизни, она оставалась основой римской экономики. В государстве, где внешняя торговля никогда не играла большой роли, а теперь стала значить еще меньше из-за войн на границах и запретов на вывоз товаров, где внутренний рынок состоял из небольшого числа потребителей, которые могли позволить себе покупать хоть какую-нибудь ремесленную продукцию вообще, вся городская промышлен-

ность и торговля составляли не более 5% валового продукта — тех платежей в денежном и натуральном выражении, которые требовались на содержание армии и других служащих. Остальные 95% валового продукта можно было взять только из деревни, в первую очередь в виде двух самых важных злаков — пшеницы и ячменя. Однако несмотря на огромные обязательства, которые государство возлагало на подданных, в земледелии прогресса не наблюдалось. В системе, основанной на использовании труда рабов⁴⁶ и прикрепленных к земле арендаторов участков — колонов (*coloni*), инициативу в области развития технологий проявлять было некому. Способы обработки земли и перевозки товаров оставались на уровне более примитивном, чем в Средние века⁴⁷.

Как следствие, валовой продукт всей Римской империи никогда не превышал на сколько-нибудь тот, который требовался для простого выживания. На протяжении III столетия в пределах всего государства не наблюдалось устойчивого падения показателей сельского хозяйства, подобно торговле, как предполагали некоторые исследователи. Малая Азия была спасена потому, что полагалась на свою деревню, а Британия, Аквитания, Сирия, Палестина, Северная Африка и даже беспокойный Египет тоже добивались определенных успехов в сельском хозяйстве. Но, видимо, часть почвы перестала возделываться в эпоху кризиса. Причинами, вызвавшими такую потерю полезных земель, стали: иссушение и эрозия почвы, гражданские войны, нашествия варваров, чума⁴⁸, разорение земледельцев, которые оставляли свои наделы из-за тяжелого налогового гнета, постоянные призывы граждан на военную или гражданскую службу. Площадь невозделываемых земель увеличивалась из года в год, что вызывало озабоченность не одного императора⁴⁹. Сокращение полезных земель по всей территории Римской империи оценивалось в среднем в 15%. В основном это были неплодородные почвы, поэтому потери в объеме сельскохозяйственной продукции, наверное, завышены. В результате сокращения площади возделываемой земли уменьшался ресурс, за счет которого крестьяне, остававшиеся в деревнях, обеспечивали государство сельскохозяйственной продукцией.

Маловероятно и то, что сохранилась прежняя численность населения империи — семьдесят миллионов⁵⁰. Бедствия, ставшие причиной запустения части обрабатываемых земель, повлияли и на повышение уровня смертности. Многие сельские жители были слишком бедны для того, чтобы позволить себе растить детей. Таким образом, более жесткие требования государства относительно поставок продукции не только приходились на меньшие сельскохозяйственные площади, но и ложились на плечи населения, численность которого, очевидно, тоже сократилась. Но этот фактор побуждал правительство лишь более тщательно осуществлять изъятия. А огромное значение, которое принадлежало сельским жителям в производстве валового продукта способствовало неуклонному распространению на них предписаний и запретов, которые раньше касались только горожан.

Многие крестьяне покинули свои хозяйства, спасаясь от бесчисленных бед III столетия, и укрылись в латифундиях, увеличение и распространенность которых становились одной из характерных черт того времени. Самые большие латифундии принадлежали, как правило, императору. Император, таким образом, являлся крупнейшим землевладельцем Римской империи. Его обширные земли в разных частях империи⁵¹ управлялись особым ведомством и приносили немалую долю в общий котел, из которого кормилась в то время паразитирующая Италия (с. 76). В III веке император стал еще и крупнейшим промышленником своего государства, ибо число его монет, карьерных и мастерских, предназначенных для снабжения латифундий, увеличилось настолько, что соперничать с императором не мог ни один из его подданных, каким бы богатым он ни был. Императорская промышленность, так же как и его латифундии, использовала, в первую очередь, принудительный труд, но для привлечения новых работников латифундии тщательно оберегали свою независимость от муниципальных сборщиков налогов (с. 86)⁵².

Но, несмотря на свое исключительное богатство, император был не единственным крупным землевладельцем. В частных латифундиях также сосредоточивалось значительное (но все же меньше, чем в императорских) количество крестьян и других работников. В течени-

III столетия на смену небольшим земельным наделам в качестве основного вида поселения в сельской местности пришли крупные землевладения. Как писал св. Киприан: «Богатые к своим владениям прибавляют все новые, а бедных изгоняют с их участков. Земли богатых простираются без конца и края». Латифундии управлялись из больших усадеб, таких как открытые археологами в Антэ (около Намюра в современной Бельгии), в Шерагане (около Тулузы во Франции), на острове Бриюни Велики (Истрия) и в Февенипуста (Венгрия). Подобные усадьбы и латифундии встречались и в Северной Африке, Малой Азии, Вавилонии, Палестине, Сирии и в Северном Причерноморье (территория нынешней Украины). Некоторые из их владельцев принадлежали к старой вельможной знати, но зачастую это были представители новой аристократии. Люди, которые извлекали выгоду из существования огромного авторитарного государства, обычно рассматривали землю как единственное надежное средство вложения своих капиталов. Землевладельцы в Британии, как и по всей империи, вначале жили в городах, управляя издалека, но в трудные времена удалялись в свои укрепленные усадьбы.

Эти усадьбы-крепости предоставляли местному населению защиту. Они становились убежищем для разорившихся свободных крестьян, обнищавших жителей городов и деревень, варваров, бродяг, дезертиров и беглых рабов. Этим людям не задавали лишних вопросов, а обращали их в колоннов. Они работали на владельцев латифундий, помогая рабам и поселенцам из числа варваров обрабатывать их обширные земли⁵³. Те, у кого оставалось немного своей земли, передавали ее латифундистам под частичный или полный контроль, отдавая им фиксированную долю урожая за покровительство.

Эти поместья походили на небольшие автономные государства. Центральная резиденция латифундии была окружена множеством владений промышленного и сельскохозяйственного назначения⁵⁴. Хозяева латифундий мобилизовывали колоннов и составляли из них отряды (*bucellarii*) для охраны от случайных грабителей. Сборщики налогов, представлявшие как центральное правительство, так и муниципальные власти, тоже были вынуждены обходить латифундии стороной. Но

императоры не могли себе позволить роскошь не собирать налоги с новых, но уже влиятельных представителей сельского населения вполне способных принести казне немалый доход. Поэтому правительство и крупные землевладельцы достигли соглашения о их мирном сосуществовании. Владельцам латифундий было предоставлено право собирать налоги, причитающиеся государству, за счет своих колонов.

Тексты римских юристов отражают процесс становления автономных феодальных владений. Императоры вначале выступали в пользу законов, которые защищали бы колонов, но в первой половине III столетия нужда в деньгах заставила их сменить гуманную позицию на более жесткую. Инструментом для удовлетворения этой нужды правители избрали латифундистов — тем проходило обманывать не только казну, но и жителей своих владений, которые быстро скатывались до положения крепостных. Доходы колонов снижались, поскольку им было сложно выдерживать конкуренцию с рабским трудом и противостоять самым грабительским изъятиям. Их покровители могли платить налоги, равные трети стоимости собранного урожая, им же приходилось отдавать своим хозяевам-феодалам, возможно, половину. Государство в интересах латифундистов посчитало необходимым прикрепить колонов к земле, запретив им переезжать с места на место, чтобы гарантировать взимание нужных налогов. Процесс закрепощения колонов начался еще в правление Адриана. Он осуждал подобную практику⁵⁵, поэтому в III веке закон еще оставлял за колонами право на свободу передвижения. Но через сто лет они и их потомки были прикреплены к земле уже официально. В Европе это нововведение утвердилось не сразу, так как земли варваров к северу от границы оставались источником рабочей силы. Латифундисты в греческих землях переняли его с большим энтузиазмом — здесь прикрепление к земле, передававшееся по наследству, было распространено еще до прихода римлян.

Императором, завершившим процесс прикрепления колонов к земле, стал Диоклетиан. Согласно его налоговой политике крестьяне обязаны были оставаться и работать там, где их застала перепись населения. Таким образом, в награду за сотрудничество с правительством

бурные землевладельцы получили надежные резервы рабочей силы. Константин подтвердил законную силу прикрепления колонов к земле и позволил латифундистам заковывать в цепи тех, кого они подозревали в намерении убежать из их владений. Бегство чаще всего означало бродяжничество и нищенство, но кроме этого были и другие способы уклонения от крепостной зависимости. Соответственно, не существовало аппарата принуждения, который гарантировал бы надежное прикрепление всех сельских жителей к земле⁵⁶. Сверх того, уже в Византии под влиянием христианской церкви постепенно происходило смягчение строгих установлений, а после 600 г. колонны на Востоке бывшей Римской империи стали почти свободными. Но на Западе, хотя к закрепощению привыкали с трудом, от него не отказались. Крепостничество сохранилось как один из характернейших институтов средневековой Европы.

Таким образом власть навязала ограничение свобод различных слоев населения. Повинности, передаваемые по наследству, легли на плечи коллегий, городов и арендаторов земельных участков в латифундиях. Но этим политика принуждения не исчерпывалась, ибо Диоклетиан и Константин буквально опутали различными предписаниями государственных служащих всех рангов⁵⁷. Солдаты, чиновники, рудокопы, оружейные мастера, рабочие государственных ткацких фабрик⁵⁸, работники государственной полиции, почты, монетных дворов, кладбищ — все они были обязаны оставаться на своих должностях и передавать их по наследству.

Если подобные непопулярные меры в русле политики принуждения и выражали какой-то идеал теоретического этатизма, то лишь в умах некоторых законников. Централизация власти была необходима Римскому государству для собственного спасения — прежде всего, следовало обеспечить армию, отвечавшую за внутреннюю и внешнюю безопасность, продовольствием и деньгами в объемах, значительно превосходивших те, что требовались прежде. А чтобы изъять у населения все необходимое, следовало прибегнуть к вышеописанным мерам по ограничению свобод всего населения⁵⁹.

Все запреты и предписания, придуманные императорами и закрепленные юридически, к счастью простого народа, не были воплощены в жизнь из-за слабости государства, но все равно оно достигло такого уровня тоталитаризма, что с ним не могли сравниться ни Ассирия, ни Египет при Птолемах. Римские императоры, согласно Платону, установили всепроникающий полицейский режим, который тогда мог показаться вечным. Аристотель считал, что государство возникает по необходимости и существует только для того, чтобы обеспечить своим гражданам достойную жизнь. Но теперь, если бы империя продолжала свое существование, на достойную жизнь могли бы надеяться лишь немногие, так как потребности империи разрослись неимоверно. Даже в период Ранней империи, режим которой был значительно мягче, Тацит заметил, что свобода является той ценой, которую приходится платить за мир⁶⁰. Но он даже представить не мог, что будет происходить в III и IV веках, когда осколки былых личных свобод приносились в жертву выживанию государства. Эти суровые меры позволили империи обеспечить защиту от многочисленных врагов в условиях непрекращающихся войн с ними. Многие подданные империи задавались вопросом, стоило ли спасать государство такой ценой.

Столь жесткие меры предотвратили распад Римской империи, тем самым позволив сберечь классическое наследие, доставшееся римлянам от древней Греции, а также сформировать цивилизационную основу христианства и предпосылки к его экспансии.

ИМПЕРАТОР И ЕГО ЧИНОВНИКИ

Император

Позднюю Римскую империю часто называют доминатом в противовес периоду правления ранних императоров. Укрепшее единовластие, уже не пытавшееся скрыться под благовидным названием «принципат» (*principes* — первый гражданин), теперь существовало в новом качестве, а символом власти стал титул *dominus* — господин. Такое обращение, ранее употребляемое только рабами по отношению к своим хозяевам, императоры долгое время не приветствовали, заботясь о своей репутации. Оно стало применяться к монархам во II столетии, но только неформально или в административной лексике провинциальных чиновников. Вначале подобная практика не поощрялась центральной властью, но уже Септимия Севера стали называть «господин» или «наш господин» значительно чаще, чем его предшественников. Для III века вообще было характерно официальное одобрение того, что употреблялось прежде неформально, включая титулы. Ко времени правления Александра Севера упоминания об императоре как о «господине» стали появляться во многих источниках, хотя *Historia Augusta* заявляет, тщательно подчеркивая скромность этого императора, что он не позволял обращаться к себе подобным образом. Позднее на монете, отчеканенной в Сердике (современной Софии), Аврелиана назвали «рожденный богом и господином» (*DEO ET DOMINO NATO*). Этот случай так и остался уникальным, но в официальной чеканке монеты, обычно весьма консервативной в вопросах упоминания правителей, появилось слово *dominus* для именованья Диоклетиана и Максимиана, хотя только после их отречения (305 г.). Лициний и Константин во время совместного правления были, кажется, первыми императорами, официально принявшими такой титул¹.

Таким образом, власть отказалась от одного из фиктивных пережитков Республики, сохраненного Августом. Но лозунги никогда

не уходили в прошлое навсегда. Марк Аврелий, собирая деньги для своих кампаний против маркоманов, объявил, что он сам никаких собственности не имеет, а является «жилецом» в доме государства. Это было влияние концепции стоиков, считавших, что правитель является слугой своих подданных. Писания Константина также полны упоминаний о его служении и его миссии. Эти два взгляда — о единичном правлении и о служении, — скорее дополнявшие, чем противоречащие друг другу, нашли отражение в трудах римских юристов. Существовала давняя традиция, согласно которой император подчинялся законам. Но сложность заключалась в том, что сам император и утверждал законы (с. 112). Юрист II века Гай признал полную законную силу указов императора, а Ульпиан в эпоху Северов это подтвердил². Консерваторы, такие как Дион Кассий, выступали с предложением передать сенату право издавать законы, но к концу II столетия этот орган полностью утратил законодательные полномочия, а еще через двести лет — даже номинальную роль национального собрания.

Но означало ли превращение императора в единственного законодателя то, что он становился над всяким правом? Его предшественники законам подчинялись, и в эпоху Поздней империи правители продолжали декларировать соблюдение традиций. Выдающийся юрист того времени Павел придерживался мнения, позднее близкого по сути сторонникам конституционной монархии: «Императорскому величеству подобает жить согласно законам, действие которых на самого императора, кажется, не распространяется»³. Ульпиан не знает о случаях, в которых исключительность императора являлась подлинной и абсолютной⁴. Теория Павла, напоминающая о конституционной монархии, в правление скромного Александра Севера может принадлежать периоду возвращения к духу принципата Августа и быть реакцией на не столь традиционные взгляды, которые в правление Каракаллы-самодержца высказывал Ульпиан. Но будущее принадлежало именно теории Ульпиана — в IV веке к римскому императору обращались как к «живому закону, стоящему над писаными законами». И такое отношение к власти стало общепринятым

и в условиях анархии и бесчисленных вторжений внешних врагов жители империи желали находиться под покровительством высшего существа.

Парадоксальность заключалась в том, что позаботиться о своих подданных силой власти, даже неограниченной, император мог, только соблюдая принцип разделения ответственности. Насущных проблем оказалось так много, что один человек не мог с ними справиться. Не достаточно было и делегирование полномочий заместителя префекта претория (с. 110) — тот не обладал авторитетом верховного правителя и его часто (и обоснованно) подозревали в желании занять императорский трон. Чтобы распределить обязанности, не вызывая подобных опасений, обращались к членам семьи самого правителя. Со времен Августа император при жизни возводил сына, родного или приемного, до статуса соправителя (с. 26). Марк Аврелий и Луций Вер правили вдвоем с равными правами, иногда неформально договариваясь, где чья территория (161—169 гг.). В результате мудрой династической политики Септимия его сыновьям Каракалле и Гете, ставшим соправителями, предстояло разделить империю между собой (211 г.)⁵. Хотя подтверждений этому факту нет, существует версия, что именно Каракалла убил Гету. Но подобная практика вскоре оказалась наилучшим способом управлять империей, защищать ее границы, тщательно следить за возможными соперниками и узурпаторами. К тому же разделение на две части нашло похвальный отклик у любителей древних традиций, бережно хранимых правящей элитой, — многие находили сходство с совместным правлением двух консулов. Позже именно эта традиция вдохновила сенаторов на попытку возвести на трон своих видных братьев, Пупиена и Бальбина, как императоров-соправителей. Первый должен был командовать войсками, противостоящими Максимино, а второй — править в Риме. Правление двух сенатских императоров длилось недолго и окончилось печально (238 г.), но достаточно, чтобы найти отражение на монетах, в лицемерной надписи о «взаимной любви императоров». Потом Валериан, на правление которого приходится пик кризиса, поделил империю на две части: под

свою власть он взял Восток, а Запад отдал сыну Галлиену (256 г.). Это стало первым явным разделом империи⁶, хотя авторитет отца никак не пострадал. То же можно сказать и о разделении государства при императоре Каре, который также отдал половину империи своему сыну Карину (282—283 гг.).

После смерти Кара Карин взял соправителем своего брата Нумериана. Но придать этому процессу систематический характер предстояло Диоклетиану, который сам управлял Востоком, а своему соправителю — августу Максимиану — отдал Запад. Более того, империю разделили не на две, а на четыре части, потому что у двух августов появились цезари — Констанций I Хлор и Галерий. Каждый цезарь подчинился своему августу, и каждый из четырех правителей получил регион под свое начало. Такая мера отчасти была вызвана необходимостью, ведь не мог же Максимиан иметь статус низший, чем у Караузия, узурпатора, правившего Британией (с. 31), против которого воевал если не сам император, то его подчиненные. Цезари тоже получили титулы в связи с тяжелой обстановкой на границах империи. Со временем кризисные мероприятия вошли в систему, ставшую перманентной. В период тетрархии возрос авторитет правителей. Тем не менее империя не раскололась на части — даже состоящая из четырех регионов, она оставалась «единой и неделимой»⁷. Цезари подчинялись обоим августам, законы одного августа считались законами второго и принимались именем всех четверых.

Двадцать один год спустя Диоклетиан отрекся от престола, хотя точно не установлено, сделал он это под давлением или по состоянию здоровья, а возможно, давно принял такое решение. Максимиан отрекся вместе с ним, но неохотно и лишь на время, а централизованная система, державшаяся только на личном авторитете Диоклетиана, пала. Двадцать лет потребовалось Константину, чтобы восстановить единовластие, но и он на закате жизни счел необходимым разделить империю между тремя сыновьями и своим юным родственником. В конце IV века завершилось деление Римской империи на Восточную и Западную. Далее две части когда-то единого государства развивались каждая по своему пути.

Раздел империи на части сопровождался увеличением автократии, направленной на более эффективное функционирование государства, противостоявшего внешним и внутренним врагам. Имперская пропаганда почти ничего не говорила о последних — речь шла лишь в общих фразах о безопасности императора. Зато постоянно подчеркивалась его роль как защитника (и завоевателя, в случае перехода в наступление) от внешних неприятелей, которые беспрестанно нападали отовсюду. Императоров того времени предпочитали восхвалять преимущественно как покорителей варваров — в надписях на монетах частую акцент делают на воинских заслугах правителя. Особенно заметным такое подчеркивание роли императора как главнокомандующего становится в тяжелый для Римского государства период правления Марка Аврелия. На монетах этого периода, в отличие от ранних, на которых прослеживаются темы внутренней политики и мифологии, император провозглашается верховным полководцем и воином. Теперь для жителей Римского государства важны доблесть и полководческий талант императора.

Адриан изваян с простертым ниц пленником у ног императора⁸, а Септимий возобновил древний обычай изображать правителя на коне, топчущем поверженного врага⁹. Развитие этой темы перешло всякие разумные границы в правление Константина и его наследников: они твердили о своей непобедимости, о том, что им предстоит завоевать все народы мира. Врагами, разбитыми римлянами, если не в действительности, то хотя бы на словах, часто становились персы. Те, в свою очередь, отвечали тем же, оставив потомкам изображение Шапура I, копирующего павшего императора Гордиана III (с. 41)¹⁰, чего, скорее всего, не было.

Опасности и несчастья III столетия заставили римлян упорно искать в императорах качества спасителя. Галльские риторы, преподававшие у Августа Треверов, неустанно восхваляли Максимиана, Констанция I Хлора и Константина за спасение мира от надвигавшейся катастрофы. Никогда ранее поклонение императорам не высказывалось словами столь подобоострастными, никогда страх и ненависть к врагам-варварам не выражались так эмоционально. Человек, который мог отразить их

натиск, безусловно становился избранным, равным богам. Когда Константин утвердил христианство государственной религией, его продолжали считать человеком, находившимся с богом в особых отношениях (с. 242, 254).

Подобное возвеличивание императора отразилось в церемониале в период домината, который невероятно усложнился и стал походить на церемониал при дворе тогдашних врагов Рима — Сасанидов, правителей Ирана.

Церемония приветствия Каракаллы уже свидетельствовала о развитии иерархического этикета¹¹. Мелочное подобострастие в рамках церемониала, разработанного более тщательно, чем в эпоху принципата, стало привычным при императорском дворе в III веке¹². Первых императоров чествовали приветствием (*salutatio*), теперь его сменило prostиrание ниц (*adoratio*), право на подобное чествование прежде имели только боги и цари. Элагабал был первым, кто пытался ввести это в обычай, но официальный статус *adoratio* получило при дворе Диоклетиана как следствие тенденции, опиравшейся на различные греко-римские и восточные веяния, согласно которой уважение к личным качествам императора перекрывало абстрактное преклонение перед статусом правителя. Пресмыкательство перед Диоклетианом выражало поклонение скорее пурпуру, чем человеку, в него облаченному. Такое отношение к правителю укоренилось, и многие церемонии, обычаи, титулы двора тетрархов, более официозные, чем существовавшие раньше, сохранялись на протяжении всей тысячелетней истории Византии и перекочевали в церемониал средневековых германских королевских дворов.

Диоклетиан, как и его собрат-август и их цезари, сторонился людей и жил в уединении, вызывающем почтение и трепет, недоступный ни для своевольных солдат, ни для разочаровавшихся в нем подданных. Нечастые появления правителей на публике, происходившие в построенных для этой цели великолепных дворцах (с. 150), казались театрально обставленными пришествиями богов, облаченных в роскошные одежды. Одежда императора становилась величественнее

с каждым новым правителем. Со времен Марка Аврелия в монетах, а еще заметнее — в памятных медалях, эстетика которых всегда была относительно новаторской, просматривается акцент на аспекте самодержавного величия. Золотая вышивка как необходимое украшение императорских мантий и туники появилась, скорее всего, в период правления Коммода¹³. Позже, когда стало ослабевать предубеждение римлян против императоров, носящих боевое облачение, на медалях появляются различные художественно исполненные и украшенные орнаментом щиты, скипетры с орлами на набалдашнике, олимпийские плащи с бахромой (*aegis*), носившиеся на одном плече. Появились и поясные бюсты императоров, которые, в привычной для изображений богов манере, представляли полуобнаженными. Богов стали иногда изображать в облачении императоров. Например, Септимий изображен на картине в помпезном комстюме полководца-триумфатора. Александр Север на медалях тоже облачен в триумфальное одеяние.

Во время короткого перерыва в правлении династии Северов (217—218 гг.) император Макрин появлялся на публике в полупанцире (кирасе), обильно разукрашенном золотом и драгоценными камнями, и с брошами. Известно, что римские солдаты не одобряли подобные чудачества, считая такой стиль в одежде подходящим лишь для варваров и женщин¹⁴. Тога консулов тоже засияла драгоценными камнями в правление Галла (251—253 гг.)¹⁵ — это отражено на его монетах. Такой карнавальный костюм, богато разукрашенный искусной вышивкой, становится еще ослепительнее и непривычнее для римлян на портретах Проба, отчеканенных на его монетах разных выпусков. Императоры стали красоваться в великолепных кольчугах, а лавровые и дубовые венки, привычные для римских правителей, сменяются диадемами, которые всегда ассоциировались с самодержавием. На серебряной медали Галлиена уже появляется нечто похожее на диадему, об Аврелиане говорили, что он ее носил, а медаль Нумериана (283—284 гг.) изображает императора в диадеме со звездой спереди. Диоклетиан и его соправители носили шлемы, украшенные драгоценными камнями, — их угрюмые лица странно контрастируют с великолепными одеяниями, украшенными золотой тесьмой. Позже головы

Лициния и Константина изображаются на фоне нимба или чего-то похожего на солнечное сияние — это подразумевало неземной свет, исходивший от их лиц, как внешнее проявление их божественной озаренности (с. 243). В IV веке оставалось совсем немного различий между портретами римских императоров и их врагов (или «братьев») Сасанидов, величие которых считали божественным. Римляне разве что не переняли у царей Ирана ленты в складку, ожерелья и серьги, а также манеру изображать на монетах каждого царя в своей особенной короне. Никто из римских правителей так не любил показное величие, как Константин, чьи роскошные густые локоны украшала диадема с жемчугом. Это великолепие было признаком нового, христианского абсолютизма, определенного и описанного в полной энтузиазма биографии Константина Евсевием Кесарийским (260—340 гг.) из Палестины. Этот первый историк Церкви, следуя греческой традиции, применил ее к Константину, восхваляя самодержавие того времени как архетипический образ правления, соответствовавший Царству Божьему и противостоявший анархическому беспорядку Республики¹⁶.

Император в одеянии, украшенном драгоценностями, утратил личные качества за исключением тех, которые можно выразить почти-тельными определениями в превосходной степени. Статуи, авторы которых стремились передать это величие, застыли в сверхъестественной неподвижности, далеко отошедшей от гуманистических традиций классического периода (с. 136). Действительно, во время появлений на публике сами императоры застывали, уподобляясь своим статуям. Когда сын Константина Констанций II посетил Рим (357 г.), он проехал по городу, ни разу не повернув голову ни влево, ни вправо. Даже когда под ним затрясло колесницу, не наклонил голову и не сделал ни одного движения руками. Видевшим его людям он казался лишь подобием человека.

Правительство

У римского сената были практически только номинальные полномочия. Однако шесть сотен сенаторов являлись очень богатыми людьми. Среди них были также лучшие полководцы, в поддержке которых

нуждался император. Статус сенатора считался весьма почетным в глазах жителей империи всех социальных групп¹⁷.

Изначально все сенаторы происходили из Италии. При Веспасиане (69—79 гг. н. э.) доля италийцев составляла более 80%. Но Траян (98—117 гг.), сам родом из Испании, допускал в сенат выходцев из провинций не реже, чем жителей Италии. Вскоре последних оставалось не более половины, и они должны были заседать в сенате рядом с выходцами из Северной Африки, Галлии и Испании. Во второй половине II в. н. э., несмотря на усилия Марка Аврелия сохранить сенат этнически чистым¹⁸, появляется все больше выходцев с Востока — сирийцы и прочие азиаты, которые раньше в числе сенаторов встречались очень редко.

Эта тенденция набирала обороты в правление Септимия Севера и Каракаллы. Из 479 сенаторов, чье происхождение известно, Италию представляли только чуть больше 40% (204 человека), а потомки 43 патрицианских родов, заседавших в сенате за сто лет до того, редко встречались. В число упомянутых 479 человек входили 41 представитель западных провинций, 72 африканца, 5 иллирийцев, 157 представителей восточных провинций¹⁹. В III веке италийское представительство оставалось на том же уровне, а доля Востока составляла уже более 30%²⁰. Число представителей западных регионов заметно снизилось. Если при Веспасиане их численность составляла 70%, то к концу III века — всего 13,6%. Относительно необразованное население придунайских провинций, несмотря на значительное представительство в армии и среди императоров того времени, в сенат «поставляло» лишь несколько человек.

Обычно отношение правителей к этому органу власти было неоднозначным — любезно-подозрительным. Подозрительность в адрес сената проявлялась в стремлении императоров на некоторые ключевые посты назначать не его членов. Например, если на должности наместников провинций и командиров войск всегда назначались сенаторы, Август доверил всадникам (*equites*) не только управление баснословно богатым Египтом, но и командование своей преторианской гвардией. Всадники были классом, находившимся на социальной лестнице на одну ступень (по богатству) ниже сенаторов. Во II веке всадники, кото-

рые обычно получали этот статус, прослужив в армии на трех офицерских должностях, часто прикреплялись к высокопоставленным чиновникам из числа сенаторов в чине их советников или заместителей.

В правление династии Северов подобная практика стала применяться и в отношении наместников. Их кресла в провинциях оставались свободными — всадники управляли вместо наместников в ранге исполняющих обязанности. Септимий, как и некоторые его предшественники в I веке, плохо относился к сенату, потому что многие сенаторы поддерживали его соперников в гражданских войнах 193—197 гг., а полномочия сенаторов в период роста значимости чиновников, подчинявшихся императору, казались пережитком прошлого. Септимий исключил из сената тех, кто не пришелся ему по нраву, и на их места назначил новых людей из числа всадников. Многие из новых членов сената поднялись до звания всадника из рядовых или младших командиров²¹. Септимий продолжил ослаблять традиционное влияние сената, выбрав всадников для управления новой провинцией Месопотамией и командования новообразованными легионами.

Слом установившихся традиций стал очевиден, когда армия возвела на престол первого императора, бывшего всадником, а не сенатором. Им оказался юрист из Мавретании по имени Макрин (217—218 гг.). Это стало новшеством, болезненным для консерваторов, таких как сенатор и историк греческого происхождения Дион Кассий. Незадолго до или после времени правления Макрина²² в своем произведении он вложил в уста Мецената, советника императора Августа, слова в защиту стабильного, централизованного общества, в котором каждый знал бы свое место. Меценат у Диона дискутировал, явно на злобу дня, с более демократичным Агриппой и таким образом выражал протест против перемен, которые могли только повредить. Дион, родом из Вифинии, полагал, что чиновники должны назначаться из представителей всех частей империи, но только из старинных родов — элитного правящего класса. Этим людей император должен сделать соратниками, с тем чтобы воспрепятствовать влиянию пролетариата на политику²³. Автор вкладывает в уста Мецената такие слова: император может относиться к советам сената как к формальности, но все равно ему

не пристало их не спрашивать, кроме того, он должен защищать достоинство и личную безопасность сенаторов.

Почитатели Александра Севера (222—235 гг.), в правление которого Дион занимал должность сенатора, говорили, что этот император возродил былое величие сената. Но его почтительное отношение к сенату объяснялось скорее слабостью, чем либерализмом, и, в любом случае, не помешало неотвратимому упадку значения сената. Дион настаивал на том, что сенаторам нельзя отказывать в праве занимать высшие должности в армии, но подобная тенденция сохранялась²⁴. Вскоре всадники оказались командирами пограничных гарнизонов в Дура-Европос и в Триполитании, а со времен Галлиена, который сам происходил из знатной senatorской семьи, должности командиров, предположительно, больше не доставались сенаторам — только всадникам. С тех пор сенат поставлял только наместников в провинции, в которых не размещали войска, а также чиновников на некоторые административные и судебные должности в Риме и Италии²⁵. Эти процессы стали неотъемлемой частью нарастающего раскола между гражданской и военной бюрократией. Каждый император хотел назначить военачальниками сведущих людей — людей, которые достигли своего положения благодаря собственным усилиям и не были связаны никакими иными узами.

В тот период с римских монет исчезают изображения фигур, олицетворявших сенат, но появляются вновь через несколько лет, когда сенат (чего давно уже не случалось) возвел на престол императора Тацита (275—276 гг.). Армия, которая обычно сама выдвигала кандидатов и правители (с. 25), тогда поддержала предложение сената. Интересы сената и армии сблизились, несмотря на то что в сенате уже не было старших офицеров и очень мало иллирийцев, доминировавших в армии. Среди членов сената можно было встретить владельцев крупных латифундий, которые сотрудничали с военной элитой, чтобы заставить крестьян платить налоги. К тому же в этот период духовные ценности и абстрактные символы казались важнее действительности, и, по мере того как власть сената сходила на нет, военные больше почитали это древнее собрание, воплощавшее в себе идею Вечного города (с. 232).

Кандидат от сената Тацит правил недолго, а Диоклетиан считал нужным отдавать формальные почести сенату, хотя сам редко сотрудничал с ним. Сенат служил символом единения и благополучия, его гений изображен на монументе Диоклетиана на римском форуме.

Разделение гражданской и военной бюрократии завершил Константин. К тому времени, если не раньше, прежнее различие между сенаторами и всадниками полностью стерлось. В сенате в Константинополе (вдвое большем, чем в Риме²⁶) два класса слились в один, состоящий из чиновников и крупных землевладельцев. Старая аристократия теперь безоговорочно подчиняется новым, почти средневековым порядкам. Помимо этого, император Константин решил увеличить число преданных себе людей, создав новое сословие так называемых спутников императора — комитов (*comites*). «Друзья» императора, наслаждавшиеся привилегиями участвовать в дворцовом церемониале, существовали всегда, они были исключительно сенаторами до вступления на трон Септимия, когда и всадники стали попадать в этот круг. Но Константин прибавил к таким официальным «друзьям» еще и спутников, которые получали свою должность пожизненно или на усмотрение императора. Спутники подразделялись на три класса, а избранные служили в императорском совете.

Императорский совет — внутренний консультативный орган, стоящий гораздо ближе к императору, чем сенат, брал свое начало от древнего римского обычая. Чиновники Римской республики, когда им предстояло принять решение, обычно собирали группу экспертов или просто друзей и советовались с ними. Август придал этому обычаю новое значение, и его советники фактически подготавливали заседания сената. Но во II в. н. э. у совета появились более широкие полномочия, поскольку императоры, прибравшие к рукам законодательную власть (с. 96), нуждались в консультациях опытных юристов и использовали совет в качестве императорского суда. В императорском совете Адриана сложилось ядро из экспертов-профессионалов, а ко времени прихода к власти Северов руководители различных ветвей исполнительной власти, фактически определявшие политику государства, доминиро-

вали в совете. Префект претория становился заместителем председателя (с. 109).

При Септимии совету многое позволялось, но его сын Каракалла оказался слишком раздражителен и нетерпелив для того, чтобы выслушивать рекомендации советников. Тем не менее с переходом всех ветвей исполнительной власти под прямой контроль императора возростала роль этого собрания (его одобрил даже Дион Кассий) в переменах, охвативших римскую цивилизацию. Членами императорского совета становились теперь выдающиеся юристы эпохи (с. 110) — в совете Александра Севера из семидесяти человек их было двадцать, остальные — сенаторы и чиновники. Их заседания стали настолько формальными, что мнение каждого из членов совета вносилось в протокол. Император Максимин I (235—238 гг.), чьи самодержавные амбиции ограничивались его скудными познаниями в латинском языке, в значительной мере зависел от этого института власти. В более трудные времена, последовавшие за его правлением, об императорском совете упоминаний очень мало.

Совет при Диоклетиане стал влиятельным кабинетом министров. Ключевыми фигурами в нем были крупные чиновники гражданских служб. Дальнейшая реорганизация совета (*consilium*) Константином в орган под названием *consistorium* (в котором его члены уже не сидели, а стояли в присутствии императора), ознаменовалась триумфом глав органов исполнительной власти, которые при исполнении своих административных, судебных и законодательных контрольных функций не подчинялись уже никому, кроме императора.

Гражданская бюрократия состояла из принадлежавших императору рабов, его вольноотпущенников, а позже и всадников, из числа которых император, чтобы реорганизовать оставшуюся со времен Республики государственную машину, набирал свою домашнюю прислугу и довольно малочисленные секретариат и «финансовый отдел». Представители императора на местах также имели свой штат бухгалтеров. Во II веке императоры, особенно Септимий, который набрал чиновников в основном из Сирии, Малой Азии и своей родной Африки, расширили

этот бюрократический аппарат, явственно принимавшего очертания самостоятельного учреждения. Последующий период хаоса, когда редкие императоры способны были крепко сидеть на троне, придал административной машине самостоятельность и уверенность в своих силах²⁷, что оказалось весьма на руку правителям вроде Галлиена, которые в поисках опоры для своей власти не хотели полагаться на сенат.

В правление Диоклетиана этот автономный бюрократический аппарат становится огромным за счет значительной части среднего класса Римской империи. Для того чтобы обеспечить огромную армию (с. 76) новобранцами и припасами, Диоклетиану требовалось создать еще более сложную структуру исполнительной власти. А та в свою очередь, чтобы подчеркнуть свою преданность императору, приняла некую милитаризованную форму. Укрепившаяся при Диоклетиане бюрократия, коррумпированная и недостаточно эффективная, на протяжении столетий оставалась столпом Византийской империи, а государство благодарило своих чиновников за работу весьма невысоким жалованьем²⁸.

Коренные изменения произошли и в управлении провинциями. Диоклетиан, который и сам служил наместником, увеличил количество провинций более чем в два раза. Таким образом, у наместников новых небольших провинций почти не оставалось соблазна взбунтоваться, тем более что они уже не имели никакого отношения к командованию войсками. Вместо этого наместникам следовало сосредоточиться на финансах и правосудии (с. 34). Диоклетиан не остановился на этом и объединил сто мелких провинций в тринадцать диоцезов. Эти большие регионы, послужившие моделью национальных государств, образовавшихся на их территориях в Средние века, располагались так: четыре на Востоке (Сирия, Месопотамия, Палестина, Египет), два в Малой Азии (Азиана и Понтика), три на Балканах (Мезия, Фракия и Паннония), по одному на севере и юге Италии, Африка, Испания, по одному на севере и юге Галлии, Британия²⁹. Диоцезы какое-то время управлялись «генерал-губернаторами» — викариями (*vicarii*), подчинявшимися префектам претория³⁰. Но в период гражданских войн между отречением Диоклетиана и утверждением единовластия Константина

стастина должность викария исчезла, и префекты претория установили контроль напрямую над заместителями провинций.

Изначально префекты претория были командирами личных телохранителей императора. В эпоху Ранней империи эти функционеры самостоятельно, а чаще разделяя свой пост с одним или двумя коллегами, играли заметную роль в возведении императоров на престол, а потом помогали им удержаться у власти. Хотя в течение стабильного II столетия смена власти происходила практически без эксцессов, должность префекта оставалась одной из важнейших. Префекты руководили военными кампаниями, или отвечали за снабжение армии, или выполняли при императоре обязанности начальника штаба во время боевых действий.

Правители ни в коем случае не рассматривали префектов как «вице-императоров», предпочитая оставлять такую высокую должность, если приходилось кого-то на нее назначать, для членов своей семьи. Первым префектом, которому удалось использовать в полной мере широчайшие полномочия этой должности, был Перенний — один из двух префектов при Марке Аврелии, а при Коммоде — единственный. Перенний пал (185 г.), но его авторитет вскоре перешел «по наследству» к постельничему императора, фригийскому вольноотпущеннику по имени Клеандр. Префект Лет был одним из тех, кто стоял за убийством двух императоров, и, заподозренный в измене, был казнен третьим (193 г.)³¹. Соотечественник Септимия, африканец Плавтиан, достиг головокружительных высот, выдав дочь замуж за сына императора, Варакалла, но зять вскоре низверг Плавтиана (205 г.).

К тому времени префекты претория исполняли обязанности заместителей председателя императорского совета. Им также было поручено следить за сбором натуральных налогов натурой, от которых зависела боеспособность армии. Таким образом, префектура, далеко выйдя за рамки своих первоначальных функций, фактически становилась важнейшим ведомством — финансовым (с. 73—77). Сверх того, Септимий обычно поручал своим префектам претория заслушивать от заместителей провинций жалобы — их в период гражданских войн

стало особенно много — и доверил им же судебную власть в Италии, где судопроизводство действовало по древней традиции — с выборными из частных лиц судьями³². Именно юридическая сторона обязанностей префекта претория становилась более важной: со временем на этой должности (или в качестве заместителей префекта) место привычных военачальников заняли величайшие юристы того времени, а возможно, и всех времен. Когда префектами претория стали Папиниан и Ульпиан (с. 113), власть в Риме оказалась в руках законников. Но этот период, начавшийся в правление Септимия и продолжившийся при Каракалле, не отличался особыми успехами, так как юристам трудно было управлять преторианцами, и через двадцать лет на эту должность снова ставили выходцев из армии. Дион Кассий высказывал беспокойство по поводу сосредоточения власти над войсками в руках префектов претория³³. Так, Гордиан III, слишком молодой, чтобы руководить армией империи, женился на дочери префекта претория и доверил ему командование всеми войсками на период военной кампании (242 г.). К счастью для императора, префект Тимеситей был не только способным полководцем и администратором, но и человеком, бескорыстно ему преданным. Однако нельзя то же сказать о Филиппе Арабе, который поднялся сначала до префектуры, а потом и вззошел на трон. Когда Валериан и Галлиен разделили империю между собой, у каждого появился свой префект претория.

У префекта претория, как и у других военных руководителей, был штат чиновников и клерков, откомандированных из армии. При Диоклетиане, в период общей милитаризации правительственных структур, в бюрократический аппарат проникло много военных. К тому времени префекты — по традиции двое — стали великими визирями с подвластным им хорошо укомплектованным аппаратом, занятым сбором податей в денежной и натуральной формах. Префекты также надзирали за состоянием дорог, почты и оружейных мастерских, контролировали администрацию на местах, сначала через своих представителей, а потом и напрямую.

Но Константин решил, что в руках префектов претория сосредоточено слишком много власти, чтобы они работали эффективно и не

представляли опасности. Тогда они утратили право командовать армией, которое перешло к двум магистрам — конницы и пехоты. Префекты сохранили за собой многие другие функции, включая снабжение армии новобранцами, припасами и оружием. Когда Константин незадолго до смерти поделил империю между своими наследниками, префектур претория тоже стало четыре — по одной для каждого из будущих императоров²⁴.

Расцвет римского права

Римское право в полной мере отражает римский рационализм и любовь к порядку. Прибегая к закону по необходимости, в соответствии с известными прецедентами, не забывая нисколько о насущных потребностях повседневной жизни, юристы постепенно создали систему, в которой слились воедино научное мышление и здравый смысл. Началось это очень давно, когда жреческие коллегии, сохранявшие священное право, вынуждены были открыть свои секреты обществу. Необходимость толковать законы, немногочисленные и несовершенные, подняла престиж светских юристов. По мере оформления светского судопроизводства стало очевидно, что обеспечивавшие их работу преторы — граждане, избранные на публичные должности, — и выбранные истцом, ответчиком и претором судьи недостаточно хорошо понимают плохо систематизированное законодательство. Поэтому в судах стали прибегать к помощи профессиональных юристов. Им приходилось задаваться вопросом: что имели в виду должностные лица, составившие те или иные законы и эдикты, как соотносились эти законы с реалиями повседневной жизни. Довольно скоро выводы юристов получили общее признание и приобрели такую же силу, как и сами законы. Это стало значительным достижением римского права. В течение пяти веков юристы в основном давали комментарии к законам и отвечали на обращения граждан. Зачастую юристы не представляли истцов и ответчиков в суде, соответственно их отстраненность от процесса возносила их мнения до уровня общих основ права. Юристы также писали труды, обучали молодежь правоведению на основе примеров из жизни — из наиболее характерных судебных тяжб.

Таким образом, юриспруденция как знание справедливости и несправедливости в божеском и человеческом³⁵, успешно развивалась по меньшей мере с 300 г. до н. э. Юристы оставались частными лицами до тех пор, пока Август, опираясь на мнения узкого круга лучших законодников, не придал им официальный статус. Многие юристы стали пропагандистами императорской власти. Во II в. н. э. сенат утратил законодательные функции — теперь он просто регистрировал законы, проекты которых (*orationes*) подавались принципсом³⁶. Но большая часть правовой «работы» императора заключалась в ответах на вопросы, которые подданные направляли правителю. Ответы для правителя составляли юристы — в истории римского права тот век стал периодом торжества творческой мысли. Сальвий Юлиан, необычайно талантливый африканец, еще не достигнув тридцатилетнего возраста, стал при Адриане редактором общего свода эдиктов (*edictum perpetuum*) (129 г.). Потом Цервдий Сцевола служил советником великого императора Марка Аврелия и наставником другого — Септимия Севера³⁷.

В правление Септимия наступает второй этап золотого века римской юриспруденции. Хотя это время не охарактеризовалось таким же расцветом законотворчества, но именно тогда стали разрабатываться основы права, существующие и сегодня. Юристы, занимавшиеся сбором и комментированием наследия своих предков, много времени посвящали консультированию чиновников, а затем записывали результаты своей работы. В этом проявилось влияние греческой культуры, ведь многие юристы были выходцами с Востока. Впоследствии их комментарии были признаны неиссякаемым источником правового наследия, которое Рим оставил потомкам. Труды юристов представляют огромный интерес для исследователей истории Римской империи: они рассказывают, как поступали императоры и чем они руководствовались, проливают свет на секреты функционирования государственной машины и государственной идеологии³⁸. Необходимость в опытных юристах при Септимии Севере и его преемниках подтверждают сведения о том, как много знаменитых юристов были членами императорского совета и даже некоторое время — префектами претория (с. 110).

Первым юристом, занявшим этот важный пост, стал Папиниан, вероятно, сириец, как вторая жена Септимия Севера, и ученик Цервдия Сцевола, как сам император. Папиниан стал префектом претория в 203 г., но в 212 г. при Каракалле, то ли из-за открыто высказанного неодобрения об убийстве Геты, брата нового императора, то ли из-за своей непопулярности среди преторианцев, Папиниан был убит по наущению Каракаллы. Папиниан не написал ни одного трактата, в котором системно изложил бы свои взгляды на право, но объемные сборники и конспекты его решений поставили имя Папиниана на первое место в истории римской юриспруденции. Независимый, не боящийся переменить свое мнение, он принимал решения тщательно обоснованные и демонстрирующие не только его редкую пронизательность, но и оригинальность мышления. Более склонный к обобщению, чем его предшественники, Папиниан посвятил себя служению справедливости, нравственности и человечности. Наклонности его лежали скорее в области критики и суждений, а не творчества, но критика Папиниана обоснованна, умеренна и непредвзята. Он применял закон ответственно, основываясь на собственном понимании правды. Его архаичный, сжатый стиль подкупает изяществом, с которым автор безошибочно, но без самолюбования излагает факты, касающиеся какого-либо вопроса права, и освещает только самое важное.

В 426 г. власти предписали именно Папиниана считать юристом, мнение которого должно быть определяющим, если в комментариях других авторитетов были расхождения (с. 115). Сейчас исследователи большее внимание уделяют деятельности юристов — предшественников Папиниана, но следует признать, что другие, кроме упомянутого Сальвия Юлиана, советника императора Адриана, не выдерживают никакого сравнения. Некоторые, правда, считают, что своим талантом Папиниану не уступал Ульпиан³⁹. Этот юрист, родом из Тира, работал в правление императора Каракаллы. В 222 г., уже при Александре Севере, стал одним из префектов претория, не смог обуздать амбициозных преторианцев и был убит в 228 г. Его основательные труды, отражающие тенденцию всей тогдашней бюрократии к созданию общего свода законов, охватывают все области права и, таким образом,

исключают необходимость обращаться к прежним корифеям. Ульпиан как человек деловой, авторитетный и беспристрастный, писал чрезвычайно легко и понятно (хотя и с канцелярской осторожностью) и превосходно владел огромным и несистематизированным материалом.

Павел служил префектом претория в то же время, что и Ульпиан. Вообще на годы пребывания этих знаменитых юристов в этой должности пришлось много невзгод и мятежей, а тот факт, что Ульпиан и Павел не ссылаются на работы друг друга, говорит об отсутствии дружеских отношений между ними. Среди многочисленных трудов Павла — значительное число теоретических монографий, а самая знаменитой, дошедшей до наших дней (скорее компиляцией) стали «Сентенции» (*Sententiae*)⁴⁰. Слова самого Павла довольно трудно отделить от позднейших изменений и вставок, поэтому о нем высказывались противоречивые суждения, в том числе обвинения во вздорности и догматичности. Нет сомнений в том, что Павлу явно недоставало такта. Он не стеснялся противоречить самому себе, однако, уступая в ясности изложения Ульпиану, Павел превосходит того в широте своих интересов, в независимости и силе абстрактного мышления, в способности критически разбирать суждения других юристов. Но целью работы обоих являлось общее стремление подытожить, собрать воедино и сделать понятным и удобным для пользования огромное наследие предыдущих поколений, чтобы получить простое и систематическое изложение римского права в целом⁴¹.

В середине III века из-за усиления самодержавия, частой смены императоров и в силу того, что лучшие умы того времени стали оказывать предпочтение духовным вопросам, особенно христианскому богословию, эта серьезная работа была приостановлена. Так и закончилась эра великих юристов⁴². Но законотворческая деятельность императоров продолжалась. Диоклетиан, считавший худшим из всего, что может сделать правитель, нарушение законов и установлений предков⁴³, стремился подавить влияние греческих и других неримских правовых моделей и заставить население империи пользоваться именно римским правом. Сохранилось около тысячи трехсот ответов Диоклетиана на запросы судей и частные обращения. В его же правление

составлялись компиляции императорских эдиктов и прочих указаний, начиная с правления императора Адриана. Эти документы становились главным источником права при доминате, а их компиляции не один раз использовались как юридические справочники, и, несмотря на появление этих книг в порядке частной инициативы, они признавались имеющими юридическую силу при разборе дел в судах⁴⁴.

При Диоклетиане традиции классического правоведения сохранились. Но его упадок отражает принятый в правление Валентиниана III в 426 г. в Западной Римской империи закон, согласно которому устанавливались правила использования в суде трудов юристов-классиков. Закон демонстрировал недоверие к способностям судей того времени и пробелы в знаниях тех, кто его составил, и, безусловно, имел широкое практическое применение. Составленный в 438 г. кодекс византийского императора Феодосия II — сборник указов верховной власти в 312 г. — стал новым этапом в обобщении законодательства⁴⁵ и, вместе с компиляцией трудов Павла и сборниками, составленными при Диоклетиане, представлял собой упрощенную версию римского права, функционировавшего на варварском Западе, управляемом германскими королями.

Изучение права не прекращалось в Восточной Римской империи, юристы продолжали обобщение, создав «Дигесты» Юстиниана I (528—534 гг.) — сборник, в котором содержатся почти все знания о римской юриспруденции⁴⁶. Комиссия из шестнадцати человек под руководством Трибониана по поручению императора свела в два тома, удобных в применении, упорядоченный и прокомментированный юридический материал. Членам комиссии предписывалось помнить о гуманности, здравом смысле и общественной пользе. Результат их труда — «Дигесты» — стал памятником великим юристам эпохи Северов, поскольку большая часть этой компиляции, с изменениями и вставками, взята из произведений Папиниана, Ульпиана и Павла⁴⁷. Только из работ Ульпиана позаимствовано 2462 отрывка, что составило третью часть «Дигест» в целом.

Юристы и префекты претория при Северах через часть своего труда, сохраненную в «Дигестах» Юстиниана, повлияли на мировую культуру.

туру сильнее, чем многие другие латинские писатели, включая даже Вергилия, Цицерона и Овидия. Вновь открытые в XII веке в Италии «Дигесты» (или «Пандекты») стали одним из главных факторов интеллектуального пробуждения в позднем Средневековье. Ирнерий, преподаватель Болонского университета, использовал их при изучении деятельности пап, императоров и коммерсантов. Универсалистские стремления Каракаллы и Диоклетиана получили неожиданное развитие через тысячу лет после их смерти. Заключенные в «Дигестах» произведения великих юристов эпохи Северов стали теперь основой права, широко представленные ими образцы обоснованного принятия решений, ясности и разумности в суждениях восхищали одареннейших людей Западной Европы. Подход к правосудию, разработанный при Северах, становится образцом для юристов на многие века. Еще в XIX веке труды великих юристов прямо или опосредованно служили основой европейской юриспруденции. Даже сейчас, почти две тысячи лет спустя, они не канули в Лету и помогают все новым и новым поколениям юристов.

Правоведы II—IV вв. н. э. считались с правами отдельного человека настолько, насколько это не противоречило потребностям государства. При Марке Аврелии были расширены права женщины, его же законы, как и при Септимии Севере, отражают заботу о несовершеннолетних и рабах. Последние все еще оставались в положении движимого имущества, и рабство признавалось общим для всего мира обычаем. Впрочем, уже звучали заявления некоторых юристов о том, что рабство противоречит человеческой природе⁴⁸.

За исключением вопросов политики и налогообложения юристы, занимавшие должности префектов, судей или советников при императоре, всеми силами поддерживали традиции римского права, защищая основные установления общества — семью, частную собственность и священность обязательств, и даже стремились сделать их мягче и гуманнее (с. 123). Несмотря на суровость своего режима, Септимий Север следовал этим тенденциям, например, в законах против абортных и о сохранении за женами прав на их приданое. Император

даровал привилегии многодетным семьям и беднякам⁴⁹, в целом стремился сделать так, чтобы люди меньше страдали за грехи отцов. Государство учредило ссудные кассы для покупки земли, наместникам провинций предоставили более широкие полномочия, с тем чтобы они не только реагировали на чрезвычайные ситуации, но и защищали бедных и обездоленных от своих хищных соседей и от солдатни (с. 81)⁵⁰. Позднее императоры принимали подобные законы⁵¹. Единовластие, в установлении которого активное участие принимали юристы, таким образом, не сводилось лишь к централизации, но и отражало стремление к упорядочению и уравниванию всех в правах. Эти принципы оформились уже при Марке Аврелии, политика которого отражала его представления о равенстве всех пред законом. Он писал об этом в своих *Размышлениях*⁵². Дион Кассий также вкладывал в уста Мецената свои идеи о сглаживании всяких различий⁵³.

Справедливость и равенство обеспечивали надежное теоретическое прикрытие для уравнительной политики, но подлинной целью ее являлось исключение любых возможных волнений и смут, которые помешали бы государству максимально эксплуатировать всех своих подданных, принуждая их честно служить и платить непомерные налоги. Еще Дион Кассий заявлял о фискальном подтексте закона Каракаллы 212 г., известного как *Constitutio Antoniniana*⁵⁴. Этот закон даровал всем жителям империи, кроме рабов и некоторых других категорий населения⁵⁵, статус римских граждан, до того принадлежавший италийцам и аристократии — привилегированному меньшинству — в провинциях. Столь значительное событие не нашло отражения на монетах, где упоминаются вещи и менее важные. Такая вялая реакция на закон Каракаллы объясняется тем, что он стал лишь завершающим этапом в долгом процессе, описанном в работах юристов и в труде Марка Аврелия. Демократичность этого закона отражает универалистские взгляды Каракаллы, подражавшего Александру Великому, и соответствует широкому, на тот момент, распространению грамотности (с. 163).

Однако уравнивание людей в правах означало общее понижение их статуса. То же касается отмены привилегированного положения Италии.

После обнародования закона Каракаллы налоги на наследство и на освобождение рабов, которым подлежали римские граждане, распространились и на всех тех, кто стал гражданами благодаря упомянутому закону⁵⁶. Одновременно была удвоена ставка налога на наследство (с. 73). Но фискальный подтекст умело скрыли за воззванием к религиозным настроениям. Закон был представлен Каракаллой как благодарность за убийство его якобы вероломного брата Геты, таким образом устанавливая связь между подданными императора и Римом с его традиционными культурами.

С отменой различий между гражданами и подданными, а равно между Италией и провинцией римское право уравнили с правом общеимперским и даже международным⁵⁷, в судах, видимо, люди должны были выступать в равном положении. На самом деле стирание различий между гражданами и негражданами произошло в период глубоких социальных изменений. Прежнюю неупорядоченность статуса территорий и их обитателей сменило социальное неравенство. К представителям разных социальных слоев закон применялся по-разному. Высший класс (*honestiores*) состоял из землевладельцев, чиновников, военнослужащих, членов городского самоуправления и, позже, духовенства. Остальное население принадлежало к низшему классу (*humiliores*) — они обладали меньшими правами и несли по приговору суда более тяжкие наказания. Представителя низшего класса — даже обладающего статусом римского гражданина — могли подвергнуть порке, пыткам и казни, раньше так наказывали только неграждан. Такие наказания уподобляли граждан рабам⁵⁸, и вскоре так стали называть многих «свободных» арендаторов. К тому же правом апеллировать к императору обладали только *honestiores*⁵⁹, и, хотя представители высшего класса тоже несли тяжелые повинности перед государством, как свидетельствуют юристы⁶⁰, худшим наказанием для них служило лишение статуса *honestiores*.

Такое правовое различие было новым — исключая обычную подозрительность римских императоров по отношению к сенату, они всегда отдавали предпочтение высшему классу. Деление на классы имело место еще во II веке, но неофициально, а в III веке значение титулов

неуклонно возрастало. В целях усиления иерархичности юристы эпохи Северов закрепили законное неравенство между *honestiores* и *humiliores*. Хотя правители-гуманисты часто издавали законы, направленные на смягчение этого неравенства (с. 116), гораздо больше мероприятий поддерживали интересы землевладельцев, в том числе и те, которые помогали удержать бедняков в их тяжком положении. Поэтому во времена кризисов, несмотря на все усилия власти пробудить в людях патриотический энтузиазм, ответ зачастую оказывался довольно вялым.

Законодательство Диоклетиана и Константина сочетало стремление облегчить положение простого человека и свирепые угрозы тем, кто осмелится не подчиниться власти. В обстановке запугивания Диоклетиан издал эдикт о ценах, желая помочь солдатам и бедным людям, поэтому указал фиксированные цены на товары в мелкой монете, отчеканенной из низкопробного металла. Продолжая эту линию, Константин положил конец многим противоречиям в законодательстве, а его реформы, вдохновленные христианской церковью, включали запрещение самых жестоких наказаний, попытки (малоэффективные) отучить людей от пристрастия к гладиаторским боям, улучшение положения в обществе женщин, детей, обремененных долгами крестьян, заключенных и рабов⁶¹. Но Константин позволил применять пытки как следственные меры, да и многие наказания, к которым приговаривали тогда суды, по-прежнему оставались зверскими.

На протяжении десятилетий без изменений в законах прослеживается осуждение одного и оправдание другого, звучащие с резкостью, угрозами и... нотками отчаяния. Происходило это потому, что на практике законы зачастую просто игнорировались. Шестеренки проворачивались, но не сцеплялись⁶². Септимий Север и многие другие жестко боролись с коррупцией чиновников⁶³, но выражение «продавать дым» (*futum vendere*), означавшее взяточничество и покровительство, очень часто употреблялось в адрес властей, особенно судебных. Уголовное судопроизводство стало нечестным, грубым и произвольным. Суды Поздней империи, несмотря на меры Диоклетиана, походили на лабиринты, процессы двигались медленно, а стоили участникам

недешево. Судопроизводство усложняли многочисленные туманные и противоречивые особенности римского права, а судей, чей срок пребывания в должности был слишком коротким, легко можно было запугать. Со временем оставалось все меньше компетентных судей. Для простого народа такая неэффективность судов не казалась недостатком, они считали, что лучше уклониться от деспотических законов, чем добиваться справедливости. Власть стала тяжким бременем для своих подданных, но обездолжить их навсегда была не способна.

Таковой оказалась эпоха, начавшаяся правлением Северов и деятельностью великих юристов. Папиниан, Ульпиан и Павел по праву заняли почетное место в мировой истории права, и едва ли кто-то превзошел их впоследствии. Их труды имели огромное значение и внесли важнейший вклад в развитие Европы, но оценить их по достоинству смогли только по прошествии тысячи лет после их смерти. При жизни деятельность этих юристов приносила людям скорее несчастье, чем благо, так как их целью являлось не только облегчение положения незащищенных слоев населения, но и, в большей степени, обеспечение сбора налогов и строгой дисциплины в общественной жизни, что казалось необходимым для спасения престижа армии и государства в целом. На практике результаты их работы не стали причиной несчастий для жителей империи и не затронули стольких людей, как можно было бы опасаться. Неэффективность исполнительной власти, особенно на местах, позволила многим простым людям не обращать внимания на методы подчинения их воле императора, так добросовестно и остроумно разрабатываемые юристами.

III

**ХУДОЖНИКИ,
АРХИТЕКТОРЫ,
РОМАНИСТЫ,
ФИЛОСОФЫ**

III

ALPHABETICAL
INDEX
OF
THE
WORKS
OF
THE
REV. FATHER
JOHN
BAPTIST
MURPHY

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА

Расцвет римской скульптуры

Выдающимися достижениями скульптуры II в. н. э. стали императорские рельефы. Шедеврами следующего столетия следует считать уже портреты императоров.

Характерный для Рима прием изображать достижения императора на рельефе нашел отражение еще в алтаре Мира императора Августа. Следует назвать также арку Тита и колонну Траяна. Колонна Марка Аврелия, завершенная после его смерти (ок. 190—195 гг.), предназначалась для увековечения побед императора над германцами. Колонна напоминает построенную ранее в честь Траяна — рельефы, расположенные в виде восходящей последовательности сцен, словно поднимающихся по спирали, повествуют зрителю историю. Но рельефы на колонне Марка Аврелия открывают новый мир, отличающийся большей тонкостью чувств. Скульпторы не довольствуются простым рассказом о событиях, как на колонне Траяна, — они стремятся поведать современникам и потомкам о страданиях и душевных порывах. Когда войны превратились в борьбу не на жизнь, а на смерть, их перестали воспринимать как часть привычного хода событий. Война, во время которой необходимо было разрушать и убивать, стала ужасным и омерзительным занятием. Намного острее художники передавали боль и страдание, особенно в отношении варваров, в которых видели разъяренных хищников, как на монументе Траяна, а не людей, не менее уязвимых, чем сами римляне. Мир эпохи правления Марка Аврелия был миром страха. Много в нем оказалось и сверхъестественного, например Чудо Дождя, изображенное подобно привидению. Это чудо, как полагали, спасло римские войска в безвыходной ситуации (с. 269). Художники стали работать в новом стиле, цель которого — передать

сущность изображаемого и произвести впечатление на зрителя. Сосредоточиваясь на образе, они устраняли все несущественные детали, при этом изображения на рельефах вырезали глубоко, чтобы четко выделить их из смутного, затененного фона. Фигура императора, теперь уже вдвое больше, чем фигуры его спутников, напоминающие скорее учеников, обращена не к ним, а к зрителю.

Рельефы на арке Септимия Севера в Риме (203 г.) сохранились хуже, чем на колонне Марка Аврелия, и значительно отличаются по манере исполнения. Заметно изменение стиля: фигуры стали более приземистыми, а последовательность сцен с высоты птичьего полета напоминает сложный плетеный узор. Очевидно, истоки такой манеры — в народной живописи, образцы которой не сохранились, но известно, что образцы, выполненные в ней, присутствовали в парфянском триумфе Септимия¹. На арке Септимия Севера в городе Лепчис Магна (ок. 203 г.) есть стела, изображающая в том же привычном повествовательном стиле сцену осады, которая издали напоминает географическую карту. Другая сцена на памятнике в Лепчис Магна, где император предстает на своей колеснице, демонстрирует новую технику, напоминающую средневековую. Изображение характеризуется двухмерностью, в отличие от классической пластичности, повторяющейся симметричностью и жесткой фронтальностью.

Принцип симметрии, входивший в моду у художников, ранее появился на римских медалях. В течение III века симметричная композиция стала и на римских монетах такой же привычной, как схематичные изображения алтарей огня на монетах Сасанидов. Несколько скульпторов, работавших над аркой в Лепчис Магна, происходят, как установили исследователи, из древней школы в Афродисиаде (в нынешней Турции). Но подчеркнуто фронтальная подача фигуры императора, как на небольших воротах серебряных дел мастеров в Риме (204 г.), происходит из регионов, находившихся значительно восточнее Афродисиады, а именно из пограничных между Римом и Парфией земель, для которых такой прием был типичен. Фронтальная подача, конечно же, и раньше прослеживалась на греческих и римских рельефах и монетах, но изображение Септимия в застывшей позе напоми-

нает об изображении богов-спасителей в пограничных городах, таких как Пальмира (в Сирийской пустыне), Дура-Европос и Гатра (в Месопотамии)². Портреты анфас встречались в западных областях Ирана еще задолго до нашей эры³. Для периода правления Септимия Севера характерна параллель с образцами греко-буддийского искусства Севериной Индии, очень близкими по стилю к пальмирской скульптуре. Возможно, восточное искусство повлияло на средиземноморское благодаря морской торговле, пути которой лежали через Персидский залив⁴. Изображения царей из династий Аршакидов и Сасанидов смотрят на зрителя напоминая магические образы на талисманах⁵.

Колесница на арке в Лепчис Магна изображена только частично анфас, но на монетах, сначала в восточных провинциях, а потом и в Риме, достаточно быстро сцены с колесницами приобрели абсолютную фронтальность⁶. В центре рельефа из Лепчис Магна фронтально, среди прочих фигур, показан Септимий. Он еще заметнее, чем Марк Аврелий на своей арке, обращен не к другим участникам композиции, а к зрителям. Император смотрит на них, как Будда на своих почитателей. Создатели арки стремились прежде всего произвести впечатление на чувства зрителя, не особенно обращаясь к его уму. Арка отражает происходивший в то время духовный переворот, в результате которого в изобразительном искусстве появились фронтальные симметричные мозаики Византии.

XX столетие, прошедшее после постройки арки Септимия Севера в Лепчис Магна, шедевры рельефного искусства появлялись не в Римской империи, а в Иране. Массивные рельефы, созданные во второй половине III века, призваны были увековечить победы Сасанидов. В искусно выполненных изображениях Парфянского царства сохранялись традиции, перешедшие от древних Вавилонии и Ассирии, но они не стали такими повествовательными, как римские, состоявшие из последовательных сцен. Иранские рельефы сосредоточиваются на символических композициях, в которых передается главное, что зрителю стоит запомнить⁷. Такие рельефы имели и магическое значение: считалось, что изображение победы должно было чудесным образом усилить могущество государя.

Но до конца III столетия эти внушительные памятники иранского искусства не находили соответствия или развития в римской культуре, в которой сохранялись принципы гуманизма, а столь новый подход с ярко выраженными фронтальностью и симметричностью, не применялся к традиционным повествовательным композициям, рассказывавшим о людях и их делах. Заметную роль в римском искусстве играли рельефные композиции. Известна великолепная работа по серебру, выполненная преимущественно в натуралистической манере⁸. Рельефы можно увидеть на бесчисленных саркофагах (с. 265), кроме того, художники, придерживавшиеся официальной идеологии, продолжали традицию многофигурных повествовательных изображений, посвящая их покойным членам императорских династий. В этом русле разрабатывалось, по меньшей мере, два сюжета. Сцены с участием философов и мудрецов отражают эллинистическое наследие в духовных и эстетических течениях того времени (с. 134). На одном из саркофагов изображена объемная фигура — полулежащий человек, очевидно, недолго правивший император Бальбин (238 г.)⁹. Другие саркофаги изображают правителей или их прославленных родственников, особенно часто — в центре великолепных батальных сцен¹⁰ (столь же сложные сплетения фигур встречаются на монетах и медалях). Битвы на саркофагах означают победу покойного над смертью и злом. Рассматривая эти статичные изображения, напоминая узор на ковре, прежде всего замечаешь центральную фигуру всадника, который доминирует среди массы сплетенных тел сражающихся, поражая неземным величественным спокойствием. Саркофаг из коллекции Людовизи — один из лучших образцов этого жанра — в подобной манере изображает в центре сложной композиции человека, которого исследователи считают (не без сомнений) Гостилианом (ум. в 251 г.), младшим сыном императора Деция¹¹. Итак, скульптурный рельеф продолжал применяться для разного рода официальной пропаганды, хотя, как и в портретной живописи, изображения обрели подтекст, ибо не скрывали жестокости и боли своего времени (с. 131).

К историческому рельефу как таковому, продолжая традиции арки Тита и колонн Траяна и Марка Аврелия, снова прибегнул Галерий, когда

приказал построить арку в Фессалониках, знаменовавшую его победу над Сасанидами (296 г.), причем эта арка подчеркивала, что римлянам была знакома техника изготовления рельефов, в которой цари Ирана увековечивали свои победы. Сравнительно маленькие фигуры арки Галерия, создатели которой словно забыли о пространстве и перспективе, схожи с изображениями на саркофагах. В композиции арки четко выделяются ее составные части: стремительное движение и статичность — застывшие фигуры, которые взирают на зрителя в уже знакомой манере по аркам Септимия Севера, построенным столетием раньше. Фигуры четырех императоров, намного большие человеческого роста, являются центральными фигурами «во славе», а фигура Галерия, обращаясь к своим войскам, подчеркивает всю пирамидальную композицию, символизируя верховную гармонию как отражение установленной свыше вечной гармонии.

Плоские, приземистые, неестественной формы человеческие фигуры встречаются в более искаженном виде на арке, прославляющей победу Константина над Максенцием (312 г.). Композиция, отражающая движение в обе стороны, характеризуется большей стилизацией, чем на арке Галерия, и представляет ряды однообразных фигур, как в настенной росписи III и IV веков¹², предвосхищая византийские мозаики (например, в Равенне¹³). Сцены, на которых Константин обращается к войскам и вознаграждает их за службу, снова исполнены строго симметрично. Император находится в центре композиции, он неподвижен, но в то же время является отправной точкой всего движения на ней. Образ подданных Константина, всего лишь обрамляющих его величие, передан в виде плотных рядов безликих фигур, напоминая о лишенных всяческой самостоятельности и покорных властям коллективах и корпорациях, характерных для того времени (с. 85 и далее).

Художники периода тетрархии и последующих лет работали в классической манере. Например, головы Константина и его соправителя Лициния на арке являются прекрасным образцом переходного стиля, когда искусство еще окончательно не обратилось к схематизму (с. 135). Если портретисты умышленно отбрасывали гуманистические традиции, то создатели массовых сцен на арке императора черпали вдохновение в архаичном, грубом и выразительном искусстве простого народа,

которое не умирало в провинциях и сохранялось в культуре античного, если можно так сказать, «андеграунда». В тот век, когда большинство императоров происходили из провинции, да еще из крестьянских семей, примитивное искусство становится преобладающим. Константин раздавал привилегии налогового иммунитета, для того чтобы побудить скульпторов, художников и мозаистов к творчеству в этом, характерном для его времени стиле¹⁴. Их грубая работа, напоминающая резьбу по дереву, с точки зрения классических стандартов кажется попросту неумелой. Но эти стандарты тогда уже утратили свое значение. Никто не противился тому, что на арке Константина соседствуют рельефы, различительно отличавшиеся по стилю. Архитекторы эпохи Константина настолько пренебрегали традиционной гармоничностью, что даже позаимствовали разнородные готовые капители для строительства церквей. Поэтому тогдашние художники, работавшие в псевдопримитивной манере, умышленно отбрасывали классические утонченность, возвышенность и реализм как ненужные. Они изображали не человека, а глобальные политические и духовные процессы, в которых тело конкретного смертного не значило почти ничего, будучи винтиком огромного механизма.

Изменение стиля передачи образа императора от Марка Аврелия до Константина происходило таким же образом, но оказалось намного разнообразнее и богаче. Скульптурный портрет за относительно небольшой период изменился настолько, что начальный и конечный результаты уместно сравнить с различиями между французской живописью XIX и начала XX века.

Скульптурные портреты частных лиц не исчезли, художники продолжали выполнять их с прежним совершенством¹⁵. Однако основное отражение развитие этого искусства нашло именно в портретах императоров или членов их семей, выполненных с несравненным мастерством в официальном или гуманистическом ключе. В трудные времена правителям приходилось спешно утверждаться на престоле, а чтобы население как можно скорее узнало, как выглядит новый император (Элагабал еще до прибытия в Рим отправил в столицу

свой портрет в образе верховного жреца¹⁶), ставили бюсты на главных площадях и в общественных зданиях по всей империи. Императоры нанимали лучших скульпторов. По тем же причинам портреты на монетах выполнялись со всей возможной тщательностью, так как именно благодаря обращению монет многие люди очень быстро узнавали своего нового правителя в лицо. Портреты на монетах часто помогают и современным исследователям идентифицировать бюсты. За государственным переворотом обычно следовал выпуск монет, потому что императору надо было раздавать подарки и выплачивать жалованье войскам. Найдены монеты даже тех претендентов на трон, которые продержались у власти очень недолго¹⁷. Памятные медали с изображениями императоров и их родственников встречаются гораздо реже, но по мастерству исполнения и разнообразию они не уступают лучшим образцам скульптурного портрета. Во втором веке медали чеканились из бронзы, а с середины III века и позднее — в основном из золота. Этими медалями награждались офицеры и другие люди, представлявшие ценность для правителя.

Во II в. н. э. при изготовлении мраморных бюстов чаще применялся сверла для усиления контрастности света и тени, естественно, с расчетом не на полумрак современного музея, а на площади под ярким средиземноморским солнцем. Эти тенденции проявились и в изображениях Марка Аврелия, что можно проследить на примере его известных, не очень выразительно исполненных портретов¹⁸. Эллинистическая мудрость и идеализм императора сменяет устремленность к небу, характерная для портретов из Малой Азии и Греции. Недавно найдена золотая голова, предположительно Марка Аврелия, напомнила исследователям о «святом из церкви». На его некоторых других бюстах также изображают движение от классицизма к более условному символизму поздней Античности. Зачастую художники в одно и то же время работали в нескольких стилях, поэтому при изображении Луция Вера, правителя Марка Аврелия, и Коммода, сына последнего, предпочитали различные причудливые стили вроде барокко, прибегая к полировке поверхности. Такие бюсты, с их гладкими, атласными лицами, демонстрируют внимание художника к чувственности плоти.

Септимий Север, желая отвлечь внимание жителей империи от осознания того, что наступили тяжелые времена, обратился к пропаганде, напоминая о «золотом веке» Антонинов, которых он называл своими духовными предшественниками, поскольку был усыновлен ими. Его натуралистические бюсты, где император предстает с бородой, как и на медалях, отвечают утонченному и пышному стилю II века. Бюсты Септимия созданы по образцу портретов Марка Аврелия и Луция Вера, но отражают некоторые изменения в технике выполнения и в психологии. Изображение стало более плотным: роскошные волосы, вьющиеся, как у бога Сераписа, плотно прилегают к черепу (с. 319), а глаза (зрачки в них стали делать с начала II века) иногда возведены к небу. Император взволнованно смотрит на богов, которые считались его сотоварищами (с. 240)¹⁹. Этот стилистический прием тоже свидетельствует о дальнейшем развитии изобразительного искусства. На монетах рисунок иногда становится схематичным, с резкими линиями. Скульптурные портреты женщин из семьи Септимия, происходивших из Сирии, передают несвойственную римлянам чувственность, тонкую и спокойную, которая отражает сильный характер этих женщин, их политическое и интеллектуальное могущество. Живописные прически помогают придать образу плавность или, наоборот, угловатость. А поворот головы и выражение глаз согласуются с изображаемым на некоторых бюстах Септимия — дух, временный гость в человеческом теле, различим за чертами лица²⁰. Таким образом, все вышеперечисленные аспекты свидетельствуют о том, что самоуверенный и самодовольный гуманизм исчезает из искусства.

Среди наилучших портретов начала III века стоит упомянуть бюсты Каракаллы, озлобленного, нервного, в то же время подражавшего Александру Македонскому. Лицо императора выражает беспокойство, лоб нахмурен. Эти портреты стали прекрасным образцом для подражания для художников эпохи барокко. Лицо, на котором запечатлены жестокость и обреченность, стало новой моделью для художественных работ в стиле барокко. Этот император не стал философом на престоле. Марк Аврелий Антонин — жестокий и грубый Каракалла — оставил

сбалансированную политику Антонинов ради дерзкого самоутверждения. Прическу в греческом стиле сменили короткие, приглаженные шевитки, которые на монетах из восточных провинций стали изображать стилизованно²¹. На мраморном бюсте, представляющем убитого, возможно Каракаллой, Гету, его брата, такая прическа еще короче, волосы плотно прилегают к черепу; она символизирует солдатскую приерженность к дисциплине, отвергавшую эллинскую утонченность²², то есть жизненную позицию, ставшую позже весьма распространенной. Римские монеты 217—218 гг. и бюсты Александра Севера и, особенно, Максимиана I (235—238 гг.) демонстрируют наброски подобных коротко стриженных волос и бороды, выполненных в несколько схематичной манере при помощи легких и частых ударов резца²³.

Противоречивые натуралистические и схематические тенденции теперь соседствуют, именно их соперничество и скрытое напряжение возводят скульптурный портрет III века в ранг самого замечательного достижения римского искусства (очевидно, оно также пришлось наиболее по вкусу нашим современникам). Брови иногда изображаются одной линией, привлекая внимание к воздетым ввысь глазам под тяжелыми веками. Тенденция сосредоточиваться на выражении глаз, существовавшая и при Северах, теперь выступает на первый план, ведь в этот век духовности глаза ценились как зеркало души (с. 173), а лоб восхищал скульпторов, открывая возможность точно передать характер человека. Но ничто не должно было отвлекать зрителя от выразительности закатываемых кверху глаз, подчеркнутых ярко очерченным прачком и глубоко высверленной радужной оболочкой. Направленный не только ввысь, но иногда в сторону взгляд излучает внутреннюю жизнь и свет божественного, который пытались описать философы и богословы²⁴.

Скульптор пытается передать в глазах изваяния состояние души, и это удается ему достаточно натуралистично — глаза не кажутся застывшими и непроницаемыми. Наоборот, при внимательном рассмотрении можно увидеть, как душа терзается от тяжких горестей, сомнения и неверия. Расцвет скульптуры этого направления наблюдается в 240-х и 250-х годах при Филиппе Арабе, Деции и Галле. Портреты

этих императоров, как и изображения на монетах, выразительно передают обеспокоенность разрушением окружающего мира. Станным кажется желание правителей, чтобы их изображали в подобной манере, а не так, как Гойя нарисовал испанскую королевскую семью — в виде стада баранов. Императоры времен кризиса Рима не были глупы, но на портретах они выглядят глубоко встревоженными, едва ли не отчаявшимися, и художники, обладавшие огромным талантом (к сожалению, их имена неизвестны), показали обеспокоенность правителей с несравненным мастерством. Творцы максимально правдоподобно смогли передать, что императоры разделяли все тяготы своих подданных и что забота обо всех лежала именно на плечах правителей. Но эти шедевры скульптуры наводят на мысль, что бремя оказалось слишком тяжелым — так и было на самом деле. Или талант выдающихся художников заставил их забыть о сдержанности и о правилах приличия, или же именно такой образ правителя совпадал с предпочтениями государственной власти — соответствующий кризисным временам и обращенный к людям за помощью. В лице императора мы видим и отважность воина, которому нечего терять, и едва заметный скептицизм относительно возможности добиться чего-либо в этом материальном мире.

Лучшим в этом стиле стал великолепный скульптурный портрет Филиппа Араба (244—249 гг.) — правителя нового, варварского толка, который, однако, ничуть не утратил величественности римского императора. Образ запечатлен словно в минуту напряженного переживания. Здесь в полном объеме проявляется традиционный римский подход к скульптурному портрету — выхватить нечто особенное, характеризующее личность, при помощи одного быстрого взгляда, посредством впечатления. Но манера исполнения портрета — уже не скрупулезное очерчивание всех деталей для достижения максимального сходства — стала простой и грубой. В портрете, даже слишком человечном, это единственная уступка схематизму того времени. Доминируют в композиции нахмуренные брови Филиппа, обеспокоенность передают и рот, и мускулы лица. Черты лица императора кажутся подвижными — его облик как будто постоянно меняет выражение —

и говорят о подозрительности и подавленном беспокойстве²⁵. Это было время Плотина, который рассматривал искусство как следствие зла материального мира (с. 206) и советовал художнику осветить тело, изобразив душу²⁶. Плотину же принадлежат слова о том, что уродство живого существа прекраснее, чем красота статуй.

Подобная встревоженность прослеживается и в вызывающе асимметричном портрете Деция, нервно смотрящего на зрителя, и на изображении его преемника Галла, лоб которого нахмурен до такой степени, что это кажется нелепым²⁷. Еще резче очерчены морщины в области глаз, носа и рта — они демонстрируют крайнее напряжение. Но в устремленном на зрителя взгляде императора появляются признаки медитативной неподвижности. Жесткая передача застывших черт лица, упрощение объемов, пока слабовыраженные, свидетельствуют о начале процесса переделки, искажения человеческого лица до неестественных форм, когда передается уже не внешность, а движение души и божественные силы. Что бы ни чувствовали эти люди, именно на чувстве делался акцент, а внешний вид изображался все более обобщенно, далеко от конкретной индивидуальности.

Позже развитие такой тенденции дошло до крайности, хотя оно не было постоянным и непрерывным. История скульптурного портрета — не прямая линия, а ряд вспышек, высвечивающих различные этапы развития и изменчивость моды. В годы тяжелого военного и экономического кризиса, что сказывалось на вкусах художников, Галлиен вернулся от суровых и резких изображений своих предшественников к откровенно классическому, эллинистическому стилю, напоминающему об Августе или, скорее даже, о греческих монархах, преемниках Александра Македонского, и Адриане, предпочитавшем искусство периода эллинизма²⁸. Подражание античной классике, существовавшее, наряду с более поздними тенденциями, и в византийское время, оказалось даже более живучим, чем разнообразные провинциальные, пролетарские и архаичные элементы, временно выходившие на первый план в искусстве (с. 127). Иногда классицизм проявлялся в творчестве какого-либо художника «из подсознания» как часть его ремесла, но изображение Галлиена с мягкими чертами лица, короткой

бородой и взглядом, сверкающим гордостью, исполнено художником сознательно в пластической позднеэллинской манере. Возрождение традиций, разумеется не искусственное, не может быть абсолютным — портрет не так старомоден, как кажется на первый взгляд. Читается подтекст, намекающий на жесткость характера, классические черты лица отражают только внешность. Напряжение человеческого и сверхчеловеческого, природного и неестественного достигло временного неустойчивого равновесия. Мгновенные перемены настроения все еще интересуют художника, но поиск истинной реальности уже начинает отодвигать их на второй план. Не за горами наступление новой эры — Средневековья.

Временное возвращение к классической скульптуре соответствовало эллинистическим предпочтениям Галлиена. Подобно Августу и Адриану, он был посвящен в мистерии Деметры в Элевсине (с. 262). Но не стоит останавливаться только на его личных вкусах. В то время широко распространилась мода на одухотворенные портреты философов и святых людей. Эти бюсты, часто, но едва ли обоснованно отождествляемые с Платином, самым известным мудрецом того века и другом Галлиена, вселяют новую, аскетическую святость в идеалистическую традицию изображения философов, существовавшую с древних времен²⁹. Таким образом, эллинистические наклонности 260-х годов не касались только Галлиена. К тому же наиболее яркими копиями в античной классической традиции являются скульптурные портреты не Галлиена, а его соперника Постума, узурпатора, управляющего западными провинциями³⁰. В соответствии с древней традицией на золотых монетах чеканились головы, в то время как другие монеты Постума демонстрируют нечто новое: характерные для римлян портреты анфас — в такой же манере вырезали изображения и на скульптурных рельефах (с. 124). Фронтальные изображения на монетах изредка встречались у греков и римлян и раньше, но прежде всего это было характерным признаком парфянских монет и монет династии Сасанидов³¹. Манера изображения на портрете Постума вполне натуралистична, но он запечатлен, подобно иранским царям, в позе, которая представляет правителя как бога. Эта манера предзнаменова-

да появление в начале IV века на монетах таких же фронтальных портретов правителей — богоподобных и неподвижных. Позже ее унаследовала и Византия.

С того времени уже не наблюдается единообразный, установленный сверху подход к скульптурному портрету, а существующая неупорядоченность зависит от местных предпочтений в искусстве. Например, в своеобразной серии бюстов, изготовленных в Аквилее, есть бронзовый бюст Клавдия II Готского, в котором мало что осталось от классических традиций (и то римских, а не греческих), ибо преемники Галлиена никак не поддержали его стремление возродить эллинизм. Медленно, но верно начинает преобладать схематизм, причем акцент делается на глаза и другие черты лица, ярко передававшие духовную жизнь человека. Контраст духовности с реалистичным подходом прослеживается в выходящем, резко очерченном портрете Карина (283—284 гг.)³². Его взгляд передает ожидание откровения из мира иного и свидетельствует об утонченности личности императора. Лицо — не более чем вместилище души, тюрьма, из которой душа смотрит вперед, «нервно, беспокойно ища какой-нибудь смысл за повседневной жизнью, переполненной (насильственной) смертью»³³. Но душа и тело утратили взаимопонимание — теперь они противоречие. Художественные средства, с помощью которых создается портрет, перестали быть единым целым и находятся в ожидании того, кто соберет их воедино, но иначе.

Если импрессионизм XIX века сменила простота и цельность Сезанна, то и манера III века, колебавшаяся между реализмом и импрессионизмом, уступила место более грубому, простому и устойчивому подходу. Но на этом сравнение и заканчивается, ведь эстетические перемены, происходившие около 300 г., никакого внимания природе, в отличие от Сезанна, не уделяли. Здесь уместно вспомнить о Ван Гоге или даже кубистах. Реализм уже не соприкасался с природой, а изображал скрытую, вечную реальность сверхъестественного — искусство времен Диоклетиана, Лициния и Константина стало магическим «сверхреализмом».

Кубистская манера (ср. размеры головы Карина) утвердилась при изображении Диоклетиана, его троих соправителей в период тетрархии

и их непосредственных преемников. Выход на первый план катакомбного, пролетарского, крестьянского, провинциального искусства (и его смешение с идеями новой эры) произвел революцию в скульптурном портрете даже больше, чем на рельефах того времени, отражавшую изменения в тогдашней политической и общественной жизни. Хотя классические традиции в искусстве сохранялись и при Константине и Лицинии (310—324 гг.), а на Западе способствовали созданию настоящих шедевров, новым монетам и медалям Диоклетиана (294 г.) присущ стиль, определяемый резкой угловатостью, сухой линейностью и двухмерностью изображения, что стало следствием развития (весьма радикального) давних тенденций, проявлявшихся на монетах восточных провинций (с. 131). На новых монетах подданные могли видеть чуждые классическому гуманизму квадратные, коротко стриженные головы, лишенные шеи. Это было открытое отрицание какой бы то ни было нравственной слабости или утонченности.

Тем временем в этом же стиле создавались скульптурные портреты. Восточные корни нового подхода подтверждают яркие образцы — монеты из Антиохии и две скульптуры из Египта, которые без всякой уверенности исследователи сочли изображениями Лициния³⁶. Абсолютное отрицание канонов греко-римского искусства поражает при взгляде на две группы статуй в полный рост, представляющих двух августов и двух цезарей в боевом облачении и держащихся попарно за руки³⁶. Их изображения нереалистичны, стилизованны и симметрично уравновешены, а сами правители — неотличимы друг от друга. Одинаковость подчеркнута восхвалялась и придворными льстецами как свидетельство вечного единодушного согласия императоров³⁷. Доводя до крайности квадратный, приземистый облик человеческих фигур на тогдашних рельефах, скульпторы придают пустым лицам, а скорее маскам, императоров выражение затаенной угрозы. Но появление таких скульптур-монстров стало не результатом утраты мастерства и творческого бесплодия, как думал Гиббон, а следствием того, что художники уже неклассически, даже антиклассически воспринимали своих крестьянских императоров и окружающую их жизнь (с. 127).

Когда Константин стал единовластным правителем (324 г.), старые выразительные средства пластики были забыты не только на Востоке, но в значительной мере и на Западе. Человека и природу свели к символам, которые следовало уметь прочесть. Жизнь остановилась, люди утратили свою индивидуальность. Но к абстракции искусство еще не свелось. Окончательный отход от реализма произошел в эпоху Константина. Огромные величественные лики императоров, с неестественных размеров глазами смотрели поверх зрителя застывшим взглядом, устремленным в те дали, которые невозможно видеть³⁸. Так и Констанций II не шевельнул ни одним мускулом, когда торжественно проезжал по улицам Рима (с. 102). Бюсты с наименее возможной проработкой деталей, изваянные по принципу концентрических дуг, где изогнутые брови подчеркивают твердость взгляда, являются объектами культа, подобно колоссальным статуям иранских царей³⁹ и христианским иконам. Изображения Константина и его наследников стали идолами, одушевленными Святым Духом, в противоположность языческим кумирам, в которых якобы обитали демоны⁴⁰. Обеспокоенность зловещих изображений Диоклетиана и Лициния сменила непроницаемая серьезность Константина, медитативно созерцающего бескрайнюю Вселенную. Вот таким стало «божественное», или «священное», лицо, в котором художник эпохи Константина видел зеркало вечности.

Этот художник, как и его повелитель, не забыл, что такое спокойствие и порядок империи Августа, на наследии которой (в том числе) они воспитывались⁴¹. Но портрет эпохи Августа служил лишь материалом для новых творений в духе нового мира. Этот мир, уверенный в слабости человека, сделал безмятежность, постоянство и возвышенность теми достоинствами, за которые восхваляли императоров⁴². Но именно эти качества положили конец уникальному римскому искусству скульптурного портрета. Правителям теперь было достаточно и искусства, работавшего с двумя измерениями, чтобы внушить подданным покорность государственной власти и государственной церкви. Новая эстетика, утвердившаяся при Константине, и позже вдохновляла мозаистов и прочих художников Византии.

Города и дворцы поздней Римской империи

История скульптурного портрета отражает сочетание художественных приемов, заимствованных из разных частей Римской империи. На протяжении этого периода возрастало значение провинций за счет падения статуса Италии, тогда как сам Рим, поддерживаемый огромными, по сравнению с другими частями Италии, субсидиями из бюджета (с. 76), стал всего лишь одной из столиц, несмотря на наличие грандиозных построек и не менее грандиозного престижа.

Подобная трансформация повлияла и на изменения, произошедшие в чеканке монет, необходимых правительству прежде всего для содержания армии на границах империи. Во II в. н. э., за исключением продукции монетных дворов в Александрии и некоторых других городах, сохранявших традиционные греческие денежные единицы, имперская монета для удобства частично чеканилась в провинциях по римским образцам. Из Рима рассылались предписания в отношении объема выпуска денег и их внешнего вида. Но со времен гражданских войн 193—197 гг. становится возможно определить, какие золотые и серебряные монеты чеканил каждый из монетных дворов, расположенных в различных областях Римской империи⁴³. В течение III столетия новые монетные дворы, работавшие и с золотом, и с низкопробным металлом, время от времени возникали в провинциях, где к власти приходили претендовавшие на императорский трон узурпаторы. Кроме того, по воле законных императоров монетных дворов появлялось все больше, а различия между их продукцией становились все очевиднее. Нередко исследователи способны установить даже город, где была отчеканена монета⁴⁴. Потом, во времена правления Галлиена, а особенно — Аврелиана, на монетах появляются специальные отметки монетных дворов, по которым хорошо видно, из какого они города⁴⁵. Они присутствуют и на монетах Диоклетиана и его соправителей, выпускавшихся по единому образцу в огромных количествах. Централизация власти в период тетрархии была возможна только при условии распределения производства денег по провинциям⁴⁶.

К тому времени для императоров стало совершенно привычным относиться к Риму как неудобному местопребыванию, важнейшей

задачей для себя они видели оборону внешних границ. Многие власти по несколько лет проводили поблизости от северных и восточных границ. Например, город Сирмий (Сремска Митровица), основной командный центр в придунайских провинциях, надолго становился штабом войск Марка Аврелия, Максимиана I и других императоров. Когда Валериан счел необходимым поделить власть со своим сыном Галлиеном, Антиохия стала второй столицей империи, а после пленения Валериана военная угроза Северной Италии заставила Галлиена руководить войсками из Медиолана, а не из Рима.

Когда Диоклетиан и Максимиан снова разделили империю на западную и восточную половины, они взяли себе в помощники двух цезарей, таким образом, у государства оказалось четыре столицы. На Западе Максимиан правил в Медиолане, а его цезарь, Констанций I Клар, в Августе Треверов (Трире). На Востоке цезарь Галерий пребывал не в Сирмии, а гораздо южнее — в Фессалониках (нынешних Салониках), откуда командовал обороной дунайских границ. Но главная столица оказалась в том городе, в котором вззошел на трон и обосновался Диоклетиан, — в Никомедии на берегу Мраморного моря. Город обладал удобной гаванью (сейчас это турецкий порт Измит) и при этом располагался стратегически очень выгодно — там, куда не могло докатиться никакое нашествие варваров, но проходили важнейшие коммуникации между придунайскими провинциями и Востоком (по маршруту: Дунай — Морава — Марица — Малая Азия — Антиохия — Евфрат). Эти факторы повлияли на выбор Диоклетианом своей столицы. Константин же, посидев на престоле в Августе Треверов, Арелате (Арль в нынешней Франции) и Тицине (Павии), перенес свою столицу на родной ему Балканский полуостров. Сначала его резиденцией стал Сирмий (ок. 317 г.), а потом — Сердика (София). «Сердика, — говорил Константин, — это мой Рим»⁴⁷.

Но наиболее удачным для осуществления руководства обороной всех границ империи оказалось место, где дорога от Дуная к Евфрату пересекалась с проливами, связывающими Средиземное море с Черным. Проливы эти — Геллеспонт (Дарданеллы) и Боспор Фракийский (Босфор). Возле первого из этих проливов Константин и начал строитель-

ство в городе Илион (бывшая Троя)⁴⁸. Затем он решил отдать предпочтение Боспору, на западном берегу которого находился старинный город Византий, в 324—330 гг. отстроенный и превращенный императором в Константинополь. Недалеко от этого места в 324 г. флот Константина одержал победу над флотом Лициния, определившую результат их противостояния. К тому же здесь была великолепная гавань Золотой Рог. На протяжении своей истории Византий успешно отражал нападения врагов и с моря, и с суши (например, долго не поддавался Септимию Северу), зато торговцам приплыть или приехать туда было очень легко, поэтому у города были налажены контакты со всеми важными промышленными и культурными центрами Малой Азии и Сирии. Зерно для жителей Византии привозили по морю из Египта. Следует отметить, что в 324 г. никакого христианского влияния в этом городе не было и обряды, проводимые императором при основании своей новой столицы, имели языческий характер с преобладанием солнцепоклонничества (с. 255). Однако это давало властям возможность непосредственно руководить процессом христианизации новой столицы, дорогу для которой оказалось легче расчистить, чем в 100 лет коснелом в язычестве Рима (с. 336). Константин почти сразу объявил свой новый город единственной столицей империи и призвал именовать Константинополь новым (или вторым) Римом⁵⁰. При этом, по образцу Рима, в новой столице был построен форум, учрежден собственный сенат, а населению стали бесплатно раздавать зерно, привозившееся особо для этого предназначенным флотом, ранее обслуживавшим только Рим. В 330 г. появились специальные выпуски монет, прославлявшие CONSTANTINOPOLIS; одновременно с ними чеканились монеты, восхвалявшие Рим. Император не торопился. Рим не утратил никаких привилегий, и вначале Константинополю отводилось только второе место, а его сенаторам надлежало признавать первенство римских. Однако по замыслу Константина постепенно статус столицы должен был полностью перейти к Константинополю.

Вот так и началась история Византии. Западная Римская империя после окончательного разделения (395 г.) просуществовала недолго, зато Восточная выжила благодаря более удачному расположению

большей численности населения, более эффективному управлению, многочисленным и равномерно распределенным ресурсам. Константинополь стал не только столицей Византии, но и до взятия штурмом крестоносцами в 1204 г. оставался важнейшим городом Европы, образцом средиземноморского торгового центра Средних веков. После освобождения в 1261 г. два столетия Константинополь пребывал под властью византийских императоров, а в 1453 г. пал под натиском войск турецкого султана и превратился в его столицу — великолепный и процветающий Стамбул. Уже в XVI веке Константинополь-Стамбул опять стал столицей империи, равной которой в Европе не существовало. Основанный Константином город полторы тысячи лет соперничал с Римом за первенство в политической, духовной и художественной сферах.

Несмотря на почти непрекращавшийся финансовый кризис, императоры, ради поддержания престижа, считали своим долгом возводить во всех столичных городах дворцы и другие здания и тратили на это огромные средства, особенно в Риме. И хотя роль этого города и в политической, и в экономической жизни государства снизилась, власти строили общественные здания с размахом, не сравнимым с любым грандиозным строительством в современном городе. Постройка и отделка таких зданий составляла весьма важную часть государственной политики. Однако заметные изменения в облике Рима последний раз произошли в правление династии Северов. Септимий Север на Палатинском холме построил диковинный дворец с фонтанами, получивший название Септизодий (203 г.). А статуя императора в образе бога солнца свидетельствовала о возрастании значения поклонения этому богу в рамках официального язычества (с. 248). Статуя находилась среди изображений семи планет, почитаемых астрологами. Они же занимали важное место в Пантеоне, построенном в Риме при Августе и перестроенном при Адриане. Если Пантеон представлял собой образец здания с доминирующим куполом, то Септизодий соответствовал более древнему стилю с преобладанием вертикальных и горизонтальных линий. Хотя здание окончательно разрушили в 1588—1589 гг., на картинах эпохи Ренессанса можно увидеть три ряда портиков, изящно

расположенных друг над другом⁵¹. По стилю Септезодий напоминает схожие постройки на родине Септимия — в Северной Африке⁵². Возможно, под влиянием азиатской архитектуры украшенный орнаментом фасад здания был обращен не к форуму, а к соотечественникам императора, приплывавшим из Северной Африки по морю, от которого в Рим вела «Священная дорога» (Via Sacra)⁵³.

Римляне изменили привычные размеры традиционного у греков четырехугольного здания храма, увеличив его. Особенной величиной и красотой отличался храмовый комплекс солнцепоклонников — Гелиополь (Баальбек в нынешнем Ливане). Великолепно приспособив в религиозных целях осевую планировку форума в конце II в. н. э. на искусственной сводчатой террасе святилища, к огромному храму Юпитера и Солнца зодчие достроили еще одно грандиозное святилище, сохранившееся до наших дней лучше других римских храмов. Предполагается, что храм был посвящен Дионису (Вакху), а площадка перед ним служила сценой для дионисийских мистерий (с. 263). Но склеп под лестницей, ведущей на эту площадку, к алтарю, напоминает христианскую базилику (с. 151), а украшенные каннелюрами (желобками) колоссальные пилястры (ложные колонны), поднимающиеся над двумя ярусами ниш, выразительно и пластично распределяя светотень, напоминают о художественных приемах искусства Ренессанса⁵⁴.

По своему великолепию с храмом в Гелиополе равнялось, или даже превосходило его, святилище, воздвигнутое в Риме по приказу Элагабала, для отправления родного ему сирийского культа солнца — божества, которое этот император провозгласил верховным, главой всех прочих богов (с. 249). При Александре Севере, двоюродном брате и преемнике убитого Элагабала, огромное здание на Палатинском холме, не сохранившееся до наших дней, получило другое назначение. Теперь оно стало храмом традиционного римского бога Юпитера Мстителя. На медалях нового императора изображен фасад этого храма, украшенный шестью колоннами и окруженный портиками. Дорога к храму шла через величественные ворота, а далее по длинной лестнице. Императоры продолжали заниматься планировкой городов и созданием украшенных колоннадами парков⁵⁵, но постройка коло-

аллиных храмов, привычных для Рима, архитекторы которых опирались на греческие традиции прямых линий, прекращается после Аврелиана. При нем было восстановлено Адрианово святилище, где почитались одновременно Венера и Рим (с. 235), а на Марсовом поле построен храм Солнца. На рисунке Палладио видно, что храм находился на гигантской закрытой четырехугольной площадке (подходы к ней были с двух сторон) и напоминал храмовый комплекс в Гелиополе.

Основное внимание в то время уделялось строительству различных зданий. Особое место среди них занимают термы. Эти великолепных сооружений в избалованной столице воздвигли в конечном итоге одиннадцать, девять насчитывалось в Константинополе; встретить термы можно было почти во всех городах Римской империи. Назначение терм весьма разнообразно, они служили не только банями, где мылись всеми возможными способами, но и в некотором роде «домами быта» и даже центрами развлечений. Многие люди проводили в термах значительную часть свободного времени. Все, что придумали строители терм, воздвигнутых в Риме Агриппой, Титом и Траяном, — разнообразнейшие террасы, потолки, своды, — Каракалла позаимствовал для роскошных терм, построенных по его приказу. Эти термы заложил еще при Септимии Севере в 206 г., Каракалла их торжественно открыл, но закончить постройку предстояло последующим императорам. Огромное здание, а скорее комплекс зданий, утратило роскошную отделку своего интерьерера, но сохранились его бетонные стены, облицованные кирпичом. Внешнему виду строения, по-видимому, недоставало единства композиции, но архитектор, очевидно, пребывал в поиске новых эстетических канонов, функциональных и основанных на контрастах. Еще нагляднее поиск новых форм виден в интерьере терм. Залы столь обширны, что человек теряется здесь — несмотря на то что термы строились для людей, архитектура их не гуманистична, впрочем, как и новый век, в котором индивиду суждено стать частицей толпы. Главный корпус (229 × 116 м) с примыкающим закрытым двором и садом, гимнасием под открытым небом и другими удобствами, украшен произведениями искусства и предназначен для приема, по меньшей мере, 1600 посетителей одновременно. В термах

находится полукруглое здание калдария (парной), 35 м по диагонали, увенчанное куполом. Сохранилась полуразрушенная апсида этого помещения. Главным в термах Каракаллы стал центральный зал с крестообразным сводом (57 × 24 м), в котором находился плавательный бассейн. Тяжесть перекрещивающихся бетонных сводов, поражающая и размерами, и тщательностью исполнения, лежит не на колоннаде, а лишь на четырех огромных столбах (что делает классические колонны декоративными), поэтому здание терм является предшественником архитектуры средневековых соборов со сводчатыми потолками.

Своды, купола, полукупола, апсиды, постройка которых стала возможна благодаря развитию новой техники, основанной на использовании легкого бетона, — все это ярчайшее достижение римской архитектуры, представшее в огромных залах терм⁵⁶. На примере таких же зданий, построенных в конце III века, если бы от них не осталось так мало, можно было бы проследить дальнейшее развитие этих тенденций⁵⁷. Они продемонстрировали бы, как все искуснее выполнялась кирпичная облицовка зданий снаружи (без покрытия кирпича мраморными плитами или гипсом), что можно видеть в термах Филиппа Араба, на здании театра в Филиппополе (в Сирии) и частных домах в Остии⁵⁸. Полукупол в фригидарии (холодной купальне) в Охотничьих термах в городе Лепчис Магна, построенный в конце III или начале IV века, украшен мозаикой, основой для которой раньше служили полы. Мозаикой выложены закругленные стены сводов, которые византийские мастера позднее украшали великолепной живописью на религиозные темы (с. 124, 149)⁵⁹.

Термы, построенные по повелению Диоклетиана и Максимиана на пепелище великого пожара 283 г., очевидно, вдвое превосходили размером термы Каракаллы. По остаткам центрального зала видно, что архитекторы на восьми огромных гранитных блоках разместили абактаблемент (перекрытие), на котором покоится свод⁶⁰. Императорские термы были построены и в Августе Треверов (Трире) — столице западной части империи в период тетрархии, где правил Констанций I Хлор. Достроены были эти термы, возможно, при его сыне — императоре Константине. Сочетая статичность и динамизм в архитектуре,

дание удивляет необычностью планировки; например, три закругленных апсиды в калдарии, искусная внешняя отделка терм отличается своей пластичностью, демонстрируя новые достижения римской архитектуры и в этой области. Новинкой стали и углубленные оконные проемы, напоминающие средневековые. В целом в массивном здании терм просматривается стиль, характерный для христианских базилик последующих веков.

Курия (здание сената), воздвигнутая при Диоклетиане возле римского форума, стала комбинацией ряда подходов, хотя это была отдельно стоящая постройка, а не комплекс зданий, как термы. Курия удивляет простотой — она похожа на ящик, сурова и возвышенна, состоит из прямых плоскостей и линий, разнообразие вносят только ниши. Широкий фасад, увенчанный простым фронтоном, пуст — здесь только дверь и три больших окна под крышей.

Шедевром того периода можно считать новый храм (базилику Максенция), возведенный неподалеку. Это здание, размером сравнимое с собором Парижской Богоматери (81 × 59 м), было возведено при Максенции, но позже перестроено при Константине, который в планах постройки отдавал предпочтение не длинным линиям, а коротким. Базилика Максенция напоминала тронный зал Сасанидов, повторяя смелую техническую и эстетическую идею выделить холл с перекрестно-сводчатым потолком. До этого периода эксперименты с возведением отдельных зданий такого типа, как, например, курия Диоклетиана, строились по принципу возведения базилик при рыночных площадях, выполнявших функции форумов — как место встреч для решения общественных, юридических и деловых вопросов. Такие базилики были, как правило, зданиями прямоугольной формы с проходами, украшенными колоннадой, и с плоскими крышами⁶¹. Они обычно ограничивались апсидами, а неф в этих постройках был с окном, выступавшим над крышами смежных проходов. Просторная сводчатая базилика Максенция была возведена с соблюдением указанных характеристик, но под влиянием новых веяний, которые прослеживались при постройке терм. Архитектурная модель базилики несколько

изменилась. Неф высотой 35 м, украшенный пересекающимися сводами (такие иногда встречались в Риме на протяжении последних четырех веков), особым образом пропускал свет. Эффект усиливали огромные закругленные вверху окна в романском стиле, установленные по одному в каждом отсеке. Они удивительным образом соотносились с массивной средневековой стеной. Отсеков в здании было только три. Они разделялись поддерживающими конструкциями, которые образовывали арки поперек сводов в проходах, соединявшихся с пилястрами боковых стен. Этот прием позволял максимально раздвинуть пространственные границы, о чем свидетельствуют три сохранившиеся, словно парящие ввысь, пролета нефа и проходы, которые ведут к северной апсиде, достроенной Константином.

Умение производить эффект безмерности в архитектурном искусстве достигло своего апогея в планировке императорских дворцов, на примере которых можно проследить главные достижения зодчих той эпохи. Императоры, правившие раньше, придерживались концепции возведения дворцового комплекса в парке. Те же, кто их наследовал, могли, очевидно, испытывать влияние помпезного стиля, характерного для Парфянского царства и государства Сасанидов (с. 38). Последние, в свою очередь, были обязаны за достижения в планировании дворцов и сооружений круглой формы, таких как дворец Ардашира I, Пероза, своим ассирийским и вавилонским предшественникам. Дворцовые залы, украшенные нефами и сводчатыми проходами, как дворцы в Гатре и Ашшуре в Парфянском царстве, позаимствовали свою форму у палаток, укрывавших кочевников от ветра. Дворец иранского царя Шапура I (ок. 239—270 гг.) был построен в греческом стиле, в виде четырехугольника, а полы его украшали ковровые мозаики, — так в одном архитектурном творении соединялись иранская и западная традиции⁶². Но Шапур возвел еще один впечатляющий дворец в столице своего государства Ктесифоне на Тигре. До наших дней сохранились своды здания высотой 25 м и поддерживающие их арки. Сасаниды смогли не только повторить архитектурные изыски своих предков, но и превзойти современников в Риме. Они привозили кир-

пич из Месопотамии и Персии, а колотый камень — с нагорья, у них в распоряжении был известковый строительный раствор, также они применяли гипс — все это позволило им добиться высокого уровня композиционного и художественного мастерства в создании сводов, куполов и огромных часовен. Эстетические границы декорирования интерьеров можно проследить в несколько однообразном рисунке фресок, отражавших настроение военной агрессии, этих величественных по размеру построек. Более значимым, с точки зрения архитектурной орнаментальности, можно считать дворец в Ктесифоне: простота дизайнерской мысли несколько усложнена рядами сводчатых галерей, выполняющих исключительно декоративную функцию. Этот элемент можно считать позаимствованным из греко-романской традиции, адаптированным к новой архитектурной модели, а позже вновь появившимся в декоративном искусстве (с. 126).

Первые римские дворцовые комплексы похожего типа можно отнести к эпохе Валериана и Галлиена, хотя обнаружение их императорских резиденций является задачей для археологов будущего. Можно предположить, что Валериан основал, а Галлиен развил традицию возведения дворцовых построек на территории лагеря-штаба в стиле сирийской Антиохии, когда дворец из соображений предосторожности располагался на восточной стороне оборонительного сектора всего лагеря. Такое же значение приписывается на западной границе Медиолану, который был застроен подобным образом при Галлиене. Медиолан граничил с мятежной империей Постума (с. 29), который тоже построил немало дворцовых зданий на территории своей столицы, разрушенных впоследствии.

Однако лишь при Диоклетиане, который разделил империю на четыре части с соправителями, начали возводить дворцы в центральных поселениях. Постройки характеризовались пышностью декора и внужительными масштабами. В Антиохии, где Галлиен праздновал свой триумф и которую считал оплотом восточной границы своих владений, Диоклетиан, его старший соратник, спроектировал новый город, унаследовавший иранский стиль «круглых форм», хотя пересекающиеся улицы города и отвечали требованиям военной науки Рима. Неуто-

мимый строитель, Диоклетиан украсил отстроенную и расширенную Антиохию несколькими складами зерна, двумя храмами, термами, оружейными заводами и реконструированным стадионом. Кроме того, он завершил строительство дворца, которое было начато еще при Валериане или Галлиене⁶³. Пальмира, восстановленная после разрушений в период правления Зенобии (с. 34), стала еще одним восточным городом, получившим от щедрой руки Диоклетиана не только множество построек военного назначения, но и императорский дворец. Дворец возвышался над симметрично расположенным лагерем, разбитым на холмистой местности. Для дворца была выстроена терраса, а в его центре помещалась комната для торжественных приемов, или тронный зал. Но сам Диоклетиан не жил ни в одном из этих восточных городов. Он поселился в Никомедии (Измите), которую застроил новыми зданиями, не сохранившимися до нашего времени. Они были спланированы так, чтобы своим великолепием затмить архитектурные достижения Рима.

Его соправители жили в Медиолане, Фессалониках и в Августе Треверов (с. 139). В Медиолане, который был важным культурным центром, Максимиан, очевидно, возвел необыкновенной красоты дворец. В Фессалониках, как показывают результаты недавних раскопок, могла размещаться резиденция Галерия. Большой восьмиугольный холл был обнаружен к западу от улицы, ведущей к морю. Архитектурный комплекс включал в себя ипподром, театр, пышные колоннады. Современная круглая церковь св. Георгия, видимо, была усыпальницей Галерия (с. 152). Но самые впечатляющие здания находились в Августе Треверов: поражает воображение суд тетрарха, который по праву можно считать одним из лучших образцов римского зодчества в северных Альпах. Констанций I основал свою столицу на месте бывшего поселения Постума: городские ворота сами по себе являются крепостью. Дворец Констанция занимал всю северо-восточную часть города. Там называемая базилика, здание 85 м длиной и 30 м высотой, которое с большой долей вероятности можно отнести к 300 г. н. э., было завершено Константином, а затем выполняло функцию тронного зала либо помещения для торжественных приемов. По стилю оно соответ-

ствует Пальмире эпохи Диоклетиана (с. 148). Просторное здание с крышей, крытой деревянным брусом, отличается большей простотой очертаний по сравнению с курией, относящейся к более раннему периоду эпохи Диоклетиана в Риме. Пережили испытание временем только отдельные участки ниш по обе стороны от полукруглой приподнятой апсиды. Северный сектор зала невелик. Он отделен от нефа аркой, форму которой можно считать предвестницей христианских храмов. Широкие стены, обработанные цементным раствором, пропускают свет за счет двух ярусов закругленных окон. Как и в базилике Максенция, присутствует сочетание приемов украшения здания внутри и снаружи для того, чтобы внешние стены выглядели укрепленными. Обязательным элементом являются массивные пристройки в виде аркад, возвышающихся над окнами. Подобное комбинирование компонентов дизайна создает гармонию вертикальных линий конструкции и органичное сочетание света и тени⁶⁴.

Фрагменты фигурных фресок, обнаруженные не так давно в императорском дворце в Августе Треверов, демонстрируют богато украшенный кессон потолка: на восьми сохранившихся панелях видны купидоны и женщины с драгоценными украшениями в руках. Эти фрагменты напоминают хорошо известные картины в катакомбах этого и более раннего периодов, изображавшие зарисовки из жизни язычников. Христианские картины, возможно, не отличались столь высокой техникой мастерства по сравнению с римскими художниками, но от этого не теряли в эмоциональности передачи (с. 301)⁶⁵.

Другим выдающимся видом искусства, который достиг расцвета в III—IV вв. н. э., было искусство мозаичного мощения, встречавшегося гораздо чаще, чем мозаика на сводах и стенах (с. 144)⁶⁶. В целом «ковровая» мозаика, обнаруживаемая на всех половых покрытиях, вытеснила саму идею других типов (панель, дорожки и т. д.) декорирования пола. Дворец, не так давно обнаруженный возле Генны на Сицилии, без сомнения является лучшим примером того, сколь высокого уровня мастерства достигли зодчие того времени в искусстве мозаичного декорирования пола. Раскопки позволили обнаружить 42 многоцветных фрагмента, в общей сложности

насчитывающих 30 миллионов мозаичных плиток на территории 2925 м². Хотя большинство мозаичных изображений демонстрируют сцены спортивных состязаний и охоты, сопровождавшейся убийством животных⁶⁸, декоративные возможности этой техники велики. Они проявляются в игре контрастов живых натуралистических изображений с точным соблюдением всех реальных деталей и намеренной деформацией и схематизированной передачей форм предметов.

Декор виллы Адриана в Тиволи, более поздние здания в Остии⁶⁹ демонстрируют намеренное игнорирование духа природы. Многочисленные здания Армерина построены с использованием трехмерного изображения, который создает эффект неожиданных линий в пространстве, «настойчиво меня направление и намеренно скрывая цель». Мозаичный портрет правителя дворца в пурпурной тунике и длинных серых брюках напоминает изображения Диоклетиана и Максимиана на монетах. Как известно, эти августейшие особы отреклись от престола в 305 году. Возможно, это и был один из особняков, куда Максимиан с огромной неохотой согласился, в конце концов, отправиться, хотя основным местом его проживания была Лукания⁶⁹.

Так или иначе, но Диоклетиан, старший из императоров, отрекся от престола раз и навсегда, после чего отправился в Салону в Далмации (нынешний Сплит). Его резиденция сохранилась хорошо, как никакая другая. На застройку Диоклетиан и потратил годы своего затворничества, пользуясь средствами от налогов. Он намерен был улучшить существующие дворцы своих предшественников и персидских противников. Сочетание гражданского и военного начал в архитектурных разработках того времени, более компактных, чем Пьяцца Армерина, позволило объединить комнаты дворца, залы на вилле Диоклетиана⁷⁰ и крепость, обнесенную стеной, дополнительно укрепленную смотровыми башнями⁷¹. Центральной осью в этом плане была главная широкая улица, которая вела от дворца через весь город к тронному залу. За внутренним двором, обнесенным колоннами, находился трехсторонний фасад, тоже украшенный колоннадой и увенчанный фронтоном славы. Над центральными колоннами, изогнутыми в виде арки, напоминавшей небосвод, и появлялся Диоклетиан для торжественных

приемов или для принятия присяги, словно человек, посланный богами⁷². За внутренним двориком располагался круглый, украшенный в покоем вестибюль с четырьмя маленькими апсидами. За этой постройкой находился величественный и пышный зал приемов, где ушедший на покой император под громкие приветствия появлялся в одеждах, украшенных драгоценностями.

По обе стороны от внутреннего двора располагались аркады, не пересекавшиеся горизонтальными перекрытиями. Это был неожиданный, неклассический прием — он сообщал конструкции эффект летящего движения. Подобный прием использовался иногда со времен Августа⁷³, но теперь применялся все более широко. Этот архитектурный стиль найдет свое воплощение в зданиях более поздних периодов в европейских странах. Еще одним типом колоннады, применявшимся и в будущем, стала колоннада богато украшенных золотых ворот в Салоне: семь декоративных арок повторяют похожие элементы во дворце Шапура в Ктесифоне (с. 146). Эти ворота, ранее укрепленные башнями, установлены в северной части главной улицы, которая ведет через город к залу приемов⁷⁴. Южная сторона зала приемов выходит к морю, где между двумя квадратными башнями стена в центре прерывается галереей и террасой. В галерее сорок два арочных окна, а между ними установлены колонны, которые стоят на ступенчатых основаниях, выступающих из стен, — такой конструктивный прием впервые применен в архитектуре именно в этой застройке.

В центре прямоугольного комплекса находится внутренний двор, который ведет к залу приемов, с одной из сторон которого обнаруживается едва узнаваемый римский храм⁷⁵. С другой стороны должна была находиться могила Диоклетиана.

Эта усыпальница демонстрирует тенденцию того времени к строительству конструкций с куполами. Греко-итальянских образцов этого типа насчитывается в истории архитектуры великое множество, включая надгробные памятники этрусков, круглые храмы⁷⁶, большие залы терм, как калдарии в термах Каракаллы (с. 143). Все эти примеры подтверждают более высокий уровень мастерства римских зодчих по

сравнению с их ранними греческими предшественниками в области архитектурного искусства. Купол возводился над зданием квадратной либо многоугольной формы. В течение II в. н. э. предпринимались попытки объединить две формы, установив треугольные несущие конструкции (парусные купола), соединяя изогнутое основание купола с угловыми элементами стен⁷⁷. Проблему удалось решить в мраморной конструкции, установленной в Ленгис Магна, в четырехсторонней арке Септимия и в двух восьмиугольных залах, снаружи имевших форму квадрата. Эти здания располагались на периферии римских терм Каракаллы.

Изысканным образцом зданий с выделенной центральной частью, выполненных с соблюдением всех классических архитектурных норм, можно считать маленький так называемый храм Венеры в Гелиополе (Баальбеке). По приблизительным данным, здание храма датируется II веком. Перестройка храма, очевидно, приходится на III в. н. э. Это великолепная усыпальница, выполненная в стиле барокко, имеет круглую форму, искусно скопированную Борромини⁷⁸. Линия окружности прерывается пятью вогнутыми отступами между колоннами. Хотя большая часть зданий, относящихся к III веку, исчезла, можно восстановить архитектурные стили того времени по изображениям на монетах и медалях. Часто на них обнаруживаются неизвестные храмовые постройки⁷⁹. В самом Риме и его окрестностях довольно часто находят остатки строений, в которых угадываются простые и декорированные своды. В Салоне холл дворца Диоклетиана украшен куполом. Купольное покрытие его усыпальницы имеет круглую форму с внутренней стороны, хотя фасад конструкции восьмиугольный. Внутри здания в стенах обнаруживаются восемь ниш, которые выполнены в форме прямоугольника либо полукруга попеременно.

Средневековье считается временем появления склепов, но они обнаруживаются не только в зданиях продолговатой формы (с. 142), но и в упомянутых постройках с выделенной центральной частью. Особенно показательной в этом плане можно считать «усыпальницу Гордиана» в Риме⁸⁰. Ее стены сплошь покрыты круглыми проемами для света. К тому же периоду относится еще одна десятиугольная конструк-

ция, которая вошла в историю архитектуры под вымышленным названием «храм Минервы, покровительницы медицины». На каждой из стен есть большие закругленные окна. В этом помещении четыре закрытых апсиды, которые являются архитектурной приметой того времени. Пять отступов открывают внутреннее пространство через аркады, которые словно просверливают внешние стены. Такой прием больше нигде не повторяется. Вновь мастера архитектуры обратятся к нему не раньше чем в середине V века.

Сначала эти круглые сооружения были усыпальницами, но их можно по праву считать прообразами гробниц христианских мучеников. Очевидно, что эти постройки служили местами захоронения, крещения и отправления христианских обрядов⁸¹. Религиозные службы все теснее оказывались связанными с мучениками, поэтому Константин объединил здания такого типа в церкви прямоугольной формы, или базилики (с. 156). Со временем две техники создания таких сооружений органично соединились, как, например, в церкви св. Софии Юстиниана. Раскопки на территории Вифлеема показали, что во времена Константина восьмиугольная конструкция была присоединена к восточной стороне прямоугольной церковной постройки. Первоначально в церкви Гроба Господня в Иерусалиме (Голгофа) в середине храмового здания имелась круглая рака мучеников. Константинополь (с. 140) не сразу стал центром развития архитектуры, но Константин построил церковь с использованием новой архитектурной техники, соединив в одном здании собственную усыпальницу и усыпальницу апостолов-мучеников⁸². Конструкция имела форму креста. Под центральным перекрытием, которое поддерживалось конической крышей, поместили останки императора, провозглашенного и почитаемого тринадцатым апостолом.

Эти церкви не сохранились до наших дней, как и другие важные здания, построенные при Константине в Антиохии. Здесь, рядом с императорским дворцом в центре города, он начал и почти завершил возведение великолепного золотого восьмиугольника, посвященного восхвалению Гармонии, под которой понималась божественная сила, соединяющая Вселенную, Церковь и Империю (327—341 гг.). Сохранившиеся описания и эскиз ковровой мозаики дают основания пред-

положить, что здание имело позолоченную деревянную крышу в форме пирамиды либо купола⁸³, а центральная часть сооружения была окружена колоннадой, которая образовывала проходы на двух этажах. Золотой восьмиугольник не должен был выполнять функции храма, собора или усыпальницы мучеников. Он был первым в ряду подобных восьмиугольных сооружений, которые можно назвать дворцовыми храмами. Дворцовые галереи в таком стиле были построены Юстинианом в Константинополе и Карлом Великим в Ахене⁸⁴.

Эти и многие другие сооружения были результатом революционных изменений в архитектуре (315 г. н. э.). Переворот в ней стал следствием перемен в религиозной жизни людей. Христианство было признано официальной религией, что дало новый толчок в развитии архитектурного мастерства⁸⁵. Круглые и многоугольные церкви стали одной из находок зодчих, но главной новаторской конструкцией можно считать новую христианскую базилику. Раньше молитвенные дома⁸⁶ характеризовались скромностью. Новые постройки имели продолговатую форму. Вход в здание храма зачастую находился в большом внутреннем дворе. Неф церкви был отделен боковыми проходами, которые украшали арочные колоннады. Над колоннами, так как неф находился выше проходов, прямо на арках, возводились кирпичные стены, оснащенные оконными проемами. За аркой святилища храма располагалась апсида, возвышавшаяся за навесом алтаря. Там же устанавливалась кафедра для проповеди и ведения службы. Главную часть этих базилик, однако, венчали сводчатые конструкции. Они имели деревянную крышу, которую внутри иногда скрывал плоский потолок. Большие римские перекрестные своды казались слишком приземленными. Они напоминали постройки языческой эпохи и отвлекали внимание от алтаря.

Эти великолепные здания — образцы для моделирования архитектурных творений будущего — были построены по основным принципам сооружения языческих базилик, что прослеживается в общей структуре, наличии колоннад и расположении окон. Известно, что базилики в языческую эпоху были местом для рынка, суда и собрания. Трибуна теперь принадлежала епископу. Но осевое расположение

церкви, где все как бы устремлялось к алтарю, было характерно для христианского храма, в отличие от сооружений языческой эпохи, в которых отсутствует четкая пространственная ориентация. Христианская базилика, в которой колоннада являлась элементом убранства, часто называлась греческим храмом, вывернутым наизнанку⁸⁷. Подобные сооружения были возведены в городах-дворцах, таких как Салона и Августа Треверов. Дворцовые и храмовые элементы часто находились в соответствии друг с другом: изысканные дворцовые церемониалы были включены в христианскую литургию (с. 334). Христианский алтарь под навесом походил на императорский трон, а арка над алтарем перекликалась в архитектурном отношении с фронтонами императорской славы в залах для торжественных приемов. Внутренний двор христианских церквей также был позаимствован из архитектуры прошлого периода. Использование сходных принципов конструирования наблюдается в базилике Максенция (с. 145). Помпезный вход приглашал в помещение, исполненное одухотворенности, словно открывая входящему тайны небес, при этом в общей планировке сооружения присутствовала и древнеримская традиция строгой организации пространства. У большинства базилик, построенных при Константине, находился вход с западной стороны, чтобы восходящее солнце освещало священника, который стоял у алтаря лицом к собравшимся. Создание эффекта нематериального неземного света становилось главной задачей мастеров зодчества. Внизу сохранялся полумрак, создавалась мягкая полутьма, в то время как сверху собравшихся в храме освещал лучистый, льющийся потоком свет (с. 254).

Базилики, возведенные при Константине, производили сильное впечатление. Игра света и широкая цветовая гамма едва ли кого могла оставить равнодушным. Такие базилики были построены во многих частях империи. Внутреннее убранство храмов тоже отличалось пышностью, так как для декорирования применялась позолота и драгоценные украшения. Однако ни одно из этих сооружений не сохранилось до нашего времени. Некоторые исчезли, а некоторые стали столь знаменитыми, что новые храмовые постройки и церкви были возведены на месте упомянутых соборов. Такова, например, была судьба массив-

ной церкви с двумя рядами колонн. Речь идет о церкви св. Софии в столице Константинополе. На ее месте Юстиниан построил новую. Здание Латеранского собора тоже пережило перестройку при последователях Константина. Базилика Константина первоначально была построена в почитание Спасителя⁸⁸ после того, как дворец передали в дар священнику либо епископу (313 г.). Корабль церкви по обе стороны украшал не одинарный, а двойной проход. В восточном крыле находились огромные колонны из желтого и красного мрамора. Во внешних рядах колонн присутствовал и зеленый цвет. Сооружение было украшено высокими выступающими апсидами с огромным щитом из серебра. «Собравшимся предстал Христос Наставник, который сидел в окружении учеников-апостолов. Священникам же был виден Христос Воскресший. Его сопровождали четыре ангела. Христос являл Себя по-разному простым людям и высоким сановникам, но образы эти дополнялись друг другом»⁸⁹.

Затем возле цирка Нерона в Ватикане Константин возвел базилику св. Петра (ок. 333—337 гг.). Эта церковь вплоть до XVI века, пока не была заменена новой, по пышности и архитектурному великолепию напоминала Латеранский собор: ее украшали два боковых прохода, многоцветные декоративные элементы, высокий неф. По бокам были сооружены массивные трансепты. Их наполнял свет из шестнадцати больших окон, который создавал эффектный контраст с проходами в полумраке. Это было новаторством в архитектуре, ответом на возникший культ мученичества. Упрочение этой тенденции привело к соединению сооружения продолговатых базилик и усыпальниц, помещаемых в центре (с. 153). Церковь, по преданию, находилась на месте предполагаемого захоронения св. Петра (с. 325). Поскольку почитать память мученика приходило очень много людей, Константин решил возвести эту просторную поперечную пристройку. Катакомбы выбралась из подземелий, чтобы занять место в огромных храмовых сооружениях, почитаемых как святилище в западной церкви. Пристройка появилась для исключительной цели, поэтому этот прием копировался довольно редко⁹⁰, пока архитекторы эпохи Карла Великого не стали применять его повсеместно.

КУЛЬТУРА РОМАНА

Образование

Юноши, которые знали греческий и латынь и желали подготовить себя для деятельности на каком-либо поприще, могли поехать в один из городов, служивших центрами высшего образования. Учили их там преподаватели, работу которых оплачивали государство или муниципальные органы. В число таких городов входили: Рим, Афины, Александрия, Берит (Бейрут), Антиохия и Карфаген, а в IV веке — Константинополь, Августодун (Отен в нынешней Франции) и Августа Треверов (современный Трир).

Римские императоры постоянно принимали меры для обеспечения притока людей в эти центры высшего образования. Коммод, как и Антонин Пий в свое время, расширил привилегии и права на освобождение от податей для преподавателей этих древних университетов. Каракалла, не любивший науку и ученых мужей, распространил такие привилегии и на студентов¹. Позднее Александр Север увеличил жалованье лекторам, а правители иллирийского происхождения, такие как Диоклетиан и Констанций I Хлор, сами малообразованные, в дальнейшем старались улучшить их положение. Константин, сын Констанция, продолжал проводить такую политику, сознательно противодействуя нарастающему в его время обскурантизму².

Но высшее образование, поддерживавшееся государством, предназначалось только для мужчин: женщинам для его получения можно было надеяться только на частных учителей или довольствоваться средним образованием. Число тех, кто мог рассчитывать на высшее образование, ограничивалось также и по социальному признаку, прежде всего студентами становились сыновья сенаторов и всадников. Дион Кассий вложил в уста Мецената слова одобрения подобной элитар-

ности (с. 104). Очевидно, и сам Дион придерживался такого мнения, что соответствовало реальному положению дел.

Основными предметами являлись риторика и классическая литература. Лекторы, произносившие речи на публику, достигали славы и богатства при помощи нарочито пылкого красноречия, в основе которого лежали разработанные в классический период модели. Поэзия поздней Римской империи практически вся также строилась на заимствованиях у предшественников. Поэтому классическое образование, архаичное, закостенелое, вербальное, оставалось образцовым, не меняясь в течение многих столетий. Обучение основывалось на цитировании древних, в нем отсутствовали новые идеи или хотя бы свежие интерпретации. Система поставляла благовоспитанных молодых людей, весьма красноречивых но у них отсутствовало понимание того, как противостоять проблемам времени, что предложить взамен нарастающего иррационализма. Высшее образование поздней Античности ценило блестящее красноречие, не обращая внимания на отсутствие смысла или оригинальности. Такая убедительная пустота речей проникала и в суды, и в гражданскую службу, и в администрацию провинций.

Позиции риторики и грамматики усилились за счет выхода в свет уникальных по своему значению трудов. Самым влиятельным из всех грамматиков и историков грамматики стал Аполлоний Дискол, александриец, который жил в середине II в. н. э. и работал над систематизацией синтаксиса, не упуская из виду и деталей³. При Марке Аврелии Геродиан, сын Аполлония, написал огромные по объему высокоученые исследования грамматики и акцентуации. Книги Геродиана, как и работы Аполлония, служили предметом тщательного изучения в высшей школе Византии.

Немалый вклад в изучение риторики сделал ведущий в этой области теоретик Гермоген из Тарсуса в Киликии (ок. 175 г.). Его труд по сведению исследования литературного стиля к единой системе оказал не меньшее влияние на потомков, чем книги грамматистов. Работа этих ученых продлила существование бесплодных схоластических приемов

высшего образования на целые столетия. Несколько позже еще один автор, оставшийся неизвестным, написал учебник с наставлениями по ораторскому искусству, все еще модному и гарантировавшему поступление на должность⁴.

Высшее образование, однако, заключалось не только в риторике и грамматике. Изучали и философию. Учитель Марка Аврелия Фронтон был жестоко разочарован, когда узнал, что его ученик предпочитал философию риторике, ссылаясь на полезность первой. Марк Аврелий основал в Афинах четыре кафедры философии и сам стал выдающимся философом. Авторитетные преподаватели этого предмета были в Александрии, что предопределило и эллинистическое, элитарное направление в христианском богословии, и появление великого философа Плотина.

Образование служило трамплином для того, чтобы сделать карьеру, поэтому в числе изучаемых предметов уместным оказалось и римское право. Центром правовой подготовки стал Берит (Бейрут)⁵, где обучение юриспруденции началось не позднее 200 г. н. э. Берит процветал со времени правления Септимия Севера, при котором работали величайшие римские юристы, а потом при Каракалле, даровавшем всем гражданство, расширилось применение римского права (с. 114 и далее). Диоклетиан, желая утвердить латынь и римское право на Востоке, назначил стипендии для этой школы. Преподавание в ней шло на латыни до начала V века, несмотря на то что Сирия была ядром эллинистической культуры. Берит отличался от других университетских центров еще и тем, что обучение в нем проходило по заранее утвержденным книгам и завершалось в установленный срок — через четыре года, а иногда и через пять.

Математику преподавали в Александрии, астрономию — в Сидоне. Но развитие науки того периода разочаровывает. Астроном и географ Птолемей из Александрии (ум. ок. 170 г.), хотя и не первоклассный ученый, достиг немалых успехов в астрономии и картографии, а его впечатляющая энциклопедичность оказала заметное влияние на потомков. Поставить в один ряд с ним более некого. Греческая наука всегда пренебрегала достижением практических результатов, стремясь

к недостижимому, но грандиозному. Физика для греков казалась скорее философией, чем механикой. Вообще люди того времени оставили попытки раскрыть секреты природы, считая ее следствием или проводником работы сверхъестественных сил. Греческий рационализм погас, как огонь, оставшийся без топлива⁶. Не наблюдался прогресс и в экспериментальном исследовании. Теории, гипотезы, мировоззренческие концепции рассматривались лишь с точки зрения логики или математики⁷, а открытия как таковые совершать уже никто не стремился. Известно, что Александр Север заботился о развитии науки, но поддержка правительства не дала каких-либо значимых результатов, за исключением архитектуры, где Диоклетиан и Константин вдохновляли зодчих на строительство великолепных зданий (с. 152). Вообще, отсталость технологий, особенно в сельском хозяйстве, не позволяла Римской империи эффективно развиваться (с. 88).

Центрами медицинского образования являлись Александрия, сирийские города, такие как Апамея и Лаодикея, и многочисленные школы в Малой Азии⁸. Гален (ок. 130—199 гг.) учился врачеванию в такой школе в своем родном Пергаме. Начав работу врачом для гладиаторов, он пользовался милостью Марка Аврелия, потом Коммодуса и Юлии Домны, жены Септимия Севера. Гален написал книги, в которых охватил все существовавшие тогда сферы медицинской науки. Дошедшие до нас произведения ни в коей мере не являются полным собранием его сочинений, но занимают двадцать томов ин-кварти

Гален уверенно рассуждает о биологии, делая упор на анатомию и признавая организм единым целым. Подход Галена к медицине не только научен, но и достаточно широк — он твердо отстаивал принцип, согласно которому хороший врач должен быть хорошим философом, любить истину, тщательно изучать древних авторов и не бояться изменять свои методы. Как пишет Гален, изучающий медицину должен страстно любить правду, ни днем, ни ночью не прекращать учиться, что нам оставили лучшие представители древности. Изучив все, что нужно, студент должен длительное время испытывать знания на практике и убедиться, что верно, а что нет. Такому настойчивому человеку трактат Галена, по его словам, принесет огромную пользу. А для других

них большинство, книга великого врача будет так же полезна, как история, рассказанная ослу⁹.

Эту нетерпимость мы видим и в едких высказываниях Галена в адрес римских коллег. Ценность его для будущих поколений состояла в том, что он усваивал и обобщал наследие своих предшественников, таким образом передавая потомкам все лучшее, что было в древнегреческой медицине. В этом Гален схож с великими римскими юристами поздней Античности. Но врачи последующих веков ценили в Галене и другие качества, оказавшиеся опасными для науки. Прежде всего, он верил в то, что человеческое тело состоит из частей, которые в принципе не могут располагаться как-то по-другому, и каждая из них служит какой-либо цели, а он способен открыть предназначение всех частей тела. Гален исследовал все тело и пришел к выводу, что лучшей его конструкции невозможно придумать, в чем он соглашался с принципом Аристотеля — природа ничего не делает зря¹⁰. Гален первым высказался за то, что существование божественного творческого начала доказывается существованием и совершенством того, что было сотворено. Убежденный в том, что человеческое тело — это созданное богами творение для человеческой души, Гален рассматривал благодарное поклонение им как особую область науки анатомии, считая, что если анатомии предаваться с той же серьезностью, с какой почитают богов, то через нее можно будет получить лучшие и полезнейшие откровения о божественной силе. Хотя Гален относился критически и к христианству, и к языческим философским направлениям, его книги, переведенные с арабского, приобрели огромную популярность в средневековой Западной Европе. Ученым импонировали его логичные рассуждения, Томас Линакр (Thomas Linacre) пропагандировал его взгляды еще в 1523 г. Труды Галена предопределили развитие медицинской мысли почти на полтора тысячелетия.

Но это в будущем. Немедленным же следствием философских построений Галена стал быстрейший упадок научного подхода к врачеванию. Многие века уже никто не пытался повторить исследования, которые Гален проводил для установления предназначения частей человеческого тела. Это связано и с тем, что едва ли кто-нибудь был

способен работать так же упорно, как Гален, но еще более потому врачам того времени казалось, что физиология не нуждается в каких-то дальнейших исследованиях. Гален все объяснил согласно представлениям о божественном замысле, а с этим шутить было нельзя. Поэтому создавалось впечатление «бесполезности исследований, которые могли теперь разве что подтвердить взгляды Галена. После его смерти наступает безмолвие, заканчивается классический период истории медицины и начинаются темные века»¹¹.

Наступление эры христианства, сделавшей богословие предметом живого интеллектуального развития, не оказало той же услуги науке. «Чем же она поможет спасению наших душ?» — спрашивал св. Амвросий.

Но бесплодные, как правило, вершины высокой учености покоились на широкой равнине среднего, школьного образования. Обучение проходило в три этапа. Дети шли в начальные школы, которые могли быть только частными. Их учителя жили на гонорары, выплачиваемые родителями. Дети из высших и средних слоев общества эти школы и посещали, а учились дома, а потом, в отличие от своих бедных сверстников, шли заниматься к учителю грамматики, которого можно было найти в любом городе. Некоторые ученики отправлялись затем слушать курс риторики, преподаватели которой жили обычно в центрах провинций и в городах, сравнимых с теми по значению. Риторы и грамматики либо получали от властей жалованье, либо жили на гонорары. Эдикт Диоклетиана зафиксировал, что их заработки в четыре-пять раз превосходили доходы учителей начальной школы. Обучение на этом уровне стоило недешево, поэтому риторы и грамматисты считались людьми зажиточными.

Но среднее, как и высшее образование университетского уровня имело весьма узкую специализацию. Вообще было принято обучать детей грамматике, риторике, диалектике, арифметике, геометрии, музыке и астрономии, которые составили знаменитые в Средние века семь свободных искусств¹². Но на самом деле математикой почти не занимались, музыку также часто игнорировали, и вообще мало чему учили, кроме грамматики и риторики. Курс оказывался исключительно ли-

стическим и литературным, основанным на программе, состоявшей из комментариев к ограниченному числу классических авторов.

Однако за полтора столетия — от Марка Аврелия до Константина — образование, какое бы оно ни было, охватило значительно большее количество людей, чем когда-либо ранее, что соответствовало общей тенденции к социальному уравниванию (с. 117). Египетские папирусы свидетельствуют, что школьное образование как для мальчиков, так и для девочек распространилось очень широко, хотя встречались и неграмотные. Со времени правления Александра Севера городские и сельские учителя обретают социальный статус. Найдены школьные учебники на папирусе, в которых даются практические упражнения по склонению и спряжению слов¹³. Есть также двуязычные учебники, датируемые началом III века, предшественник разговорников нашего времени. Все эти учебники подразумевают работу учителя с учениками с помощью доски, призывают уделять внимание возрасту, темпераменту, интересам, способностям и знаниям каждого школьника¹⁴. «Изречения Катона», небольшая книжечка моральных увещаний в рифмованных двустишиях на латыни, стали средневековым учебником, уступавшим по вызываемому им восхищению только поэме Вергилия¹⁵. Таковы были средства обучения, которые служили основой начального и среднего образования по всей Римской империи. Кроме того, основанная на крупном землевладении экономика опосредованно способствовала распространению образования (с. 91).

Естественно, уровень образования был не одинаков в различных провинциях. К концу III века в Египте, например, наблюдался некоторый упадок образования. Зато в Галлии, наоборот, увеличилось число центров образования: как известно, только Констанций I Хлор удвоил их количество¹⁶.

Даже столь широкое распространение образования не охватывало значительную часть населения империи. Ведь обучение велось на греческом и латинском языках. Они служили основными литературными языками античного мира, единственными, с помощью которых можно было приобщиться к наследию классических авторов. Однако ими

владело меньшинство римских подданных. На сельское население греко-римская культура зачастую вообще не оказывала влияния. Это относилось к народам, говорившим на пуническом, берберском, коптском, сирийском, арамейском языках, на языках кельтской, иллирийской, фракийской групп и на многочисленных диалектах Малой Азии. Тем не менее общее число людей, владевших латынью и греческим, за период Поздней империи возросло благодаря распространению школьного образования.

Этот процесс, как ни парадоксально, способствовал и развитию национального самосознания. Причиной такого роста послужило естественно, и распространение литературы на других языках, например сирийском и арамейском. Что же до обучения на греческом и латыни, то описанный эффект, как и в новейшее время, объяснялся тем, что знакомство с культурой завоевателей давало возможность лучшей ей оппонировать. Особенно на Востоке распространение греческого языка вызвало к жизни создание литературы, возбуждавшей ненависть к греческим пособникам римских властей и к самим римлянам (с. 35). Примерно в том же ключе романизация Галлии во II—III веках подарила ее населению цивилизованность и чувство национального самосознания, что вдохновило заметное оживление доримских религиозных культов, среди которых были и такие, которые распространились за пределы традиционного ареала. При Коммодe кельтские божества получили даже официальное признание, в романизованном виде в армейских святилищах¹⁷.

Тем временем культурный разрыв между греческим и латинскими языками лишь возрастал. Люди с высшим образованием, как Марк Аврелий, владели двумя языками, Александр Север вообще воспитывался как «грек и римлянин», но такие люди встречались с каждым годом все реже. С появлением двуязычных учебников государство вынуждено было делать уступки в вопросе использования языка. Когда Каракалла проводил судебное заседание в Антиохии, титулы, лист и приговор писались по-латыни, все остальное, включая слова императора, — на греческом¹⁸. К тому же, хотя латинский оставался языком юриспруденции, Александр Север позволил римским гражда-

нам составлять завещания на греческом. Диоклетиан, иллирийский крестьянин, который продолжил уравнивание статуса Италии и провинций, сделав своей столицей Никомедию на греческом Востоке, тем не менее решительно утверждал латинский язык в роли единственного языка официального делопроизводства (с. 115). Он направил на восток римских грамматиков и риторов, и латынь стала языком судебных заседаний даже в Египте. Но успехи в распространении латыни были временными, а на протяжении IV века (к выгоде переводчиков) лингвистический барьер между восточной и западной частями империи становился прочнее. Возможность, или недостижимый идеал, создать культурное и религиозное единство исчезла навсегда. Это предопределило дальнейшую судьбу средиземноморского мира.

Попытка распространения латыни при Диоклетиане была обречена. Предшествующие сто пятьдесят лет во всех областях знаний, кроме права, обнаружилась крайняя скудность латинской литературы, представлявшей хоть какую-то ценность и по содержанию, и по стилю, за исключением одной небольшой поэмы. Известны только два плодотворных автора — Апулей и Тертуллиан, оба выходцы из богатой культурными традициями романизованной Северной Африки (с. 168). Литературно-стилистически литература на греческом тоже в основном была низкого качества, известно множество книг, бесполезных и во всех прочих отношениях. Но великие авторы, писавшие по-гречески, все же появлялись. По происхождению они могли быть греками, выходцами с Востока или даже из романизованных областей Запада. В то время почти все, кроме юристов, писали на греческом, даже Марк Аврелий, выходец из римско-испанской семьи, выбрал этот язык для своих «*Размышлений*». Так же поступил и философ Плотин, происшедший из Египта. Ювенал жаловался, что река Оронт стала впадать в Гибр. Язык межнационального общения, который Греция подарила восточной цивилизации, становился доминирующим в среде культурной элиты Римской империи. Африканец св. Августин и его современники рассматривали латынь для средневековой Европы, но со II по IV век именно греческие писатели, за исключением юристов, своим творчеством обогащали и определяли период расцвета римской цивилизации.

Величайшие из них достигли вершин, на которые едва ли поднимались даже лучшие мыслители классической Греции. За ними шло множество образованных людей, значительно больше, чем когда-либо раньше. Но этим людям далеко было до уровня великих, ибо высшее образование становилось пустым, и философия Плотина — одно из лучших достижений поздней Античности — не могла пленить ум такого общества. Определяющими стали предпочтения среднего класса, что обусловило и расцвет жанра романа.

Лучшие романы

Жанр романа, ставший типичным проявлением поздней римской культуры, подарил мировой литературе несколько шедевров. Исключительное место среди них занимает великолепный роман Апулея написанный по-латыни. Апулей происходил из североафриканского города Мадавры (Мдауруш), процветавшего при Марке Аврелии. Последний и самый оригинальный из латинских мастеров пера, Апулей был куда более разносторонним человеком, чем просто автор дешевых романов. Его взгляды представляют ценность для исследования поздней римской культуры.

Романист, поэт, философ, преподаватель риторики и верующий человек, Апулей получил вызов в суд, чтобы ответить на обвинения, весьма серьезное в то время, — пристрастие к магии (с. 269). Защитительная речь Апулея, гипнотически убедительная, сочетавшая блестящее необузданное красноречие с мастерски выстроенной аргументацией, очевидно, обеспечила ему оправдание. Но позднее св. Августин допускал мысль, что обвинение могло оказаться справедливым²⁰ и считал должным предупредить читателей о том, что некоторые люди и через два столетия после смерти Апулея почитали его вымышленным Иисусом Христа.

Волшебство является центральной темой романа Апулея «Метаморфозы» («Золотой осел»). Герой романа Луций обращен в осла из-за неуместного интереса к черной магии. Чародейство и непристойность во многом определяют сюжет этой несравненной книги, бурлящая жизнь и полный неожиданностей. Яркое и нестандартное чувство

юмора Апулея наводит на мысль, что вся книга может быть не более чем пародией, высмеивающей колдунов и суеверных людей. Даже если это так, Апулей остается наполовину серьезен и не отрицает все. Несмотря на часто встречающееся сквернословие и насмешки в адрес недалеких и мелочных олимпийских богов, Апулей оставался пылко верующим человеком, готовым к любым испытаниям. Апулей признается, что участвовал во многих мистериях в Греции и бережно хранил предметы, которые дали ему тамошние жрецы. Апулей в поисках истины изучил множество культов, ритуалов и церемоний, оставаясь преданным языческим богам²⁰.

Особенно Апулей пристрастился к почитанию египетской богини Исиды. Описание его встречи с этой богиней-спасительницей убедительно отражает суровую действительность поздней Римской империи (с. 263). Иной смысл заложен в одной из известнейших самодостаточных историй, множество которых разбросано по книге²¹. Имеется в виду сказка об Амуре и Психее, неоднократно воспроизведенная в мировой литературе. Хотя эта история является одним из лучших образцов юмора в античной прозе, она отличается от непристойных страшилок, которыми Апулей тщательно украсил свою книгу. Рассказ об Амуре и Психее отдаленно напоминает о занимавшей умы современников Апулея идее жизни души (*psyche*), заключенной в человеческую плоть, и ее скитаний по миру, завершением которых становится достижение абсолютного спокойствия и счастья (с. 264)²². Таким образом, роман Апулея сразу с нескольких позиций разрабатывает тему эскапизма. Он полон магии, которая служила одним из лучших средств освобождения от зла этого мира, и повествует в аллегорической форме о том, как душа достигает спасения. «Золотой Осел» оказался настолько очаровательным, что на этот роман своим творчеством откликнулись и Рафаэль, и английские писатели XVI—XVII веков.

Богатый язык Апулея далек от латыни Цицерона — он уже на полпути к современным романским языкам. Писатель в шутку извиняется за грубую и чудную латынь, которой он, бедный грек, набрался в Риме²³. Но стиль Апулея является лучшим в литературе II века. Его

родина, Северная Африка, славная своей богатой культурой и давшая Риму императора Септимия Севера, к тому времени обладала почти монополией на первоклассную латынь, которой радовал своих читателей еще Тертуллиан. Апулей умер, вероятно, в конце правления Марка Аврелия, писал «Метаморфозы», скорее всего, на закате жизни, когда император создавал свои уникальные «Размышления».

С характерным для него блистательным и безжалостным остроумием Апулей на греческом написал роман-шедевр, сильно отличавшийся от других античных романов (за исключением более раннего «Сатирикона» Петрония), авторы которых происходили из восточной части империи. Известен нам и греческий роман на ту же тему, о человеке, превращенном в осла, «Лукий, или Осел», автором которого считается некий Лукий из Патр²⁴. Эта книга, сохранившаяся в отрывках и конспектах, могла дать Апулею сюжет, но в античной литературе подобные заимствования ничуть не умаляли значения индивидуальности автора и его подхода к раскрытию темы.

Жанр греческого романа, одним из представителей которого являлся Лукий из Патр, имел чрезвычайно сложную родословную. В нем так или иначе соединились разнообразнейшие образцы эллинской литературы: «Илиада» и прочие троянские легенды, «Одиссея» и подобная ей истории о путешествиях, историческая проза от Геродота до романа об Александре Македонском, сюжеты и приемы драматургов-трагиков (особенно Еврипида), сочинения Платона, речи риторов и сифизмы, характеры и сюжеты из новой аттической комедии, эротизм авторов элегий, диалоги из мимов и сатиры, фривольные рассказы. В тот же котел пошли мифы и сюжеты из культур Ближнего Востока. Наибольшее влияние на греческий роман оказала египетская культура, поэтому самый ранний из известных образцов греческой художественной прозы (отчасти любовная история) «Сон Нектанеба» является переводом с древнеегипетского.

Открытие множества папирусов в Египте показало, что греческий роман, возникший как соединение всех перечисленных разновидностей литературы, появился значительно раньше, чем полагали исследова-

тели. Древнейшим романом, дошедшим до нас не в пересказах, стал роман о Нине, отрывки из которого найдены в папирусах²⁵. Действие, как обычно, происходит на Востоке, а героями романа являются Нин, легендарный первый царь Ассирии, и Семирамида²⁶. В одном отрывке рассказывается, как Нин готовится к войне с армянами, в другом описаны обращения Нина к матери Семирамиды, а самой Семирамиды — к его матери, за позволением влюбленным соединиться. Любовная история в этом романе становится неотъемлемой составляющей сюжета, проявляются и другие характерные черты будущих романов, а именно: сознательное половое воздержание царя до свадьбы и целомудренная скромность девушки. Известные тексты относятся, скорее всего, к I в. н. э., но сходство содержания романа с историческими и псевдоисторическими трудами греческих ученых дает основания полагать, что роман о Нине был создан на два или три столетия раньше. Этот вывод подтверждают и лингвисты.

Дальнейшие открытия папирусов подтвердили, что греческий роман как жанр сформировался на несколько веков раньше, чем было принято считать. Например, «Херей и Каллироя» — роман, приписываемый Харитону из Афродисиады, города на юго-востоке Малой Азии, — не может относиться к византийской эпохе, как думали некоторые исследователи, потому что он известен из папирусов, появившихся ранее III в. н. э.²⁷ Роман состоит из восьми книг и основан на истории об афинской экспедиции против города Сиракузы в V в. до н. э. У Гермократа, командовавшего обороной Сиракуз, в романе оказалась Арасавица дочь по имени Каллироя. Сын одного из афинян Херей влюбился в нее с первого взгляда. Далее читателя ждут обычные подвиги, интриги, опасности и нападения разбойников, и, как нередко случалось в романах, героиню по ошибке сочли мертвой. Но Фортуна, верховная богиня поздней эллинской культуры, на которую авторы таких романов возлагали ответственность за все свои невероятные вымыслы, соединила любящие сердца. Поучаствовала в этом и Афродита. Когда в конце романа автор обещает, что в этой книге читатель не найдет разбойников, рабов, судебных процессов, сражений и героизма, войны и пленения, а только добродетельную жизнь и за-

конное супружество, то говорит он, по-видимому, о последней части произведения. В других местах перечисленные «приманки» разбросаны в огромном количестве. Драматизм бурлит, и сам Харитон признает, что эпизод суда в его книге превзойдет изображаемое на театральной сцене. Дионисий, тиран Сиракуз, ухаживая за Каллирою, проданной ему в качестве рабыни, ведет себя весьма учтиво, и в итоге постоянство и целомудрие побеждают все поползновения. Встречаются цитаты из Гомера и аттических комедиографов, но в целом сюжет достаточно последователен, а стиль Харитона вызывал восхищение европейцев эпохи Возрождения. Роман был написан около 100 г. н. э. или еще раньше.

Другим представителем греческого романа периода его расцвета стал Ксенофонт из Эфеса. Его роман «Эфесиака», написанный отчасти в подражание соотечественнику Харитону, ссылается на события времени правления Траяна (98—117 гг.), поэтому без сомнений датируется II в. н. э. Ксенофонт отошел от долго бытовавшей традиции, согласно которой роман хоть в какой-то степени должен основываться на исторических фактах. Габроком любит Антею и женится на ней, но оракул Аполлона из Колофона предупреждает их о грядущих опасностях (с. 272). Чтобы избежать несчастья, родственники посылают молодоженов в путешествие, но там их ждут бури, кораблекрушения, разбойники, разлука и покушения на честь Антеи. В результате все это преодолено, и Антея рассказывает, как она ускользнула из лап разбойников, пиратов и сводников, избежала цепей, ям, яда и смерти. Не сохранил ли ей верность Габроком? Да, сохранил.

«Эфесиака» сравнительно небольшое произведение, по крайней мере в сохранившемся виде, но ему недостает последовательности. Возможно, это сокращенный вариант. Сюжет построен на множестве случайностей. «Опять пираты! Опять я пленница!» — горюет Антея. И все же автор, не лишенный вкуса, но не особенно хорошо знавший историю литературы, предпочитает простоту изложения. К тому же в своем сюжете он прячет другую историю — не столь наивную, жестокую, хотя и с привкусом светлой грусти²⁸. Малопонятное на первый взгляд утверждение автора о том, что жертвы во имя любви и верности

обеспечат счастливую жизнь в будущем, отражает общие тенденции религиозной мысли той эпохи²⁹.

В правление Марка Аврелия, Коммода и династии Северов появляется великое множество романов. Они, как отмечено выше, стали не первыми заслуживающими внимания образцами, но представляют собой следствие развития этого жанра, достигшего новых вершин. Благодаря широкому распространению начального и среднего образования эти романы и читали, наверное, больше. Ямвлих, сириец и тезка жившего позднее философа, когда-то считался древнейшим романистом, на самом деле он только наследовал традицию своих предшественников. Его роман «Вавилония» можно датировать посылке на армянского царя, возвращенного римлянами на престол в 165 г., и Марка Аврелия (он умер в 180 г.). Оригинальный текст романа утерян, а до нас дошло только краткое изложение, составленное в Византии. Не следуя примеру Ксенофонта, отказавшегося от псевдоисторического фона для своего повествования, Ямвлих развернул действие «Вавилонии» в древней Месопотамии. Гарм, жестокий царь Вавилонии, воспылил страстью к Синоне, жене Родана. Здесь нет приключений, кораблекрушений, но сколько угодно жестокости, привидений, предостержения и путаницы. Ямвлих управляет целой толпой персонажей, все эти приключения, хотя и ловко вплетенные в общий сюжет, превосходят более ранние романы по своей невероятности.

Роман Ахилла Татия «Левкиппа и Клитофонт» датировался V в. н. э., но исследования папирусов показали, что написан он, как минимум, на триста раньше³⁰. Буря на море, одно из цепочки мелодраматических событий, отдаст влюбленных в руки египетских пиратов. Ахилл происходил из Александрии, в отличие от своих предшественников, уроженцев Малой Азии или Сирии. Ход событий в его романе определяется тем, что выкинет шаловливая Фортуна, но и египетский бог Серапис, немало почитаемый Септимием Севером, играет в нем важную роль. В романе много выдуманного, но не только. Описываемая обычная вереница катастроф, время от времени Клитофонт лишается почти всякой надежды на то, что его возлюбленная жива.

Левкиппу ложно объявляют погибшей — и не один раз, а трижды! Преувеличения, избыточные в романе, заставляют думать, что Ахилл Татий насмехается над подобными заезженными приемами. В одном из случаев, когда Левкиппу сочли мертвой, ее якобы зарезал слуга пленивших ее разбойников. Все видели, как из тела бедной девушки вывалились внутренности, которые потом подняли и поместили на алтарь для жертвоприношений. Но, к счастью, все это оказалось представлением, разыгранным при помощи друзей Левкиппы, чтобы спасти ее из лап разбойников. Удар кинжала пришелся не в тело девушки, а в овчину, заранее привязанную к животу, да и кинжал был с пружиной предотвращавшей проникновение лезвия на опасную глубину³¹.

Еще одним нестандартным приемом автора стало то, что Клитофон в отсутствие своей возлюбленной изменил ей с другой женщиной. Составлено все было так, что Клитофон просто не мог отказаться (следует вспомнить странствия Одиссея), но вообще в романах такого рода любовные второстепенным персонажам авторы позволяли предаваться любви вне брака. В романе «Левкиппа и Клитофон» необычное насмешливое снисхождение к непостоянству человека пусть косвенно, но бросает тень на привычный в романах стандарт обязательного полового воздержания.

Ахилл Татий интересовался феноменом любви, которую он, следуя тогдашним взглядам платоников, ставил в один ряд с языческими мистериями (с. 212). Но он идет дальше предшествующих ему авторов, которые довольствовались сравнительно неинтересным для него феноменом любви с первого взгляда. Ахилл Татий останавливается на различных этапах ухаживания и искусства, с помощью которого влюбленные добиваются своей цели. Знает он и о диких порывах страсти, о смятении, беспокойстве и неспособности найти себе место от любовного безумия. Двоюродный брат говорит Клитофону:

Иной влюбленный почитает за счастье для себя даже один-единственный взгляд любимой девушки, он благодарен судьбе за то, что хотя бы глаза его блаженствовали; другие счастливы, если любимая проронила хоть одно слово.

Ты же все время видишь ее, все время слышишь ее, ты с ней ешь, ты с ней пьешь. И еще жалуешься! Неблагодарностью ты отвечаешь

силь на дары Эроса. Неужели ты не знаешь, что значит смотреть на возлюбленную? Видеть ее — это большее наслаждение, чем обладать ею. Взоры влюбленных отражаются друг в друге и, словно в зеркале, запечатлевают их образы. Свет красоты, из глаз пролившийся в душу, это своего рода обладание любимой, хотя бы и на расстоянии. Оно сладостнее, чем настоящее слияние тел, потому что оно необычно. Но тебе я предсказываю скорое соединение с возлюбленной. Потому что нет лучшего средства для достижения твоей цели, чем постоянно видеть ту, кого ты любишь. Глаза — это верный помощник в любви, и чем чаще влюбленный видит свою возлюбленную, чем больше он общается с ней, тем легче он добьется ее благосклонности. И если даже диких зверей удастся приручить, когда они привыкают к нам, то тем более возможно смягчить сердце женщины¹².*

По отношению к страданиям, причиняемым любовью, как и другим страданиям, Ахилл Татий проявляет непривычную для того времени симпатию.

Через многие столетия византийцы (как и англичане времен Елизаветы I) с удовольствием читали роман Ахилла Татия, а один из их ведущих богословов, Фотий, нашел в нем непристойности. В этом романе, да и в большинстве других, действительно время от времени встречается «излишняя» откровенность, хотя развязка сюжета всегда безупречна с точки зрения морали. Фотий больше удивляет нас, когда хвалит автора за ясность его стиля. Ахилл Татий вполне вразумительно поведал историю со всеми ее хитросплетениями, и характеры у него получились более реалистичными, чем у предшественников, язык романа довольно искусственен, иногда упрощен до такой степени, что становится нелепым. Любовь к пересказу многочисленных энциклопедических сведений, пользовавшихся популярностью у читателей той эпохи, заставила Ахилла Татия сделать ряд отступлений от сюжетной линии и вставить в роман многочисленные истории, не имеющие к сюжету никакого отношения. Они попросту задерживают развитие фабулы романа. Но читатели были в восторге от

Цит. по: Бердяев Н. А. Философия свободы. — М.: Правда, 1989.

экзотики и научно-фантастических описаний отдаленных земель в книге Ахилла Татия.

Мне самому довелось наблюдать такое диво... В ливийском порту есть чудо наподобие тех, что бывают на Индийской земле. Ливийские девушки посвящены в тайны воды, хранящей в себе богатство, — спрятанный в ил, укрывается там источник золота. Девушки опускают в воду багор, покрытый смолой, и отпирают речные замки. Золото попадает на багор, как рыба на крючок. Смола становится приманкой для добычи, стоит частицам золота коснуться смолы, как она тотчас увлекает их за собой на берег, — так из Ливийской реки вылавливают золото³³.

Далее речь идет о чудесах Индии, которые особенно захватывали воображение древних греков и римлян (с. 257). Автор рассказывает о том, что дыхание слона может быть целебным, если животное питается листьями черной розы.

Довелось мне однажды быть свидетелем совершенно необыкновенного зрелища.

Один эллин всунул свою голову прямо в пасть слону. Слон разинул пасть и обдавал голову этого человека своим дыханием. И то и другое очень меня удивило: и дерзновение человека, и снисхождение слона. Эллин рассказывал потом, что за мзду слон овеивает его чуть ли не индийскими благовониями. Дыхание слона исцеляет от головной боли. Слон отлично знает о целебных свойствах своего дыхания и даром пасти не откроет. Он кичливый врач и требует платы вперед. Но если уж ему заплатили, то он разевает пасть и держит ее открытой столько времени, сколько нужно человеку. Он прекрасно понимает, что продал свое благоуханное дыхание³⁴.

Ахилл Татий здесь не совсем серьезен. Как и его современник Лукиан, искавший, над чем можно посмеяться, он посвятил свои «Правдивые истории», послужившие образцом для Рабле, Свифта и Вольтера, откровенному высмеиванию подобной фантастической географии (с. 270).

Не успело еще зайти солнце, как с одного пустынного острова на нас накинулось около двадцати человек верхом на дельфинах; это были разбойники. Дельфины несли их на себе очень уверенно и иногда вздымались даже на дыбы и ржали, точно кони. Приблизившись к нам, они набросились на нас с двух сторон и стали метать в нас высушенных каракатиц и рачьи глаза. Мы в свою очередь закидали их стрелами, и так как большинство попало в цель, то враги не смогли устоять перед нами и бросились бежать обратно к острову, причем многие из них были ранены. Около полуночи, когда наступило морское затишье, мы нечаянно натолкнулись на огромное гнездо зимородка, имевшее около шестидесяти стадий в окружности. Сам зимородок был не меньше своего гнезда; он сидел как раз на яйцах, а при нашем приближении взлетел, подняв взмахом своих крыльев такой ветер, что наш корабль чуть не пошел ко дну, и, улетая от нас, издавал жалобный крик. Когда наступил следующий день, мы высадились, чтобы осмотреть гнездо, которое очень напоминало собой большой плот, так как было сооружено из огромных деревьев. В нем лежало около пятидесяти яиц, из которых каждое было гораздо больше хиосской бочки; внутри них уже пищали птенцы. С помощью топора мы раскололи одно из этих яиц, и из него вылупился не оперившийся еще птенчик, силою своей превосходивший грифов³⁵.

«Дафнис и Хлоя» — роман Лонга с Лесбоса — появился, очевидно, позже произведений Ахилла Татия и Лукиана. Симметричные метафоры и другие стилистические приемы наводят на мысль о том, что создана этой книга в начале III века. Героя и героиню Лонга, как случилось со многими детьми в реальной жизни, родители покинули после рождения. Но нашлись другие люди, которые их усыновили. На протяжении своего детства Дафнис и Хлоя пасли вместе коз и овец своих приемных родителей. Обычные несчастья, как-то: пираты, война, докучливые поалонники и похитители людей присутствуют в книге, но в ином по сравнению с прошлыми романами качестве — здесь все это лишь второстепенные неприятности, от случая к случаю возникающие на пути героев на общем идиллическом, пасторальном фоне. Юноша и девушка

Цит. по: Бердяев Н. А. Философия свободы. — М.: Правда, 1989

любят друг друга, но даже не подозревают, что это и что с этим чувством делать. Дафнис получает практические наставления об основах плотской любви от более опытной женщины (здесь повторяется снисходительность Ахилла Татия, не требовавшего от героя полнейшего целомудрия), и возлюбленные играют свадьбу да еще и находят своих родителей, которые оказываются богатыми гражданами города Митилены.

«Дафнис и Хлоя» — это единственный образец пасторального романа, дошедший до нас со времен Античности. Еще его называют «пасторалью с Лесбоса». В то время живой интерес возбуждал Феокрит с острова Коса в Эгейском море, который за полтысячелетия до того создал жанр пасторальной поэзии. Его стихи позволяли горожанам представлять себе идиллическую сельскую жизнь, а «Эклоги» Вергилия (ок. 37 г. до н. э.) придали этим утонченным фантазиям оттенок легкой изящной грусти. Лонг, в духе пасторальной поэзии, привязан к сельской местности так, как никогда не был привязан к ней какой-либо ее уроженец. Такая искусственность становится видна сразу, ведь во вступлении к роману Лонг характеризует свою книгу как ответ на виденное им на Лесбосе полотно с пасторальными сценами. Тщательно выписанный автором фон «Счастливой Аркадии», только ненадолго встревоженный злоключениями — необходимым атрибутом романа, — необычно привязывает действие к одному месту, которое становится лабораторией, где сменяются лишь времена года. Неиспорченные герой и героиня предстают перед читателем оторванными от этого мира. Дафнис и Хлоя ближе к Пану с флейтой, к нимфам и дриадам, сельским божествам, правившим во времена золотого века, — в нем, собственно, и живут влюбленные.

А игры были у них пастушьи, детские. Хлоя на болоте собирала стебли золотоцвета, плела из них клетки для цикад и часто, этим занявшись, овец своих забывала. А Дафнис, нарезав тонких тростинков, узлы их колен проколол, одну с другою склеив мягким воском, до ночи учился играть на свирели. И вместе порою они пили молоко и вино, а еду, что с собой приносили из дома, делили друг с другом. И можно скорее увидеть, что овцы и козы врозь пасутся, чем встретить порознь Дафниса с Хлоей».*

* Цит. по: Бердяев Н. А. Философия свободы. — М.: Правда, 1989.

Но в тексте чувствуется некоторая ирония, нужная Лонгу, чтобы избежать пресности. Лонг противопоставляет простой повседневный труд пастухов и городскую жизнь, но это не двумерное сравнение добра и зла, оба мира — городской и деревенский — можно примирить, если мудро подойти к этому делу. Остров Лесбос в романе становится Аркадией в стиле рококо, прекрасным раем, но с точки зрения серой будничности — чем-то нелепым и смешным. В конце же романа Дафнис и Хлоя возвращаются именно туда, в несуществующую идиллию, чтобы заключить брак. Пребывание в городе показалось им невыносимым. Так происходит свадьба: «...а козы здесь же рядом паслись, словно и они принимали участие в празднестве. Гостям городским это не очень-то нравилось, зато Дафнис иных коз звал по имени, давал им зеленые ветки и, схватив за рога, целовал»³⁷.

Во времена Кромвеля книга была переведена на английский язык и названа «сладостным и приятнейшим романом для юных леди»³⁸, но без уточнения, что Лонг подспудно высмеивал условности, принятые в романах подобного толка. Любовная история Лонга, созревающая в тихом уединении на лоне расцветающей по весне природы, не просто наивна, а осознанно наивна. Порхая между естественностью и фривольностью, Лонг подробно, смакуя детали, описывает смешные несчастья пары двух влюбленных простаков, которые даже не могли уразуметь, что им следовало делать. Сверх того, в романе ощущается подтекст, полный религиозного или философского смысла. Если Плотин называл Платонову «Любовь» (Эрос) сущностью мистического единения, то и Лонг считает Эрос верховной дионисийской движущей силой всего, космическим первоначалом, — она находит отражение и в природе, и в чувствах, которые испытывают влюбленные³⁹. Старый Филет говорит Дафнису и Хлое:

И если не напрасно голова моя побелела и если от старости разум мой еще не ослаб, посвящены вы, о дети, Эроту, и Эрот о вас заботу несет... Царит он над стихиями, царит над светилами, царит над такими же, как он сам, богами, — такой власти даже вы не имеете над своими козами и овцами. Цветы эти — дело рук Эрота; деревья эти — его создание. По воле его и реки струятся, и ветры шумят»⁴⁰.

Лонг владеет изящным, наработанным стилем, живым, но четким. Он избегает явных нелогичных отступлений, чувства его героев подлинны, нет недостатка в реалистичности, а сюжет, который мог бы стать монотонным, оказался интригующей смесью серьезности и легкомыслия. «Дафнис и Хлоя» — это небольшой шедевр. Позднее, через столетия, роман нередко казался шедевром великой литературы, без всяких оговорок. Средневековые монахи читали эту книгу тайком — найденные рукописи миниатюрного размера, которые легко спрятать, в начале и конце ее следуют религиозные тексты, а между ними, как начинка, находится сам роман. Один из византийских авторов, историк и философ Михаил Пселл, советовал послушникам монастырей приучаться к чтению по «серьезным книгам, оставшимся от великих времен», а не по романам Лонга или Ахилла Татия, очевидно намного более популярным⁴¹.

«Дафнис и Хлоя» оказал огромное влияние на формирование средневековой пасторальной традиции. Но только в XVI веке писатели и придворные оценили по достоинству забавное сочетание искусственной простоты и всяких случайностей в романе Лонга, ставшем неисчерпаемым источником для их собственных поэтических прозаических изысканий. «Диана», написанная Хорхе де Монтемайором (ок. 1559 г.) по-испански, представляет собой переделку итальянского перевода «Дафниса и Хлои», с большим акцентом на приключениях и меньшим — на психологизме. «Аркадия» сэра Филипа Сидни также многим обязана роману Лонга. Примерно тогда же появились переводы на французский и английский языки, а по-гречески роман впервые напечатали во Флоренции в 1598 г.⁴² Руссо и Гете восхищались «Дафнисом и Хлоей», а друг Руссо Бернарден де Сен-Пьер позаимствовал у Лонга представление о дружбе, перерастающей в любовь, для своего бестселлера «Поль и Виргиния» (1787 г.).

Некоторые исследователи сочли «Дафниса и Хлою» самым успешным из всех древнегреческих романов. Другие же решили отдать первенство роману «Эфиопика», появившемуся примерно в то же время или немного позже. Автор этого произведения, Гелиодор, происходит из

города Эмеса (нынешний Хомс) в Сирии. Там же родилась мать Александра Севера, возможно, в правление этого императора написан был и сам роман. Гелиодор наверняка читал книгу Филострата о жизни Аполлония Тианского (ок. 217—218 гг., с. 182) и знал о тяжелой кавалерии Сасанидов, с которой римские войска столкнулись около 232—233 гг. Но роман мог появиться и до этой битвы.

Герои романа — красивые, смелые и умные влюбленные, Теаген и Хариклея, по именам которых иногда называют и саму книгу. Хариклею в детстве оставила мать, царица Эфиопии. Спасенная греческим жрецом, девушка выросла в Дельфах, где они с Теагеном и полюбили друг друга. В компании Каласирида, египетского мудреца, посланного царицей на поиски ее дочери, влюбленные отправились в дальние края, где, как обещал оракул, их ожидало счастье. После разнообразнейших приключений они достигли берега Египта в качестве пленников пиратской шайки. Судьба разделила их, потом снова свела вместе, в конце концов они попали в плен к эфиопам и оказались в Мероз, городе, который в романе стал столицей Эфиопии. В последний момент перед принесением влюбленных в жертву родители Теагена и Хариклеи узнают их. Их брак получает царское благословение, муж и жена приобретают еще и жреческий сан.

Начало «Эфиопики» стало сенсацией в древнегреческой литературе. Подобно «Одиссее» повествование начинается сразу с захватывающих приключений героев. Читателю еще неизвестны действующие лица и их мотивы, ему приходится пройти вместе с героями через бурные, необычные и опасные события, последствия которых распространяются в будущее, а их истоки — в прошлом.

День едва улыбался, и солнце своими лучами озаряло только вершины гор, когда какие-то люди, вооруженные по-разбойничьи, приостановились немного на перевале через возвышенность у впадения Нила, близ устья, называемого Геракловым, и окинули взором простирающееся перед ними море. Сперва они бросили взгляд вдаль, но море не обещало никакой добычи разбойникам; ничего там не было видно. Тогда привлекло их зрелище ближнего побережья, а было там вот что: у берега на причалах стояло грузовое судно, людей лишенное,

товарами переполненное, — об этом можно было судить даже издали, так как его тяжесть вытесняла воду до третьего корабельного пояса. А побережье было покрыто телами только что сраженных — одни уже умерли, другие, полумертвые, еще корчились, и это доказывало, что битва прекратилась недавно. И не только признаки битвы виднелись, но примешивались сюда и жалостные остатки злосчастного пира, кончившегося битвой: столы, то еще уставленные яствами, то поваленные на землю, — и руки умирающих все еще хватались за них, для некоторых они были вместо оружия в бою, ведь без подготовки завязалась битва, — то укрывавшие забравшихся под них людей, которые надеялись там спастись; опрокинутые чаши, выпавшие из рук тех, кто пил из них, и тех, кто пользовался ими вместо камней. Внезапность бедствия заставила по-новому применить их и научила пользоваться чашами как метательными снарядами. Повержены были — кто секирой пораненный, кто пораженный камнем, поднятым тут же на берегу; тот дубиной сбитый, этот — головней опаленный или иным оружием убитый, но большинство пало от стрел: кто-то стрелял из лука.

Бесчисленные образы уготовало на малом пространстве божество, осквернив вино кровью и восставив войну среди пиров, соединив воедино пиршества и убийства, возлияния и заклания и показав египетским разбойникам такое зрелище.

С горы, где стояли они как зрители, разбойники не могли понять этой сцены; перед ними были погибшие, но нигде не заметно было победивших. Они видели блестящую победу и незахваченную добычу, одинокий корабль, безлюдный, но невредимый, словно охраняемый многими стражами и мирно покачивавшийся на волнах. Хотя разбойники и недоумевали, что значит все происшедшее, однако, помышляя о наживе и считая, что победа досталась им, они ринулись на добычу.

Уже были они не так далеко от корабля и трупов, когда вдруг увидели зрелище, еще более странное. На скале сидела девушка красоты столь необычайной, что ее можно было принять за богиню. Она тяжело страдала от того, что ее окружало, но все еще гордым благородством дышала. Лавр вокруг ее головы обвивался, колчан с плеч спускался, левое плечо она на лук опирала, но рука вольно повисала. На правое колено облокотилась она другой рукой, пальцами щеки

касаясь; потупившись, девушка смотрела на какого-то лежавшего перед нею юношу, и голова ее была недвижима.

А тот, изнемогая от ран, видимо, понемногу приходил в себя, словно пробуждаясь от глубокого сна — почти что смерти, — но и тут он цвел мужественной красотой, щеки, обгаренные стекающей кровью, блистали белизной еще больше. От мук смыкались его глаза, но вид девушки привлекал их к себе, и это заставляло глаза смотреть — ведь на нее они глядели. Собрал все силы и глубоко вздохнув, юноша заговорил слабым голосом:

— Сладостная, действительно ли ты спаслась или, став жертвой битвы, ты и после смерти не в силах покинуть меня, и призрак твой, душа твоя, следует за моей участью?

— В тебе, — отвечала девушка, — мое спасение и гибель. Ты видишь вот это, — тут она указала на меч у своих колен, — до сих пор он бездействовал — его удерживало твое дыхание.

Этими словами она вскочила с камня, а разбойники, находившиеся на горе, пораженные изумлением и ужасом, словно ударами молнии, попрятались кто куда в кустарник, потому что девушка, выпрямившись, показалась им выше ростом и божественной, — так сверкала на солнце ее золотканая одежда, так неистово развевались под венком ее волосы, широко рассыпаясь по спине⁴³.

Любопытство читателя пробуждено, напряжение высоко. Гелиодор превзошел всех прочих авторов романов в хитросплетениях сюжета, обычные ходы, такие как оракулы, клятвы, письма, размышления вслух героя с самим собой, обдумывание самоубийства и ложные слухи о смерти любимого человека, мастерство автора вознесло на невиданную высоту, а напряженность действия напоминает драму. Гелиодор наполняет свой текст захватывающими рассказами, украшает его редким, но блестящим остроумием. Сюжет представляет собой планомерное и быстрое развитие эпизодов, ни один из которых не становится проходным, что подкрепляется мастерским использованием второстепенных характеров и сюжетных линий. Они, по большей части, вполне уместны и не задерживают слишком развитие основной фабулы романа.

⁴³ Цит. по: Бердяев Н. А. Философия свободы. — М.: Правда, 1989.

Гелиодор следует современной ему моде, часто и пространно сообщая читателю полуфантастические сведения по географии и этнологии.

Пройдя около двух стадиев вдоль берега, разбойники свернули с пути и пошли все в гору, оставив море справа; с трудом перевалив через хребет, они направились прямо к озеру, расположенному по другую сторону гор, и вот что это было за озеро: Воловьим пастбищем называется у египтян вся эта местность. Это земляная впадина, она принимает выходящие из берегов воды Нила и образует озеро — в середине глубина бездонная, а по краям переходит оно в болото. Ведь что для морей побережье, то болота бывают для озер. Среди них расположен весь стан египетских разбойников; одни устраивают себе шалаши на тех клочках земли, что возвышаются над водою, другие проводят жизнь на судах, которые им служат и кораблем и жильем. На судах им женщины шерсть прядут, на судах и рожают. Если родится ребенок, сперва питают его материнским молоком, а затем озерной рыбой, высушенной на солнце. Когда же замечают, что ребеночек хочет ползать, привязывают его за лодыжки ремнем такой длины, что он позволяет ему добраться только до края судна или хижины, и таким образом оковы на ногах становятся небывалым руководителем ребенка. В этом племени волопасов человек рождается на озере, и вскормлен им, и считает своей родиной озеро, которое может к тому же служить для разбойников мощным оплотом⁴⁴.

Хотя автор сириец по рождению, его восточный патриотизм включает в понятие о «родине» и Египет. Мудрец Каласирис утверждает, что Гомер был таким же египтянином, как он. Здесь Гелиодор следует примеру романа об Александре Македонском, в котором те же претензии заявляются по поводу происхождения великого полководца⁴⁵. Потомки гордого народа, жившего на периферии эллинского мира и завоеванного Александром, тешили свое самолюбие художественной прозой, проникнутой патриотическим и религиозным оттенком.

* Цит. по: Бердяев Н. А. Философия свободы. — М.: Правда, 1989.

Гелиодор распространяет свои симпатии и на Эфиопию. При всем этом Хариклея, происходящая от эфиопских правителей, обладает по воле автора белой кожей, и вообще греки в его книге явно превосходят всех остальных. Роман рассчитан на читателей, населявших Римскую империю III века, которые не были греками по рождению, но считались ими и по языку, и, отчасти, по культурным традициям. Возможно, автор хотел показать читателям, что соседям-грекам, при всем их превосходстве, можно ни в чем не уступать.

Ахилл Татий писал о любви, но Гелиодор ему не уступал. Он тоже демонстрирует свой особенный подход к этому деликатному вопросу. Новацией в «Эфиопике» стало то, как активно и изобретательно Хариклея помогает своему возлюбленному в его злоключениях. Во многих несчастьях именно она берет инициативу в свои руки и оказывается более находчивой, чем храбрый, но быстро падающий духом Теаген. Позднее книгу иногда называли просто «Хариклея», — это один из первых случаев в литературе, когда женщина занимает положение равного мужчине друга и товарища. Учитывая яростное отстаивание Хариклеей своего целомудрия, что являлось уже не следованием канонам литературы, а свидетельством строгости к себе, характерной для эры сурового аскетизма (с. 193), кажется непонятным утверждение Монтеня, который считал Хариклею слишком шаловливой, сующей свой нос куда не следует, и влюбчивой, что не подобает дочери священника. Его, очевидно, удивили страстные, не знающие границ любовь и преданность Хариклеи своему Теагену. Она склонна к излияниям бурных эмоций. Передавая их, автор не углубляется в психологию героини, а подробно описывает смены выражения на ее лице, ее жесты и движения. Во всем этом Хариклея проявляла крайнюю порывистость и страстность. Любой бегун на дистанцию позавидовал бы энтузиазму, с которым возлюбленная поддерживала Теагена (соревновался он в бегах воинов в полном боевом облачении).

Хариклея тоже была взволнованна, и, все время наблюдая за ней, я видел, что она то и дело менялась в лице. Наконец глашатай во всеуслышание объявил имена состязающихся, провозгласив:

— Аркадец Ормен и фессалиец Теаген!

Канат был опущен и бег начался. За ним едва можно было уследить глазами. Девушка не могла уже оставаться спокойной: ей не стоялось на месте, ноги ее двигались сами, как будто ее душа рвалась вслед за Теагеном и, думается мне, подбадривала его⁴⁶.

Хариклея из-за временного исчезновения любимого впадает в истерику, за что позже она выслушивает справедливые упреки.

А он, увидев ее волосы в беспорядке, хитон, разорванный на груди, опухшие глаза, говорившие о безумстве перед сном, понял, в чем дело. Подведя ее тотчас же к постели и усадив, он накинул ей плащ. И, приведя ее в подобающий вид, Каласирид спросил:

— Что это, Хариклея? Отчего ты так много и чрезмерно горюешь, с чего ты так безрассудно поддаешься нынешним несчастьям? Я теперь не узнаю тебя, ведь я знаю, что прежде ты всегда с благородством и рассудительностью переносила удары судьбы. Прекратишь ли ты это чрезмерное безрассудство? Как ты не понимаешь, что раз ты — человек, то, значит, ты существо шаткое, то в одну, то в другую сторону жестоко бросаемое? Зачем ты убиваешь себя, уничтожая этим надежды на лучшее? Пощади нас, дитя, пощади если не себя, то Теагена, для которого жизнь дорога только с тобой и ценна лишь тогда, если ты будешь в живых⁴⁷.*

Гелиодор, кроме всего прочего, не забыл и о изображении воли богов, следивших за всеми приключениями влюбленной пары. Размышляя о бесконечном разнообразии окружающего мира, о сложнейшем переплетении движущих им сил, Гелиодор не приписывает все Фортуне, но объясняет многие события устами жрецов или пророков как результат вмешательства Провидения или божественной справедливости. Автор «Эфиопики» озабочен самыми серьезными проблемами — религиозными и философскими. Подобно современным ему авторам, работы которых он должен был знать, Гелиодор стремился упростить и объединить различные мифы и культы, свести воедино эллинское и восточное язычество. Особенно возвышенно высказыва-

* Цит. по: Бердяев Н. А. Философия свободы. — М.: Правда, 1989.

ется Гелиодор о боге солнца, верховном божестве, отождествляемом автором с Аполлоном (с. 245). Сам Гелиодор имел родственные связи, о чем свидетельствует и его имя, с жрецами культа бога солнца в Эмесе. Из этой семьи происходил и тогдашний император Александр Север (с. 214), поэтому солнцепоклонничеству в «Эфиопике» отведено немалое место.

Именно у Гелиодора наиболее заметно проявляется внимание к вопросам религии, которое присуще всем греческим романам⁴⁸. Хотя случай иногда расстраивает планы героев, боги помогают им и следят за развитием событий. У каждого автора обнаруживаются свои предпочтения в отношении богов, и практически все писатели одними и теми же словами описывают достижение совершенства через прохождение испытаний, что соответствует теории достижения спасения в мистических верованиях (с. 262). Следует отринуть нынешние представления о том, что религия и развлечения несовместимы, и воспринимать эту литературу подобно зрителям средневековых мистерий.

Византийская традиция с течением времени превратила и Ахилла Патия, и Гелиодора в христианских епископов, с тем чтобы сделать их романы приемлемым для монахов чтением, ведь романы этих писателей оставались очень популярными. Монахи оправдывались перед властями тем, что каждый эпизод любовной истории трактовали как наставление в нравственности. Схожие повороты сюжета включались затем и в романы христианских писателей, где героя и героиню преследовали несчастья, насланные демоном чувственности, от которого следовало бежать к покаянию и аскетизму⁴⁹.

Торквато Тассо одобрял искусно поддерживаемую автором «Эфиопики» напряженность действия и постепенное распутывание интриг. Не только Тассо, но и Сервантес свидетельствует об огромной популярности приключений Теагена и Хариклеи у европейцев эпохи Возрождения. Об этом же свидетельствует и живопись Рафаэля, почерпнувшего из романа много ярких сцен. Французский перевод книги Гелиодора, выполненный Жаком Амио (1547 г.), издавался десять раз до конца XVI века, а английский перевод Андердауна переиздавался пятью разами после первой публикации в 1587 г.⁵⁰. Расин любил «Эфио-

пику». Хотя в Пор-Руаяле ему, пятнадцатилетнему отроку, запретили читать эту книгу, он выучил роман наизусть и потом не раз обращался к нему в своих пьесах.

Из-за разнородности истоков и содержания подобной художественной литературы (с. 168) древние греки и римляне не дали этому жанру никакого названия. Нет ни одного слова, которое можно было бы перевести как «роман», и даже в Византии такие книги причислялись к драме или комедии.

По разным причинам некоторые современные литературоведы также отказываются применять к такой прозе слово *novel* («бытовой роман»), сохраняя его для книг, где большее ударение делается на характеры и мотивы, и предпочитая рассматривать приключенческие истории Гелиодора и прочих авторов как *romance* («героический или любовный роман, небылица»). Различие, возможно, слишком тонкое, тем более что если речь идет о *novel*, то мы знаем такие произведения, чтение которых требует значительной работы ума, и такие, где достаточно следить за развитием сюжета. Имеет значение и то, поднимает ли автор в какой-либо степени религиозные или культурные проблемы. Большая часть дошедшей до нас греческой и латинской литературы рассчитана на людей с высшим образованием, вполне способных к осмыслению. Поэтому, несмотря на любые недостатки, античную литературу вообще следует причислить к высокому жанру. Исключение из этого правила есть, наиболее яркое — комедии Плавта, а также описанные выше романы. Их авторы рассчитывали на читателей, получивших широко распространенное тогда среднее образование, далекое от университетских стандартов. Подобные им романы, «не освещенные холодным светом академичности»⁵¹, читались с удовольствием. Иногда они появлялись безо всякого влияния со стороны античных писателей, иногда под прямым или косвенным их воздействием. В эпоху Елизаветы I такие романы, с запутанной интригой и действием, происходившим в выдуманных землях, пользовались немалой популярностью, вытесняя рыцарский роман, тогда уже казавшийся нереалистичным. Сюжеты сочинялись остроумно и несколько

ко фривольно, сентиментальность оставалась приторной, и авторы, следуя примеру своих античных предшественников, вставляли в романы какие-нибудь полезные и интересные читателю сведения, чтобы произвести на него впечатление и позабавить.

Позднее, в XVIII веке, Пьер Юэ и Сэмюэл Джонсон определяли такую разновидность литературы словами, вполне уместными и по отношению к Гелиодору, и по отношению к современникам упомянутых ученых мужей. Вальтер Скотт признавался, что в молодости его увлечение легким чтением такого рода оказалось настолько сильным, что походило уже на порочное пристрастие. Его собственные значительные достижения в древнем жанре исторического романа вполне соответствовали критериям Кольриджа в отношении подобной прозы: «развлекать, не требуя никаких умственных усилий и не возбуждая никаких глубоких чувств». В XX веке романы для читателя среднего уровня (их авторы редко обладают мастерством Вальтера Скотта) называют смесью (и в нравственном, и в интеллектуальном плане) добродушия и чувствительности, слепленных при помощи словесного «студия», плохой литературой, но интересной по выбору и воплощению тем. Подобные книги считали полезными для уведомления низших слоев общества о том, что волнует высшие. В глазах обывателя это легкое чтение пристойнее, чем серьезная литература⁵², поэтому и продавалась она лучше, особенно до появления телевидения.

Джин Страттон Портер заявляла, что жизнь в ее романах идеализирована и сентиментальна, и ей это очень нравится. То же могли бы сказать, хотя едва ли серьезно, Ахилл Татий, Лонг и Гелиодор. Жанр, лучшими представителями которого они стали, оказался единственной литературной формой (за исключением произведений религиозной направленности), бурно развивавшейся в эпоху позднего Рима. Художественная проза процветала, потому что давала возможность развлечься, не слишком сильно напрягая читателя в интеллектуальном (или псевдоинтеллектуальном) и религиозном аспектах. А неприступное целомудрие героя и героини, ставшее новой доминантой в литературе, придавало произведению тон назидательности. Романам не чужда и пикантная чувственность, но в целом они полны чистой и пре-

красной любви. Это литература для молодежи или для людей, так и не повзрослевших, которым все видится в черно-белом свете.

Прежде всего романы читали потому, что они давали возможность отвлечься от утомительной или тревожной повседневности. Их направленность при этом нельзя назвать эскапистской, ведь авторы честно, хотя и несколько условно, рассказывали об опасностях реальной жизни. Полуфантастическая (или вполне фантастическая) проза — стандартная духовная пища для людей, будни которых лишены ярких впечатлений. Политика правителей античного мира являлась не только жестокой, но и тщательно оберегаемой от простых людей. Куда приятнее и легче было исполнить свои желания, отождествляя себя с героями подобных романов. Кроме того, в тот грозный и опасный век испытания, через которые проходили герои романов, позволяли поволноваться за них, сняв таким образом напряжение. Именно это привлекает вполне мирных людей к детективам и триллерам и сегодня. Читатель мог не беспокоиться, чем закончится роман, — всегда хеппи-энд с обязательной свадьбой. Вот так греческий роман поздней Античности, с его искусно сплетенной интригой, давал империи то счастье, которое не способна была предложить реальность.

НАДЕЯТЬСЯ ОСТАЛОСЬ ТОЛЬКО НА СЕБЯ

«Размышления» Марка Аврелия

С приправленной мистицизмом легкомысленностью рассмотренных художественных произведений резко контрастирует уникальное чувство ответственности (впрочем, сочетающееся с желанием отойти от дел) императора, который правил в эпоху расцвета античного романа, — Марка Аврелия. Бедствия и тревоги того века заставили авторов романов и их читателей не обращать внимания на ужасающую действительность и с легкостью преодолевать все неприятности в своем воображении. Марк Аврелий, напротив, делал все, что было в его силах, чтобы исправить положение, хотя давалось ему это непросто.

Его признания о самом сокровенном, названные позднейшими издателями просто «Размышлениями», написаны по-гречески. Марк Аврелий получил хорошее образование, много читал, и это наложило свой отпечаток на его творение. Но, прежде всего, «Размышления» создавались как личные дневники, не предназначенные для обнародования. В них нет внутреннего единства. Заметки и раздумья Марк Аврелий записывал не для посторонних глаз, ибо находил в них источник утешения и воодушевления, занимался глубоким самоанализом. Каждая фраза его «Размышлений» наделена своим настроением. Простые и искренние письма Марка Аврелия к наставнику и другу Фронтону (пытавшемуся реформировать латинскую стилистику) отражают духовное становление будущего императора на определенном этапе жизни — от семнадцати до сорока пяти. Продолжением и развитием этих писем и стали «Размышления», созданные Марком Аврелием в последние десять или пятнадцать лет жизни.

Его произведение касается в первую очередь необходимости и трудности служения обществу и своей совести. Автор говорит об этом так

эмоционально и открыто, как вряд ли удавалось кому-либо до него. Таким образом, этический аспект расцвета языческого Рима выражен именно в «Размышлениях» Марка Аврелия. Но его мораль чрезвычайно сурова и не предоставляет никакого другого утешения, кроме исполнения долга. Человек просто должен идти вперед, продолжая упорно трудиться, как бы тяжело ему ни пришлось. Когда Марк Аврелий с благодарностью и почтением отзывается об Антонине Пие, своем предшественнике и приемном отце, то хвалит его именно за терпение и сохранение спокойствия в любых обстоятельствах¹. Того же Марк Аврелий требует и от себя, и от других: гляди внутрь, укрепи свой дух, найди в себе мужество выполнить свою работу. А труд самого императора был невыносимо тяжел. Жизнь коротка, — говорит он, — и нужно думать не только о себе и поступать ответственно.

С мужеской, с римской твердостью помышляй всякий час, чтобы делать то, что в руках у тебя, с надежной и ненарочитой значительностью, приветливо, благородно, справедливо... Если будешь, действуя в настоящем, следовать за прямым разумом с рвением, силой и благожелательностью, и не приходящее что-нибудь, а собственного гения сохранишь в устойчивой чистоте, как будто бы надо уже вернуть его; если увяжешь это, ничего не ожидая и ничего не избегая, довольствуясь в настоящем деятельностью по природе и правдивостью времен героических в том, что говоришь и производишь, — поведешь благую жизнь².

Идеалы Марка Аврелия — согласие с природой и божеством внутри себя — восходят к основателю стоицизма, Зенону Китийскому (с острова Крит), жившему на рубеже IV—III вв. до н. э. «Природа» представлялась как благосклонное божество, правящее Вселенной, и по мнению стоиков, основанному отчасти на платоновском идеализме, искорка этого божества присутствует в каждом человеке. Такова была религия Марка Аврелия. «Разум каждого — бог, и проистек оттуда... Что способно сопутствовать нам? Одно и единственное — философия. Она

в том, чтобы беречь от глумления и от терзаний поселенного внутри гения»³. Марк Аврелий ревностно чтит римских богов, ибо такая приверженность к традициям казалась необходимой для выживания государства и единения его жителей (с. 232). Но сам император считал языческих богов лишь разными гранями одного божества. Марк Аврелий, следуя примеру стоиков, верил, что это божество растворено в материальном мире так, что является с ним единым целым, подобно тому, как едины душа и тело. Вот по этой причине человек должен оставаться верен себе — лучшей части себя, той искре, которая заложена в нем божественной силой. Называй ее богом или богами — это ничего не изменит. Например, когда император испытывал приступ головокружения или харкал кровью, он чувствовал, как сила божества приходит к нему на помощь посредством снов. «Любопытствующим: "где ты богов видел и откуда взял, что существуют они, чтобы так их почитать?" Ну, во-первых, и глазами можно их видеть. Кроме того, я и души своей не видал, а ведь что же ее. Так и с богами: в чем вновь и вновь испытываю силу их, чрез то постигаю, что они существуют, и вот благоговею»⁴.

Марк Аврелий полагал, что приобретенный жизненный опыт не поможет найти ответ на все вопросы. Он, не так радостно, как Эпиктет, отдается в руки всемогущего божественного Провидения. Эпиктет (ум. ок. 135 г. н. э.), раб-фригиец, стал целителем людских душ и одним из выдающихся проповедников стоического учения, и Марк Аврелий как философ многим ему обязан. А вот многочисленнейшим мистическим религиозным течениям того периода, обещавшим спасение своим приверженцам (с. 262), Марк не верил ни на йоту. Ибо не разделял их уверенности в спасении от смерти. Смерть представлялась неразрешимой загадкой, никакого утешения или лекарства от нее не было. Но все же Марк Аврелий — человек со слабым здоровьем, вынужденный противостоять грозным врагам, часто думал и писал о смерти, советуя всем проживать каждый день как последний⁵. Самому императору приходилось призывать на помощь свою философию, чтобы не дать мрачным мыслям взять над ним верх. И даже если божественная сила иногда проявляла себя, как казалось Марку Аврелию, то повлиять на нее молитвой не представлялось никакой возможности.

¹ Цит. по: Бердяев Н. А. Философия свободы. — М.: Правда, 1989.

Поэтому-то «Размышления» называют самой печальной книгой в истории человечества. Их автор убежден в своей правоте, но не рад этому, ждет помощи божества, однако видит вмешательство с его стороны в очень редких случаях. Тем не менее едва ли надеясь на какую-либо награду в будущей жизни, не говоря уже об этой, Марк Аврелий делает все, что в его силах. Он не был вольнодумцем (что вообще нехарактерно для той эпохи), неверующим или гуманистом в современном, атеистическом смысле этого слова. Но Марк Аврелий не разделял общее для всех религий иррациональное убеждение в том, что сверхъестественные силы поддаются влиянию человека. Существование Вселенной однообразно, бессмысленно и предопределено. «Что бы ни случилось с тобой, оно от века тебе предуготовано: сплетение причинного издревле увязало и возникновение твое, и это вот событие»⁶.

Но Марк Аврелий не сомневался и в том, что от человека зависит очень многое. Такие, присущие стоикам воззрения важное место занимали в философии Эпиктета: «В нашей власти — наши мнения, наша воля, наше влечение и уклонение — словом, все наши действия. Не в нашей власти — наше тело, наше имущество, почет, чины — словом, все, что не есть наши действия. Все, что в нашей власти, от природы свободно, не знает препятствий и стеснений; то, что не в нашей власти, является слабым, подчиненным, подверженным препятствиям и чуждым воздействиям. Теперь подумай о следующем: если то, что от природы является подчиненным и подверженным чуждым воздействиям, ты будешь считать своей собственностью, то ты столкнешься с препятствиями, впадешь в заботы и беспокойство и будешь недоволен богами и людьми. Если же, напротив, ты будешь лишь то считать своей собственностью, что действительно принадлежит тебе, а то, что подвержено чуждым воздействиям, будешь считать чуждым тебе, то никто никогда тебя ни к чему не принудит, никто ни в чем не сможет тебе воспрепятствовать; ты всеми будешь доволен, ибо вообще никто не может принести тебе вреда»⁷.» Это составляло основу убеждений

* Цит. по: Бердяев Н. А. Философия свободы. — М.: Правда, 1989.

Марка Аврелия: несмотря на предопределенность, многое определяется по нашей собственной воле, никто не способен удержать нас от принятия решений. Эти решения принадлежат нам — только мы можем их реализовать. Итак, «береги себя простым, достойным, неиспорченным, строгим, прямым, другом справедливости, благочестивым, доброжелательным, приветливым, крепким на всякое подобающее дело»⁸. Первой обязанностью души является достижение нравственного совершенства при помощи строжайшей дисциплины. И даже если после смерти нас не ждет никакая награда, человек способен жить праведно. Это для человека естественно, из-за той божественной искры, которая в нем изначально зажжена. Предположение, что принципы морали не связаны с повелениями божества, Марк Аврелий, скорее всего, отверг бы, тем более если божество понималось как естественная сила, объединяющая Вселенную: «Уйти от людей не страшно, если есть боги, потому что во зло они тебя не ввергнут. Если же их нет или у них заботы нет о человеческих делах, то что мне и жить в мире, где нет божества, где промысла нет? Но они есть, они заботятся о человеческих делах и так все положили, чтобы всецело зависело от человека, попадет ли он в настоящую-то беду, а если есть и другие еще беды, так они предусмотрели и то, чтобы в каждом случае была возможность не попадать в них»⁹.

Марк Аврелий не позволял себе столь характерную для Востока чувственность, а полностью придерживался типичного для своего времени строгого аскетизма. Он ставил под сомнение классический принцип соответствия физической красоты духовной, безжалостно критикуя все, что доставляло наслаждение глазу или уху, удовольствия, получаемые от еды или секса. Марк Аврелий описывает потюк за подобными радостями жизни в жестких и грубых выражениях, присущих и другим писателям эпохи позднего Рима, и языческим, и христианским. Последним его заветом стала «ровность во всем». Пройти через все испытания, определенные человеку судьбой, не потеряв воли к достижению цели, возможно только в случае, если сумеешь избежать все вышеперечисленные «удовольствия» и сохранить абсолютное спокойствие.

Совершенство характера — это то, чтобы всякий день проводить как последний, не возбуждаться, не коснеть, не притворяться... Быть похожим на утес, о который непрестанно бьется волна; он стоит, — и разгоряченная влага затихает вокруг него. Несчастный я, такое со мной случилось! — Нет! Счастлив я, что со мной такое случилось, а я по-прежнему беспечален, настоящим не уязвлен, перед будущим не робею. Случиться-то с каждым могло подобное, но беспечальным остаться сумел бы не всякий¹⁰.

Эти идеалы, как и мужественные усилия Марка Аврелия жить в соответствии с ними, заслуживают внимания потому, что ему приходилось вести постоянную бессмысленную борьбу не только против своих личных недостатков, сильно им преувеличенных¹¹, но и против неидеальности мира. Часто он проявляет растерянность, что можно уважать и чего следует добиваться среди окружавших его мерзости и неопределенности. «Вот каким тебе представляется мытье: масла, пот, муть, жирная вода, отвратительно все. Так и всякая другая часть жизни и всякий предмет»¹². Все это — просто служение плоти. Жизнь — не радостное стремление древних греков к достижениям в материальной культуре давно осталось позади. Да, человек продолжал служить мерой всех вещей, он мог и должен был преодолевать природу. В этом отношении человек оставался хозяином самому себе, но уже не обладал самоуверенностью классической античности — ощущением безграничности своих сил. Марк Аврелий разделял мнение Эпиктета о непрочности людского существования¹³. Жизнь не только отвратительна, но и мимолетна:

И вообще: увидеть в человеческом однодневное, убогое; вчера ты слизь, а завтра мумия или зола... Срок человеческой жизни — точка; естество — текуче; ощущения — темны, соединение целого тела — тленно; душа — юла, судьба — непостижима, слава — непредсказуема. Сказать короче: река — все телесное; слепота и сон — все душевное; жизнь — война и пребывание на чужбине, а память после — забвение... Тщета пышности, театральные действия, стада, табуны, потасовки, кость, кинутая псам; брошенный рыбам корм; муравьиное старанье и тасканье; беготня напуганных мышей; дерганье кукол на нитках¹⁴.

Подобно Толстому, который чувствовал себя сиротой, потерянным в гуще чуждых ему событий, Марк Аврелий ощущал жизнь как временное путешествие в чужие края (с. 316)¹⁵. И по мере того как за одним годом, полным мучений, следовал другой, уколы сомнения становились все острее, приводя императора в оцепенение и отчаяние.

Чем же можно себе помочь, если не тем, что уйти в себя и черпать из глубин своей души силу? «Ищут себе уединения в глуши, у берега моря, в горах. Вот и ты об этом тоскуешь. Только как уж по-обывательски все это, когда можно пожелать только и сей же час уединиться и себе. А нигде человек не уединяется тише и покойнее, чем у себя в душе, особенно если внутри у него то, на что чуть взглянув он сразу же обретает совершеннейшую благоустроенность — под благоустроенностью я разумею не что иное, как благоупорядоченность. Вот и давай себе постоянно такое уединение и обновляй себя»¹⁶. Там-то и находится единственная возможность примириться с действительностью. «Крепись в себе самом. Разумное ведущее по природе самодостаточно, если действует справедливо и тем самым хранит тишину... Внутри види, внутри источник блага, и он всегда может пробиться, если будешь всегда его откапывать»¹⁷.

Занятый внутренним самосозерцанием (еще более яркое выражение оно нашло в философии Плотина (с. 210)), Марк Аврелий полагал, что проступок другого надо оставить там»¹⁸. Такая позиция иногда порицалась за терпимость, опасную для спокойствия общества. Но Марк Аврелий имел в виду совсем другое. Напротив: «Люди рождены друг для друга. Значит, переучивай — или переноси»¹⁹. Таким образом, отстраненность, которую он проповедовал, ни в коем случае не должна была породить пренебрежение к своим обязанностям перед обществом. «Несправедливый нечестив. Потому что раз природа целого построила разумные существа друг ради друга, чтобы они были в поощение друг другу сообразно своему достоинству и никоим образом друг другу не во вред... цель надо поставить себе именно общественную и гражданскую»²⁰. Следовательно, если мы братья в общей сопричастности к божеству, общественный инстинкт, подобно нравственному инстинкту, является врожденным. Каким бы трудным это ни каза-

лось, — а это часто казалось трудным и самому Марку Аврелию²¹, — мы должны быть добры к своим собратьям, терпеть их ошибки, делать скидку на их незнание, приходить им на помощь. Если люди созданы для совместной деятельности, без служения обойтись невозможно. Поступать иначе — противно природе. Марк Аврелий считает, что «...нарыв на мире, кто отрывается и отделяет себя от всеобщей природы, сетуя на происходящее»²².

Как правитель Римской империи, он не уставал проводить свои взгляды в жизнь, благодаря небу за то, что не поддался искушению остаться ученым. Платон немало внимания уделил теме царя-философа, а влияние советников-стоиков на позднейших греческих монархов привело к воплощению в жизнь доктрины «славного рабства» правителя. Марк Аврелий, не страдавший от ложной скромности²³, не соблазнялся показным величием императора. Придворную жизнь он ненавидел, чувствовал острую неприязнь ко многим людям, с которыми приходилось иметь дело, и четко осознавал опасности, угрожающие нравственности правителя. «Гляди, не оцезарись, не пропитайся порфирой — бывает такое»²⁴.

Марк Аврелий вступил на трон в сорокалетнем возрасте — в возрасте разочарования, как он говорил, когда человек обычных способностей уже испытал все, что было и что будет. И Марку Аврелию, так любившему уединенное созерцание, большую часть своего правления пришлось провести при армиях, на далеких от Рима границах. Когда в плен к Марку Аврелию попадали сарматы, он понимал, что радость от такого успеха ничем не лучше эмоций грабителя или паука, поймавшего муху²⁵. Чем же был, в конце концов, сам царственный пурпур? Всего лишь выделениями какого-то моллюска²⁶. Слава, как не уставал напоминать себе император, не будет длиться вечно²⁷.

Марк Аврелий усматривал прямую связь между своей философией и задачами, стоявшими перед ним как императором. Римская империя представлялась ему самым близким подобием всемирного братства, о котором мечтали стоики, но в реальной жизни «[От брата моего Севера я] возымел представление о государстве, с законом, равным для всех, где признаются равенство и равное право на речь; также

в единодержавии, которое всего более почитает свободу подданных»²⁸. Для императора им стало римское государство, что нашло своеобразное отражение и в позднейшем «граде божьем» Августина. «Если духовное у нас общее, то и разум, которым мы умны, у нас общий. А раз так, то и тот разум общий, который велит делать что-либо или не делать; а раз так, то и закон общий; раз так, мы граждане; раз так, причастны некоей государственности; раз так, мир есть как бы город. Ибо какой, скажи, иной общей государственности причастен весь человеческий род? Это оттуда, из этого общего города идет само духовное, разумное и законное начало — откуда же еще?»²⁹. Марк Аврелий одобрил бы закон Каракаллы, который, несмотря на отнюдь не благородные мотивы, предоставил всем свободным жителям империи римское гражданство (с. 117)

Уже полтысячелетия каждый философ, независимо от мировоззрения или пристрастий, считал своим долгом дать ответ на насущные вопросы повседневной жизни. Для Эпиктета и, позже, Марка Аврелия это стало необходимостью. На царственного философа в XX веке исследователи обращали весьма мало внимания, потому что позиции, которых Марк Аврелий превозносил до небес в XIX веке, сейчас выглядят сомнительно. Ренан справедливо назвал «Размышления» самой человечной из всех книг, дошедших до нас, несмотря на всю их мрачность. Джон Стюарт Милл предположил, что Марк Аврелий превечивал собой все предыдущие достижения человечества. Но Мэтью Арнольд нашел в мыслях императора-язычника христианское милосердие, и говорил он как свободомыслящий христианин. Такие христиане встречались и в античную эпоху — они приписывали все нравственные достижения язычников их неосознанному стремлению к вере в Христа (с. 294).

На самом деле Марк Аврелий, идеал спокойствия которого требовал избегать пристрастности, волнений и предубеждений³⁰, был далек от симпатии к намеренному мученичеству христиан, преследуемых во времена его правления (с. 317). Для императора подобающим казалось, чтобы душа была «...готова, когда надо будет, отрешиться от тела, то либо утаснуть, либо рассеяться, либо пребыть. И чтобы готовность

эта шла от собственного суждения, а не из голой воинственности, как у христиан, — нет, обдуманно, строго, убедительно и для других, без театральности»³¹. Слова «как у христиан», конечно, могут быть и позднейшей вставкой, но нет сомнений, что обращался император именно к ним. Ближайшие советники Марка Аврелия относились к новой вере с открытой враждебностью, Фронтон даже написал трактат против христиан. А сам Марк Аврелий, как стоик, веровавший в долг каждого перед государством, несмотря на соблазн отойти от дел, с неприязнью воспринимал пренебрежение христиан к земной жизни. Но особенно он порицал христиан за готовность к смерти, ибо их учили этому, не предоставляя возможности самим сделать обдуманый выбор. Марк Аврелий благосклонно относился ко всем людям и не испытывал недостатка в любви и сострадании, но его характер, происхождение и должность императора заставляли помнить о рассудительном, что не допускало симпатии к христианским мученикам.

Впрочем, историческое значение личности Марка Аврелия заключается в другом: в высокой требовательности к себе, которая сформировалась у него без каких-либо внешних побуждений, в том числе и со стороны религии. Он был верующим человеком, праведным, но без страстным — того требовали представления стоиков о божестве и о всемирном братстве. Не верил он и в какую-либо награду за труды и спасение в загробной жизни. Хотя многое происходило помимо воли человека, Марк Аврелий полагал, что на многое человек может повлиять. Поэтому в жизни есть смысл — тот смысл, который мы сами, без посторонней помощи, способны в нее вложить. Мы от природы обязаны осознать наши возможности, нравственные в том числе, и достичь многого, на что способны. Марк Аврелий был одним из тех редких по своему благородству людей, которые лишь в силу ума и характера, не надеясь на какую-либо награду, достигли добродетельности ради нее самой.

Плотин

О жизни выдающегося философа III в. н. э. Плотина поведал миру ученик и биограф Порфирий (Мальх), происходивший из Тира и Батанеи. Плотин появился на свет в 205 г., очевидно, в Верхнем Египте

те, в городе Ликополь. В двадцать семь лет он обратился к философии и одиннадцать лет учился в Александрии под руководством Аммония Сакка. Аммоний — мистик-самоучка, оставивший христианство и, что было типично для того времени, претендовавший на примирение в своем учении Платона и Аристотеля, — как говорят, пробудил у Плотина интерес к иранской и индийской философии. Плотин решил присоединиться к римской военной экспедиции под командованием Гордиана III против Ирана (242—243 гг.) в надежде на личное знакомство с восточными философами. Поход закончился неудачей. Император погиб, а Плотин спасся и поселился в Риме, преподавал философию и, пользуясь благосклонностью императора Галлиена и его просвещенного двора, прожил там почти всю жизнь, пока незадолго до смерти не переехал в Кампанию (269—270 гг.).

Плотин кроме философии преподавал музыку и математику. Воздерживаясь от наставлений, он занимался со своими учениками поиском истины через рассуждения и дискуссии. На протяжении последних семнадцати лет своей жизни Плотин записывал (по-гречески) свои семинарские занятия как серию философских эссе в помощь ученикам. Порфирий собрал эти записи и издал их в 301 г. Компильция из шести книг, названная «Эннеады» («нечто из девяти частей»), получилась несколько путаной и непоследовательной. Чтобы полностью уразуметь, что Плотин думал по тому или иному вопросу, надо прочитать от начала до конца книгу, и даже после этого читатель столкнется с противоречивыми мнениями и смещением акцентов. Хотя в «Эннеадах» не прослеживается последовательность столкновения взглядов Плотина, понятно, что философ неоднократно возвращался к одним и тем же вопросам, рассматривал их с разных сторон, соотносил с проблемами и различными точками зрения

Плотин воспринимал жизнь как сложную, упорядоченную, иерархическую систему. Ее вечно порождает высший источник — Единое, предвечное Благо, от которого последовательно исходят ипостаси (эманации), сами по себе особые реальности, а именно: божественный Разум, потом Душа и низшая реальность — Тело. Все они связаны

между собой в неизменное и совершенно неразрывное Целое, которое можно сравнить с кругами, концентрически расходящимися от породившего их Единого³³.

Внутри этого живого космоса, в котором ни одна из его частей не отделена от другой каким-то непреодолимым барьером, постоянно происходит движение в двух направлениях: вниз от Единого и вверх, обратно к нему. Бытие существует в результате избыточности и вечной творческой активности бесконечного нематериального Единого, основы всяческого существования, которое, являясь также и Благом, дает начало всем ценностям. Совершенство, как ему свойственно, словно испускает излучение и отражение себя и формирует различную, упорядоченную жизнедеятельность низших реальностей.

Итак, что есть Первоединое? Оно — потенция всего, без которой ничего бы не было, не было бы даже Ума, истинной первожизни, равно как и любой жизни вообще. Но если так, если Единое выше первожизни, то оно уже не жизнь, но причина жизни, и жизненные энергии истекают из него, как вода из родника. Представьте себе родник, не имеющий другого источника, помимо самого себя, родник, питающий все ручьи и реки, но сам при этом нисколько не оскудевающий и неизменно и целостно пребывающий в самом себе. Представьте также, что вначале истекающие из него воды еще не разделены и представляют собою единый поток, знающий, однако, где и каким образом ему предстоит разделиться. Или представьте себе жизнь некоего гигантского дерева, растущего сверху вниз и обнимающего собою все, в то время как его принцип, начало, пребывает целостно и неизменно в его корне, обеспечивая дереву богатейшую и разнообразную жизнь, оставаясь при этом простым и единым³⁴.

Все проистекает по вечному величественному пути самосозерцания. Именно этим путем, подобно Разуму Аристотеля, который становится тем, о чем думает, Единое приводит одновременно к самоотдаче и излианию, превращающими мир Плотина в «место, что кипит жизнью, где безграничная сила безо всякой на то нужды непр

рывно изливается, произвольно и беспечно, в красочное изобилие живых форм».

Но этот поток жизни не только нисходит от Единого. В бесконечном танце Вселенной движение всегда двухсторонне: нисходящие изливание, излучение и движение вечно сопровождаются стремлением вверх — влечением к союзу и упрощению в Едином.

Такова вечно изменяющаяся метафизическая картина Вселенной. Таково же устройство человеческой личности, чье состояние есть отражение космического порядка и движения. Жизнь человека, как и Вселенная, есть стремление вверх; религия Плотина — это попытка осуществить внутри себя всеобщее желание вернуться к Единому. «Я стремлюсь, — сказал Плотин на смертном одре, — вернуть то божественное, что есть во мне, тому божественному, что есть во Вселенной». Человек может реализовать свою истинную природу посредством добровольного отождествления себя с ее источником. По Плотину, уровни человеческого сознания и развития равнозначны отражению вселенской реальности в психологическом плане.

Плотина, ознаменовавшего новую ступень в истории шестисотлетнего идеалистического наследия Платона, считают первым неоплатоником. Но он многим обязан более раннему философскому направлению, называемому средним платонизмом. Веками основным предметом философии являлась нравственность, в основном под влиянием стоиков, чьей традиции придерживался Марк Аврелий (с. 190). Около 100 г. н. э. средние платоники, опираясь на множество различных философских систем, начали возвращать метафизике первенствующее положение, с которого ее вытеснила этика во времена господства учения стоиков³⁵.

Платонизм получил несколько другую направленность, ибо теперь подчеркивался его религиозный элемент, представление о высшем трансцендентном начале — Боге или Благе, стоящем во главе иерархии бытия. Это высшее начало представлялось отделенным от мира, не соприкасающимся с ним и не управляющим. Поэтому, чтобы дать определение управляющим и связующим силам, средние платоники использовали древние представления о некоем посредническом

³³ Цит. по: Бердяев Н. А. Философия свободы. — М.: Правда, 1989.

начале (с. 294). Следуя именно этой традиции, Плотин создал собственную иерархию из Единого, Разума, Души и Тела.

Однако даже на заимствованиях, выстроенных Платином в четкую последовательность, виден отпечаток его собственного гения. Единое в его представлении лежит вне понимания и словесных определений, оно обитает в «верхах, где рассудок, будто сраженный громом, оставляет всякое мышление». Это платоновское трансцендентное начало, но в нем есть уникальная абсолютная инакость, ставящая Единое за пределы Блага Платона. Однако, поскольку Единое превосходит человеческое понимание, его описания зачастую отталкиваются от того, чем оно не является. Единое недвижимо, у него нет ни происхождения, ни качества, ни количества, ни разума; оно вне этого мира, бесконечно, оно есть отрицание всякого числа, существует вне пространства и времени²⁶. «Поскольку Единое порождает все сущее, оно не является ничем сущим». В этом заключается величайший парадокс: Единое есть сама противоположность отрицания, будучи исполненным реальности и абсолютной, единой, чистой добродетели.

Можно, пожалуй, называть Его бесконечным, но опять-таки не в смысле необозримой величины или массы, а в смысле необъятного, безмерного всемогущества, так что, если кто смог бы представить себе Ум или божество, то и они все еще были бы неизмеримо меньшими Его, ибо, если попытаться мыслить самое высшее и совершеннейшее единство, какое мы обыкновенно вносим в понятие божества, то и оно не будет вполне адекватным верховному Началу, которое, будучи самосушим и исключая из себя все акцидентальное, есть, в то же время, довлеющее себе, притом в превосходнейшей степени есть совершенно самодовлеющее, не нуждающееся ни в чем другом²⁷.

Единое Плотина, иногда рассматриваемое безлично, а иногда почти как персонифицированное божество, кажется самым близким к христианскому Богу понятием античной философии. Однако, в отличие от христианского Бога, оно не является силой, которую заботит судьба людей, Единое — это лишь конечная цель человека.

Тщательностью, с которой он вытеснил Единое за пределы всех категорий и степеней бытия, Плотин превзошел даже средних платоников.

ников. Для выражения его бесконечного совершенства Плотин, не принимавший механистических представлений о Вселенной, обратился к образам яркости и цвета. Единое описывается в словах, определяющих Свет; тогда же Мани тоже сделал фундаментальными началами своего учения свет и сьму (с. 282). Чтобы объяснить действия Единого, Плотин использует и расширяет платоновские метафоры о сверкающем сиянии. Стоики также говорили о едином органичном образовании, скрепленном Божественным Огнем, и Плотин многое от них позаимствовал.

Простая же красота цвета возникает благодаря преодолению светом темного начала в материи, ну а сам свет бесплотен, он — ум и эйдос. Потому огонь и прекраснее остальных тел, что по отношению к остальным элементам он занимает место эйдоса, ибо он и выше других тел по положению, и, будучи близким к бесплотному, самое легкое из тел. Один огонь не принимает в себя остальных тел, остальные же тела принимают его. Ибо другие тела нагреваются, огонь же не охлаждается. И огонь изначально имеет цвет, остальные же тела от него получают эйдос цвета. Итак, огонь блестит и сверкает, будучи как бы формой; все же, что не властвует над материей, так как обладает скудным светом, не прекрасно, как не причастное всецело эйдосу цвета³⁸.

Бесконечные порождения и эманации Единого подобны Солнцу, которое излучает собственный окружающий его свет, оставаясь при этом неизменным и не убывая (с. 246).

Однако же, согласно утверждениям Плотина о том, что структура Вселенной является также и структурой человека (с. 201), Единое не просто существует, но люди еще и обладают возможностью слияния с ним. Ибо Единое есть не только бесконечная возможность духовного роста каждого человека вовне, но и бесконечная глубина внутри него³⁹.

Бог не отдален ни от кого и ни от чего, и, в то же время, не присущ никому и ничему. Он присущ всему, не будучи присущ чему-либо, — поэтому Он всегда непосредственно близок для всех тех, кто подготовил себя к принятию Его, кто способен привести себя в согласие с Ним и,

*благодаря этому согласию или сродству, входит как бы в соприкосновение с Ним той сродной с Ним силой, которая от Него же истекает*⁴⁰.

Как бы низко ни стоял человек, он способен достичь этих высот и слиться с Единым, и вся философия Плотина стремится оживить в человеке притупленное чувство сверхъестественного и вернуть нас к нашей истинной природе и нашему источнику.

Следующее после Единого Начало в вечном нисхождении — Разум. Убеждение Плотина, что этот материальный мир управляется божественным разумом, продолжало «религию космоса», основанную Платоном, — на протяжении пятисот лет различных вариаций этого воззрения придерживались почти все религиозные философы. Но так же, как святой Фома Аквинский переосмыслил Аристотеля, Плотин по-новому увидел идеи Платона⁴¹, и Платонов Разум в построениях Плотина оказывается отдельным от Единого. Теперь Разум является первой и высшей эманацией, следующей из бесконечной созидательности Единого, то есть новым вариантом посредника, в котором нуждались верующие того времени, чтобы связать сверхъестественное с низшими сферами. По аналогии с самозерцанием Единого, Разум тоже является одновременно мыслью и объектом мышления, постоянно существующим в единстве с тем, о чем мыслит, но при этом размышляя вполне самостоятельно. И, подобно другим реальностям Плотина, Разум существует на двух уровнях: на вселенском и человеческом. Разум есть вечная ясность интеллекта как единой чистой мысленной силы вневременного понимания, но, в то же время, он разделен на множество смертных разумов, множество в единстве разумов, выражающих себя посредством высшего познавательного процесса интуиции или духовного восприятия.

Ниже Разума находится вселенская Душа, которая, будучи более слабой (хотя тоже вечной) должна воспринимать объекты не как одно целое, а последовательно и по отдельности — а это приводит к возникновению Времени и Пространства, являющихся основой нашего мира. Поскольку Душа находится ниже Разума и выше Тела и создает между ними связь, то, устремляясь вверх, Душа представляет собой порядок и интеллектуальное организующее начало, которые нисходят

от Разума, а устремляясь вниз, Душа становится врожденным началом живых организмов, основой вселенского притяжения. Именно Плотину мы в первую очередь обязаны четкой доктриной духовного существования, и его сверхтелесный мир невероятно реален и ярок. Однако когда мы спускаемся к этой реальности, находящейся ниже Единого и Разума, сразу ощущается недостаток сияющего величия высоты. Подобно Единому и Разуму, Душа созерцает и созерцается сама собой, является субъектом и объектом одновременно. Но ее созерцание есть созерцание последнего, низшего порядка, вроде сна.

Однако ее двойственная природа подобна устройству Разума. Душа тоже является вселенской, но и в ней присутствует множественность отдельных душ. Однако сферой Души является не высшая всепроникающая мысль, как у Разума, а мысль не столь возвышенного и несколько бессвязного порядка — рассуждения и ощущения, воображение и мир идей. Душа оживляет и объединяет весь человеческий организм. Это наиболее важная часть человека, который в нормальном состоянии существует на уровне души. Это утверждение Плотина вошло и в христианскую традицию.

От Плотина же идет и внимание к множественности и независимости каждого отдельного разума и души. Ибо каждый отдельный человек является самим собой и обладает независимостью по праву⁴². Анализ этой сущности лежит в основе всего учения Плотина и является областью его наиболее ярких открытий. «Кто я?» Ибо огромную, переполненную людьми Римскую империю кризис самоидентификации охватил так же, как и наш современный западный мир. Ответ Плотина основывается на двусторонней позиции Души. Во вселенском масштабе она не только творит жизнь и развитие жизни в природе, но и является прямой эманацией Разума сверху, и мы как личности в высшей своей сути являемся душами, созданными совершенно по подобию Разума⁴³, действующими с сознательной и уверенной решимостью. Эта сторона личности, вознесенная над низостью повседневных нужд, и была открыта и восхвалена Платином в человеке. Для него человек — не беспомощное порождение жизни. Воля, о которой писал Марк Аврелий, теперь рассматривается в новом философском и психологическом свете.

Однако, насколько известно, именно Плотин стал первым философом (или психотерапевтом), который объяснил, как отдельная душа бессознательно действует на низшем уровне, или в низшей своей части, подобных схожему со сном аспекту устремленной вниз вселенской Души. Предвосхитив фрейдистское разграничение Психе и Эго, Плотин понял, что существуют душевные порывы, которые остаются в области желаний. «Желание, пока оно не выходит за пределы одной лишь способности желать, остается нам неизвестным»⁴⁴. Более того, мы обладаем постоянными склонностями, которые тем сильнее, чем меньше мы осознаем их присутствие. Разумная, сознательная жизнь оказалась не единственной жизнью человека. Наша идентичность нестабильна, она колеблется в зависимости от приливов и отливов сознания. Мы живем на границе между двумя мирами.

То есть в высшей, осознающей себя фазе наши души отражают наш божественный разум, тогда как в низшей фазе они порождают тело и соединяются с ним⁴⁵. Отдельные души являются небесными созданиями, но в своем низшем качестве они содержатся в видимой телесной оболочке. Если душа оказывается заточенной в теле, Плотину это кажется несчастьем. Он далеко ушел от классического представления о том, что человек живет в материальном мире, чтобы подчинить его себе. Человек находится здесь потому, что ему так положено, а помышлять он должен о высшем. Несмотря на постоянное Платиновое двухстороннее взаимодействие между душой и телом, столь резкое различие между духовным и телесным мирами до него так четко и ярко не описывал ни один философ. Порфирий отмечал, что его учитель «будто стесняется находиться в своем теле».

В записках Плотина (в том виде, в котором они до нас дошли) чувствуется сомнение: является ли нисхождение вселенской души к материи, которую она формирует, и соответствующее нисхождение индивидуальной души в тело результатом необходимости или выбора, считать ли этот процесс Падением или, наоборот, благим и необходимым фактором вселенского порядка? Эти сомнения — часть фундаментального конфликта в его воззрениях. Временами Плотин кажется дуалистом сродни своему современнику Мани, утверждавшему, что

материя — это тьма и злое начало, причина слабости благого света, населяющего душу (с. 282)⁴⁶. Но Плотин рассматривает материю как зло только потому, что она отрицательна. Это низшее, последнее отражение души есть лишь начало нужды и отрицания, абсолютная бесформенность и абстрактное вместилище телесных событий. Вот почему душа, становясь подчиненной материи, страдает от «влияния бесформенного». И поэтому зло тоже, как позже у Карла Барта и экзистенциалистов, является не гностической, манихейской второй силой, а лишь небытием, хаосом, тупиком созидательного процесса: отсутствием, лишением, забвением. Оно не просто нереально, оно есть сама суть нереальности: бесформенное, беспорядочное разложение⁴⁷.

Учитывая такую отрицательную природу зла, Плотин мог и дальше считать, что человеческие тела не обязательно должны быть ограничены и окружены содержащимся в них злом, и сами они, вообще-то, не являются в полной мере злом⁴⁸. Ибо как бы не отдалились и не отмежевались друг от друга душа и тело, тело продолжает оставаться эманацией души и, соответственно, косвенной эманацией Разума и Единого, которое его порождает. Тело является частью живого органичного Целого, к которому принадлежат все эти высшие реальности, отображением и образом умопостигаемого первоначала, которое оно бессознательно стремится повторить.

Так что этот чувственный мир неотъемлем от природы вещей, что, несомненно, прискорбно и досадно, но должно приниматься безоговорочно, не вызывая отвращения или отрицания.

Результатом творения является нечто живое; но это нечто несовершенное, недовольное своей собственной жизнью, очень несчастное, безынициативное и грубое, созданное из Материи, которая является лишь осадком Высшего Порядка, страдающим и причиняющим страдания. Таков вклад Души в Целое. Является ли зло во Вселенной неизбежностью потому, что оно родилось позже, чем Высшая Сфера? Оно неизбежно потому, что без него Целое было бы неполным. Ибо большинство, или даже все формы зла, Вселенная использует себе во благо примерно так же, как мы используем змеиный яд — хотя в большинстве случаев функции зла неизвестны. Сам по себе грех приносит немало

пользы: он порождает не меньше красивых вещей (например, произведений искусства), чем добродетель, и он заставляет нас задуматься над нашей жизнью, не позволяя нам пребывать в беспечной дремоте⁴⁹.

Таким образом, поскольку материя и тело, несмотря на все свои недостатки, являются частью общей гармонии, Плотин нападает на последовательно пессимистичных гностиков, которые, принимая дуалистические представления, которых Плотин так тщательно избегал, считали всю материальную вселенную злом. Он заявляет, что убеждения гностиков иррациональны, непоследовательны, высокомерны и губительны, являя собой плод трагического страха. Такими вот резкими словами Плотин порицал гностиков, которые всего лишь зашли немного дальше его самого. Ведь Плотин полностью соглашался с гностиками в том, что нашей важнейшей задачей является побег от тьмы и зла, содержащихся в материи. Пусть в видимом мире и присутствуют добро и благородство, этот мир все равно должен быть отвергнут в пользу лучшего⁵⁰. Это возможно уже потому, что человеческие тела суть образы лучшего, высшего существования. Нравственное учение Плотина полностью направлено на выведение души, освобожденной и очищенной, из материального мира назад в ее изначальное состояние осознания, где она будет жить словно вне тела.

Это может быть проделано посредством созерцания, которое не просто движет Вселенной, но и является средством самореализации человека (с. 201).

Деятельность осуществляется для созерцания и для объекта созерцания, а значит, и действующие имеют своей целью созерцание. И те из них, кто не способен идти к нему прямой дорогой, пытаются достичь его, бегая по кругу. Стремясь быстрее добиться желаемого, они начинают творить внешнее себе, дабы, познавая это внешнее, познавать прежде чувственно, а не разумно, но ведь и это — смутная форма созерцания. Мы действуем ради достижения блага, и потому производимые этими действиями внешние вещи сами по себе не могут являться нашей конечной целью, но

лишь тем пунктом, достигнув которого мы начинаем возвращаться к себе. Ведь благое — не вне, но внутри нас, в нашем уме⁵¹.

Мы можем познать духовную вселенную, лишь обнаружив ее в себе. Ранние философы понимали, что потребность в созерцании есть у каждого человека. Платон подчеркивал, что нашей целью должно стать созерцание абсолютной красоты, Аристотель видел в созерцании блаженную жизнь⁵², а Марк Аврелий остро ощущал личную потребность в таком замыкании в себе (с. 196). Но главным образом именно Плотин подвиг человека к созерцанию собственной сущности и сместил акцент с красоты небес и мира на потребность в постоянном общении — внутренним бытием. Обращенное внутрь созерцание есть единственная истинная реальность. «А кто рассчитывает как-либо иначе узреть Бога, тот едва ли когда достигнет общения с Ним»⁵³.

Посредством всемогущего и непрекращающегося созерцания телесная оболочка и единство пространства и времени утрачивают всякий смысл, и мы не просто видим и познаем высшие, истинные реальности, но и сливаемся с ними. Это не просто видение, но и союз. «Каждый, достигший этого, созерцает себя и все остальное и одновременно является предметом своего созерцания; он более не смотрит на вещи со стороны». Соответственно, вопрос о том, является ли это высшее совершенство сверхчувственным или присущим природе человека, теряет смысл, потому что теперь эти два мира неотличимы. Вселенная в целом показывает, как каждый уровень реальности создает свои эманации в процессе самосозерцания, то же самое происходит и в каждом отдельном человеке. Здесь тоже исчезает различие между субъектом и объектом.

В самом деле, душа должна отрешиться не только от всего дурного, но и от всего хорошего, словом, решительно от всего, чтобы очутиться, так сказать, наедине с ним. И как только это ей удастся, вернее, как только она, отрешившись от всего окружающего и украсившись средствами, известными посвященным, станет возможно более подобной ему, она вдруг узрит его явление в самой себе, и тогда ничто уже не отделяет ее от него, тогда она одно с ним, а не двое, так что пока она пребывает в нем, нельзя и отличить ее от него⁵⁴.

И в этом вся сущность жизни, ибо Плотин полагает созерцание созиданием, что является одним из глубочайших философских парадоксов.

Плотин писал, что ему лично довелось испытать это мистическое единение, побывав наедине со своим одиночеством. Как сказал Порфирий

Так божественному этому мужу, столько раз устремлявшемуся мыслью к первому и высшему богу по той стезе, которую Платон указал нам в «Пире», являлся сам этот бог, ни облика, ни вида не имеющий, свыше мысли и всего мысленного возносящийся, тот бог, к которому и я, Порфирий, единственный раз на шестьдесят восьмом своем году приблизился и воссоединился. Плотин близок был этой цели — ибо сближение и воссоединение с всеобщим богом есть для нас предельная цель: за время нашей с ним близости он четырежды достигал этой цели, не внешней пользуясь силой, а внутренней и неизреченной»⁵⁵.

К Плотину внезапно пришло мгновенное, неожиданное, непредвиденное, безличное ощущение присутствия⁵⁶. Вначале он стал пуст, а потом, когда у него прошел первоначальный шок, исполнился благодной полноты — восторженного оцепенения. Однако его сущность не изменилась, не пропала и не уничтожилась, а, скорее, осознала или вспомнила свою истинную природу. Ибо это не дуалистическое манихейское освобождение от одного мира и переход в другой, а открытие нового или утраченного, не христианская сверхъестественная благодать или искупление, а естественное событие. «Следует... будто закрыв глаза, заменить телесное зрение и пробудить умное зрение, которое имеется у всех, но пользуются которым немногие»⁵⁷, а этого состояния можно достичь лишь изредка и ненадолго. Это не просто глубокое поглощение, крайне высокая степень созерцания, но не имеющий себе равных «экстаз, превращение себя в нечто совершенно простое и чистое»⁵⁸. Видимо, Плотин первым использовал термин *экстаз*, бытие вне себя, для описания этого превращения. Но такой термин может быть обманчив, если покажется отрицанием единящего влияния вы-

* Цит. по: Бердяев Н. А. Философия свободы. — М.: Правда, 1989.

шеописанного переживания, которое Плотин также называл словом *ноз*, то есть мгновенное откровение потенциального вечного Единства.

Плотин поднялся над туманными предположениями философов, достигнув высот, на существование которых они так давно намекали. Из восьмисот страниц его «Эннеад» лишь двадцать-тридцать повествуют об этой мистической теме. Там Плотин снова и снова пытается найти слова для описания того, что с ним произошло.

Чтобы выразить понятие какого бы то ни было предмета, мышление обыкновенно движется от одного элемента его к другому, пока не переберет и не соединит их всех в одно; но разве возможен и умствен такой процесс, когда дано нечто абсолютно простое? Тут приходится довольствоваться и тем, если произойдет хоть некоторое мысленное соприкосновение между мыслью и мыслимым, которое, однако, бывает так мимолетно, что пока оно есть, нет ни времени, ни возможности что-либо о нем подумать и сказать; лишь потом можно о нем вспоминать и думать. Но в самый момент такого соприкосновения душа, внезапно озаренная светом, верует, что узрела его, что этот свет исходит от него и что в нем Он сам блеснул ей (Первоединый). Да и должна душа верить, что он в этот момент озаряет ее, как и из других богов кто-либо иногда освещает хижину того, кто его призывает, должна верить потому, что сама она во тьме остается, если он ее не озаряет. Душа остается без света, когда лишена присутствия Божьего, когда же Бог озаряет ее, она достигает того, что ищет. Истинная цель существования души в том и состоит, чтобы быть в общении с этим светом, созерцать этот свет через него самого, а не через какой-либо посторонний свет; подобно тому как солнце мы видим посредством его собственного света, так и Божество душа может и должна созерцать только посредством того света, которым оно ее озаряет. Но как этого достигнуть? Отложи все...*

Так как в момент лицезрения Бога исчезает всякое двойство, так как созерцающий тут отождествляется до такой степени с созерцаемым, что, собственно говоря, не созерцает его, а сливается с ним

воедино, то понятно, что лишь тот сможет сохранить в себе образ Бога, кто сумеет сохранить целым воспоминание о том, каким был он сам во время лицезрения Божия. Бывает же сам он тогда в состоянии такого объединения, самососредоточения, в котором не сознает никакого различия ни в себе самом, ни по отношению ко всему другому. В этом его экзальтированном состоянии никакая душевная деятельность себя не проявляет: ни гнев, ни желание, ни рассудок, ни даже мышление. Можно сказать, что он тут и сам весь как бы исчезает, ибо восхищенный и иступленный, очутившись в полном уединении от всего и в совершенной тишине, погрузившись всецело в глубину собственного существа, не обращая внимания ни на что другое, даже на самого себя, он словно столбенеет, весь обращается в полный, чистый покой»⁵⁹.

Движущей силой подобного перехода в иное состояние Плотин считает не любопытство или своекорыстие, а Любовь — глубинное стремление души к своему источнику, тяга к соприкосновению и соединению. «Некоторое подобие этого столь полного единения представляет собой и земная взаимная любовь, насколько питающие такую любовь тоже рады бы слиться оба в одно существо»⁶⁰. Душа сливается с божественным в устремленном ввысь потоке любви. Столь острое влечение к слиянию проистекает из притяжения, которое существует между разными частями Вселенной — всеобъемлющей связи, обеспечивающей целостность всего сущего. Это истинная и совершенная Любовь, потому что она не ограничивается более иллюзорным постоянным объектом — наша любовь к Благоу бесконечна, ибо бесконечно само Благо. Это греческий Эрос, вознесенный в сверхчувственную сферу, Платоново невыразимое понимание прекрасного и «безумие любви», испытанное во всей его частоте и ослепительном великолепии⁶¹.

В этом состоянии душа не чувствует даже того, есть ли у нее тело и в нем ли она находится, и не думает о том, что она такое, человек ли, существо ли, или что-либо другое, как потому, что на это нет

⁵⁹ Цит. по: Бердяев Н. А. *Философия свободы*. — М.: Правда, 1989.

у нее ни времени, ни желания, так и потому, что это значило бы отвлечь свое внимание на низшее. Очутившись после долгих исканий в присутствии Бога, она только его и видит, не успев даже прийти в себя и осознать, что с ней происходит, и зная лишь одно, что этого состояния не променяла бы ни на что другое в мире, даже на все небо, если бы кто-нибудь предложил ей это, потому что уже нет и не может быть Блага еще большего и высшего, чем то, которого она достигла, и сама она не может подняться до чего-либо еще высшего. Напротив, обратиться на что-либо иное, как бы высоко оно ни было, значило бы для нее спуститься ниже. В этом состоянии душа с полной ясностью видит и знает одно: что это есть именно то Благо, которого она так сильно желала, убеждается лишь в одном, что нет и не может быть ничего лучшего и зысшего, и в этом своем убеждении не обманывается, потому что нельзя же достигнуть чего-либо еще более истинного, чем сама истина, так как то, что в этом случае сознает и признает душа, находится непосредственно в ней самой⁶².

Находясь в таком состоянии, душа не променяет его ни на что, даже на Царство Небесное. Ибо это есть Благо, и нет ничего лучше.

Но диалектика любви больше, чем эстетическое и мистическое переживание, это интеллектуальный базис целой философии⁶³. Экстаз Плотина стал высшей точкой напряженного мышления, восходящего вверх и проникающего внутрь посредством усиленной работы мозга. Хотя границы между философами, мистиками и богословами стали размытыми, подход Плотина не физиологичен, как на Востоке, не сакраментален, как у христиан, не основан на наркотиках, как у современных искателей психоделического опыта, а интеллектуален в традициях эллинской рациональности. Откровения, достижимые любым другим способом, например «особые» чудесные озарения гностиков, не представляли для него никакой ценности⁶⁴.

Мистический союз — не суррогат интеллектуальных усилий, а их венец и цель. Лишь путем напряженного упражнения ума и строгой внутренней самодисциплины можем мы реализовать свое потенциальное сходство и слияние с Единым.

Если бы взор обратился к созерцанию, будучи затуманенным пороками и не очищенным или слабым от малодушия, неспособным взирать на очень блестящие предметы, то он бы ничего не увидел, даже если бы кто-нибудь и показал бы ему то, что доступно зрению. Ибо то, что зрит, нужно обращать к созерцанию, сделав его родственным и подобным зримому. Ведь око наше никогда не увидело бы солнца, не сделавшись само солнцеподобным; и душа не узрела бы прекрасное, не сделавшись прекрасной. Итак, всякий, кто хочет созерцать божественное и прекрасное, пусть прежде сам делается богоподобным и прекрасным⁶⁵.

Мы движемся к Благу посредством «жесточайшей и беспощаднейшей борьбы».

А затем следует почти невообразимая награда. По мере того как высокогорный воздух становится все более разряженным и свежим, искатель приближается к своей цели. Единое прямо над ним, оно озаряет собой весь видимый ему мир. И тут, забывая об умственных и всяких прочих усилиях, он уносится от всего сущего на волнах Разума, поднимается все выше и вдруг видит, сам не зная как.

Если ты сделаешься таким и будешь пребывать чистым с самим собой, не имея в себе ничего смешанного, но став всецело как бы одним истинным светом, не измеряемым величиной, не описываемым, в умаление себе, какой-либо фигурой, не возрастающим в величине в силу своей беспредельности, но совершенно неизмеримым, как бы превыше всякой меры и превосходнее всякого количества; если узришь себя сделавшимся таким, то, став уже зрением, полагаясь на самого себя и взойдя уже на такую высоту, не нуждаясь более в руководителе, смотри внимательно, ибо только это одно и способно взирать на великую красоту⁶⁶.

Это не просто риторические или поэтические описания мышления на высшем уровне. Это правдивое повествование о преодолении — или мнимом преодолении — всех барьеров между личным и абсолютном посредством слияния, причащения и отождествления. Такая мистиче-

ская убежденность предполагает и утверждает наличие в мире и во Вселенной более глубоких гармонии и единства, чем признает наука, высшего Единства, которое не постичь разумом и чувствами — тесного переплетения всего сущего во взаимозависимости, сравнимой, например, с притяжением гравитационных полей. Мистицизм подтверждает возможность сверхсознательного контакта, неопишимо интимного и непосредственного, с этой, по-видимому, высшей реальностью — когда время, пространство и сущность растворяются, все страсти исчезают, а множественность сущего становится не более чем тенью. Этот опыт может принимать две формы: экстравертивный природный мистицизм, поиск Единого за всеми явлениями природы и стирание их внешней отдельности, так что Единое просвечивает во всем, и интровертивная деятельность, взгляд внутрь разума и отключение всех чувств для погружения в глубины своей сущности. Для Плотина эти два процесса неразрывны: расширение сопутствует сосредоточению.

Каждый человек — потенциально высвобожденный Разум. Конечно, в обычных обстоятельствах, чтобы выжить, мы должны ограничивать свои чувства и понижать свое восприятие. Но в редкие моменты человек может снова обрести исходный мир Разума и вновь почувствовать ритм, который не давался ему. «Наше обычное сознание — это лишь один особый вид его: вокруг него повсюду изобилуют формы совсем другого сознания, отделенные тончайшей пленкой»⁶⁷. Вхождение в эти недоступные обычно области может произойти резко и внезапно, как у Плотина, без предварительных размышлений и умозаключений, вне зависимости от целей, интересов и чувств субъекта. Мистик подобен капитану корабля с указаниями, запечатанными в конверте. «Но когда приходит время и он разрывает конверт, он обнаруживает лишь невидимый текст. Время от времени какое-нибудь слово проявляется... а потом исчезает снова. Никогда ему не узнать точных слов приказа»⁶⁸. Однако он теперь мыслит и действует не так, как раньше, он уже никогда не станет прежним.

В определенной степени подобный опыт может быть вызван химическими препаратами. Галлюцинозные и мистические состояния

достигались долгим криком и пением, а также длительными задержками дыхания, что приводило к высокой концентрации углекислого газа в легких и крови. Способами достижения мистических ощущений также являлись: голодание, приводящее к понижению содержания сахара в крови и витаминной недостаточности; бичевание, приводящее к интоксикации гистаминами и адреналином; фокальные инфекции и дальнейшее разложение белков; и любые состояния, вызывающие бессонницу и повышение температуры. Существует также очень древняя связь между экзальтацией и галлюциногенными наркотиками⁶⁹, из которых лизергиновая кислота (ЛСД) пользуется в настоящее время наибольшей популярностью у юных искателей деперсонализации, дезинтеграции своего Я и нарушений временного восприятия, которые вызываются подобным баловством с химическими веществами. Пока продолжается яростная дискуссия о том, какое отношение должно выработать общество к наркотикам, неизбежно возникнет второе, более коренное расхождение между теми, кто видит, и теми, кто отрицает наличие четкой разделительной черты между мистическими и галлюцинозными переживаниями, вызванными наркотиками, с одной стороны, и религией — с другой (в обоих случаях может учитываться или не учитываться наличие психических заболеваний).

Позиция Плотина в этом споре крайне важна и актуальна, потому что его учение демонстрирует наличие третьего пути. Он — первооткрыватель психоделического опыта на Западе, но он достиг своей цели исключительно умственным, интеллектуальным усилием — не через шизофрению, не через наркотики и не через религию. Ибо Плотин показывает, что даже если мистический опыт связан с какой-либо религией, по сути своей он не религиозен — познаваемое через него единство не дифференцировано и не требует никаких догм и верований. Но что это за единство? Действительно ли переживший подобный опыт человек получает нечто из какого-то *внешнего* источника, или он просто заглядывает в неизведанные прежде глубины в себя самом? Большинство верующих, если смогут преодолеть подозрительное отношение к мистицизму, примут первую точку зрения. И так же рассудят некоторые приверженцы Вечной философии (*Philosophia*

perennis)⁷⁰, которые, не являясь последователями каких-либо религий, все же уверены, что за пределами мира материи и сознания лежит Божественное, время от времени интуитивно ощущаемое немногими избранными людьми. Другие, не верящие ни в какие божества, даже определяемые столь общими словами, согласятся с Фрейдом, что этот феномен — внутренний, и придут к выводу, как Делакура, что Бог св. Терезы был порождением ее собственного подсознания. Но независимо от того, направлен ли мистический союз вовне или внутрь, те, кому выпало испытать его, к какой бы религии они ни принадлежали, откуда бы они ни происходили, где и когда бы они ни жили, сходятся в одном: им довелось пережить чудо, недоступное остальным, — их озарило бескрайнее, яркое и невыразимо чарующее сияние. Именно в запутанных, настойчивых, восторженных словах Плотина, пытавшегося выразить невыразимое, западному миру, погруженному во всевозможные политические и экономические проблемы, преподнесено это чудо, перед которым все эти беды блекнут.

Однако моральные и социальные аспекты учения Плотина иногда вызвали и отторжение. Марк Аврелий не любил глупцов, однако вынес из идеи братства людей, всех без исключения обладающих божественной искрой, абсолютное, безусловное чувство ответственности перед своими братьями и обязанность им служить (с. 196). Он согласился бы с Плотиним, что его учение о самовоспитании не рассчитано на широкую аудиторию. Но Плотин подразумевал и то, что мистический союз безусловно лежит за пределами общественной жизни. Он жил в такую эпоху, когда верили в гносис — знание через откровение, данное небольшим группам избранных, и только им (с. 277). Плотин не принимал вознесения гностиками злой материи до уровня деятельной и зачастую равнозначной с добром силы, но соглашался с ними, что лишь избранные способны достичь высот.

«Вот на чем, собственно, основывается обычное в мистериях запрещение посвященным делиться тайнами с непосвященными: так как божественное невыразимо, неопишимо, то и запрещается толковать божественное с теми, кто не удостоился еще созерцать его»⁷¹. И, сле-

довательно, выступая против демократии и выражаясь неслыханным на современных парламентских выборах языком, Плотин писал о «подлой толпе, простых машинах, предназначенных служить достойным людям». Вполне возможно, добавлял он, что ими правят негодяи, но если так, то это всецело вина подданных, которым недостает мужества⁷². Плотин столь черств к человеческому страданию, ибо считал, что пока душа не достигнет высшего, такие беды являются неизбежной частью мирового зла (с. 208)⁷³ — необходимым элементом мироздания. При этом, если верить Порфирию, Плотин был очень добр в повседневной жизни; он деятельно заботился о детях своих друзей и мудрым советом спас самого Порфирия от самоубийства. При этом Плотин утверждал, что никто не имеет права ждать помощи от добрых людей — так же, как и от Бога⁷⁴.

Но в любом случае страдания не влияют на истинное счастье. Ибо вся сфера деятельности человека является только туманным и худшим подобием созерцания, пригодным для слабых разумом⁷⁵: государственные деятели и художники — лишь неудавшиеся философы, которые проецируют свои мечты на жизнь, потому что не могут жить ими. Плотин хотел, чтобы Галлиен позволил ему основать общину философов в Кампании, где люди жили бы по законам Платона: его идеалом была «жизнь, в которой нет места земным наслаждениям — одинокий побег в одиночество». Марку Аврелию тоже хотелось бы вести такую жизнь, но он считал, что долг зовет его в иные места. И вряд ли бы он одобрил заключение Плотина, что бедствия государства есть всего лишь представления и комедии⁷⁶. «Мудрец не придаст никакого значения потере своего положения или даже крушению своей отчизны»⁷⁷, Плотина, в отличие от Платона, не волновала острая необходимость защищать границы от варваров — он даже советовал друзьям уходить с государственных постов⁷⁸. Более того, чтобы подчеркнуть правоту своих парадоксальных воззрений, Плотин называл благом даже потерю близких людей.

Это следует из потребности сосредоточиваться исключительно на важном. Подобно скульптору, следует отсечь все несущественное. Однако такой уход от общества не означал ослабления моральных

усилий, поскольку самодисциплина, необходимая Плотину на пути к союзу с божественным, требовала сильнеешего нравственного и умственного напряжения. Без добродетели, как и без знаний, Единое не откроется. Тейяр де Шарден, как и многие раннехристианские мистики и дзен-буддисты, призывал к полному, всеобъемлющему погружению в мир, говоря, что противоположный этому идеал ухода от мира является «смертельно опасным удовольствием, во всех отношениях уступающим радостям действия, или священному удовольствию от исполненного долга»⁸⁰. Для Плотина же путь Марты подчинен пути Марии; как и Паскаль, он мог бы добавить, что зла в мире заметно побавится, если люди научатся тихо сидеть в своих домах. Очевидно и то, что порядок и многогранность учений Плотина и его восприятие гармонического взаимного притяжения Вселенной стали бы неплохой основой для добродетелей, которые, несомненно, были присущи ему самому. Более того, его поиск мистического союза требовал постоянного самоотречения, необходимого для избавления от безрассудства и неведения, которые преграждают путь к знанию. Все подлое, серое и пошрое стояло весьма далеко от его искренней открытости к новым дорогам и возможностям.

Ибо мир Плотина был не башней из слоновой кости, но реальностью высшего порядка, вознесенной на верхний уровень путем интенсивной сосредоточенности на том, что представлялось ему самым подлинным. Плотина не следует считать каким-нибудь обездушившим беглецом от мира: искать, подобно ему, союза с Единым — значит подходить к жизни с позиций самого отважного и последовательного реализма.

Мистический опыт Плотина основывался на интеллектуальной сокровищнице эллинской классики. В красноречивых обращениях Платона к неопишущему христиানে усмотрели попытки увидеть Бога «лицом к лицу»⁸¹, а мысль о том, что Бог непостижим и является лишь в редкие мгновения прозрения, идет от Платоновой школы⁸².

Но остается неясным, как подобный мистический опыт понимался до Плотина. В XIV в. до н. э. в Египте фараон Эхнатон утверждал, что ощутил бога Атона через откровение, причем, по всей видимости, несколько раз. Книга иудейского пророка Иезекииля (ок. 580 г. до н. э.)

наводит на мысль о галлюцинациях, возможно ставших результатом эпилепсии или долгого пребывания под палящим солнцем. Подобные пророческие видения привели к появлению мистической раввинской школы в I—II вв. н. э.⁸³ «Подобно одержимым и корибантам, будьте исполнены божественного неистовства, ибо так вдохновляются пророки», — призывал эллинизированный иудей Филон (ум. в 45 г. н. э.). «Временами становился я полон, и мысли невидимым образом осыпали меня... наслаждение светом, явной энергией». В книге «О созерцательной жизни» Филон, похоже, опередил Плотина в своей вере в возможность человека превзойти самого себя⁸⁴. Однако употребление им слова *экстаз* указывает не столько на мистический союз, сколько на распространенный в древности феномен расщепления личности и вхождения в транс, когда сверхъестественное словно входит в человеческое тело (а не наоборот), а обычное сознание либо остается неизменным, либо временно подавляется.

В жизнеописаниях Иисуса нет намеков на мистику, но апостол Павел утверждал, что Иисус ему *открылся*⁸⁵. Опять же, это больше похоже на характерное для медиумов посещение кем-то свыше, чем на союз, направленный вверх и внутрь, а обращение Павла в христианство по дороге в Дамаск опять же не выглядит мистическим. Но Павел был «восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать... и уже не я живу, но живет во мне Христос»⁸⁶. Это может быть христианским эквивалентом безличного и не обязательно религиозного опыта Плотина.

Однако в любом случае с I в. н. э. знание о возможности подобных переживаний получало массу подтверждений, а стремление к мистическому союзу, дарованному избранным, начинало заменять собой истощившиеся или ослабевающие верования греко-римского и древнееврейского миров.

На твердой скале путь моих шагов ни от чего не поколеблется, ибо истина Бога — вот скала для шагов моих, и сила Его — подпора моей десницы. И из источника Его справедливости мой суд. Свет в моем сердце от Его чудесных тайн. В сущее вечно вперился мой глаз.

Мудрость, которая скрыта от человека, знание и хитрый вымысел, (сокрытый) от сынов человеческих, источник справедливости и кладезь мощи вместе с обителью славы, (сокрытые) от круга плотского — их даровал Бог в вечное владение тем, кого избрал Он. И дал им наследовать жребий святых...^{87*}

Мистические религии тоже оказались плодородной почвой для подобного опыта: саркофаги с дионисийскими сценами свидетельствуют о переполняющем чувстве радости, об ощущении слияния с богом, которое верующие считали самым ярким и убедительным обещанием блаженства в потусторонней жизни (с. 263). В апокрифическом «Евангелии от Евы» громовой голос говорит: «Я — Ты, а Ты — Я», слова, общепринятые у христианских, мусульманских и индийских мистиков. «И где ты, — продолжает «Евангелие от Евы», — там и Я, и Я во всем, и где бы ты ни пожелал, собираешь ты Меня и, собирая Меня, собираешь и себя»⁸⁸. Здесь мы видим описание мистической философии или даже опыта. Как и утверждение другого автора, что он побывал в *месте отдыха*. «Когда тебя зовут, ты повернешься к зовущему и вознесешь к нему». Еще один автор призывает возрадоваться увиденному истинному началу⁸⁹. Так же в гимне из «Деяний Фомы» (ок. 180 г. н. э.) лирически поется о возвращении души в Небесное Царство, где восстанавливается ее первоначальная чистота.

Все во всем я увидел, и также я все в нем получил,
ибо двое нас, по различию, и одно мы в одном подобии.

И движениями своими царственными все оно ко мне
излилось, и в руку подателей его оно поспешило,
дабы я принял его.

И также меня любовь моя пробудила, дабы я бросился
навстречу ему и принял его.

И я распростер (объятия) и принял его.

Красотою цветов его я украсился,
и в тогу мою, украшенную камнями, во всю целиком
я облачился^{90*}.

* Цит. по: Бердяев Н. А. Философия свободы. — М.: Правда, 1989.

«Гермес Трисмегист» (с. 199) содержит следующее:

Видение Блага не как лучи пламени Солнца, которые сверкают и вынуждают закрыть глаза; напротив, созерцание Блага освещает и увеличивает силу взгляда настолько, что становишься более способным к восприятию потоков умопостигаемых лучей... Тот, кому это удалось, не может больше думать об иных вещах, не может ни на что смотреть, ни о чем слушать, ни даже шевелить своим телом. Для него нет больше ни телесных ощущений, ни движений, он пребывает в покое; великолепие, освещающее его мысль и всю душу его, отрывает его от уз тела и превращает его всего в сущность Бога... Если ты не делаешь себя равным Богу, ты не можешь Его постигнуть, так как подобное понимает подобное. Увеличь себя до неизмеримой величины, превзойди все тела, пересеки все времена, стань вечностью, и тогда ты постигнешь Бога. Ничто не мешает тебе представить себя бессмертным и способным познать все: ремесла, науки, повадки всех живых существ. Вознесись выше всех высот, спустишься ниже всех глубин; собери в себе все ощущения от вещей сотворенных, воды, огня, сухого, влажного. Представь себе, что ты одновременно везде, на земле, в море, в небе; что ты еще не родился, что ты еще в утробе матери, что ты молодой, старый, мертвый, вне смерти. Постигни все сразу: времена, места, вещи, качества, количества, и ты постигнешь Бога⁹¹.

В конце II в. н. э. подобные течения соединились в учении средних платоников, упорно искавших божественное (с. 201). В особенности повлиял на Плотина Нумений из сирийской Апамеи (ок. 150—200 гг. н. э.), который считал себя членом пифагорейской секты, но, поскольку границы школ трудно поддавались определению, во многом стал предшественником среднего платонизма. Для Нумения Высшая Сущность была действительно недостижима. Тем не менее очень редкое и кратковременное ощущение его существования было возможно посредством внезапного озарения, подобного вспышке света; и у Плотина часто встречаются отзвуки поразительного описания Нумением этого события.

...если бы кто-то из некоей наблюдательной вышки, пристально вглядываясь в море, на краткий миг увидел бы посреди пустынных вод одинокую рыбацкую лодку, мелькнувшую между гребнями волн. Точно так же нужно обращаться и к благу — становясь одним с единствен-

ным, удаляясь от всего человеческого и от всего живого, от любого тела, как большого, так и малого, пребывая в невыразимом, неопишемом, непосредственном чудесном одиночестве. Здесь, в великолепии, пребывает благо, и, находясь в покое, благорасположенности, остается неколебимым и царственным, милостиво скользя по сущности⁹².

Возможно, Нумений испытал мистическую экзальтацию, более глубоко и разносторонне познанный Плотин.

Существует явное сходство между Плотиним и индийским мистицизмом. Те, кто писал «Упанишады» в VIII в. до н. э. и позднее, искали высшую реальность, которая удовлетворила бы их больше, чем древние ведические боги, и утверждали, что познали высшее вселенское начало через данное им непосредственное озарение. А знать у них означало становиться: Ты есть это. Бог — творец и опора мироздания, однако Царство Божье находится и внутри нас, глубинное, неизмеримое, но достижимое человеком, который таким образом может осознать свою истинную, а не только поверхностную природу.

...Эта великая, бесконечная, безграничная, состоящая из одного лишь познания сущность, возникнув из этих элементов, исчезает в них... Но когда для него все стало Атманом, то как и кого сможет он обонять, то как и кого сможет видеть, то как и кого сможет слышать, то как и кому сможет говорить, то как и о ком сможет мыслить, то как и кого сможет познать?⁹³

Все есть Брахман. Брахман в человеке есть Атман, а цель жизни, в соответствии с индуистской философией (начиная с Вед и позднее), состоит в том, чтобы стереть границы личного и осознать Атмана в себе. Тот, кто испытывает, одновременно испытывается сам, а самадхи, отдельное от бодрствования, сновидений и сна без сновидений, является четвертым видом сознания.

Самовоспитание Плотина напоминает психологические упражнения, лежащие в основе и сути духовной жизни индуизма и в современной

⁹¹ Цит. по: Бердяев Н. А. Философия свободы. — М.: Правда, 1989.

мистической традиции, которая от него происходит⁹⁴. А индуистский мистицизм, напоминая в этом первоначальный буддизм, мистический по сути⁹⁵, либо вообще ничего не говорит о существовании Бога, либо его существование не имеет значения⁹⁶. III—IV вв. н. э. были классическим периодом индийских искусства и литературы, и следует задаться вопросом, не являлось ли сходство учения Плотина и доктрин индуизма следствием прямых контактов? Существуют слухи о том, что учитель Плотина Аммоний Сакк увлек его индийской и иранской философией (с. 198). Почти тогда же такие писатели, как Филострат и современные ему романисты, придавали особое значение индийской мудрости (с. 174, 258). Филострат познакомил своего героя, праведника Аполлония Тианского, с индийскими мудрецами⁹⁷. Да и не так много времени прошло с тех пор, как «Бхагавадгита», индийская Божественная Песнь, в которой отражен мистицизм и действий, и веры, приняла окончательную форму.

Действительно, подобные идеи просачивались на Запад со времен Александра Македонского и даже раньше. Их *прямое* влияние на Плотина кажется незначительным — поскольку большинство его идей явно происходит из эллинской традиции, которая ко времени Плотина многое позаимствовала от восточной мысли. Однако в некотором роде образ его мышления отражает общность скорее с индуизмом, чем с позднейшей западной философией. В «Упанишадах», как и у Плотина, постоянно подчеркивается тождественность Высшего Сущего и сущности отдельных людей. Кроме того, мистицизм Плотина во многом напоминает индийскую мудрость, потому что он естественен, а не сверхъестественен, а Единое, постигаемое Плотинном, никак не определено и не является какой-либо личностью Бога.

Бывшие долгое время труднодоступными «Энеады» Плотина являлись собой обширнейший и богатейший синтез во всей истории философии, а сам Плотин стал величайшим мыслителем периода, обозначаемого «от Аристотеля до Декарта».

Влияние Плотина и других философов на общественное мнение во второй половине III в. н. э. дало жизнь двум новым художественным

Новые достижения скульптурного портрета

◀ 1. Марк Аврелий в образе жреца: правитель философ, ответственный и сдержанный.

2. Юноша, живший в конце века.

◀ 3. Молодой мужчина: возможно, представитель одного из многих народов империи, которые не были греками или италийцами.

4 (вверху слева). Агмат, дочь Агатов (ок. 200 г. н. э.). Специфический стиль Пальмиры, места встречи восточной и средиземноморской цивилизаций.

5 (вверху справа). Африканец.

6. Бронзовый бюст Септимия Севера внешне подражавшего Марку Аврелию. Однако империей он управлял иначе, более жестко.

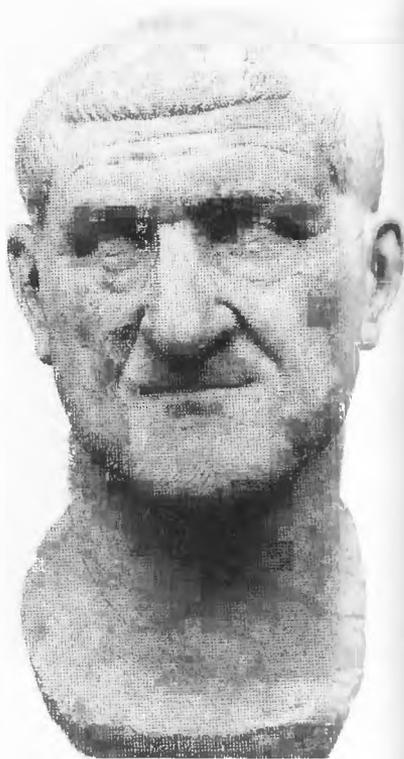
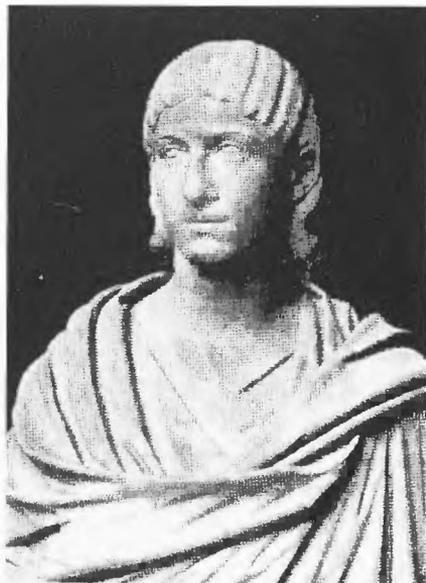

7 (вверху слева). Предположительно Клодий Альбин, как и Септимий, которому он проиграл, выходец из Северной Африки. Экзальтированный взгляд ввысь плохо сочетается с грубыми чертами лица.

8 (вверху справа). Новый стиль духовной интерпретации: чувственный набросок портрета властной женщины, предположительно Юлии Домны, жены Септимия.

◀ 9. Изысканность в начале III века: еще одна сирийская красавица из двора Септимия.

10 (вверху слева). Юлия Мамея, сирота и правившая при своем сыне, императоре Александре Севере (222 — 235 гг.).

11 (вверху справа). Внушающий страх фракийский гигант Максимиан I вдохновил скульпторов на создание очень выразительной работы.

12. Изможденное лицо Филиппа Арабского (244 — 249 гг.). Черты переданы безыскусно, но верно по духу.

◀ 13. Предположительно Эрен-
ний Этруск, убитый готами в Добрудже
вместе со своим отцом Децием.

Требониан Галл. Так выглядели
латские императоры, боровшиеся
с распада империи.

15. Он же.

16. Предположительно снова
Галл: этруск, правивший
в течение всего двух тяжелых
лет (251—253 гг.) еще до
начала возрождения империи.

17 (внизу слева). Краткий период
возвращения к эллинизму.
Галлиен (253—268 гг.), который
начал восстанавливать распадав-
шийся мир и покровительство-
вал философам.

18 (внизу справа). Загадочная,
сложная личность беспокойного
периода правления Галлиена.

20. Предположительно Клавдий Птолемей (268—270 гг.). Из Аквилеи в северной Италии, где процветали свои астрономические школы.

21. Священник и мудрец из вестной и долго существовавшей школы скульпторов в Афродисиаде (территория современной Турции).

20. Стремление к сверхъестественному повысило интерес к религии, философии «Портрет души» из Малой Азии (ок. 280 г.).

22. Теперь портреты и высказывания отражают колебания между старым индивидуализмом и приближающимся средневековым абстракционизмом. Возможно, Нумериан (283—284 г.).

23 (вверху слева). Огромные серые шаровые глаза Карина, брата Нумериана, созерцают иной мир, но кудрявая борода и чувственное выражение лица напоминают о традициях эллинизма.

25. Житель Остии выглядит уставшим от невзгод этого мира и многочисленных фантастических верований.

24 (вверху справа). Классическое моделирование теперь сменило сверление, детали подчинены простым геометрическим формам (ок. 275—285 гг.).

26. Пара лиц ряда поздних замечательных портретов старых женщин. Ливия, конец III века.

27 (вверху справа). При Диоклетiane (305 гг.) Римской империи правили четыре жестоких правителя, чья жесткая гармония скрывает гноты эпохи их правления.

28. Диоклетян и Максимиан или их преемники. Кошмарная псевдонаивность стиля в римском искусстве, далекая от классицизма.

29. Бюст из красного порфира, изображающий Максимиана II или Лициния, из Атриба в дельте Нила. Таков странный, внушающий покорность дух тетрархии Диоклетиана.

30. Константин Великий. Колоссальные головы с неподвижным нечеловеческим взглядом — объекты культа, отражающие вечный порядок.

Монеты и медали

31. Пертинакс (193 г.), который после периода расточительства при Коммоде пытался установить аскетичный режим. Видно, как Провидение воздевает руки, склоняясь какой-то звезде.

32. Юлиан, сын Септимия, в короне бога солнца поднимает руки в жесте благословения, наследуя манеру христианских священников (ок. 200 г.).

33. Никополис на Истре (в нынешней Болгарии), расположенный возле дунайской реки. Изображены Септимий и массивные городские ворота, демонстрирующие новую эпоху — эру укрепленных городов.

34. Каракалла (211—217 гг.), великолепные барочные портреты (бюсты) которого повторяются и на монетах. Он называл себя Антонин Пий, но, в отличие от его предшественника, был нервным, неприятливым и грубым.

35. Сирийка Юлия Меза, которая посадила на трон своего внука — извращенца Элагабала, а потом позволила или вдохновила его убийство. *Реверс: Благодетель.*

36. Форум храма Юпитера Мстителя (раньше, при Элагабале — храм бога солнца, изображавшийся во всех деталях при Александре Севере, теперь полностью исчез с монет.

37. Портрет Гордиана III (238—244 гг.) в скудном линейном стиле, который через полвека использовали и официальные монетные дворы, на монетах греческого университетского города Тарсус (на юге современной Турции).

38. Фригийская Атамея (Динур) в нынешней Турции) в правление Филиппа Араба чеканила изображение Ноева ковчега. Местная еврейская община, достаточно влиятельная даже для монетного двора, верила, что ковчег пристал к земле вблизи.

39. На этой золотой медали, служившей призом на Македонских играх (242—243 гг. н. э.), глаза Александра Великого воздеты к небу и солнцу.

40. Изображение на монете Деция двух Панноний, его дунайской родины, подтверждает значение, которое придавали тогда этой местности как источнику солдат и императоров.

41. Принятие желаемого за действительное или просто благие намерения: *Мир повсюду* (VBIQVE PAX), в то время когда империя была разорвана на части при Галлиене (253—268 гг.).

42. При Аврелиане портреты, отчеканенные на монетах, все еще сохраняют индивидуальность: короткая стрижка и небритое лицо солдата. Фигура Согласия на реверсе символизирует восстановление целостности империи.

43. Диоклетиан в своей столице, городе Никомедия (Измит), отчеканен в кубистской и грубой манере. Юпитер знаменует направленное против христианства возвращение к старым богам.

44. Проб (276—282 гг.), вместе с Аврелианом возродивший римскую военную мощь, представлен на монетах и медалях в разнообразных великолепных одеяниях.

45. Проб с богом солнца, выступающим в качестве его соратника (COMIS), в то время — самым почитаемым божеством в языческом пантеоне.

49. Сын Максенция Ромул умер еще мальчиком, и, в соответствии с отмиравшей древней языческой традицией, был сделан DIVVS, то есть божественным (ок. 310 г.).

46. Британский узурпатор Караузий не был националистом. На его монете изображены волчица и близнецы, а также надпись: *Возрождение римлян* (RENOVAT. ROMANO.).

50. Лициний, соправитель и враг Константина, а также сын Лициния изображены во фронтальных позах с нимбами, что символизирует начало развития византийских традиций иконописи.

47. Константин I Хлор, который пресек сепаратизм в Британии, изображен въезжающим на коне в Лондинию — *Восстановителем вечного света* (296 г.).

51. Константин в своей новой столице — Константинополе (CONS.). Стяг с буквами XP (Христос) и надписью *Надежда нации* (SPES PVBLICA), попирает змею, олицетворяющую зло.

48. Еще один узурпатор, Домиций Домициан, в Александрии на монете подражает генералу римского народа, символу, служившему одним из последних призывов к единению язычников при Диоклетиане.

52. На монете, отчеканенной в Фессалониках в честь раболепствующего перед императором сената (SENATVS), Константин изображен в парадном одеянии, подобно иранским царям.

Цари Ирана

53. Ардашир (Артаксеркс I; ок. 223—239 гг.), основатель государства Сасанидов, которое для Римской империи стало более грозным соперником, чем Парфия прежде.

54. Шапур I (ок. 239—270 гг.), бич Рима, пленивший императора Валериана. *Реверс:* зороастрийский алтарь огня, символ государственной религии Ирана.

55. Бахрам I (ок. 273—277 гг.), по приказу которого схватили величайшего проповедника того времени — Мани, оппонировавшего официальному зороастризму, — и заточили в темнице, где он и умер.

Серебро и драгоценные камни

56. Изображение Зевса в серебре из Малой Азии, который стал к тому времени объектом почти монотенического поклонения, предшествовало изображению Христа и византийских святых.

57. Серебряная ваза из государства Сасанидов. Заметно сильное влияние эллинизма в иранском искусстве, которое тяготело к национальным, иранским корням.

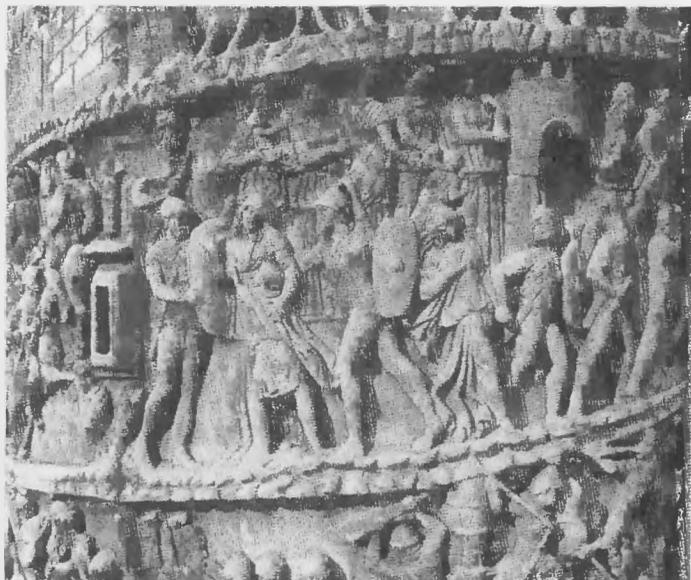

58 (вверху справа). Сердолик (темно-красный полудрагоценный камень) с портретом (инталия) молодого мужчины (начало III в. н. э.).

59. Подвеска-каменя с бюстами Диоклетиана и Максимиана или их цезарей (ок. 300 г. н. э.).

Рельефная скульптура

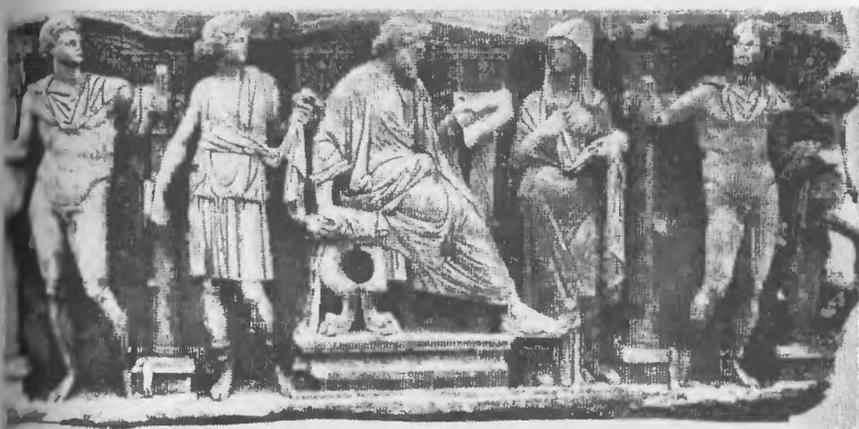
60. Арка Марка Аврелия, завершенная после его смерти, изображает новое отношение к ужасам войны и страданиям германских пленников.

61. Чудо Дождя на арке Марка Аврелия (причудливая крылатая фигура спасает его армию) отражает эпоху возрастающей веры в сверхъестественное.

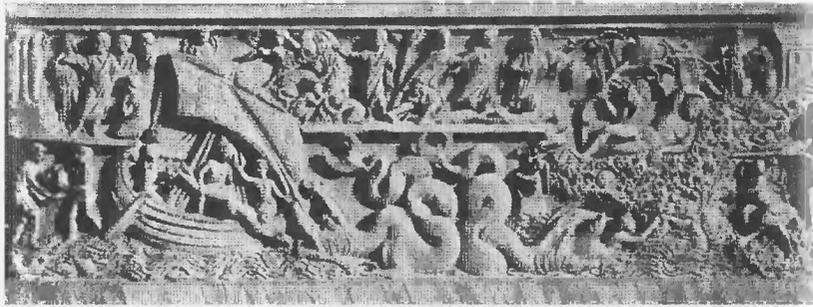
◀ 62. Саркофаг, традиционный для Малой Азии (ок. 170 г. н. э.). Кремацию сменил более возвышенный похоронный обряд.

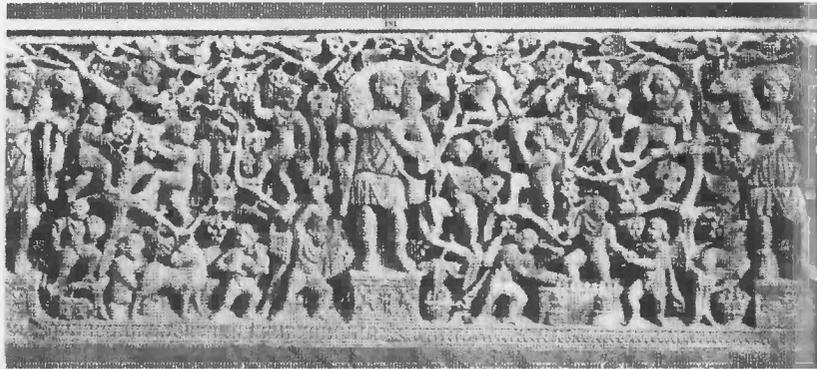
63. Мудрецов, подобно поэтам и музам, часто изображали на саркофагах III в. н. э. Они символизируют небесные мудрость и гармонию или бессмертие, достигнутое в результате размышлений.

◀ 64. Эти батальные сцены на саркофаге символизируют победу добра над злом: член семьи императора в гуще одной из жестоких битв, подрывавших стабильность в империи (ок. 251 г.).

65. На могилах ранних христиан изображены не страдания Христа, а чудесное избавление, описанное в Ветхом Завете: история Ионы с морским чудовищем.

66. Словно вытканый рельеф с изображением доброго пастыря, который в три раза выше ростом сборщиков винограда. Ибо: «Я есмь виноградная лоза, а вы ветви».

67. Манера изображать людей анфас пришла из Сирии и соседних земель не только в Рим, на Запад, но и на Восток — на территорию современных Афганистана и Пакистана, где иранская культура сочеталась с буддизмом (ок. 200 г. н. э.).

68. Рельефная скульптура на арке Константина. Теперь люди стали напоминать карликов, которые стоят ровными рядами (как и в реальной жизни).

Живопись

69. Единственный императорский портрет, поддающийся точной идентификации: Септимий Север, его жена Юлия Домна, старший сын Каракалла (Гета, убитый Каракаллой, был закрашен).

70. «Портрет мумии» из Антинои в Египте (конец III в. н. э.), написанный на полотне савана. Религиозные символы не относятся к христианству.

71 (вверху справа). Один из серии удивительнейших «портретов мумий» из Египта; геометрические формы, большие глаза, лицо, подобное маске, и «нос, достойный кисти Пикассо».

72. Еще одна женщина греко-египетского происхождения (начало IV в. н. э.), которая смотрит на свою семью (мумии хранились дома) и на потусторонний мир.

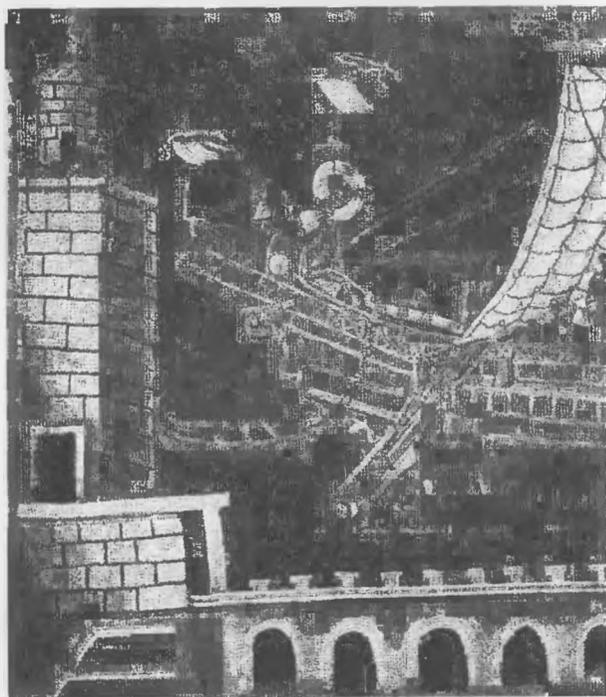

73. Хотя в IV веке императоров на портретах изображали величественными, на стеклянных медальонах, написанных на золотых листах, можно увидеть лица простых людей, переданные реалистично и с симпатией.

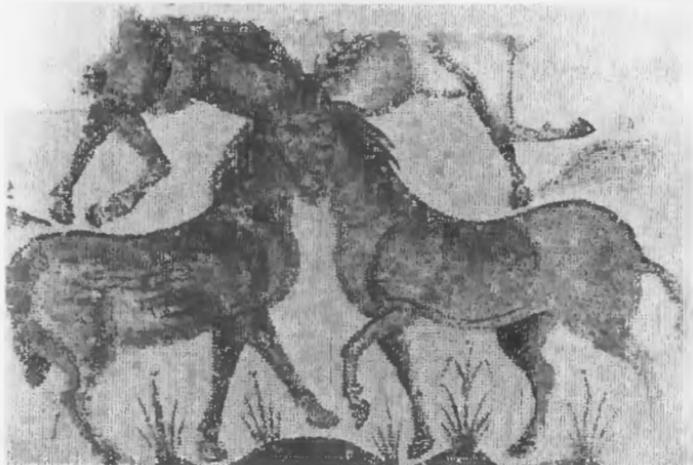
Мозаика

74. Образец масштабного декоративного искусства Рима, напольная мозаика. Изображение большого грузового корабля, одного из тех, которые снабжали паразитирующую столицу хлебом.

75. Христос подобно богу солнца правит колесницей, запряженной четверкой лошадей, что символизирует Евангелия и Воскресение (со свода в ватиканской усыпальнице под собором св. Петра; ок. 250—275 гг. н. э.)

76. Сюрреалистическое изображение лошадей из Северной Африки, где найдено много мозаичных полов с различными фигурами.

77. Панельные напольные мозаики по типу «коврика» все чаще замещались изображениями, покрывавшими весь пол, среди которых немалой популярностью пользовались сцены охоты.

78. В то время как другие провинции бедствовали, Британия процветала, и на ее виллах в IV веке появилось много мозаик. Одна из них недавно была открыта в Спаршолт возле Винчестера.

Любовь к собакам в Британии

79. Эта небольшая бронзовая фигурка частично в кельтском стиле, с головой, реалистично повернутой назад, рельефно выполненной шерстью, была найдена в городе Лидней в Глостершире.

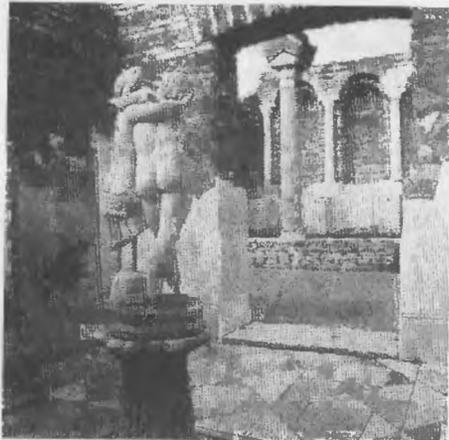
80. Горшечники из города Durobrivae (Кастор на реке Нен) традиционно изображали длинноухих охотничьих собак, вместе с ирландскими гончими, бульдогами и спаниелями.

Архитектура

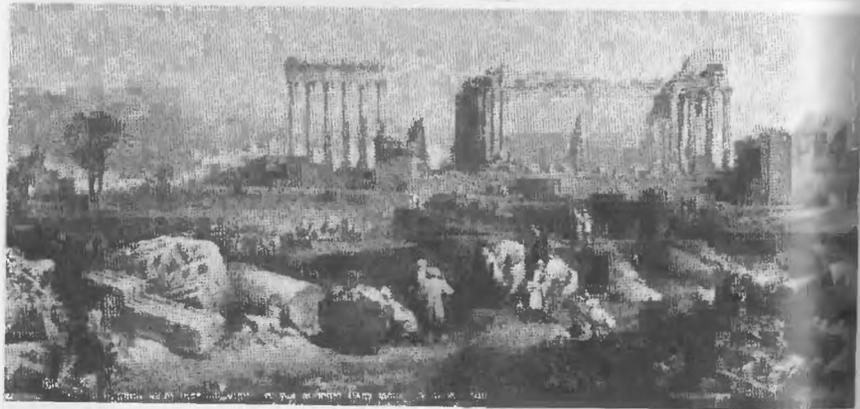

◀ 81. Остия. Театр был расширен при Септимию и Каракалле. Напротив от него — площадь корпораций, на которой размещались конторы торговцев во всех частях империи.

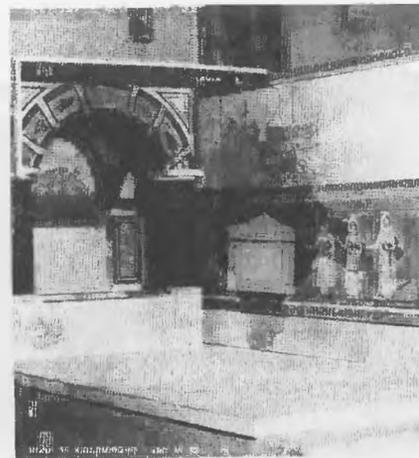

◀ 82. «Дом Амура и Психеи» в Остии (III—IV вв. н. э.). Кирпичные арки как бывало и раньше, покоятся прямо на колоннах без горизонтальных антаблементов.

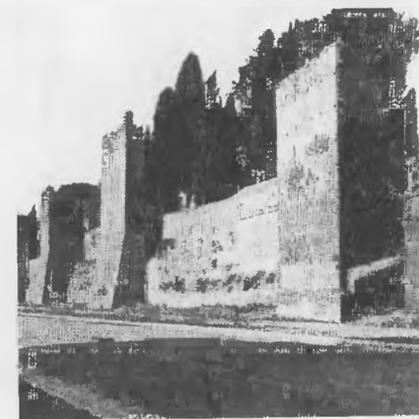
83. Гелиополь (Баальбек в нынешнем Ливане), картина Дэвида Роберта (1796—1864). Храмы: слева — Юпитера и Солнца (I в. н. э.), справа — Диониса (Вакха; предположительно конец II в. н. э.).

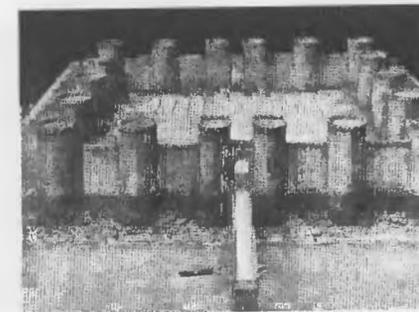
84. На обочине Аппиевой дороги вне пределов Рима: склеп двух Рабриев и Мани, старшей жрицы Изиды, самой популярной языческой богини.

85 (справа вверху). Баптистерий самой ранней из всех сохранившихся христианских церквей в Дура-Европус (Месопотамия; ок. 230 г.).

86 (справа в центре). Как и другие города, Рим укреплялся в конце III века. Стена Аврелиана (271—275 гг.), завершенная и перестроенная после его смерти.

87 (справа внизу). Реконструкция крепости в Дивичии (Дойц), находящейся недалеко от Кёльна на противоположном берегу Рейна. Такие оборонительные сооружения напоминают средневековые замки.

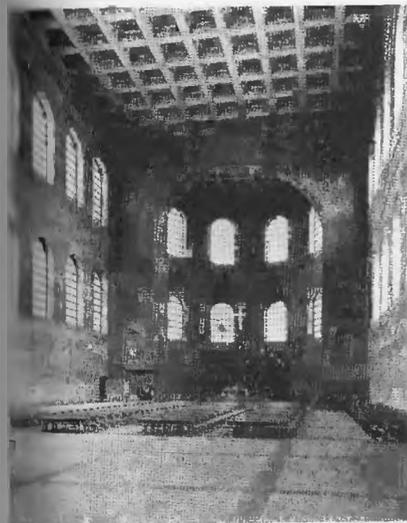
◀ 88. Черные ворота в Трире (Августе Треверов) на реке Мозель (ок. 300 г.). Крепостные ворота имперской столицы сами по себе почти замок.

◀ 89. Парная (caldarium) в императорских термах в Трире — распространенные по всей империи общественные здания для городского населения.

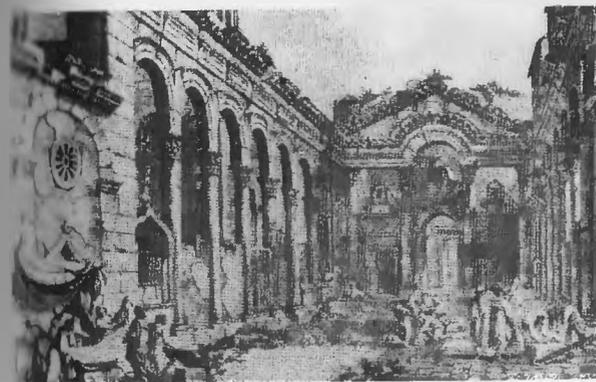
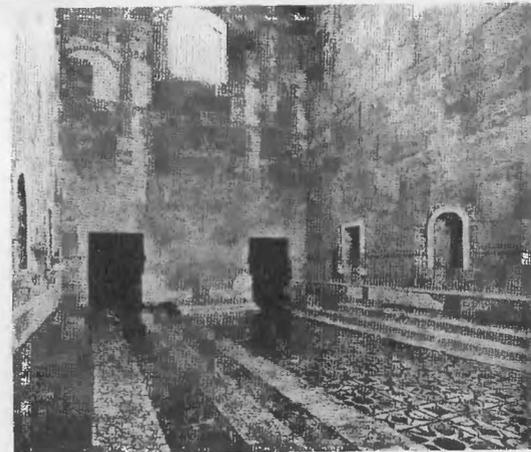

◀ 90. Эта так называемая базилика в Трире, со средневековыми углубленными оконными проемами, была тронным залом во дворце Констанци

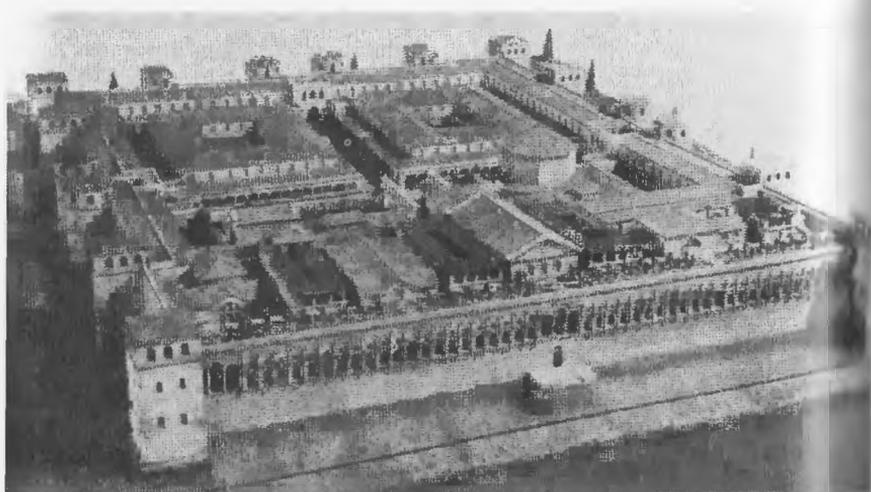

◀ 91. Трирская базилика — ныне церковь, но ранее под апсидой в просторном зале на троне восседал император.

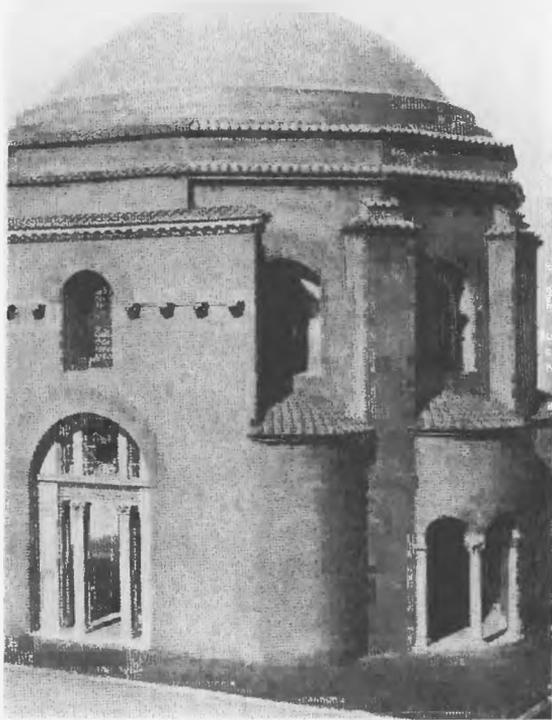
◀ 92. Сенатская курия Диоклетиана (Рим; ок. 300 г.). Простоту прямых углов нарушают только ниши. Эта традиция в архитектуре очень далека от классической.

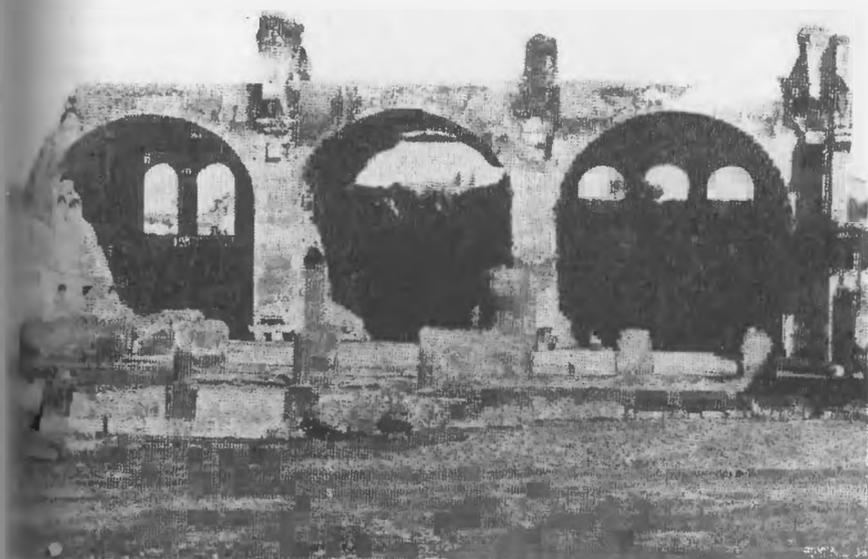
◀ 93. Салона (Сплит в Хорватии), дворец Диоклетиана. Рисунок Роберта Адама (1728—1792). Под центральной аркой, ведущей в тронный зал, чествовали Диоклетиана.

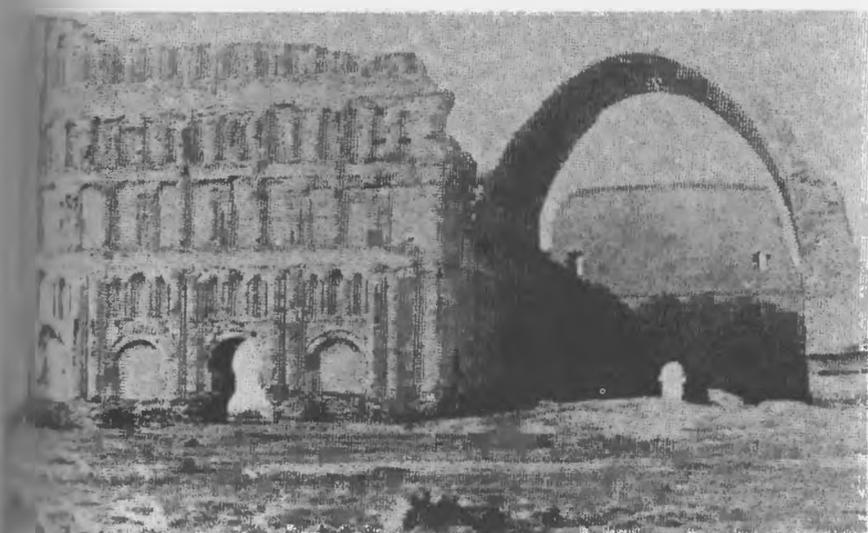
94. Реконструкция дворца Диоклетиана в Салоне. В центре аркады, выходящей на море, виден противоположный конец тронного зала.

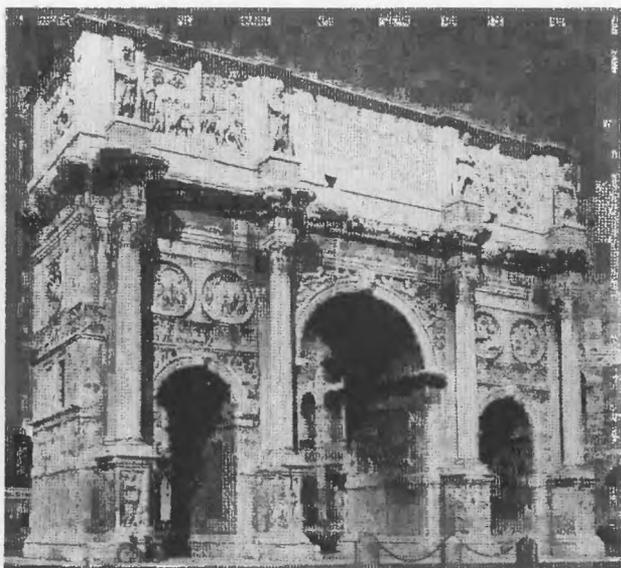
95. Реконструкция так называемого «храма Минервы Медики в Риме» — украшенного альковом (справа), открытым и с округлыми формами — новаторство для архитектуры того времени.

Бasilica Nova в Риме, построенная при Максенции (ум. в 312 г.) и Константине. Большие сводчатые проходы освещались за счет огромных полукруглых окон. Подобие соборов в романском стиле.

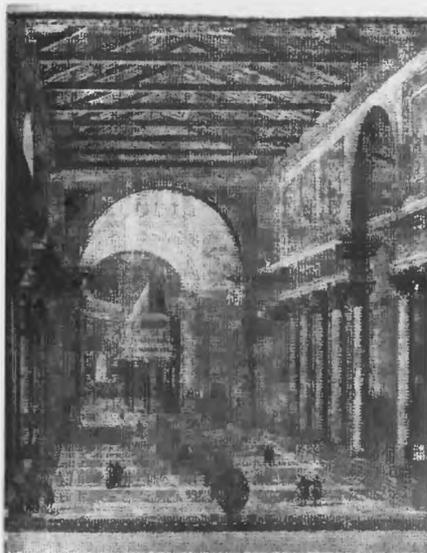

Приращением Ктесифона на Тигре, столицы иранского царя Шапура I (240—270 гг.), был дворец, превосхитивший римские и превосходивший их своими сводами и декоративными аркадами.

◀ 98. Арка Константина в Риме, как и многие другие триумфальные арки, безукосно сочетает рельефы того времени со скульптурами с монументов II века.

99. Базилика св. Петра, построенная Константином, на фреске XVI века. Апсида отделена от нефа изысканным трансептом над местом, традиционно считавшимся могилой апостола (церковь S. Martino ai Monti, Рим).

100. Воспоминание, датированное XVI веком, о Никейском соборе (325 г.), на котором было закреплено единство церкви и державы Константина, ересь (арианство) была осуждена.

формам: скульптурный портрет философа — древний идеал, возрожденный с новым акцентом на духовность, — и саркофаг, покрытый рельефами, где символом загробной жизни становится философское прозрение, а не религиозное спасение. После смерти Плотина его ученик Порфирий (его следует называть скорее богословом) взял лекции учителя за основу, полагая, что при надлежащем истолковании они составят целую систему. Иерокл помог превратить неоплатонизм во всеобъемлющую воинственную религию со святыми и чудотворцами. Затем Ямвлих из сирийского города Халкида (ум. в 330 г.), несмотря на свое восприятие математики как естественной науки⁹⁸, добавил невразумительный, фантастический оккультизм, основанный на «высшей» магии, известной под названием теургии, в чем его поддержали толпы фанатиков.

Учение Плотина на Востоке ценилось меньше, чем на Западе, где «Огнеады» перевели на латынь, но впоследствии центрами секты неоплатоников стали Сирия, Александрия и Афины. Император Юлиан Отступник (ум. в 364 г.) принял эту веру как часть своего сентиментального эллинизма. Наибольшее влияние неоплатонизм оказал на консервативную аристократию. Но и в более широких кругах он стал популярен, поскольку позволял образованным умам возвыситься над старыми богами и одновременно сохранял поклонение им для простого народа. Неоплатонизм оказался удобен для восприятия и доходчив, оправдывал все языческие религии и удовлетворял всевозможные нужды, но не приветствовал сомнения и созерцательность.

После Плотина в следующем поколении начались серьезные трения между неоплатониками и христианами. Хотя Плотин и принимал спасение через философию, но скрыто критиковал христианского Спасителя, который спустился на землю к людям и принял мученическую смерть. Плотин считал, что настоящий человек неспособен страдать, а грех в его учении занимал совершенно незначительное место. В результате происходит постепенное обострение конфликта между неоплатонизмом и христианством. Порфирий подверг жестоким нападкам христианство, а Иерокл, служивший наместником в Вифинии и Египте при Диоклетиане, сыграл не последнюю роль в преследованиях

христиан. Неоплатоники оказались злейшими врагами христианской веры, поскольку не смогли выдержать конкуренции из-за чрезмерной сложности своего учения и отсутствия яркой личности, способной противостоять живой, исторической фигуре Иисуса. Последователи Плотина придали его неоплатонизму достаточно эмоциональную окраску, однако учение этого великого философа так и осталось слишком рассудочным.

Несмотря на колоссальное различие между учениями неоплатоников и христиан, Плотин, как это ни парадоксально, внес в христианские философию и богословие больший вклад, чем даже Платон: он повлиял на христианскую мысль более, чем все остальные языческие авторы. Отчасти потому, что св. Августин использовал учение Плотина в качестве моста для перехода от манихейства (в которое он на время обратился, приняв дуалистические взгляды на добро и зло) к христианству⁹⁹. В более оптимистичных и рациональных воззрениях Плотина на зло он усмотрел лишь отсутствие божественного. Из учения Плотина Августин вынес то, что существует только одна истинная реальность, абсолютно сверхъестественная¹⁰⁰. Августин заимствовал у Плотина и многие его воззрения о Душе и Провидении¹⁰¹, приняв без труда его систему эманаций как эквивалент христианского сотворения мира. Единое же, Разум и Душу Августин воспринял как языческое предвидение догмата о Троице.

Августин также вынес из «Эннеад» мимолетное, по крайней мере, впечатление о мистическом опыте¹⁰². Хотя мистицизм не занимал значительного места в христианстве, надо сказать, что ни один человек, кроме библейских персонажей, не вдохновил христианских мистиков так, как Плотин. Главным посредником между ними и источником развития мистической мысли стал «Дионисий Ареопагит», появившийся в V веке¹⁰³. Смелое смешение христианства с неоплатонизмом, более философское и менее сконцентрированное на христианстве, чем у позднейших мистиков, призывает к уничтожению личности и доводит до крайности *via negativa* Плотина — утверждение, что не существует определений для описания Высшего Существа (с. 201). Влияние «Дионисия» на католицизм было огромно, а его видение божествен-

ного света в качестве объекта желаний также вдохновило позднейших православных мистиков.

Неоплатонизм пришел на Запад благодаря книгам Августина, «Дионисию» и сирийским христианам, которые перевели тексты Аристотеля и других авторов с сирийского или греческого языков на арабский (750—900 гг.)¹⁰⁴. Начиная с XII века идеи Плотина обрели влияние на Западе благодаря средневековым латинским переводам этих арабских текстов¹⁰⁵. Этот же период отмечен развитием и западного мистицизма, в том числе и как вызов официальной церкви и призыв к внецерковному спасению.

В богословии XIII века просматривается мощное влияние идей Плотина. Святой Фома Аквинский (ум. в 1274 г.) считал нематериальные дух и мысль неоплатонизма более реальными, чем материальный мир. Ближе к концу жизни он так же, как и Плотин, прошел через мистический опыт, по сравнению с которым все остальное «было не дорожке соломы или сена».

Экхарт (ум. в 1327 г.), чей способ описания Единого через отрицание основывался на «Дионисии» и Плотине¹⁰⁶, объединяет течения христианского мистицизма, связанные с Богом и с Христом, с обобщенными установками неоплатонизма: «то, что человек получает в созерцании, он изливает в любви». «Божественная комедия» Данте часто перекликается с идеями Плотина, а ее последняя песнь является законченным изображением мистического понимания и, возможно, опыта. Самым ярким представителем средневековых неоплатоников стал Ян ван Рейсбрук (ум. в 1381 г.). Он Платиновыми словами о любви, которая есть яркий свет и одновременно чистая «темная тишина» и в которой все любящие теряют свою личность, описывал происходящий от созерцательного самоуглубления мистический союз. «Здесь, за полярным кругом разума, полупочное солнце царит над бурным морем, где психология человека смешивается с психологией Бога»¹⁰⁷.

В эпоху Возрождения Плотин продолжал возносить мысли людей к вечному. «Эннеады», переведенные на латынь Марсилио Фичино (1492 г.), оказали влияние не только на его соотечественников, но и нашли отражение в Платонических гимнах Эдмунда Спенсера.

Благодаря Фичино, Плотин до сих пор звучит в словах Генри Воня (ум. в 1695 г.):

~ На днях привиделась мне Вечность
Подобная кольцу, что бесконечно
Сияньем озаряет тьму.

Кембриджские платоники той эпохи привили учение Плотина к кальвинизму, зато католическая церковь в XVIII—XIX веках практически очистилась от мистических тенденций, опасаясь представлений о неделимом божестве. Тем временем Новалис наткнулся на «Эннеады» (1798 г.) и восхитился убежденностью Плотина в том, что у материи нет независимой реальности, а Уильям Блейк, который ненавидел все церкви, но был истинно верующим христианином, рассказывая о виденных им далях, поведал в своих сочинениях и то, что «если очистить двери восприятия, все предстанет пред человеком в своей истинной сущности, бесконечным». Но если не считать этих редких примеров, на протяжении многих веков источник мистицизма медленно, но верно высыхал повсюду. Просвещенный век оказался на стороне Церкви, которая стремилась удержать мир подальше от таких областей познания.

Но иногда раздастся глас трубы
Со стен твердынь, что Вечностью укрыты,
В тумане вдруг появится просвет, и краем глаза
Увидишь их зубцы, что вскоре вновь сокроются в тумане¹⁰⁸.

Более восьмисот лет назад некий араб назвал мистиков опорой мироздания, высшим источником наших духовных познаний и солью, которая оберегает человеческое сообщество от гниения, и теперь, когда снова кажется, что сил разума недостаточно, раздаются голоса в пользу того, что потребность в этой высшей реальности особенно велика, как в христианстве, так и вне его. Доминирование над природой и упорядочивание жизни уже достигли своего пика. Что же дальше? Один индийский мыслитель считает мистиков главной надеждой на будущее и надеется, что они откроют эпоху, в которой высшая форма сознания, развившаяся на Востоке в индуизме и буддизме, а на Западе — в учении Плотина, станет даром, который человечеству еще предстоит постичь.

IV

ОТ ЯЗЫЧЕСТВА К ХРИСТИАНСТВУ

VI

OF REPERCUSSA
IN XPISTIANITATE

РАСЦВЕТ ЯЗЫЧЕСТВА

Национальные боги

В течение исследуемой эпохи большая часть официальных языческих культов отходила на задний план. Уже в начале II в. н. э. Плиний Младший, оказавшись на севере Малой Азии, нашел храмы в запустении и пренебрежении¹. Процесс падения интереса к язычеству продолжался. На протяжении III века святилища в Северной Африке были покинуты, в Риме языческие культы также теряли своих почитателей. Народ считал ежегодные религиозные праздники лишь поводом устроить карнавал², и даже монеты, чеканившиеся государством, свидетельствовали о явном пренебрежении к большинству богов и богинь. Сохранилась запись о том, что в 241 г. средства, выделенные на одно религиозное учреждение, равнялись только четверти того, что давали раньше³.

Подобный упадок стал ценой, заплаченной за войны и разрушения. Как позже заметил Юлиан Отступник: «Именно незаслуженные бедствия подвигли людей на то, чтобы презирать своих богов»⁴. Еще одной причиной спада интереса к старым культам послужило распространение монотеистических представлений. В ту эпоху олимпийских богов начинают считать не более чем ветвями, или проявлениями, или символическими образами единого непознаваемого божества (с. 191, 245)⁵. Движение в этом направлении отразилось на монетах Коммода, на которых Юпитер назван *Exsuperator* или *Exsuperantissimus* — главный бог и даже нечто большее⁶. Такое отношение сделало божеств олимпийского пантеона приемлемыми для тогдашней прогрессивной мысли, но и ослабило их авторитет как отдельных, индивидуальных существ в сознании римского населения.

В закате почитания древних языческих божеств следует отметить важные исключения. Во-первых, все еще сильны были мистические

вероучения, сулившие личное спасение (с. 262 и далее). Вторым исключением, отраженным на монетах, являлись боги, заботившиеся о благе государства. Большинство олимпийцев постепенно растворялись на фоне богов, которые выполняли важнейшую в то время роль защитников императора и римского народа и повсеместно прославлялись официальной пропагандой.

В то время как Плотин советовал углубиться в созерцание (с. 219), спасаясь от опасностей и невзгод периода кризиса, императоры для сплочения римлян постоянно взывали к этим богам и богиням, ибо они, как казалось людям, служили божественной порукой успеха на полях битвы, от чего зависела безопасность всей империи. Таким образом, сохранялось инстинктивное ощущение того, что сила Рима зависела от надлежащего исполнения обрядов, посвященных традиционным божествам. Граждане и подданные, а в первую очередь — солдаты, ассоциировали поддержку римских властей с признанием их богов. Вот почему Дион Кассий (грек по происхождению) в речи, которую он приписал советнику Августа Меценату, внушает императору, что следует сделать почитание римских богов обязательным, «согласно обычаям наших отцов»⁷. Историк, как и многие другие в правящих кругах, полагал, что приверженность чужеземным культам приведет к формированию нежелательного образа жизни, чуждого римским традициям. Христиане считались атеистами, так как они не признавали богов, охранявших империю. Соответственно, в глазах проповедника христианства Тертуллиана наихудшими, самыми опасными врагами новой религии казались не мистические верования, а традиционные римские боги.

Естественно, наиболее римским и патриотическим из всех культов было почитание самого Рима. Хотя город утрачивал политическое и экономическое значение (с. 138), эмоциональный заряд, который несло его название, не ослабевал. Смысл многозначительного лозунга «*Roma Aeterna*» («Вечный Рим») ничуть не изменился. Монеты империи развивали тему всеми возможными способами. Они отождествляли судьбу Рима с судьбой правившего императора, подобно тому, как Тиберий в свое время был провозглашен «рожденным для того, чтобы

сделать Рим вечным»⁸. Более того, особую пышность торжествам по случаю очередной годовщины со дня основания Рима придавало открытие великолепного храма при Адриане в ознаменование единства Рима с его божественной основательницей — Венерой (с. 235)⁹.

Один из указанных в календаре из Дура-Европос армейских ежегодных праздников увязывался с почитанием богини Ромы (Рима). Повторное открытие ее храма в царствование Аврелиана было обусловлено преобладанием этого культа в его родных балканских землях, выходцы из которых доминировали тогда в армии и при дворе. Диоклетиан, еще один выходец из придунайских провинций, прославлял идею Рима в большей степени, чем какой-либо другой римский правитель. Он и его соправители по тетрархии пропагандировали Рим, без особых вариаций, на миллионах монет из посеребренной бронзы, обращавшихся по всей империи. Более чем два десятилетия с 294 г. на различных монетных дворах в огромных количествах осуществлялись однообразные выпуски монет. Это был едва ли не самый яркий за всю римскую историю пример нумизматической пропаганды: каждая семья в империи в течение многих лет неоднократно получала напоминания о вечном Риме.

Но лозунг, провозглашенный Диоклетианом и его соправителями, не касался Рима как такового — они пропагандировали гений римского народа (*GENIVS POPVLI ROMANI*), представленного в образе фигуры молодого мужчины с рогом изобилия в руках. На нем была башенная корона (с крепостными зубцами), характерная для Фортуны (Тихе), почитавшейся в городах. В древние времена гении часто изображались в виде змей, вероятно, как пережитки тотемизма. Слово «гений» означает отца (производителя) и выражает особенное божественное качество, некое непостижимое мужское начало, позволяющее роду продолжаться из поколения в поколение. Поэтому Геркулес, воплощенная мужественность, был отождествлен с гением при Коммодe (?) и Септимию¹⁰ и стал покровителем тетрархии при Диоклетиане. В трудные моменты противостояния с Ганнибалом (218 г. до н. э.) религиозные обряды по указанию правительства включали приношение гению пяти человек в жертву — магический способ увеличить мужское население Рима и выиграть войну. Во время дальнейших бедствий,

сотрясавших Рим в конце эпохи Республики, храм гения, находившийся за форумом, заявлял о себе различными чудесами.

Тем временем появилась идея о том, что боги имели своих собственных гениев — воплощение их божественных качеств. Под влиянием греков, у которых бытовало сходное представление о даймоне, такой взгляд распространился и на людей: у каждого человека был гений, который одновременно играл роль жизненной энергии и защитника. Это означало, что, хотя почитание самих римских императоров противоречило обычаям, вполне приличным являлось прославление их гениев при помощи почти тех же самых обрядов, которыми чтили даймона (фраваши) парфянского царя¹¹.

Следует отметить, что гении принадлежали не только богам и людям, но и институциям. Среди последних встречались и войска, например иллирийская армия Деция (с. 28). У городов тоже были свои гении, а гений Рима почитался с давних пор. На Капитолийском холме, по свидетельствам в древних календарях, ежегодно проводился праздник «Гения народа» (Genius Publicus), связанного с богиней Венерой, покровительницей Рима¹², а на Капитолии висел щит, посвященный гению города Рима.

Римляне не очеловечивали своих богов так легко, как греки, поэтому к упомянутому посвящению была добавлена оговорка: «мужского или женского рода». Однако позже установилось представление, что гений римского народа (так формулировалось его название) — являлся мужчиной, как и следовало ожидать. Надзор за соблюдением культа принадлежал роду Корнелиев, один из представителей которых в правительстве поздней Республики поместил на монету изображение головы гения с бородой, а не с чисто выбритым лицом, как это было принято раньше¹³. Рядом с головой отчеканены шар и кормило, указывая на то, что это сила, которая обеспечила Риму господство по всей земле. Гений римского народа еще несколько раз появлялся на монетах, а при Септимии его изобразили на рельефе, в башенной короне, такой как у фортунов многих городов¹⁴. Гений опять носит эту корону, иногда в сочетании с лучами, как у модного тогда бога солнца (например, на аверсе большой бронзовой монеты, выпущенной в Риме одной из немногих за двести пятьдесят лет, где есть какой-либо портрет, не принадлежавший

члену императорской династии); монета может относиться к короткому периоду безвластия после смерти Галлиена (268 г.)¹⁵.

После того как Аврелиан восстановил храм Города, Диоклетиан сделал на своих монетах главной темой пропаганды гений римского народа. Когда многие старые лозунги уже не имели силы, оставался единственный способ подчеркнуть римскую сущность, единство армии и народа, готовность язычества к решительной битве с христианством (с. 329), что подтверждает однотипность надписей и частота выпусков. Вскоре на некоторых монетах стали упоминаться гении самих правителей (*GENIO AVGVSTI IMPERATORIS, CAESARIS*). Именно они, правители, служили гарантией успеха римской цивилизации и лелеяли творческий дух, присущий своему народу.

Кроме основных выпусков монет с *GENIO POPVLI ROMANI*, появляются монеты Максенция, главным преимуществом которого являлся контроль над столицей, прославлявшие *Romanitas* — лозунг, утративший свое значение уже к 316 г., когда христианство стало предлагать новые ключевые слова (с. 254). Но зывания к Риму не прекратились. Масштабная картина, вероятно написанная в правление Константина Великого, изображает фигуру сидящей анфас богини¹⁶. Хотя в то время Фортуна (Тихе) и другие боги уже исчезли с монет, фортуны или духи городов сохранялись, — их воспринимали как воплощения Божьей воли и Божьего дара. Даже сам Константин, будучи приверженцем христианства, построил храм Фортуны в Константинополе, а в его святилище поставил статую Фортуны из Рима. Монеты и медали новой столицы прославляли не только *CONSTANTINOPOLIS*, но и *VRBS ROMA* и *POP (ulus) ROMANVS*. Сверхъестественное в то время казалось реальным, что сказалось и на понимании величия города. В период возрастания роли провинций и варварских окраин, когда столица находилась то здесь, то там, а императоры редко появлялись в Италии, призыв к Риму оставался самым мощным объединительным лозунгом.

Храм города Рима, построенный Адрианом и обновленный Аврелианом, подчеркивал связь Рима с Венерой, которая, через своего сына Энея, стала божественной матерью римского народа. Когда другие олимпий-

ские боги ушли в забвение, Венера сохраняла свой блеск как одна из основательниц Рима. Ее культ характеризовался эмоциональным порывом, что подтверждает мнение о корнях традиционного язычества, более глубоких и прочных, чем официальная пропаганда и внешние приличия. Оценить значение этой богини для римлян помогает замечательная латинская поэма, созданная в исключительно прозаичную эпоху. Речь идет о «Ночном празднестве Венеры» (*Pervigilium Veneris*; ок. 307 г. н. э.). Двадцать две изысканные, мелодичные, чувственные строфы этой поэмы с неклассическими веселым ритмом и повторяющимся рефреном смешивают официальный и частный культ, патриотизм, любовь к природе и к женщине. Темой служит продолжавшийся три ночи праздник Дионы (то есть Венеры) на Сицилии¹⁸.

Из высоко бьющей крови волн пенящихся своих,
Средь морских просторов синих и своих морских копей,
Из дождей-супругов создал Понт Диону в плеске волн.
Пусть полюбит нелюбивший, кто любил, пусть любит вновь!

Ведь сама богиня красит цветом пурпурным весну,
Теплым ветра дуновеньем почки свежие растит,
Распускает их на ветках и сверкающей росы
Рассыпает капли — перлы, этой влажной ночи след.
И, дрожа, слезинки блещут, вниз готовые упасть.
Вот стремительная капля задержалась на луку,

...
Пусть полюбит нелюбивший, кто любил, пусть любит вновь!

Вот запела. Мы умолкли. Где же ты, весна моя?
Словно ласточка, когда же перестану я молчать!
Музу я сгубил молчаньем, Феб не смотрит на меня.
Так Амиклы их молчанье погубило навсегда.

*Пусть полюбит нелюбивший, кто любил, пусть любит вновь!*¹⁹

Празднество заканчивается плачем, а за любовной лирикой слышится топот ног варваров, устремившихся со всех сторон к Риму¹⁹. Дни па

¹⁸ Пер. Ю. Шульца. Цит. по: Античная лирика. — М., 1968.

читания олимпийцев подходят к своему концу, чувствуется печаль по славному прошлому. Но мир все равно невозможно было представить без Рима, поэтому и Венера должна была выжить, ибо Венера, как упоминается в другой части поэмы, породила славу Рима, а императоры (Адриан и Аврелиан) объединили их в прекрасном храме, целью которого было осветить дорогу язычеству в новой, чуждой эпохе.

Еще одной национальной богиней, которая не поддавалась закату олимпийского пантеона, оказалась Веста, культ которой заметно повлиял на позднюю римскую цивилизацию. Ее святилище на форуме неоднократно чеканилось на монетах и медалях Септимия и позднейших императоров, а на соседствующей с ним площадке, также предназначенной для отправления культа Весты, вплоть до IV в. н. э. появлялись многочисленные посвящения этой богине. Почитание Весты (*Vesta*, *Hestia*), связанное с огнем, соответствовало модному в Риме в ту эпоху солнцепоклонничеству и огнепоклонничеству в Сасанидском Иране, а девственность весталок — распространению аскетизма и отшельничества. Веста, вековечный покровитель Рима и его правителей, в тяжелые времена кризиса почиталась более благоговейно, чем когда-либо.

То же следует сказать и о великих императорах прошлого, называемых божественными (*divi*), чтобы отличать их от олимпийских богов (*dei*)²⁰. Основываясь на представлениях греков о том, что обожествление являлось наградой за достойную жизнь, римляне создавали легенды о Геркулесе и основателе Вечного города Ромуле²¹. Если эти герои были людьми, чьи выдающиеся подвиги дали им право стать богами после смерти, то подобным же образом Август и некоторые его преемники, и жены, и родственники императоров после смерти в благодарность объявлялись государством божественными. Едва ли им возможно было молиться, но некоторые простые люди считали их уступающими величием только Юпитеру.

Когда политеизм начал выходить из моды, *divi*, подобно олимпийцам, стали утрачивать свою индивидуальность, их образы сливались в рамках обобщающего представления о славном прошлом и вечном Риме, воплощенном в преемственности императоров. После Марка Аврелия

уже не строили храмов для обожествленных, а почитали в общем храме, посвященном *divi* (275—276 гг.). Особые почести воздавались им и в штабах армий, они занимали не последнее место в солдатских культах. В военном календаре Александра Севера, найденном в Дура-Европос, двадцать один из сорока одного пункта посвящен божественным обоим полам (*divi* и *divae*). Аврелиан принимал посланников от варваров в зале с изображениями *divi*.

Почти постоянно в империи чеканились монеты с головами каких-нибудь обожествленных персон. Для этого периода характерно изображение на таких монетах и многослойного погребального костра, встречающегося в азиатских землях и многие столетия спустя. Обычно на монете прославлялся один *divus* или одна *diva*, как правило, монеты выпускались вскоре после смерти обожествленного. Некоторые монеты чеканились в огромных количествах. Так, например, почтил свою покойную и обожествленную жену Фаустину Старшую император Антонин Пий, немногим меньше монет выпустил и Марк Аврелий в честь Фаустины Младшей.

В редких случаях правители, привычно обращая взор в прошлое, выпускали монеты, посвященные одновременно нескольким обожествленным членам императорских династий. Самыми заметными среди таких монет были «памятные» монеты из низкопробного серебра, отчеканенные в середине III века. Стилистические особенности и нахождение их в определенных кладах свидетельствуют о Деции (249—251 гг.) как инициаторе этой эмиссии²². Чеканка монет приписывается то ли Риму, то ли Медиолану (Милану), тогда как местные бронзовые монеты того же типа производились в Филиппополе (Пловдив) во Фракии. Там, на Балканах, откуда происходил Деций, первый император-иллириец, страстно верили в бессмертие. Но серебряные монеты ходили во многие областях Римской империи. Деций отчаянно сражался с германцами не ради олимпийских богов, а ради выживания и продолжения Рима, в прошлом которого лучшими людьми были те самые обожествленные императоры, чья доблесть доказывалась на деле. Группа божественных правителей на монетах Деция, как и пароды предков на римских похоронах, были проявлением пропаганды

в кризисные времена и во времена преследования христиан (с. 323). В трудные для государства времена Деций пытался сплотить людей вокруг национальной идеи. —

Но все же призыв к *divi* был ошибкой, так как, за исключением Африки и еще некоторых регионов, где их почитание процветало, этот культ не пережил III века. Диоклетиан в своих попытках возродить язычество божественным уделил совсем мало места. Тем не менее Максенций обожествил своего сына, умершего в отрочестве (ок. 310 г.), а Константин объявил божественным Клавдия II Готского, такого же, как он, императора-иллирийца и солнцепоклонника, от которого Константин, по его словам, происходил (с. 253). К тому же принявший крещение Константин после смерти сам стал *divus*. Поэты по традиции называли императоров-христиан бессмертными, но теперь обращение приобрело новое значение. Монеты, выпущенные в честь покойных дам из императорских семей, изображают их на колесницах, которые устремляются в небо по знаку руки Бога или пророка Ильи.

Правящий император, в отличие от умерших, которым оказывались почести, никогда официально не становился богом при жизни. Но его статус намного превосходил человеческий. Ибо, если олимпийские боги с каждым годом все меньше удовлетворяли религиозные порывы, то правитель набирал авторитет за их счет. Еще до того, как в Риме появились императоры, греческие государства, ставшие преемниками державы Александра Македонского, рассматривали своих монархов как божеств, и самых действенных из всех божеств — так как царь присутствовал во плоти (*epiphanes*) и мог, соответственно, принести какую-то пользу. Следуя этим и другим местным и историческим традициям, люди во всей Римской империи так или иначе считали своего правителя неким божеством.

Калигула позволял себе намеки на свою божественную сущность, например, когда одевался как Меркурий. Тема сравнения с тем или иным олимпийским богом повторялась в отношении сотни императоров миллионами лествичных языков, что отразилось и в литературе. С усилением централизации власти неформальное приписывание

божественности правящему императору происходило все чаще и делалось все откровеннее. Ассоциируемые с ним понятия с какого-то времени стали называться священными. К монетному двору, выполнявшему важнейшую функцию снабжения армии деньгами для выплаты жалованья, такой эпитет применялся уже с начала II в. н. э.²³ Через сто лет императорское послание называется «святыми словами» (*sacra litterae*)²⁴. Акцент все чаще делался на постоянстве и вечности успешных правителей, а изображение их анфас на рельефах было намеком на их божественность (с. 124). Но надписи, чеканившиеся на монетах государством на протяжении веков, в попытках всеми мыслимыми способами польстить правящим императорам, тщательно избегают называть их богами. При жизни император никогда не становился *divus*, и только в конце III века на нескольких ограниченных выпусках монет в Сердике (Софии) Аврелиан, уроженец того региона, называется *deus*. Но это осталось единственным в своем роде полетом фантазии: империя не была теократией.

Самым частым и близким к обожествлению способом польстить императору стало сравнение или отождествление его с одним из олимпийских богов. Предпочтение здесь отдавалось Геркулесу — человеку, который после смерти стал богом благодаря своим великим подвигам (с. 237). Траян, император римско-испанского происхождения, был предан богам Гадеса (Кадиса) и особенно Геркулесу Кадитанскому (*Hercules Caditanus*), которому подражал как завоеватель варваров и всего мира. Адриан считал Геркулеса предшественником в своих путешествиях; Марк Аврелий представлял его идеалом самопожертвования и преданности человечеству; Коммод же, последний в династии, собрал все это воедино и публично отождествил себя с Геркулесом (на его монетах он изображен во львиной шкуре Геркулеса). Коммод любил подражать Геркулесу и в убийстве диких зверей, что позднее осудил Дион Кассий²⁵. Подобно многим царям Ирана и Парфии и Александру Великому Коммод был правителем-охотником. Монета, на которой Коммод изображен нападающим на льва, посвящена «доблести августа» (*VIRTUTI AVGVSTI*), ибо правитель, смелый на охоте, символизирует победу на войне, а убитые хищники олицетворяют силы зла²⁶. Брон

новые медали в конце его правления превозносят Коммода как Геркулеса, подобные почести воздавались ему и в армейских святилищах. Титулы «победитель» и «непобедимый» (*victor* и *invictus*), которые с того времени официально закрепляются за правителем, в свою очередь подразумевают сравнение как с Геркулесом, так и с Александром Великим.

Коммод облачался и в подражание другим богам. На его монетах встречается посвящение Юпитеру Юному (*IUVI IUVENI*), а чтобы подчеркнуть подобие, богу приданы черты императора. На арке Септимия в городе Лепчис Магна император во время триумфа не идет к Юпитеру на Капитолии, как это изображалось раньше. Император своей персоной воплощает и полководца-победителя, и Юпитера одновременно. Хотя официально императоры и не обожествлялись при жизни, в их прославлении как равных богам уже оставалось мало простора для фантазии.

Но в веке, в котором духовность занимала все больше места в умах римлян, такие претензии стали казаться наигранными. Несмотря на централизацию власти и возрастание величия правителей, они не ассоциировались с почти монотеистическими представлениями людей той эпохи о вездесущей божественной силе (с. 231). И хотя подобострастное восхваление правящих императоров только усиливалось годами, утверждалось другое, противоречившее прежнему пониманию их отношений с божеством — идея того, что император был не одним из богов, а избранным и возлюбленным посланцем и наместником на земле. Такое верование происходило из древнего иранского государства Ахеменидов. Еще царь Дарий объявил себя «царем милостью Ахурамазды»²⁷; правители Парфянского царства, потом и Сасаниды — соседи Римской империи на востоке — тоже утверждали свою богоизбранность. Подобная концепция была привычной и для Египта. Семитские государства таким же образом считали своих царей посланцами или ангелами (*mal'ak*) бога, его подобиями и наместниками, обладающими его характером, то есть возносили царей почти до божеского величия. Сходные представления можно найти в «Илиаде», в биографиях Плутарха, посвященных римским царям и предводите-

лям, в греко-римских теориях монаршего права²⁴. Успехи римских императоров всегда объяснялись небесным вмешательством, которое считалось обязательным условием процветания, несмотря на личные качества правителя.

Поэтому медаль Марка Аврелия изображает его в виде небольшой фигуры человека, стоящего рядом с огромным Юпитером. Коммод тоже, если не отождествлял себя с богами (с. 241), заявлял о том, что они ему покровительствуют. Юпитер не только уподоблен императору, но и назван хранителем его спокойствия. Коммод не ограничивался отождествлением себя с Геркулесом, называя последнего своим товарищем или спутником (*HERCVLI COMITI*). С того времени монеты и медали все чаще уделяют внимание подобной роли богов, подчеркивая не столько их величие, сколько их покровительство императорам и дружбу с ними. Божественный напарник был чем-то вроде двойника, сверхъестественного друга. Бог был один для многих, обращавшихся к нему за помощью, а *comes* — исключительно для императора²⁵. Даже льстивые поэты иногда признавали, что существовала естественная иерархия, в которой император стоял выше всего человечества, но ниже, чем боги²⁶. Статус правителя, высший, чем у простых смертных, подчеркивался эпитетами, прославлявшими его невиданные благочестие и удачу (*pius* и *felix*), эпитетами, которые впервые появляются в 184 г. и с тех пор постоянно присутствуют в титулах императора. А низшее, по сравнению с богами, положение императора передает его обращенный ввысь взор на скульптурных портретах (с. 130). Пертинакс (193 г.) изображает на монете Провидение, вздымающее руки к некой звезде, а голова правителя резко вскинута вверх на бюстах и медалях со времен Галлиена²⁷. В греческом искусстве часто встречалась тема — человек, смотрящий в небо, что стало и символом устремлений Александра Великого. В Риме изображения на монетах в таком стиле появляются еще во времена Республики²⁸.

Поэтому Аврелиан, хотя и говорит о божественной силе как о своем сотоварище (*consors*), явно отвергает свою божественность, приписанную ему на некоторых монетах, — в духе времени подобало заявлять скорее о милости богов. Бог, говорил Аврелиан, дал ему пурпур и определил

срок его правления³³. Но монетах Аврелиана описываются различные стороны сотрудничества между императором и этой божественной силой. И Диоклетиан с Максимианом не в качестве богов, а только как их избранники пытались обновить и восстановить языческие культы, которые они, воспитанные в семьях балканских крестьян, преданно почитали. Эта кампания стала известна всей империи по монетам и медалям, рельефам, изображающим языческие жертвоприношения и обеты, и по надписям. Прославление Диоклетиана и его соправителей основывалось, прежде всего, на примерах прошлого; ораторы, произносившие панегирики этим правителям, не уставали утверждать, что своими успехами они обязаны соблюдению всех предписаний культа. Императоры сами официально не провозглашались богами³⁴, но их доминат был отражением небесного порядка на земле. Писатель того времени говорит: «Мы должны восхвалять земных правителей и таким образом готовить себя к почитанию божества»³⁵.

Эта связь становилась еще очевиднее, когда Диоклетиан и Максимиан, подчеркивая особое товарищество соответственно с Юпитером и Геркулесом и их покровительство, приняли титулы: Диоклетиан — *Jovius*, а Максимиан — *Herculius*. Хотя и позже язычество существовало и пыталось восстановить свои позиции, этот случай стал последней яркой демонстрацией государства своей приверженности к олимпийским богам. Кульминация склонности считать императора избранником языческих божеств произошла в правление Константина, когда тот посвятил монеты, чеканившиеся по всей империи, провозглашению своего товарищества с богом солнца.

Поклонение солнцу

Лет через пятнадцать после того, как Диоклетиан мобилизовал все свои монетные дворы, работавшие с бронзой, для прославления гения римского народа (с. 234), Константин таким же образом сконцентрировал ресурсы монетных дворов на одной теме — фигуре бога солнца. На каждой монете присутствовала надпись: «Солнцу, непобедимому спутнику» (*SOLI INVICTO SOMPTI*; ок. 309 г.). Эти многочисленные выпуски однотипных монет при Константине, так же как и при Диокле-

тиане, составляли часть грандиозного плана, преследовавшего цель внедрить в умы подданных некую идею. В тот момент солнцепоклонничество было государственным культом Римской империи, солнце признавалось богом миллионами людей, ее населявших. Если бы через несколько лет солнцепоклонничество не уступило место христианству, оно вполне могло бы стать религией, господствующей в средиземноморской цивилизации.

Только несколько народов, обитавших в самых знойных областях планеты, считали солнце враждебным и пагубным для человека³⁶. Повсюду, с самых древних времен, люди, основываясь на обожествлении природы и получая тому ежедневное подтверждение, считали, что должны приветствовать солнечный диск как благодатное божество. Источником жизни является солнце, и любая сила берет в нем свое начало³⁷. В Египте, например, где такой культ был широко распространен, восходящее солнце изображено на рельефах Аменхотепа IV (Эхнатона), который в XIV в. до н. э. произвел религиозную революцию, установив культ бога солнца Атона. Новым стало то, что особое внимание обращалось на солнце как источник света и жизни, а также на полученное самим фараоном откровение, когда его обняли ласковые руки бога (растущие от его золотого диска). В Малой Азии и на Ближнем Востоке всевидящий Мардук, главный бог вавилонского пантеона, изначально был богом солнца. Был таким богом и Шамаш, вначале уступавший величием богу луны. Потом «специалисты по небесным делам» присудили первенство солнцу.

Культ солнца, развивавшийся благодаря ученым мужам, на последующих стадиях эволюции семитского язычества стал солнечной теорией халдеев, вавилонских жрецов в эпоху эллинизма и позднее. Халдеи всех Ваалов превратили в солнца или в отражения единого солнца. Солнце было признано сердцем Вселенной и повелителем ее божественной энергии. Под влиянием астрологии сила, благодаря которой солнце привлекало или отталкивало звезды, движение которых определяло ход событий, считалась судьей судьбы человека. Она приводила в движение и тела, и умы людей³⁸. Огонь, облеченный разумом, стал создателем всех тех причин, которые управляют жизнью человечества. Это представле-

ние стало основой религии, связавшей человека с космосом и распространившейся по всему Древнему миру (с. 231).

В Ветхом Завете колесница пророка Ильи означает солнце³⁹. В синагоге в Бейт Альфа в Израиле есть картина, на которой Солнце правит своей упряжкой на небе. Но классиком солнечной теологии в иудаизме стал Малахия (ок. 460 г. до н. э.), последний среди ветхозаветных канонических пророков, предсказывавший, что мессианское солнце правды взойдет для верных⁴⁰. В Иране солнце и луна тоже очень рано стали почитаться как воплощения и почти что синонимы Ахурамазды, бога света (с. 274). Как известно, в области Фарс (Иран) до сих пор живут солнцепоклонники (гебры), такие же, как парсы, центром религии которых является Бомбей. Царская слава в «Авесте» (с. 277) характеризуется блеском или светом, а царь царей Ирана звался «тем, кто встает вместе с солнцем»⁴¹. В его дворцах отправлялся культ огня потом перешедший на алтари и в храмы огня его преемников — парфян и Сасанидов⁴². Купол здания парфянского суда в Вавилоне был украшен небесными светилами, цари из династии Сасанидов назывались соратниками звезд, братьями солнца и луны⁴³. Когда Плотин увлекся иранской философией, он заинтересовался ее солнечной теорией — она уподобляла Высшее Существо источнику света, испускающему лучи, которые пронзают и освещают темноту материи⁴⁴. Св. Августин, порвав с дуалистическим манихейством, подверг критике присущий ему обычай поклонения солнцу и луне⁴⁵.

Солнце занимало важное место и в греческой литературе, начиная с «Илиады», где оно призывается в свидетели⁴⁶. Утерянная пьеса Эсхила «Bassage» рассказывает о том, как Дионис разорвал в куски Орфея за то, что тот считал солнце, а не Диониса, величайшим божеством⁴⁷. Воплощением солнца был и Аполлон. Ученики Пифагора именно солнцу отводили роль создателя сознания и сил плодородия, считая его и богом мертвых⁴⁸. Платон солнечное божество представлял источником всего света и жизни в материальном мире и описывал, как Сократ молился солнцу⁴⁹.

Потом солнце вовлекалось в астрологические спекуляции, к которым пристрастились последователи Платона, а вскоре после смерти

Александра Великого некий Алексарх объявил себя воплощением солнца⁵⁰. Цари государств, образовавшихся после завоеваний Александра, стали носить корону из солнечных лучей⁵¹, солнцу писались гимны. Один гимн, возможно из Александрии⁵², как и другой, более поздний, из Суз в Юго-Западном Иране, отождествляет солнце с Дионисом и славит его как повелителя Вселенной. В то время почти все авторы сошлись на том, что солнце, луна и звезды были богами, а солнце среди них — старшим. Или, если они не обладали божественной сущностью, то, по меньшей мере, являлись видимыми проявлениями божества и теми каналами, по которым человек мог достигнуть его⁵³, то есть посредниками (демиургами) между Богом и косным веществом (с. 201).

Хотя немногие люди были готовы присоединиться к мнению Аристарха Самосского о том, что Земля обращалась вокруг Солнца⁵⁴, в последующие два столетия распространилось солнцепоклонничество по средиземноморскому миру. Семитские, иранские и греческие теология, астрология и философия постепенно сплавлялись в единое целое, и все моднее становилось толковать верования традиционных языческих культов в терминах солнцепоклонников. Смешивание и слияние различных божеств стало повсеместным⁵⁵; у богов много имен, но одна природа, солнце же является общим для всех их. Погребальное искусство использует его Небесный щит⁵⁶ — образ цикличности Вселенной, а на золотой диадеме, найденной в Сирии, бог солнца — центральная фигура среди тринадцати других божеств. Посидоний из сирийского города Апамея (ум. ок. 50 г. н. э.), подытоживший достижения мировой науки на то время, считал солнце горящим сердцем мира и светом его разума⁵⁷.

Для описания отношений между божеством и человечеством постоянно использовались метафоры — лучи и сияние. Но это был не единственный способ, которым солнечная тема развивалась в посвященной ей литературе. Поэт Статий завершил первую книгу своей «Фиваиды» гимном Аполлону, который являлся также Солнцем, Титаном, Осирисом и Митрой (с. 258). Месомед, вольноотпущенник Адриана, происходивший с Крита, написал метафизический гимн богу солнца, а в одной латинской литании солнце прославляется как

правитель космоса, повелитель четырех стихий и четырех времен года (с. 266), приносящий с собой жару, плодородие, радость и знание⁵⁸. Придание свету символического значения знакомо многим восточным культурам. Одним из самых ярких примеров является философия иллинизированного иудея Филона Александрийского (с. 220). В течение III столетия философское осмысление солнцепоклонничества достигло кульминации в системах двух современников — Плотина и Мани.

Солнцепоклонничество пришлось по нраву образованным людям, любившим абстракции, оно не было унифицировано — это подтверждают не слишком изысканные мольбы к различным в разных регионах ипостасям бога солнца⁵⁹. В найденных папирусах предлагаются магические способы личного посвящения в тайны. Один такой документ, рекомендуя мистический самогипноз, указывает магический путь, благодаря которому человек сможет увидеть золотые лучи вечного света (с. 212).

В материковой Греции Гелиос, как правило, не имел собственных местных культов. А в Италии на ранних бронзовых монетах с юга Апеннинского полуострова анфас изображена светящаяся голова бога (ок. 200 г. до н. э.). В Риме, как говорили, солнцепоклонничество имело место еще во времена легендарного царя Нумы Помпилия⁶⁰. Очевидно, по древнему римскому обычаю у солнца (Sol) был свой особый праздник, 9 августа, связанный с почитанием богини огня Весты (Гестии) — аналога той силы, которой посвящали свои алтари иранские огнепоклонники (с. 237). В Риме древнее святилище Солнца сохранялось еще в период правления Нерона. Образ бога солнца в короне из лучей появлялся на монетах Республики и Ранней империи⁶¹. На вершине храма Аполлона на Палатине, который символизировал эпоху правления Августа, стояла великолепная скульптурная группа, изображавшая Солнце на колеснице (его прежнее отождествление с Аполлоном подчеркивалось при Августе). Калигула и Нерон приветствовались как «новое солнце». Нерон создал прецедент, изобразив себя на портретах в короне из солнечных лучей подобно греческим монархам (с. 245), а колоссальная статуя в Риме, вероятно, представляла его облаченным в одеяния Солнца⁶².

Во время гражданских войн в 69 г. н. э. Третий легион салютовал восходящему солнцу, так как «это был сирийский обычай»⁶³. Символизм, официальный и литературный, особенно в отношении императоров, сосредоточивался именно на *восхождении* солнца, которому религиозные системы уделяли внимание с давних пор (с. 244). Рассвет (Аврора) сопровождал солнце на панцире статуи Августа в Приме-Порта, а Статий подобострастно расписывал, как Домициан «встает утром вместе с солнцем и светится ярче, чем оно». Вскоре важным лозунгом римской пропаганды становится *ORIENS*, а в III столетии — *ORIENS AVGVSTI*, восход императора, спасение Рима, происходившее ежедневно, подобно тому, как солнце возрождалось после ночи, которая скрывала его сияние. Сияющий *ORIENS* Адриана — это вечно обновляющийся бог восхода солнца, намек на такую же роль императора и его претензия на личные отношения с богом⁶⁴.

Медаль Антонина Пия развивает тему победы над силами тьмы. Позже фигура Солнца приобретает черты Коммода, которого его отец, Марк Аврелий, на смертном одре объявил Восходящим солнцем. Рельеф из Эфеса изображает обожествленного Марка Аврелия, поднимающегося на небо в колеснице бога солнца, которая возвращает души умерших в их небесную стихию⁶⁵ (род Аврелиев традиционно заботился о культуре Рима). Солнце названо «Тем, кто открыл Свет», а эпитет солнца «непобедимое» (*INVICTVS*) расширяет теперь свое значение и применяется к императорам⁶⁶.

Во времена правления Септимия Севера и его преемников солнцепоклонничество заменило собой практически все языческие культы. Построенное этим императором здание Септизодия было украшено изображением Септимия в образе бога солнца, с расположенным вокруг него семью планетами — семью сферами, повелителем которых было это божество. В этом Септизодии император правил суд, подобно своим парфянским коллегам, которые тоже представляли в роли судей в другом украшенном звездами зале (с. 142, 245). Юлия Домна, влиятельная жена Септимия, и ее сестра Юлия Меза были дочерьми верховного жреца сирийского храма Солнца в Эмесе (Хомс в Сирии).

Домна покровительствовала Филострату, который явно в духе солнцепоклонничества составил вымышленное житие чудотворца Аполлония Тианского (с. 256). При сложившихся обстоятельствах изображения, чеканившиеся на монетах, отступают от обычного консерватизма. Особенности юный Гета, сын непобедимого и благочестивого Септимия, изображен в образе Солнца в новой манере — по пояс и в лунной короне, а его правая рука поднята в приписываемом Солнцу магическом жесте благословения (ок. 200 г.). Этот жест, отгоняющий прочь злые силы и благословляющий, известен с древнейших времен, в частности по статуям римских ораторов⁶⁴. Придворные поэты писали о святой или божественной руке императора, рука Солнца поднята таким же образом на александрийских монетах Траяна. Этот знак, которым до сих пор благословляют епископы, часто стали вырезать на саркофагах и в катакомбах христиан, где Иисус протягивает руку в известном христианском сюжете — воскрешении Лазаря из мертвых (с. 301)

Когда императором стал Каракалла, брат Геты, предпочтение солнцепоклонничеству стало более очевидным. Он провозгласил, полусерьезно, что, когда правил колесницей, подражал манере бога солнца⁶⁵. Лев на монетах Каракаллы указывает на солнечное происхождение его власти, а на небольшом бронзовом портрете в форме пента он уже и светит, как солнце⁷⁰.

А затем Элагабал (218—222 гг.), хотя и принявший имя Марк Аврелий Антонин, которым до него пользовался и Каракалла, отринул всякие осторожность и уважение к традициям, спеша сделать солнцепоклонничество римской государственной религией. Этот «король-солнце» перенес свой родной, восточный культ солнца из Сирии прямо в Рим, в центр империи. Его бог из Эмесы представлял собой черный метеорит фаллической формы. Другим известным в то время поклонником этого бога был писатель Гелиодор, привязанный к этому культу и происхождением, и темпераментом (с. 185).

Для бога солнца в Риме построили огромный храм. Семитское имя божества Элагабал *ELAGAB* (*alus*) или Ваал, отождествленное с солнцем, смотрелось непривычно на государственных монетах с их консерва-

тивными традициями. В соответствии с веяниями времени, когда правителей стали называть соратниками богов, а не самими богами, император не отождествил себя с богом солнца, предпочитая напоминать о своем наследственном титуле верховного жреца этого культа⁷¹.

Поставив самого бога на колесницу, разукрашенную золотом и драгоценными камнями, он вывозил его из города в предместье. Колесницу везла шестерка белых коней, огромных и без единого пятна, украшенных в изобилии золотом и разноцветными бляхами; вожжи никто не держал, и на колесницу не всходил человек, вожжи были наброшены на бога, как будто возничим был он сам. Антонин бежал перед колесницей, отступая перед ней, глядя на бога и держа узду коней; он совершал весь путь, пятясь назад и глядя вперед на бога. Чтобы он не споткнулся и не поскользнулся, не видя, где он ступает, было насыпано много золотого песка, а телохранители с обеих сторон удерживали коней, заботясь о его безопасности во время такого бега. Народ же бежал с обеих сторон, неся разнообразные факелы, бросая венки и цветы; статуи всех богов и все, какие только были пышные или ценные приношения, все императорские знаки и ценные сокровища, а также всадники и все войско предшествовали богу⁷².

Элагабал слишком спешил и был убит. Но солнцепоклонничество продолжало процветать и распространяться. Новый император Александр Север, двоюродный брат Элагабала, часто помещал изображения солнца на свои монеты, но не в манере Эмесы, а классические: для Рима нужно было применить методы слияния и ассимиляции религиозных концепций, но не такие грубые, как те, которыми Элагабал пытался подчинить и свести к одному все традиционные верования.

Через сорок лет солнцепоклонничество усилилось настолько, что Галлиен предложил поставить на высшей точке Рима, Эсквилинском холме, скульптурную группу — колесницу, которой он правит в об-

* Пер. Ю. К. Поплинского. Цит. по: Геродиан. История императорской власти после Марка. — ВДИ. — 1972. — № 3.

разе солнца⁷³. Его преемник Клавдий II Готский (268—270 гг.) поклонялся тому же богу, а логическим продолжением их политики при императоре Аврелиане стало учреждение в качестве центра римской религии культа непобедимого солнца (Sol Invictus) (в 274 г.). На этот культ были выделены немалые средства, в Риме построен великолепный храм, основана, по образцу древних жреческих коллегий, коллегия жрецов солнца⁷⁴. Днем рождения бога было определено 25 декабря, дата, ставшая частью наследия солнцепоклонничества, доставшегося христианам в качестве дня Рождества Христова.

Легко можно проследить тенденции этого процесса. Во-первых, официальное язычество давно продвигалось в этом направлении. Во-вторых, Аврелиан происходил из населенной иллирийцами Паннонии, о распространенности солнцепоклонничества в которой свидетельствуют звездные символы на многих могилах (с. 267). Известно, что мать императора была жрицей солнца в их деревне⁷⁵. Кроме того, само имя императора, по счастливой случайности, намекало на связь с родом Аврелиев, который издавна заботился о традиционном для Рима культе солнца (с. 248). В-третьих, заметное влияние на Аврелиана оказали почитания солнца как традиционный культ в Сирии благодаря происходившим оттуда родственникам Септимия. Важнейшим событием царствования Аврелиана стала победа над Зенобией и возвращение под власть империи восточных провинций (с. 34). Во время военных действий Аврелиан посетил и Эмесу, и столицу Зенобии Пальмиру — еще один центр теологии солнцепоклонников, где до сих пор сохранился храм бога солнца по имени Малахбел (Ваал). Покойный Оденат, муж Зенобии, титуловался жрецом, посланным этому городу самим солнцем⁷⁶. Аврелиан восстановил храм в Пальмире и, понимая почитавшееся там божество как ипостась непобедимого солнца, украсил свой храм Солнца в Риме статуями не только Гелиоса, но и Белоса (Ваала)⁷⁷.

Подобно Элагабалу Аврелиан привнес в римский культ верования частично эллинизированной Сирии, которые в религиозной мысли того времени играли не последнюю роль. Но Аврелиан действовал осторожнее, чем предыдущие императоры. Пытаясь всеми средствами

возродить и сплотить язычество, он не отменял древние римские культы, а обновлял их, возведя Солнце во главе традиционного пантеона⁷⁸. Это было не только слиянием, а новым, творческим достижением теократической власти, похожим на инициативу Птолемея в Египте, которые, позаимствовав второстепенного древнеегипетского бога Сераписа, сделали его главным объектом почитания. Но стратегия Аврелиана была глубже — ее целью становилось сплетение основных нитей религиозной мысли с Востока и Запада в единую, космополитическую универсальную веру.

Костяк армии Аврелиана формировался из родной императору Паннонии, земли солнцепоклонников (с. 28). Верования этих дунайских войск отражены в сотнях небольших votivных табличек (с обетами) или амулетов, найденных в той местности, где солнце почиталось как глава всех богов. В Сирии, откуда происходили солдаты, почти столь же важные для империи, сколь иллирийские, культ солнца имел схожее военное назначение. Именно по сирийскому обычаю войска приветствовали восходящее солнце (с. 248). Статуи бога солнца в восточных приграничных областях облачены в доспехи с наплечниками, украшенными орлами, подразумевавшими не только римских императора и армию, но и почитание солнца⁷⁹. В том же духе чеканились новые монеты Аврелиана с изображением Верности (Fides), держащей двустяга, напротив фигуры Солнца, которое, с шаром (державой) в руке, подтверждает верность императору его легионов. Культ солнца был официально предписан армии, а его символы добавлены к традиционным военным значкам.

На протяжении целого столетия происходило утверждение этой концепции, в результате солнце стало личным товарищем и соратником императора (с. 242). На портрете иллирийца Проба (276—282 гг.) на бронзовой медали вместе с императором отчеканена сияющая голова бога солнца, названного его товарищем. В некоторой степени взгляды людей того времени на солнце как вечно обновляющийся свет охарактеризовал неоплатоник Ямвлих (с. 226), поместивший его на почетном месте среди 360 божеств. Более того, когда Констанций I Хлор отвоевал

Лондиний у узурпатора Аллекта (296 г.) и вернул Британию в лоно империи, на специально отчеканенной медали он был назван восстановителем вечного Света (REDDITOR LVCIS AETERNAE). Такая лексика, хотя и уходящая корнями в языческие традиции, предвосхищает терминологию христианских гимнов. Это язык солнцепоклонничества, ведь Констанций был монотеистом, почитавшим солнце⁸⁰ подобно своим предкам, поклонявшимся солнцу на его родине, на Балканах.

Потом в 309 г. Константин Великий, сын Констанция, начал массовый выпуск монет с надписью SOLI INVICTO COMITI (с. 243)⁸¹. На протяжении последующего десятилетия он упорно продолжал разрабатывать эту тему. Константин, перед тем как окончательно обратиться в христианство, пропагандировал поклонение солнцу более настойчиво и подчеркнуто, чем кто-либо из его предшественников. Ранее он был официальным приверженцем культа Геркулеса, которому покровительствовал соправитель Диоклетиана — Максимиан «Геркулий» (с. 243). Но, когда Максимиан несколько раз пытался вернуться на престол, от которого он отрекся в 305 г., Константин с ним порвал (308 г.) и, следуя старинному обычаю объявлять себя потомком (физическим или духовным) обожествленных правителей прошлого, назвался потомком императора-героя, происходившего, как и он, из Иллирии, Клавдия II Готского (ум. в 270 г.)⁸². Клавдий II был солнцепоклонником (с. 251). В 310 г., когда Максимиана постигли окончательное политическое поражение и смерть, на празднике дня рождения Константина в Августе Треверов было объявлено, что юный монарх удостоился видения от своего «друза и союзника» Аполлона в святилище этого бога в Вогезах. Оратор приветствовал восходящего императора как воплощение Аполлона, который был спасителем и солнцем для всех⁸³. Константин сильно нуждался в божественном товарище и покровителе, и на время солнце, поклонение которому было наследственным в его семье, стало его опорой.

Император остался верен культу солнца и после победы над Максенцием на Мильвианском мосту (312 г.), которую сам Константин и его восхвалители позже объясняли видением христианских символов. Крест, который якобы видел император, находился против солнца (с. 333),

а среди скульптур арки Константина в Риме (ок. 315 г) уже отсутствуют изображения старых богов, солнце же остается: император изображен между восходящим солнцем и луной, бог солнца дарует ему победу. Статуэтки этого бога носили и армейские знаменосцы. Некая надпись самого Константина называет Всевидящим солнцем.

Солнце исчезло с монет не раньше 318—319 гг., когда христианизация империи уже набрала силу. Вместе с солнцем канули в прошлое и корона из лучей, и титул «непобедимый» (*invictus*), замененный теперь не столь по-язычески звучащим титулом «победитель» (*victor*). Монеты, как всегда консервативные, не так спешно обзаводились христианской символикой. Они предназначались для всей империи, большая часть населения которой оставалась еще языческой, равно как управляющие имперскими монетными дворами. Даже в 321 г., когда христианство укоренялось в системе государственного управления, Константин запретил судопроизводство в день «когда праздновалось почитание солнца». Со II в. н. э. выбор седьмого дня недели для встреч христиан пояснялся тем, что это был и день Творения, и день Воскресения из мертвых⁸⁴, но Константин, очевидно, верил, что христиане соблюдали воскресенье потому, что раньше этот день был посвящен солнцу. Сверх того, на Востоке его соправитель Лициний все еще добивался преданности от своих дунайских войск торжественным обетам «высшему пресвятому богу»⁸⁵. Но будущее принадлежало не Лицинию, вскоре побежденному Константином. Став единовластным правителем Римской империи, Константин вершил по своему разумению и делал веры, в которых не боялся осуществлять революционные перемены. Но панегирист Константина все еще видит императора «в сиянии со всех сторон, напоминающем лучи света». Величественная статуя Константина (328—330 гг.), воздвигнутая в центре новой столицы, Константинополя, изображает императора в образе Аполлона-Гелиоса в короне из солнечных лучей. Эта корона, однако, напоминала и гвозди креста, на котором распяли Иисуса, так как Константин видел себя теперь земным заместителем Христа. Мистически настроенный император, кажется, почитал одновременно и Христа, и солнце, или считал их взаимозаменяемыми, сочетая христианство с унаследован-

ной им традицией солнцепоклонничества так же, как Аврелиан соединил культ солнца и древних богов Рима.

Честно говоря, такое сочетание было не ново. Почитание солнца, отраженное в Ветхом Завете в книге пророка Малахии, вошло в христианский канон, как и вознесение пророка Ильи, означавшее восход солнца (с. 239, 244). Во времена Марка Аврелия крещение Иисуса описывалось как омовение Гелиоса⁸⁶. Христиане на Востоке и на Западе, молясь на людях и в одиночестве, поворачивались к востоку, к восходящему солнцу, чтобы прославить его воскресение из заточения во тьме, которое они отождествляли с Воскресением Христовым. Ориген (ум. в 254/255 г.) сравнил Христа с восходом солнца⁸⁷, а на мозаике под будущим собором св. Петра присутствует образ, объединяющий Христа и Гелиоса (с. 306). Некоторые люди просто путали два эти божества: христианские писатели IV века порицали единоверцев за их почитание солнца, указывая на превосходство христианского солнца правды над языческим⁸⁸. Благодаря таким ассоциациям и аналогиям солнцепоклонничество оказалось мостом, по которому многие люди пришли к христианству.

Одновременно это послужило поводом к тому, что солнцепоклонники, несмотря на схожесть их культа с христианством, стали самыми рьяными противниками новой государственной религии. Когда Юлиан Отступник (361—363 гг.) на некоторое время восстановил в империи официальный статус язычества, то он, в соответствии с пророчеством, выбрал поклонение солнцу — веру его иллирийских предков, а Константина, своего родственника, порицал за отступничество. Юлиан изложил свои религиозные убеждения в гимне Гелиосу. Бог солнца, отец всего человечества и предмет его любви, казался императору, согласно достижениям тогдашней философской мысли, посредником между Единым и материальным миром, от которого Единое так далеко (с. 201), ибо мы своими глазами видим, как сила солнца управляет космосом⁸⁹. Даже в 400 г., когда империя вернулась к христианству, Макробий отметил, что почти все боги — ипостаси солнца, которое есть Разум Вселенной⁹⁰.

Св. Лев Великий (ум. в 461 г.) порицал христиан, которые все еще поклонялись солнцу. Дифирамбы византийским императорам про-

должали традицию сравнивать их с восходящим богом солнца, солнечные и лунные символы долго удерживались в обрядах Рождества и Богоявления, праздника света⁹¹.

Почему же солнцепоклонничество не сумело утвердиться как государственная религия Римской империи? Наиболее привлекательными его сторонами были простота, ясность и готовое оправдание: солнце видели все и всегда, каждый мог оценить его благотворное действие, без которого никто не смог бы обойтись. Сверх того, хотя абстрактная научная сторона солнцепоклонничества подходила правителям в качестве теологии, которой можно было обосновать свою власть, круг почитателей солнца не ограничивался только интеллектуалами и правящим классом. У культа солнца не было сторонников преданнее, чем простые малообразованные солдаты римской армии. Однако этой вере недоставало глубины, чувственной теплоты и сердечности. Солнцепоклонничество не отвечало на вопрос о существовании зла, как, например, манихейство. Оно не давало таких обещаний, как мистические верования, которые привлекали миллионы людей. Солнцепоклонничество, в частности, не обладало двумя действенными приманками христианства: твердой уверенностью в бессмертии, ободрявшей бедняков и людей во времена несчастий, и образом Мессии, которого считали реальной исторической фигурой.

Некоторые из защитников солнцепоклонничества осознавали эти недостатки своей веры и пытались их исправить. Например, придумали Спасителя, также реально жившего на земле. Женщины из семьи Септимия Севера, которые возвысили до императорского трона достигший им по наследству сирийский культ солнца (с. 248), вдохновили появление у почитателей солнца своего мессии. Среди космополитически настроенных писателей и ученых (греков или близких к ним выходцев с Востока), сплотившихся вокруг Юлии Домны, был и Филострат⁹², который около 217—218 гг. по ее наущению написал житие Аполлония Тианского, родом из Малой Азии. Этот человек, живший в I в. н. э., приобрел славу чудотворца и, возможно, обладал способностями медиума. Но Филострат сделал из Аполлония святого, который

исповедует религию космоса, основанную на почитании солнца. Аполлоний заявляет, облекая все в мистический туман, что воздух — это его колесница, а тот, кто пропоет ему хвалу, вознесется с земли и будет парить вместе с богом (с. 221)⁹³. Автор также тщательно придает солнцепоклонничеству мотив сострадания к бедам людей, что было самым серьезным недостатком этой веры. Любая подвернувшаяся под руку сомнительная история используется для того, чтобы представить почитателя солнца Аполлония добродетельным, праведным, аскетичным, совершающим чудеса, примером для подражания, человеком, который в своей непростой жизни только и делал, что помогал людям. Подражая Пифагору (жизнь которого он описал), Аполлоний выступает против кровавых жертвоприношений. Такое жизнеописание, повторяющее и пародирующее христианские Евангелия и жития святых, соперничало с историей Иисуса, претендуя даже на верховенство. Аполлоний якобы выступил против деспотического императора Домициана, что должно было восприниматься как более достойное, чем униженная смерть Иисуса (с. 299).

Ворование, связанное с именем ее легендарного основателя Аполлония, являлось философским течением, носившим систематизированный характер, которое хоть и происходило от языческого солнцепоклонничества, но имело образ исторического мессии. В нем свободно допускались различные влияния религий Востока. Следуя вкусам Юлии Домны и модным в то время восточным романам-путешествиям (с. 173), Филострат подчеркнул то, что Аполлоний немало позаимствовал из индийской философии, более прогрессивной, чем даже египетская, и мудрости и в своих мистических практиках — это проявилось в отказе от жертвоприношений животных⁹⁴. Признавая сильные вавилонские влияния в современной ему мысли, Филострат предположил, что сведения об Аполлонии происходят из воспоминаний Дамиса, уроженца Междуречья.

Каракалла построил храм Аполлония, и изображение мудреца попало в личное святилище Александра Севера наряду с Христом, Авраамом и Орфеем⁹⁵. Аполлоний также являлся Аврелиану. Вообще мудрец из Тианы стал примером для подражания всем противникам христи-

анства⁹⁶. Христиане же отомстили обвинениями Аполлония в безответственном и безнравственном фатализме, демонологии и черной магии. Но вера в него не устояла перед верой в Христа, несмотря на поддержку властей, потому что не усидела на двух стульях философии и религии, став только чем-то вроде модной игрушки для образованных людей.

Евангелия спасения

Тем временем другой, совершенно отличный, подход к почитанию солнца, глубже укоренившийся в душах людей, добился намного большего успеха в личном, волнующем, эмоциональном удовлетворении верующих там, где обычное солнцепоклонничество, несмотря на всю его простоту и ясность, ожидало поражение. Речь идет о митраизме, сочетавшем солнечную теологию с важной религиозной тенденцией той эпохи — дуализмом, борьбой добра и зла (с. 272). Вера в Митру содержала подобный дуализм в его древней иранской разновидности или в популярных вариациях, бытовавших на границах Ирана и за его пределами. Но Митра, хотя римляне считали его выходцем из Ирана⁹⁸, пришел к ним через Малую Азию, судя по его фригийскому колпаку. Там митраизм обогатился греческими влияниями и, позаимствовав некоторые тенденции на Балканах, распространился на Запад.

Изначально Митра был древним индоевропейским богом, более древним, чем легендарный Заратуштра (Зороастр). В представлениях иранцев Митра помогал Ахурамазде в его вечной борьбе с Ариманом, богом зла, будучи союзником, помощником (иногда и потомком) всемогущего солнца, которое изображалось вместе с Митрой на колеснице, вознесшей в некий кульминационный момент этого бога на небо. Одно из его таинств посвящалось последней трапезе с солнцем. Самого Митру считали богом утреннего света: небольшой мраморный алтарь его культа украшен надписью «восходящему» (с. 248)⁹⁹. А примерно с I в. н. э. Митра стал отождествляться с солнцем.

Митраизм, таким образом, может считаться разновидностью солнцепоклонничества, быстро ставшим государственной религией (с. 249)

Но поклонение Митре всегда сохраняло свой особый статус, хотя, безусловно, получило одобрение императорских властей. Иначе в пристройке к термам Каракаллы не было бы просторного митреума (Mithraeum), на рельефе Диоклетиана на римском форуме — бюста Митры-солнца (хотя Митра вообще редко появлялся среди официальных скульптурных групп). Сверх того, если бы не официальное признание, едва ли в Карнунте (Петронелль в современной Австрии) в Дунайском регионе, где митраизм был очень распространен, в посвящении Митру называли дружественным тетрархии (307 г.)¹⁰⁰. Но отсутствие явной заинтересованности государства в этой религии видно по нумизматическим источникам, а именно единодушному игнорированию Митры на всех монетах. Среди сотен видов изображений на них, посвященных прославлению солнца (немало внимания уделялось и мистическим верованиям), не встречается ни одного упоминания о Митре. Это не может быть случайностью. Даже на местных бронзовых монетах, которые городам позволялось чеканить только для локального обращения, изображения Митры очень редки. В своем характерном образе — поражающим быка (с. 260) — этот бог появляется только раз на монетах, отчеканенных при Гордиане III в городе Тарсус в Киликии — провинции, знаменитой своими храмами Солнца и Луны, где римляне, вероятно, впервые столкнулись с приверженцами митраизма¹⁰¹.

В противоположность постоянной пропаганде родственного ему солнцепоклонничества митраизм не стал придворной религией. Из всех императоров только четверо проявляли хоть какой-то интерес к вере в Митру¹⁰². Более того, в эпоху, когда Аврелиан поднял солнцепоклонничество до статуса главной религии в государстве (с. 251), митраистские надписи появляются особенно редко, пик их распространенности приходится на периоды до 250 и после 284 гг. Несмотря на родство с поклонением солнцу, митраизм носил иной характер, потому что не отличался ни пышными церемониями, ни наличием опытного жречества. Хотя и лояльная правительству, эта религия существовала для личного пользования, потому что обладала той теплотой, которой недоставало солнцепоклонничеству.

Но распространение митраизма происходило стремительно. Это заметно не так по Малой Азии, откуда культ и начал завоевание империи, как по большим полиэтничным портовым и торговым городам, на Западе еще сильнее, чем на Востоке. Около пятидесяти святилищ Митры обнаружено в Риме и его пригородах, а еще восемнадцать открыты в Остии — одиннадцать, датированных концом II в. н. э., и семь — после 200 г. Митру почитали в Александрии и в Пирее, Карфагене, Пуতেолах (Поццуоли) и Лондини, где находилось святилище (Walbrook shrine) более восемнадцати метров в длину.

Среди почитателей Митры насчитывалось много торговцев, гражданских служащих, выходцев из городского среднего класса, который процветал в начале исследуемой эпохи; много было вольноотпущенников и образованных рабов. Но наиболее интенсивно митраизм распространялся среди солдат и офицеров римской армии. Митра представлялся отважным героем наподобие Геркулеса, и он был непобедимым, как солнце, с которым его стали отождествлять (с. 248). В тяжелые времена, когда такие качества высоко ценились, Митра побуждал людей к характерным для того века воинственности и активному аскетизму (с. 192). Этот бог многое способен был предложить. Митраизм обеспечивал своих приверженцев строгой нравственной основой, которая отсутствовала у солнцепоклонничества, а у мистических религий казалась слабой и двусмысленной (с. 263). Почитатели Митры должны были подражать его духовной чистоте и воздержанию; свет, того, как бог света он стал покровителем делового человека при заключении честных сделок и выполнении обязательств. Свет должен уничтожать материю, согласно доктрине дуализма (с. 282), поэтому Митра чаще предстает в общеизвестном образе убивающим быка, первого из живых существ — для того, чтобы из его крови и семени создать мир. Но богу не чуждо оказалось и сострадание, потому что скульпторы и художники придавали его лицу такое выражение, демонстрировавшее, что Митра не желал убивать, а совершал поступок, отражавший трагичность всего сущего.

Поклонение Митре включало и обряды инициации избранных, полные драматизма, волнений и даже жестокости, — обряды, ставшие

одними из самых модными в религиях того времени (с. 277). Эти тайные инициации (*mysteria*) состояли из суровых, а иногда намеренно ужасающих испытаний и искуплений, направленных на то, чтобы жесткими средствами добиться идеала той эпохи — безразличия к ударам судьбы (с. 194). Для того чтобы соединиться с вознесшимся на небо Митрой, вновь обращенному приходилось терпеть связывание его рук кишками цыпленка, а перед тем как ему позволяли сорвать их, его бросали в яму с водой. В городе Проколиция (Carrawburgh) была найдена камера, в которой людей подвергали испытаниям жарой и холодом. Случались также и пытки, и клеймение, и пролитие крови. Но после всех этих страданий обращенному обещали несоизмеримые награды в будущей жизни. Сильной стороной митраизма являлась его готовность приветствовать и ассимилировать другие религии. Например, в лондонском храме было найдено множество статуй, рельефов и эмблем, принадлежавших разнообразным мистическим культам. Их собрали и спрятали там, чтобы уберечь от христианских фанатиков.

Следовательно, поклонение Митре обладало идеологией, нравственностью, чувственностью и широтой мировоззрения. Насчитывалось много внешних признаков, сближавших его с христианством. У митраистов были крещения, жертвы, общие трапезы и мученики, которые христианской церкви казались мрачным передразниванием ее обрядов и таинств¹⁰³. Но христианство одержало победу, в частности, потому, что история Митры, хотя и содержала повесть о его славных подвигах, звучала для его почитателей слишком мифичной: было сложно поверить, что когда-то все это случилось на этом свете. Митра казался куда более далеким, чем Иисус, жизнь которого как исторического персонажа вдохновляла воображение миллионов. Кроме того, культ Митры был слишком суров. Если этот бог и демонстрировал жалость, то была жалость, сопровождавшая убийство. Митраизму не доставало нежности и сострадания, которые сами по себе могли утешить бедных в нужде, не хватало призыва христианства к людям всех социальных условий. Ко всему прочему, митраизм был мужской религией, не уделявшей никакого внимания женщинам, которые составляют основу

почти всех успешных религий, тогда как христианство принимало их к себе как самых надежных верующих.

Митраизм являлся только одной из мистических религий, которые через инициацию обещали и давали своим «избранным» спасение от несчастий повседневности. Спасение действовало, хотя бы символически, уже и на этом свете, но, главным образом, на том. Ибо когда люди принимали такую веру, они поднимались из сферы досягаемости судьбы и враждебных им небесных тел. Ни они, ни горести или демоны этого мира не могли уже больше повредить обращенному.

Хотя некоторые из мистических религий были весьма древними, именно в течение первых трех столетий нашей эры, когда материальный мир все больше стал казаться злом, они распространялись по Римской империи особенно быстро. Их магические очищения обещали бегство и спасение через личный союз с богом-спасителем, который, по представлениям многих подобных вероучений, умер, а потом воскрес. Инициации вели верующего по такой же дороге к бессмертию, обещивали ему волнующие переживания, ощущения новой, сверхъестественной силы и святости, а тщательно разработанные и отрежиссированные мистерии старались всеми способами обострить подобные эмоции единоверцев.

Участие в древнем поклонении Деметре (Церере) и Персефоне (Прозерпине) в городе Элевсин обеспечивало благосклонность подземных богинь, которые управляли загробной жизнью. Такое блаженное состояние достигалось по прохождении трех степеней инициации. К концу языческой эры элевсинские мистерии стали самым почитаемым культом греческой религии, в них по традиции принимали участие римские императоры. Одним из них был Галлиен, который на монетах странным образом превратился в женщину, богиню Галлиену Августу (GALLIENA AVGVSTA), изображенную в венке и с колосьями.

Еще одним культом из глубокой древности было поклонение Кибеле и Аттису. «Радуйтесь, посвященные, — кричал их жрец, — ведь бог спасен! И мы, после наших трудов, найдем спасение!»¹⁰⁴. Так же как Аттис, согласно его первобытному культу в Малой Азии, ежегодно

умирает и воскресает вместе с растительностью, спасались и верующие во время истерических, подобных оргиям, празднеств, под звуки цимбал, рогов и флейт. Почитание Кибелы и Аттиса часто сопровождалось принесением в жертву быков и коз, кровь которых лилась в подземные помещения на посвященных, принося им дар бессмертия¹⁰⁵. Даже благоразумный и спокойный Антонин Пий был приверженцем культа Кибелы, как и его жена Фаустина Старшая. В противоположность митраизму эта религия находила особый успех среди женщин. С того времени на монетах появляются намеки на отождествление многих императриц (более всего — Фаустины Младшей, супруги Марка Аврелия) с почитавшейся ими богиней.

Но еще популярнее (хотя не в нумизматическом выражении) был культ египетской богини Исиды, инициации и великолепная драматургия которого давали самые яркие и волнующие обещания бегства из этого мира в безоблачную жизнь в будущем. Каждый год в ноябре, после обретения Осириса, бога ежегодных рождения и смерти и подземного мира, верующий символически проходил через все стихии, посещал «нижний мир» и встречался с богами лицом к лицу. Плутарх сравнил Исиду с мудростью, которая дает знание наивысшего, а романист Апулей, хотя и насмеялся над старыми богами, страстно верил в то, что Исида была его спасением (с. 167). Он облек свою веру в трогательные, яркие выражения, которые даже через столетия, через пропасть между нашими мировоззрениями дают возможность понять, почему так много людей, особенно женщины, которым Исида казалась еще милостивее, чем Кибела, верили в нее.

Подобным образом и Дионис (Вакх), связанный и с поклонением солнцу (с. 245), и с другими поверьями той эпохи, карает неверующих и, как свидетельствуют бесчисленные рельефы на гробницах, щедро вознаграждает в будущей жизни и мужчин, и женщин, поклонявшихся ему. Слабостью таких религий было слишком благодушное представление о загробном мире как о месте радости и чувственных наслаждений. Философски настроенные люди в то время склонялись к суровости, и подобные легкомысленные обещания не выдерживали конкуренции с аскетическими вероучениями. Но у Диониса все же

было очень много сторонников. Погребальные рельефы изображают их в обществе своего спасителя, празднующим священные союз и супружество, на вечном пиру избранных.

Эти распространенные рельефы с обещанием бессмертия через посредничество Диониса являются только небольшой частью изображений на саркофагах, отражающих страстное желание простых людей спастись от зла этого мира. С возрождением повсеместного средиземноморского обычая, пришедшего в Грецию с Востока еще в классическую эру, саркофаги становятся одной из основных форм скульптуры в конце II и в III в. н. э. Римская цивилизация испытывала повсеместное возвращение от ритуала кремации к давно забытому погребению¹⁰⁶. Причины такой перемены лежат в стремлении к загробной жизни, которая многих привлекала, и к различным мистическим религиям. Иной мир мыслился в категориях обычной человеческой жизни, существовало невыраженное, но практически повсеместное ощущение того, что будущее благополучие души зависело от успокоения тела — ее храма и отражения. Здесь крылось противоречие. С одной стороны, мертвые, без сомнения, оказывались в обществе богов и героев или в каком-то другом духовном мире. А с другой, их тела покоились в саркофагах, на которых усопших часто изображали облакачивающимися. Тело в саркофаге казалось обладавшим не только символическим значением. Спокойствие мертвых необходимо было защитить почтительным отношением к их бренным останкам.

От человека, каждый из которых был индивидуальностью, оставался прах. Соответственно и могилы, и почитание мертвых приобретали для людей особое значение. Загробная жизнь понималась теперь как сугубо личное дело. Людей ждали посмертные награда или суд — смерть не ставила точку, в противоположность убеждению Марка Аврелия (с. 191). Поэтому следовало мягко, почтительно подчеркнуть индивидуальность покойного. Чтобы его останки не рассеялись, их погребали, а для того чтобы отдать ему дань уважения, памятники (стелы, алтари, часовни, пирамиды, башни, чаще всего — саркофаги) украшались скульптурными рельефами, представлявшими собой зачастую

шедевры искусства того времени. Они тактично рассказывали и о земных заслугах, и о посмертном спасении покойного. Черты его обычно изображались с особым старанием и мастерством (с. 126), потому что они отражали бытие души как особой сущности, завоевавшей свое право на рай.

Эти саркофаги демонстрируют ошеломляющее, бесконечное разнообразие доктрин, указующих на способ бегства от зла этого мира, которое приведет покойного в иной мир. Соответствует этому и простота эстетических подходов и методик. В Риме саркофаги, как правило, украшались резьбой с трех сторон (четвертой их прислоняли к стене) и служили, таким образом, панорамами, на которых с помощью рисунков рассказывались целые истории. Передняя сторона саркофага, в соответствии с ассиро-вавилонской традицией использовать для изображения всю поверхность, часто покрывалась единым, сложным многофигурным рельефом. Подобную же картину можно увидеть и на колоннах Траяна и Марка Аврелия (с. 124). На саркофагах из восточных провинций не наблюдается такой повествовательности, зато их композиции совершеннее. Они украшены резьбой не на трех сторонах, как римские, а на всех четырех. Эти памятники являлись отдельными стоящими вечными пристанищами, их рельефы основывались на классических ордерах, иногда изображая саму могилу. На каждой стороне могли высекаться ложные аркады и ниши, в которых помещались фигуры людей или мифологических персонажей, выполненные горельефом, а иногда изображались отделенными от стены.

Если аттическая школа скульптуры характеризовалась большей суровостью, то в Малой Азии часто встречались пышные декоративные колоннады с углублениями. Именно там строительство украшенных резьбой саркофагов началось с особым энтузиазмом. В Лидии найден один из ранних образцов (ок. 170 г. н. э.) с перекрученными колоннами, круглыми и заостренными нишами, напоминающими раковины¹⁰⁷. Но першины разнообразия и технического совершенства азиатские саркофаги достигли к 220 г., с этого времени их архитектура характеризуется изящностью и утопченностью, выразительной пластичностью, точной передачей игры света и тени¹⁰⁸.

На саркофагах того периода преобладали батальные сцены, исполненные тщательно и с воодушевлением, подразумевавшие уничтожение смерти и зла победоносным усопшим. Сцены охоты, напоминающие о древней месопотамской традиции, возобновленной в тогдашнем Иране, несут тот же смысл¹⁰⁹; некоторые художники придавали морде льва, на которого охотились их персонажи, выражение безжалостно ухмылявшейся смерти. Иногда в роли охотников выступали эроты или купидоны, символы любви, представлявшие добро, которое побеждало зло¹¹⁰, как у платоников и позднейших философов, а также в приключенческих романах (с. 177, 212).

На саркофагах можно увидеть и образы четырех времен года в полете. В I в. н. э. времена года изображались как женщины, но потом приобрели мужские очертания. Овидий сравнил их с четырьмя возрастами человека, но на саркофагах все они — полные жизни дети или юноши, потому что их изображения подразумевали перерождение и бессмертие. На одном из саркофагов они охраняют главные Небесные врата¹¹¹. Эта композиция вдохновила Микеланджело на создание первоначального плана гробницы папы Юлия II, так же как другие саркофаги служили примером многим итальянским скульпторам, начиная с Никола Пизано. Саркофаг периода 220—240 гг. изображает четыре времени года вместе с Дионисом¹¹², от которого благочестивые покойники получают дары процветания и блаженства, символами которых и выступают времена года. Описанная сцена в своей статичности демонстрирует спокойную уверенность в спасении, которую художник мастерски противопоставил оживлению на заднем плане, иллюстрирующему кипение жизни вне стен могилы.

Часто на стены саркофага попадали космические символы, отражавшие цикличность природы. Изображение Кастора и Поллукса, братьев Диоскуров, которые отвечали за смену дня и ночи, означают переход из этого мира в иной. Таким же образом используется и символическое воскресение Феникса на серии мозаик из Эдессы в Месопотамии, изображающих будущую жизнь души (235—236 гг.). В III веке на одном из саркофагов появляется сцена: Прометей создает людей, что предвещает их перерождение в ином мире. Образ мертвого

ребенка здесь подается в виде тонкого намека на временный перерыв в жизни, а не на прекращение ее¹¹³. Сверх того, вместе с приобретением философией нового статуса, с модой на нее при жизни Плотина и позже на саркофагах часто появляется фигура мудрого философа. Нередки там и музы. Все они сдержанно, по-гречески, выражают свободу души от страданий и гнета материального мира, ее тоску по возвышенным духом людей прошлого, к которым, после надлежащего учительства и инициации, душа надеется присоединиться (с. 226).

Рельефы, на которых изображены мальчики, посещающие школу, также выражают этот мотив обучения и наставления на путь истины. Они происходят из города Новиомаг (Neumagen) на Мозеле, ведь в западных провинциях вообще бытовали разнообразные местные вариации на темы погребального искусства Рима, Аттики и Азии. В дополнение к сценам школы в Германии и Галлии встречались и другие интересные изображения событий реальной жизни (перешедшие потом в романский стиль), обычного человека в его повседневных делах, что служило и похвалой за земные труды и, в то же время, аллегорией борьбы, которую душа вела на этом свете за счастье, ожидавшее ее на том.

Все эти образцы погребальной скульптуры отражают религиозные верования, обещавшие своим приверженцам переход в иной мир и спасение от зла, присущего этому миру. Другие в погоне за такой целью предпочитали еще более старые приемы — астрологию и магию. Например, для саркофагов в придунайских землях характерна солнечная и астрологическая символика, а на североафриканских изобилуют магические знаки для отпугивания злых сил. Магия к тому же предоставляла возможность изменить судьбу человека уже на этом свете, не ожидая перехода на тот

В предыдущие столетия некоторые греки, а иногда даже и римляне, предпринимали отважные покушения на высказывание рационалистических взглядов, но их философия была малопопулярной и недолговечной. Не имея никакой прочной основы в огромном, обезличенном мире римской цивилизации, люди не имели достаточно смелости, чтобы рассчитывать на свои силы и строить свою

жизнь самим. Это казалось безнадежным делом, поэтому они бежали от размышления к полному иррационализму. Удача (Фортуна) давно уже представлялась многим единственной повелительницей Вселенной (с. 169). Или ее звали не Удачей, а Судьбой? Как заметил философ III в. н. э., нельзя было верить в обе эти категории одновременно¹¹⁴. В ту религиозную эпоху безжалостная Судьба казалась куда более важным понятием, чем капризная и непостоянная Удача. Кроме того, вера в Судьбу не приводила к такому разочарованию, как вера в Удачу. На последнюю повлиять было невозможно, а Судьбу, как верили люди, они вполне способны были отворотить определенными способами.

Совершалось это посредством небесных тел, ибо подавляющее большинство жителей Римской империи отождествляло Судьбу с их действием. Если всеобщее притяжение сближает небо и землю, то движения Солнца, Луны и звезд должны влиять на судьбы человечества, предопределяя события (с. 247). Не все соглашались с этим¹¹⁵, но очень немногие ставили под сомнение влияние небесных тел на человеческую жизнь. Зато неисчислимое множество людей не могли примириться с тем, что эта механическая судьба была неотвратима, поэтому они искали способы, как хотя бы слегка смягчить ее жестокость. Первым шагом становилось исследование того, что входило в планы звезд, потом надо было обдумать и рассчитать во времени свои действия, чтобы избежать наихудшего. Подобные нелегкие задачи решались только с помощью профессиональных астрологов, влияние которых с каждым веком чрезвычайно возрастало. Опора на их способности в античном мире становилась повсеместной.

Астрология была легким, псевдонаучным путем к побегу от невыносимых тягот жизни. Находились и другие решения, налет рациональности на которых был еще тоньше. В исследуемый период магические практики всех мастей, уже давно популярные, набирали еще больше силы и авторитета. Совета искали и у снов, во что верил даже Марк Аврелий, а Тертуллиан отмечал, что большинство людей свои знания о Боге черпали из сновидений¹¹⁶. Авторы романов того времени привели немало свидетельств о непоколебимом доверии оракулам и пророкам.

такие представления получили свежий импульс от «Халдейского оракула». Эта философская всякая всячина, посвященная составлению гироскопов, цитировавшая, как уверяли авторы, отрывки текстов Иороастра, пришла ко двору после походов Траяна на Восток, когда распространился интерес к вавилонским древностям. Такая тенденция получила развитие при Марке Аврелии — некий Юлиан изобрел высшую, подобную религии, форму магии, получившую название теургии (*theurgia*). Ею увлекались неоплатоники, такие как Ямвлих (с. 226). Все чаще люди, практикуя спиритизм, приглашали медиумов, особенно мальчиков¹¹⁷. В Египте всегда на события старались повлиять при помощи магии¹¹⁸, поэтому коптский язык еще до появления литературы на нем стал помощником чародеев. Они и только они казались в состоянии преодолеть бедствия того времени, выполняя еще и разнообразные специфические задания: в Африке, например, в надписях отразилось использование колдовства для воздействия на скаковых лошадей. По мере того как эти примитивные верования поднимались на поверхность и хоронили антропоцентричную самоуверенность классической эры, готовность верить в чудеса только усиливалась. Не всегда власти выступали против этого. На колонне Марка Аврелия видно, как осадную машину противника поражает удар молнии, что стало результатом молитвы. Там же изображено спасение римской армии Чудом Дождя (ок. 173 г.) — фигурой странной полупризрачной формы. Позже это событие приписали молитвам солдат-христиан из Двенадцатого легиона. Но в официальных языческих кругах это объяснялось взываниями к Тоту (отождествленному с Гермесом-Меркурием), что было заслугой египетского чародея Арнуфа, члена императорской свиты (с. 280).

Почему же серьезные люди интересовались побасенками о чудесах, а больные люди так жаждали придумывать их и придавать им вид достоверности? ¹¹⁹ Потому что в том веке исчезли всякая перспектива, всякая надежда на будущее, исчезло желание разрешать свои проблемы посредством здравого смысла. В ту эпоху едва ли еще кто-то уверенно стоял на земле обеими ногами.

Но кто же мог задаться таким вопросом? Ведь сомнение, звучащее в нем, для того времени кажется абсолютно нехарактерным. Этим человеком был писатель, который высмеивал и тогдашние «романы-путешествия», — Лукиан из Самосаты на Евфрате (с. 182). Его родным языком был сирийский, но писал он на выученном в школе греческом¹²⁰, которым владел искусно. Лукиан работал на протяжении второй половины II в. н. э. С присущей ему проницательностью Лукиан описывал эпоху трудностей, напряженности и неопределенности. «Победное завоевание умов иррационализмом в образе мистического эскапизма или обычного суеверия сопровождалось хохотом человека, мировоззрением которого был скептицизм, а ремеслом — насмешка»¹²¹. Немало блестящих насмешливых диалогов Лукиана или его произведений в форме писем раскрывают безжалостно, хотя иногда несколько поверхностно, преобладающие тенденции его времени. Религия стала объектом многих памфлетов Лукиана. Он поведал читателю, как разумный философ, придерживавшийся немодных тогда взглядов киника Диогена, возносится на небо, чтобы посмотреть сверху на сплетение противоречащих друг другу догматов. Юпитер, а потом и Минотавр, судья мертвых, затрудняются объяснить свои отношения с Судьбой. Боги раздосадованы, ибо, как было доказано, их не существует. Один из богов от лица всех высказывает сожаление по поводу невиданного наплыва новых членов в олимпийский клуб¹²².

Такие забавные сюжеты не очень отступают от трактовки религии в тогдашней литературе, но затем Лукиан обращается к одному из ярких проявлений истеричности своих современников. Он сатирично описывает сквернословия и распутника, странствующего проповедника Перегринуса, побывавшего и христианином, склонного к самобичеванию, подозреваемого в отцеубийстве и за способность к мимикрии прозванного Протеем. Болезненная страсть к славе привела его, в конце концов к тому, что он бросился в огонь на Олимпийских играх (165 г. н. э.). После этого память о Перегринусе превратилась в культ, привлекавший немало паломников¹²³. Вслед за ним Лукиан описывает еще менее привлекательного проходимца, который долго кормился за счет доверчивости других, — Александра из города Абонутих на севере Малой Азии.

Став самозванным «пророком» змеи, чей мрачный образ с головой овцы и человеческими волосами был недавно найден в Томисе (Констанца в Румынии), Александр использовал все что угодно: ловкость рук, обман и похоть, только бы завоевать значительное число сторонников, среди которых особенно много женщин из высших слоев общества. Дочь Александра вышла замуж за наместника провинции Азия, а вероучение пережило своего основателя.

Лукиан анализирует методы, благодаря которым подобный прохвост пролезает в люди:

Александр стал его преемником и наследником. Учитель, его любовник, был тианиец родом, из числа людей, близких к Аполлонию из Тианы и знавших все его представления. Ты видишь, из какой школы вышел человек, о котором я тебе рассказываю. Когда у Александра стала уже расти борода, его тианиец умер, и Александр очутился в бедности, так как цветущий возраст, благодаря которому он мог кормиться, прошел. Мечты у него, однако, были отнюдь не скромные. Он вошел в сообщество с каким-то историком из Византии из числа тех, что постоянно посещают общественные состязания, человеком с еще более гнусной душой, по имени, кажется, Коккон. Они стали странствовать вместе, обманывая и занимаясь предсказаниями, причем стригли толстокожих людей (так исстари на языке магов называется толпа). Как раз в этих обстоятельствах они встретили Макетиду, богатую женщину, уже пожилую, но желавшую еще быть любимой. Они стали жить на ее счет и ездили за ней из Вифинии в Македонию. Она была родом из Пеллы, бывшей при македонских царях богатым городом, а теперь насчитывающей лишь немного бедных обитателей.

В Пелле они увидели огромных змей, вполне ручных и настолько безобидных, что их могли кормить женщины; они спали с детьми, позволяли себя топтать и не сердились, если их начинали мять руками: они кормились молоком, беря грудь совсем как младенцы. Подобные змеи водились в этой местности в изобилии, поэтому в древности распространилось предание об Олимпиаде; я думаю, что она спала с такой змеей. Там обманщики покупают за несколько оболон

одну из самых красивых змей. С этого времени и началась война, как говорит Фукидид. И вот наши два дерзких негодяя, способные на всякие злодеяния, сойдясь вместе, без труда поняли, что человеческая жизнь находится во власти двух величайших владык — надежды и страха — и что тот, кто сумеет по мере надобности пользоваться обоими, очень скоро разбогатеет. Они увидели, что и боящийся и надеющийся — каждый чувствует страстное желание и необходимость узнать будущее. В былое время таким путем разбогатели Дельфы и стали знамениты, также Делос, Клар и Бранхиды. Благодаря надежде и страху, этим двум тиранам, о которых я упомянул выше, люди постоянно идут в святилища и, стремясь узнать будущее, приносят гекатомбы и жертвуют целые кирпичи из золота. Разбирая свое положение со всех сторон, они задумали учредить прорицалище и устроить оракул. Они надеялись, что, если им это дело удастся, они тотчас же станут богатыми и обеспеченными. Успех превзошел их ожидания и расчеты¹²⁴.

Но скептицизм Лукиана в отношении таких мошенников, как и скептицизм в целом (с. 277), не был востребован эпохой. Этот автор представлял конкретный пример пережитка прошлого, в котором пронизательная рассудительность и ценилась выше, и была более распространена. Во времена Лукиана умы людей терзали вопросы духовной жизни, а ответы на них предлагали и шарлатаны типа Александра из Абонутиха, и глубокие мыслители, такие как Плотин или Мани.

Мани — силы добра и зла

Итак, миллионы людей искали различные средства, как при помощи религии спастись от бедствий трудных времен. Но чаще люди, если они склонны были задумываться, мучились вопросом, самым важным во все времена: почему зло вообще существует? Если мир создали благие и всемогущие боги (или Бог) или они хотя бы им управляют, то как же возможно, что в этом мире столько зла? Браунинг в своем

«Михраб-шахе» назвал самой неразрешимой и трагической из всех дилемм, стоящих перед людьми:

Зачем же человека губит зло
 Болезнью плоти и души терзаньем?
 Ведь Бог всеблаг, а равно — всемогущ,
 И как существование зла вообще Он допускает?

Уильям Джеймс спрашивал: если пуля по ошибке причиняет явно бессмысленное зло, то должен ли Бог: 1) предотвратить это; 2) отклонить пулю; 3) исправить причиненный ею вред? Каждый из описанных здесь рецептов означал бы отступление от законов природы, а третий еще и сомнение во всемогуществе Бога, допустившего такую ошибку. Все три решения отрицают свободу человеческой воли, один из основополагающих постулатов христианства, который утверждали также Эпиктет и Марк Аврелий (с. 192). Если бы всех заставили быть счастливыми, то, по словам Бердяева, человек потерял бы свое подобие Богу. «Все достоинство творения, все совершенство его по идее Творца — в присущей ему свободе»*. Аргументы теодицеи католической церкви отстаивают справедливость и праведность Бога перед лицом факта существования зла.

Эти мрачные, смертоносные, опустошительные будни...
 Как ты выносишь их? Как ты все терпишь? — Я преклоняюсь!¹²⁵*

Христианская наука (секта из США) отвечает на это отрицанием зла, не согласно Плотину, как высшей степени небытия, а просто как иллюзии. Другие современные мыслители говорят о вечном дуализме, помещая оппозицию добру в пределах единой божественной природы. Однако когда вопросом о причинах изобилия зла в мире задавались люди, жившие в эпоху поздней Античности, то решение они искали иными путями. Господствовало ощущение, что постоянно и повсеместно проявлявшееся зло не может согласоваться с предположением о мире как созданном и управляемом лишь благорасположенными

* Цит. по: Бердяев Н. А. *Философия свободы*. — М.: Правда, 1989.

* Цит. по: Бердяев Н. А. *Философия свободы*. — М.: Правда, 1989.

богами или единым Богом — будь они (он) всемогущи и всеблагы, то никакого зла просто бы не существовало. Вопрос решается только предположением о наличии *двух* сил, одной доброй, а второй — злой, которая, очевидно, и создала этот мир.

Дуалистический взгляд на божественную силу присутствует в древнейших египетских легендах, которые рассказывают о борьбе Гора с Сетом, дня с ночью, добра со злом. Проблема зла обсуждается в «Диалоге мизантропа со своей душой» (ок. 2000 г. до н. э.). Но классическую формулировку дилеммы предоставил Иов. «Земля отдана в руки нечестивых; лица судей ее Он закрывает. Если не Он, то кто же? (Иов. 9:23) ... и в прах обращаешь меня?» (Иов. 10:9) Иов не решается на дуалистический ответ, как и Проповедник (*Экклезиаст*), который пишет на ту же тему. Но с развитием теологии Ветхого Завета Сатана из чрезмерно завистливого придворного Бога превращается в не то чтобы вторую творящую силу мироздания, но в могучего злого духа, который подстрекает человека к непослушанию Божьим повелениям¹²⁶. Сатана в позднейших книгах Ветхого Завета и упоминается чаще, чем в ранних. Такая перемена объясняется в том числе и иранским влиянием, ибо персы, благодаря учению легендарного Заратуштры, сформулировали идеологию последовательного дуализма. Хотя иранцы верили во многих богов, основой их идеологии служил постулат о противоборстве между добрым богом света, Ахурамаздой (Ормуздом), и злым богом тьмы, Анхра-майню (Ариманом). Даже при общем, отвлеченном оптимизме — а Заратуштра воспевает Творение¹²⁷, — взгляды на обозримое будущее жителей Западной Азии в целом были весьма мрачными. Ариман, старший из двух богов, правит миром, а борьба должна продолжаться до полной победы, которую когда-то одержит Ахурамазда, земным отражением которого мыслился иранский царь царей. На печати этого монарха он и Ахурамазда изображены словно близнецы.

Подобный дуализм прослеживается и по индоевропейским языкам, в которых «два» означает нечто плохое: *dyspepsia*, *dishonorabilis*, *du biosus*, *bévue* (ошибка), *Zweifel* (сомнение). Буддийский эпос «Дхаммапада» задается вопросом: «Что за смех, что за радость, когда мир по-

стоянно горит?» Для индийского мудреца Яджнавалкьи есть «всего лишь беспорядочная смесь имен и форм, лишенная прочности и постоянства».

В Греции над проблемой зла в своих трагедиях размышляли афинские драматурги. Платон ярко описал контраст небесного и земного миров, предвосхищая современных теологов в том, что посчитал Зевса не вполне ответственным за происходящее зло¹²⁸. Потом Эпикур задал вопрос такими словами, которые не устарели и сегодня: божественная сила не всемогуща или не добра? Если не то и не другое, то откуда же берется зло?

В эпоху эллинизма и римского господства дилемма была сформулирована уже дуалистически, согласно древним представлениям о вечной борьбе добра со злом. Внутри этой общей идеологии противостояния возникли тысячи различных верований, которые вместе составляли господствующую религию той эпохи. На это было много причин. Среди них можно назвать возрастание озабоченности состоянием нравов и личным спасением, что проявилось соответственно в «Размышлениях» Марка Аврелия и на рельефах тысяч саркофагов. Но дуалистические взгляды находили свое подтверждение и в общем умножении зла (например, гражданские войны и крах экономики), и в неспособности традиционных языческих религий дать этому объяснение. Иудеям также казалось, что сокрушительное поражение их восстаний против Рима означало нежелание или неспособность бога им помочь¹²⁹. Философы, такие как Эпиктет и Марк Аврелий, подчеркивали абсолютную ненадежность положения человека, другой автор писал, что оно ничем не отличается от кошмара.

Сверх того, иранские религиозные учения столетиями проникали на Запад, особенно через Месопотамию — этот тигель, где сплавлялись народы и религии. Греко-римский дуализм признавал Заратуштру как одного из своих пророков. Сорок трактатов, найденных в Хенобоскионе (Наг-Хаммади) в Египте, и один из палестинских текстов из Кумрана, «Наставление к послушанию», объясняют происхождение зла в терминах зороастрийского дуализма. На Запад эти верования проникали

со II в. до н. э. через грекоязычную литературу иранских жрецов Малой Азии. Эти «маги» составили сокращенную версию своего святого писания — Авесты, которое в Парфии было переписано арамейским письмом и таким образом стало более доступным. В дуалистическом отрицании материального мира как иллюзорного проявляется схожесть с буддизмом, кое-что почерпнуто было и из колдовства и демонологии. Многие дуалисты опирались и на христианское вероучение, даже причисляя себя к христианам.

Через эту фантазмагорическую религиозную пестроту красной нитью проходило общее утверждение — мир, созданный силой зла, должен быть проклят, а человеку, чтобы избежать заключения в порочном теле, следует очиститься от того, что не принадлежит духу. Ибо дух в нем тоже присутствует и ждет своей победы. В каждом человеческом теле, как полагали, заключена частица чистого божественного света, который сияет по ту сторону видимого неба (с. 246). Некоторые из этого постулата делали оптимистичные выводы, но были и такие люди, которые думали, что материальная вселенная вообще не должна существовать. Целью же любой дуалистической религии стало спасение и вознесение человека, праведного по сути, но попавшего в заключение в тюрьму видимой материальной жизни. Избавления следовало добиться и от оков Времени. Официальный зороастризм Сасанидов в III в. н. э. и позже рассматривал Время как начало бытия, производящее одинаково и добро, и зло¹³⁰, хотя для многих дуалистов оно казалось скверной и ужасным врагом. «В этом мире тьмы я жил тысячи и десятки тысяч лет, но никто не знал обо мне».

Но бежать от этого мира и его зла человеку по силам: у него есть сознание добра, позволяющее ему спастись. Оставаясь в теле, из тюрьмы все же можно выйти. Мы должны дать выход тому, что в нас от духа, и «бежать к себе на родину». Фреска начала III века в Риме (Viale Manzoni) иллюстрирует такое представление образом возвращающегося домой Одиссея, то есть души, которая возвращается туда, где ей место.

Но как же туда добраться? Ответ дает вторая главная составляющая дуалистического мировоззрения, давшая ему название гностицизма.

Побег возможен только с помощью знания (*Gnosis*). Но это вовсе не рациональное знание, которое искали ведущие мыслители классической поры; это не наука, не здравый смысл. Последняя великая теория знания, сформулированная в III в. до н. э. Хрисиппом, главой школы стоиков, была разгромлена Карнеадом (214—129 гг. до н. э.), скептиком, который основал новую академию, продолжившую традиции школы Платона. Карнеад отверг возможность какого-либо знания¹³¹, а его учение развили в конце II в. н. э. врач Секст Эмпирик, автор единственного сохранившегося подробного отчета об античном скептицизме. Главным его принципом стало «воздержание от суждения», потому что по таким важным вопросам, как вера, справедливость или доблесть, единого для всех мнения не бывает¹³². По примеру Карнеада Секст Эмпирик нападал на знание, приобретенное якобы средствами разума. Ни один, ни второй не намекали на то, что взамен надо искать полностью иррациональное «знание», но таким стал результат их скептицизма.

Лукиан из Самосаты, современник Секста, но сторонник киников, пытался осмеять нарастающую склонность к иррационализму, и это выходило у него очень забавно (с. 270). Но он шел против течения. Реальность, видимая при свете дня, уже не пользовалась доверием¹³³. Дуалистов или гностиков не стоит считать интеллектуалами. Их «знание» о тайнах Вселенной достигалось посредством благочестия и медитации и было озарением, не приобретенным в размышлении или споре, но якобы данным свыше. Логика философов сменилась на откровение дуалистов¹³⁴. Само слово «знание» (гносис) от иранских магов, живших в Вавилонии и Египте. Но происходит такой термин от веры в магическую силу знания, которая дает свободу. Убежденность в этом присутствует уже и в древней ведической философии, и в «Упанишадах» (VIII в. до н. э.), и в «Бхагавад Гите», появившейся еще шестьсот лет спустя. Тем временем последователи Пифагора подарили греко-римской цивилизации идею знания, приобретенного от наставников, как условия и одновременно цели совершенствования (ок. 500 г. до н. э.).

Знание, полученное гностиками, давало его обладателю особые возможности не только на этом, но и на том свете. Рельеф на стеле изображает, как выбор праведной или грешной жизни повторяется в за-

гробном мире: обладающие гносисом получают искупление навсегда. В противовес распространявшемуся эгалитаризму (с. 117) гностики считали себя избранными, поднявшимися над серой массой. Они не составляли единую конфессию, а участвовали в небольших кружках духовной аристократии, разбросанных по разным частям империи, каждый со своим святым писанием. Гностики представляли собой эзотерическое течение, скрывавшее свои ритуалы и имена своих божеств в атмосфере таинственности, необходимой из-за клеветников. Поэтому писания и послания гностиков оказывались сложными, иногда слишком сложными. Божественное откровение должно быть доступно своим адептам, но сложные пассажи выглядели возвышенно и вдохновенно, утверждая, что только истинно верующий мог прийти до высших степеней посвящения. Гностики собрали в кучу бесчисленные и зачастую противоречивые размышления и фантазии безымянных пророков и принялись создавать новые модели мироздания, а старые откровения переосмысливали, считая, что раньше их неверно понимали. Такому переосмыслению подверглось и христианство. Но христиане, в частности Ириней и Евсевий, указывали на слабость гностицизма — пестроту верований и отсутствие единого канона. Гностицизм не был системой, а только набором различных догм, мифов и подходов, определенным состоянием ума¹³⁵.

Но, несмотря на все наслоения фантазии, гностики сохраняли общую основу отчуждения и ухода от физического мира, окружающего человека, который представлялся неизлечимо порочным из-за того, что создан был силами зла.

Большинство дошедших до нас текстов гностиков датируются концом III — началом V в. н. э.¹³⁶. Но есть и более ранние, среди которых встречаются трогательные гимны, оплакивающие наше изгнание в материальный мир. Самые яркие и влиятельные приверженцы подобных доктрин жили в правление Антонина Пия и Марка Аврелия.

Первые сторонники гностических взглядов появились еще раньше. Позднейшая легенда приписала роль первооткрывателя Симону Волхву, поклонники которого считали его богом, чародею, который упо-

минается в *«Деяниях апостолов»*¹³⁷. Симон был родом из Гитты в Самарии, возможно, и гностицизм происходит именно из тех мест. Потом, как говорили, диакон Николай из Антиохии изложил основную доктрину гностицизма, заключавшуюся в том, что видимый мир, злой по своей сути, был сотворен не Богом, а «демиургом». Позже, во времена Адриана, гностики появились в Египте, где исследователи нередко находят их тексты, а с середины II в. н. э. самая многочисленная группа, которая и назвала себя гностиками, обосновалась в Риме¹³⁸.

Маркион из Синопа (север Малой Азии), оставивший христианство около 138 г. (умер ок. 170 г.), основал нечто наподобие дуалистической церкви. Возможно, благодаря отчасти иранскому происхождению, Маркион прочувствовал контраст между Ветхим и Новым Заветами и противопоставил справедливости и строгости первого милосердие и любовь Иисуса¹³⁹. Новый Завет он также очистил от иудейских влияний, оставив только Евангелие от Луки и десять посланий апостола Павла. Павлово христианство было доведено им до крайности, ибо Маркион патологически ненавидел этот мир. Его вероучение, подкупавшее простотой, которой так не хватало другим гностикам, поддерживалось созданием эффективной религиозной организации, которая пережила своего основателя на несколько сот лет, хотя и не утвердилась в Риме.

Не так организованы и едины были сторонники учения Валентина, распространившегося и на Востоке, и на Западе. Он происходил из Египта, но деятельность свою осуществлял в середине II века в Риме. Дуализм Валентина, хотя и слишком научный и запутанный, отличался смелостью суждений, свежестью выводов и интересом к психологии, напоминающим психоанализ наших дней. В его мировоззрении Иисус играл некую роль, но сведенную к простой случайности. Зло возникло, когда произошло Грехопадение, но человека еще не было, — это было грехопадение Мудрости (Софии). Демиург, создатель мира, заблуждается, думая, что он единственный бог, но Валентин не считал его исключительно злым. Валентин мог написать, а скорее — вдохновить написание *«Евангелия истины»*¹⁴⁰. Темой размышлений автора этого труда стало избавление человечества от его тяжкого положения,

которое, вопреки утверждению св. Павла, происходит не от греха, а от незнания. В этом Евангелии встречаются ссылки на Новый Завет, но в целом он дает не христианскую, а гностическую точку зрения на то, «откуда пришел человек и куда он идет».

Валентину приписывали авторство другого трактата под названием «Пимандр» (Poimandres), объясняющего назначение Вселенной. Здесь не абстрактная доисторическая София, а сам человек проходит через грехопадение. «Пимандр» представляет собой самое раннее и полное собрание священных книг, скорее литературных, чем богослужебных, которые с разных точек зрения глубоко погружаются в основы дуалистической веры, в борьбу добра со злом. Эти писания составлены на греческом языке в Египте во II—III вв. н. э. Гермесом Трисмегистом (трижды великим), отождествляемым с богом Тотом, которому приписывали и авторство древних священных текстов, сохранявшихся в египетских храмах (с. 269). Мудрость Египта, авторитетность которого обусловлена древностью цивилизации, казалась наилучшей для получения от нее откровения о том, как добиться знания и жизни после смерти.

Герметические трактаты довольно неоднородны, и их собрание под одним заглавием может быть делом случая. В них проявились все влияния того времени, особенно сильно — платонизм и иудаизм. Герметисты, как и гностики, представляют небольшие рассеянные группы или секты одного течения. Их писания разделяют позицию гностиков, согласно которой получение знаний направлено лишь на достижение откровения для избранных: понимания противоборства добра и зла. Некоторые тексты герметистов не поднимаются выше популярной магии, другие — величественно спокойны и возвышенны. Встречаются в «Пимандре» и пессимистические выводы, например о бесповоротном бегстве от мира. Но есть и надежды, что пропитанная божественностью материя станет на сторону добра. Демиург, который освободил Бога от ответственности за сотворение мира, часто представлялся не независимым божеством, враждебным ему, а в качестве проекции, посредника или подчиненного, через которого верующий может установить связь непосредственно с Богом, обретя свое спасение.

Другое распространенное мнение утверждало, что перерождение произойдет не за счет некоего личного искупителя, а через замещение старой личности новой, божественной. Подобно союзу Плотина с божественным (с. 211), все достигается в результате обретения личного опыта, в котором может помочь наставник. Герметисты повлияли на иудейскую Каббалу, а влияние их мировоззрений проявлялось в западном изобразительном искусстве в XIV веке и позднее.

Во времени правления Марка Аврелия у дуалистов появилось немало сторонников. В Александрии Василид учил, что у человека есть две души: добрая и злая, и что все зло происходит от его прегрешений, от которых, однако, избранные способны избавиться. Его любопытная конструкция из 365 небес — очередной пример чрезмерной усложненности, погубившей гностицизм, — представляет собой еще одну попытку поместить Бога за пределы материальной вселенной, за которую он, таким образом, не несет ответственности. Последователи Василида сохранялись в Галлии еще в IV веке, схожих с ним взглядов придерживались различные секты, претендовавшие на обладание откровениями от Сифа (Seth), третьего сына Адама (которого не следовало путать с богом Сетом, врагом других богов), получившего их у врат рая¹⁴¹. Следы подобной мифологии обнаруживаются даже в сирийской хронике VIII века¹⁴², согласно которой «Адам поведал тайны своему сыну Сифу и показал ему свое величие до Грехопадения и изгнания из рая».

Кульминация развития дуализма — важнейший период для истории религии Рима и его восточных соседей — начинается около 240 г., когда юный Мани начал проповедовать в Ктесифоне, столице Сасанидов, и в Селевкийи, находившейся на противоположном берегу Тигра. Современник другого великого философа III века, Плотина, Мани учил на протяжении тридцати лет. Ко времени его смерти Иран наполнился последователями манихейских верований, а в течение следующего столетия они проникли на территорию многих областей Римской империи. Своей целью Мани поставил основание религиозной общины, которая впервые в истории будет открыта для людей всего мира.

Мани сочетал способности первоклассного организатора с артистическим и поэтическим даром, глубоким знанием и восточной, и греческой философии и талантом постановщика. Ему же приписывали возможность творить чудеса наподобие левитации и изгнания ил одержимых бесов. Воспитанный в христианской среде, Мани называл себя «апостолом Иисуса Христа», но в число своих посланных Богом предшественников он включил и Будду, и Заратуштру. Все они действовали на окраинах мира, тогда как Мани жил в Вавилоне, центре земли, как последний воплотившийся спаситель, печать пророков.

Религиозная система и философия Мани восстанавливаются по сохранившимся текстам на греческом, латинском, арабском и сирийском языках. Манихейские произведения найдены также в Центральной Азии (на языках иранской и тюркской групп) и в Верхнем Египте (на коптском языке). Его учение основано на дуализме, сочетавшем иранские и греко-римские влияния. Мани эклектично объединял доктрины различного происхождения¹⁴³, в его учении есть элементы и теософии, и нумерологии, но главным было то, что он продолжил дело Маркиона, став последним из великих гностиков, чья деятельность завершала эпоху и возвещала наступление новой. Религия Мани стала еще радикальнее, чем вероучение Маркиона, и значительно отошла от христианства. Мани дерзко и вдохновенно стремился синтезировать современную мысль и разом решить все проблемы Вселенной.

Фундаментальным принципом манихейства является различие света и тьмы. В религиях того времени свет как символ употреблялся довольно часто (с. 247), но Мани, очевидно, сформировал собственное понимание противостояния этих двух начал под влиянием Бардесана, происходившего из Месопотамии, который тоже заявлял себя наследником христианства (с. 326)¹⁴⁴.

Свет и тьма — это две абсолютно разные вечные Сущности. В прошлом тьма напала на свет, и часть последнего смешалась с тьмою, как мы видим и сейчас, в этом, окружающем нас мире. Однако в будущем свет и тьма будут счастливо разделены. Для Мани идея света ассоциировалась со всем, что было чистым, мирным, разумным, аккуратным,

тогда как тьма подразумевала материю, грязь, анархию, вихрь, удушливый дым, всепожирающий огонь, обжигающий ветер, отравленную воду, «тьму, которую можно ощутить»¹⁴⁵.

Эта катастрофа, от последствий которой мы до сих пор страдаем, случилась тогда, когда тьма напала на свет. Первый человек был создан для того, чтобы отбросить вторгнувшееся зло, но потерпел поражение. Срадание этого спасителя, который сам нуждается в спасении, стало основой истории, так как его неудача и Падение сотворили тот мир, в котором мы живем. Когда первый человек временно поддался демонам зла, он на какой-то момент утратил свой божественный свет. Родившийся потом Адам содержал в себе и свет, и тьму, а от него и его сына Сифа произошли все люди, изначально греховные (с. 281). Хотя мир продолжает влачить жалкое существование, надежда на лучшее есть, потому что все это время грязь вымывалась частицами света, рассеивавшимися в том, что на самом деле свету и должно принадлежать. Когда это очищение завершится, Иисус вернется¹⁴⁶, человек прекратит свое существование, а плененные тьмою фрагменты божества возвратятся к нему. Тело же и сейчас является препятствием на этом пути. «Проклятие тому, кто создал мое тело, — скорбит Адам. — Проклятие тому, кто пленил в нем мою душу, и злу, поработившему меня»¹⁴⁷. Манихейцы часто ссылались на слова св. Павла, противопоставлявшего душу и плоть, стремясь увеличить присутствие света в себе воздержанием от секса, мяса и вина. Аскетизм казался необходимым для того, чтобы победить во вселенском противостоянии и получить спасение от этого ненавистного мира. Это не касалось тех, кто понимал маловажность материальной жизни в ином смысле, как исполнение неограниченно предаваться чувственным удовольствиям¹⁴⁸.

У Мани появились свои апостолы, епископы, священники, проповедники, монашеские общины, обычаи поститься и исповедоваться. Он учил в Иране и Северо-Западной Индии, где испытал влияние буддизма. Но сердцем религии Мани стали Месопотамия, Сирия и Западная Азия, где в число ее сторонников вошли массы дуалистически, гностически настроенных жителей этих стран. Проповедническое

рвение Мани получило одобрение иранского царя Шапура I, который знал его лично. Но с течением времени Мани в глазах правителей затмил другой теолог — Картир, архитектор зороастризма как государственной религии в Иране. Эта вера, как обнаружилось, не нуждалась в пророках наподобие Мани, хотя философия последнего во многом основывалась на ней. Царь царей вполне был способен сам занять место духовного лидера. Недавно открытые надписи на среднеперсидском языке рассказывают, как Картир поднялся до положения верховного жреца и судьи всего государства, стража патриотической правоты и строителя алтарей огня. Картир одинаково преследовал иудеев, буддистов, индуистов, христиан и манихейцев, для того чтобы обезопасить свою национальную «церковь» на всем пространстве Евфрата до Индии. Шапур I считал возможным одновременно поддерживать и Картира, и Мани. Но после смерти царя Мани лишился благосклонности государства, ибо Бахрам I недоумевал, почему истина открылась Мани, а не ему, царю. Мани был схвачен, ему предъявили обвинения, позже он, закованный в кандалы (274—277 гг.), умер в Гундершапуре.

Но в течение следующих двадцати лет учение Мани распространилось на Восток и на Запад столь стремительно, что императоры Диоклетиан и Максимиан считали его главной угрозой национальной религии Рима. Наместнику Африки отправили жестокий эдикт, направленный против манихейства (ок. 297 г.). Подобно закону Рима против иудеев от 139 г. до н. э., этот эдикт обличает подлое колдовство и отвратительные писания, с помощью которых манихейцы совращали людей. Еще одной причиной появления такого документа могла стать их участие в восстании в Египте¹⁴⁹.

Римскому правительству и восстания, и распространение восточных вероучений представлялись возможными происками Сасанидов. И держава была врагом Римской империи, а манихейство зародилось именно там. Последователи Мани казались, по меньшей мере, неудобными и социально опасными элементами, деятельность которых протекала на беспокойной восточной границе, к тому же через нее манихейцы, вместе с другими подозрительными иммигрантами, проникали

дальше на Запад. Манихейство порождало много проблем, например таких, как бродяги, жившие подаянием, которым эта вера давала основание презирать материальный мир настолько, чтобы не выполнять вообще никакой работы и не соблюдать никаких законов государства.

Впрочем, учение Мани на протяжении столетия, прошедшего после его смерти, стало едва ли не главной мировой религией, имевшей сторонников и в Центральной Азии, и в Карфагене. Но они были слишком мирными, не проявлявшими волю к сопротивлению, чтобы выдержать репрессии государственной машины Римской империи и Ирана, даже их мученики не вызывали такого сострадания, как христианские. Когда христианство стало государственной религией Римской империи, манихейство оказалось неспособно составить ему конкуренцию. Для того чтобы находиться в оппозиции, последователи Мани были слишком пассивны, а для того чтобы подчиниться государству — слишком анти-социально настроены. Христианство достигло взаимопонимания с империей, манихейство же несло в себе безответственность, отшельнический аскетизм и потенциальное самоубийство всей нации. Не могло оно и полностью удовлетворить духовные запросы своего времени, что отразила история жизни одного из самых известных его приверженцев, св. Августина. Девять лет он исповедовал манихейство (373—382 гг.), так как не мог поверить в то, что благой Бог создал зло. Его также впечатлило видимое совершенство манихейской доктрины, которая готова была обоснованно и последовательно ответить на любой вопрос. Но поворотным пунктом стал момент, когда Августин пришел к выводу, отчасти благодаря изучению Плотина (с. 226), что «расколоть клином тьмы саму природу божества было ужасным и отвратительным богохульством»¹⁵⁰. К тому же если Сатана сотворил мир, то как же Бог позволил чему-то хорошему попасть в его плен? На этот вопрос ответа не было, и претенциозная научность манихейства рассыпалась в прах, оставив только кучку мифов. Августин решил, что благороднее и правильнее будет совершить подвиг веры, который требовало христианство.

Еще одним преимуществом христианства стало то, что оно было древнее Мани, и началом его истории стали якобы подлинные события

I в. н. э., с которыми расплывчатая мифология манихейцев соперничать не могла. И то, что Мани призывал к совершенству, до которого были способны подняться только избранные из числа посвященных, тоже не позволило его религии завоевать большинство сторонников в какой-либо стране. Христианство в свое время прошло через подобную эзотерическую фазу, чему много свидетельств в Новом Завете, но переросло ее и сделало свой призыв обращенным ко всему человечеству (с. 290).

Тем не менее манихейцы еще долго находили способы удерживаться на сцене мировой истории и играть там какую-нибудь роль. На Востоке, несмотря на свою пассивность, религия Мани не исчезла даже под гнетом репрессий со стороны Сасанидов. Близко к манихейству учение, известное как мандеизм. Основой его является вера в великого царя света, противостоящего злу, творениями духов которого являются зодиакальные созвездия и семь планет. Первые тексты мандеистов появляются около 400 г. н. э., но происходит эта религия от неортодоксальных сект иудаизма, существовавших на несколько столетий раньше. Приверженцы мандеизма, сабии, до сих пор живут в Южном Ираке¹⁵¹.

Писания Мани были переведены на арабский язык, соответственно манихейцы пострадали и от халифов. В Китае иранские авторы порицались за дуализм, а миссионеры, пришедшие с Запада, — изгонялись, но на соседних землях «варваров» они добились успеха. Бугугхан, правитель уйгуров (760—780 гг.), был обращен в их веру и провозгласил манихейство государственной религией. В Центральной Азии оно существовало до конца тысячелетия. С XI до XIV вв. манихейство распространялось в провинции Фуцзянь, две его священные книги попали в канон даосизма. Последователи этой религии сохранялись в Китае вплоть до Нового времени, а может быть, встречаются там и сейчас.

В Византии, несмотря на силу православной церкви, столь же богатые гностические традиции поддерживались на плаву евангелическим дуализмом. Последователи дуалистического учения Василида о двух душах у человека, одна из которых служит пристанищем зла (с. 280),

считали, что люди, до того как будут обращены в их веру, подчинены дьяволу. Их обвинили в богохульстве, но число сторонников этой ереси, павликиан, возросло в Малой Армении (на Евфрате), откуда они опять беспокоили византийских императоров. Те долго вели с павликианами борьбу, а потом переселили их во Фракию, что положило начало ереси богомилов. Правительству Византии приходилось беспокоиться об исходящей от богомильства угрозе и в XII веке, когда многие его сторонники жили в Константинополе. Даже через двести лет богомилы процветали в монастырях на горе Афон. А в Боснии дуализм вообще стал государственной религией¹⁵², сохраняя свои позиции и после 1400 г. Эти верования отразились в многочисленных легендах и сказках южных славян.

Из Восточной Европы дуализм проник в Италию, где гностики были названы катарами (чистыми) и проповедовали свою ересь в X—XI веках. Оттуда их учение распространилось на Францию, Фландрию и Германию. Таким образом и возникла единая дуалистическая церковь на огромном пространстве от Черного моря до Бискайского залива. Центрами манихейства стали Ломбардия, Прованс и Лангедок, где они стали именоваться альбигойцами (от названия города Альби). На юге Франции суровость их веры оттеняла меланхоличное веселье цивилизации трубадуров. Но Людовик IX Святой, король Франции (1226—1270 гг.), сделал все для того, чтобы остановить победное шествие дуализма, в том числе и предпринял крестовый поход против альбигойцев. Их вера казалась серьезной угрозой сословному устройству общества, потому что объединяла под крышей одной теологии множество предпосылок к иноверию и бунту. Имеется в виду отвращение к материальному миру, страстная аскетическая элитарность, особенные, тайные религиозные обряды, призыв к беднякам, недовольным своим положением.

Но даже рыцари Людовика Святого не могли затоптать веру, которая обращается к основным вопросам, задаваемым себе человеком. Ортодоксальному христианину подобало верить в то, что где-то существовал дьявол, могучий дух, но не творец этого мира. А еретик-манихеец вопрежнему говорил, что именно дьявол создал мир, и зло, таким образом, суще-

ствуется по вине Сатаны, а не Бога. Подобный дуализм повлиял и на умы нашего времени. Карл Густав Юнг, например, рассматривал дьявола как самое ценное, чем обладает душа. Мы ведь любим детективные романы. А среди бедствий III столетия человеку надо было обладать исключительной верой, чтобы не усомниться в том, что единый всемогущий и всеблагий Бог несет ответственность за все происходившее, или даже в том, что в битве между двумя силами, добра и зла, неминуемо победит добро. Среди ужасов войн и тоталитарных режимов XX века дуализм снова становится приемлемым решением. «Если Бог намного сильнее, — спросил Пятница у Робинзона Крузо, — то почему же Бог не убьет дьявола?» Персонафикация сил добра и зла может казаться устаревшей, но мы снова живем в то время, когда миллионам людей легко поверить, что эти две силы существуют как равные.

ТРИУМФ ХРИСТИАНСТВА

Спаситель христиан

В первые два столетия нашей эры появились многочисленные произведения, описывающие жизнь и учение Христа. Их сюжеты так или иначе отличались от истории, известной по четырем каноническим Евангелиям. В одной из ранних книг такого рода, довольно широко распространенном Евангелии от Фомы, приводится сто двадцать изречений Иисуса и эпизодов его земной жизни, а сам апостол Фома назван особенным другом и наследником Спасителя¹. Немало других авторов приписывали Христу изречения, которые не встречаются в канонических Евангелиях².

Но последние постепенно приобретали привычный исключительный статус, хотя два из них даже не приписывались апостолам. Евангелие от Иоанна, несмотря на его скорее греческий, чем иудейский характер и время появления — не раньше начала II века, — в канон включили, но не сразу. Дело в том, что автора, которого ошибочно называли апостолом Иоанном, считали прямым свидетелем жизни и смерти Иисуса, прожившим потом много лет и поведавшим в своей книге все, что он видел. Евангелие от Иоанна объединил с тремя остальными Евангелиями в канонический вариант жития Иисуса Юстин из Неаполя (Сихема) в Самарии, прозванный потом Философом, или Мучеником (ум. в 165/167 г.)³. Татиан, ученик Юстина из Сирии, первым начавший проповедь христианства (на сирийском языке) в Эдессе, где широко были представлены апокрифы, выпустил в свет все четыре Евангелия книгой под одним названием, которым подчеркнул, что история жизни Иисуса основана на этих четырех источниках (*Diatessaron*, ок. 170 г.). Включение других книг в состав сложившегося таким образом канона, известного как Новый Завет, происходил постепенно. Еще до конца II века туда безоговорочно были включены «Деяния Апостолов»

10 Рассвет Римской империи

и некоторые их Послания, большая часть христианских конфессий признала частью Нового Завета и «Откровение Иоанна Богослова».

Установление общепринятого канона заложило основу дальнейшего развития христианства. Размеры Нового Завета оказались весьма удобны, что выгодно отличало его от громоздких, ставящих читателя в тупик своим многословием, священных книг проповедников других религий. Кроме того, хотя последующие ссылки на авторитет канона неминуемо произвели на свет массу сомнительных толкований и комментариев, переписать его было уже невозможно. Конечно же, в том, что вошло в этот канон, обнаружались расхождения. Это пришлось признать Оригену, выдающемуся христианскому теологу III века, а злейший враг христианства Порфирий поносил Новый Завет за противоречивость, непоследовательность и бессвязность (с. 226), к немалому негодованию св. Иеронима. Но главным достижением составителей канона стало недопущение в него определенных концепций, которые могли бы существенно изменить направление развития христианской веры и церкви.

Среди апокрифической литературы, изгнанной из христианского канона, особенно много оказалось такой, которая носила дуалистический характер и пыталась принизить всемогущество Бога, заявляя, что зло этого мира не было Им создано (с. 273). Признание подобного мнения о Боге входило в противоречие с доставшимся христианству в наследство от иудеев безоговорочным монотеизмом, поэтому то theologов крайне раздражали беспрестанные вопросы от всяких сектантов и философов о том, откуда происходит зло и зачем оно⁵.

Несмотря на всю бдительность составителей христианского канона, в Новом Завете оставались места, которые давали возможность истолковать их в духе дуализма. Слово (Логос) — понятие, происшедшее из греческой философии, которое в Евангелии от Иоанна предстает не только божественным началом, но и реальным историческим персонажем, — могло показаться посредником или демиургом, позволявшим богу дуалистов иметь дело с косной материей и создавать ее. И хотя апостол Павел придерживался ортодоксальной иудейской

доктрины о Грехопадении первого человека — Адама, с которым в грех пало все человечество, пока к нему не пришел Спаситель, в посланиях апостола тоже звучали отголоски дуализма. Речь идет о постоянно повторяющемся у него противопоставлении плоти, с ее врожденной склонностью ко злу, и духа. К тому же в писаниях Павла оставило свой след и второе главное понятие дуализма — концепция «Гносиса» (сокровенного знания), доступного только избранным или полностью посвященным в таинства веры. Хотя подобная элитарность заметна даже в Евангелиях, она ставила под сомнение призыв христианства ко всему человечеству (с. 322). Павел, правда, признает, что благодать через постижение Христа становится доступной всем. Тем не менее христианству понадобились столетия, чтобы изжить идеи об избранности некоторых верующих. А пока что ему приходилось сосуществовать с дуализмом, а их вероучения настолько перекликались и влияли друг на друга, что язычники, наподобие Порфирия, даже причисляли секты дуалистов к христианству, с чем сами дуалисты нередко соглашались (с. 280). Обе религии уподоблялись друг другу и сливались в единое целое на страницах чрезвычайно разнородной апокрифической литературы⁶.

Ириней из Смирны, ставший епископом Лугдуна (Лиона) в Галлии, обрушился на дуалистов в своем труде «Пять книг против ересей» (с. 260). Эта объемная работа, сохранившаяся только частично, последовательно выступает против их доктрины о божестве-посреднике, отличном от Бога, существование которого и объясняет наличие зла. Однако автор не соглашается и с теми, кто верит в греховность всего человечества как результат грехопадения Адама. Человечество, по Иринею, является для Бога сырьем и все еще находится в процессе сотворения Им. Бог последовательно идет к своей цели: установления своего царства на земле, предсказанного апостолами⁷.

Ириней оказал значительное влияние на православную церковь. До войны (Второй мировой. — *Прим. ред.*) и в современной западной теологии находились его последователи, а не так давно Тейяр де Шарден и Остин Фаррер, в качестве мирских философов, показали, что разделяют эти эволюционистские взгляды. Через двести лет после

Иринея, в эпоху многих бедствий и упадка воли человечества к борьбе с ними, такая оптимистическая концепция сменилась идущим от Павлова христианства учением св. Августина о грехопадении человека и происходящих от этого отчаянном неведении, греховности, вине и беспомощности⁸ — состоянии, из которого спасти человека может исключительно Божья благодать, а не эволюция. Пелагий, британский или ирландский современник Августина, выступил против, повторяя вслед за Иринеем, что человек, невзирая ни на какие грехопадение и первородный грех, способен добиться вечной жизни своими силами «если я должен, я могу». Но в западном христианстве на многие века утвердились именно пессимистические взгляды Августина⁹.

Хотя позиции Иринея и Августина в их споре разошлись так далеко, исходили они оба из одного: каждый стремился опровергнуть дуалистическую концепцию, отказывавшую Богу во всемогуществе на том основании, что зло должно было появиться по вине какой-то другой сверхъестественной силы. Оба теолога, при всех своих разногласиях, понимали, что отрицание всемогущества Бога подрывает самые корни христианства.

Другой существенной доктриной христианства, единственной в своем роде и весьма трудной для восприятия, была вера в Христа как богочеловека, в одновременное наличие в нем двух равноценных сущностей.

Для того чтобы окончательно принять такую двойственную природу Христа, требовалась поистине великая вера. Поэтому-то вера занимала столь исключительное место в раннем христианстве. Никакому язычнику не приходилось верить так пылко, чтобы не сомневаться в реальности земной жизни Спасителя, который при этом полностью сохранял свою божественную сущность. Вначале христианские теологи даже не предпринимали никаких попыток опереться на разум, знание или «Гносис», делая исключение лишь для ветхозаветных пророчеств, чтобы подкрепить или обосновать веру в человеческую и в то же время божественную жизнь Иисуса. Апостол Павел утверждал, что человек оправдывается не делами закона, а только верою в Иисуса Христа, а Тертуллиан настойчиво доказывал, что ничего другого и не

надо. «Истинный христианин, — говорил он, — не должен знать ничего, кроме правила веры». Все, чему недоставало веры, и все, что выходило за ее пределы, являлось «знанием, ложно таковым именуемым». Как провозгласил Карл Барт, величие Бога лежит вне пределов кругозора нашей мелочной рассудочности, а поэтому каждому следует предаться полностью вере в Христа как богочеловека. Такая вера требовала смелости и физической, потому что христиане подвергались преследованиям, и духовной, потому что опереться такой вере, кроме самой себя, было не на что. Св. Августин позже пояснил, что человеку в течение всей его жизни приходилось принимать на веру множество всяких сведений — например рассказы о городах и странах, в которых он никогда не бывал, — и, если бы люди не верили этому, то просто не смогли бы ничем заниматься. Но Августин знал, что оппонировавшие ему язычники считали чудачеством подобное нежелание даже попытаться размышлять. Знаменитый врач Гален, несмотря на свои не столь уж материалистические взгляды, осуждал христиан за пренебрежение, с которым они относились к эмпирическим знаниям, а люди, посвятившие свою жизнь борьбе с христианством, не уставали критиковать это странное, безрассудное полагательство на слепую веру, выражавшееся словами: «Не задавай вопросов, но верь».

Среди христиан, получивших традиционное греко-римское философское образование, число которых было незначительным, но уверенно возроставшим, вскоре наметилась склонность к иным взглядам. Эти люди желали примирить христианскую веру с тем, чему их учили, а для этого, как они думали, существовал только один выход — отвергнуть подлинную божественность Христа. Их философия оказалась неспособна принять представление о живом Боге на земле. Вездесущая высшая сила, в которую они верили подобно большинству мыслителей того времени (с. 231), могла быть лишь единой и неделимой по своей природе, соответственно не должна была помимо Бога-Отца на небе воплотиться еще и в Боге-Сыне на земле. Поэтому раз Иисус, живший среди людей, не мог быть ипостасью Бога, его природа должна считаться почти или исключительно человеческой. Иисус становился в их

глазах величайшим представителем ряда других славных деятелей прошлого, что отражало и эволюционистские взгляды Иринейя, и древние гуманистические представления о людях, достигших величия, которое обеспечивало им иногда вознесение к богам на небо (с. 237).

Одним из первых, кто попытался примирить таким образом христианство с языческой философией, стал Юстин (с. 289), что, правда, не спасло его от мученической смерти в Риме, где он проповедовал во время подъема антихристианских настроений при Марке Аврелии (ок. 165/167 г.)¹⁰. Юстин отбросил всякую скромность, смело нападая на идолопоклонничество, легенды и обожествленных императоров, казавшихся ему недостаточно великими, чтобы заслужить такие почести. «Итак, все, что сказано кем-нибудь хорошего, принадлежит нам, христианам». Тем не менее Платон, платоники и другие философы занимали немаловажное место среди того, на чем основывалось христианство. Пришествие Иисуса не представляло собой единственное в своем роде чудо, ведь Слово (Логос), некий аналог божественного Ума стоиков, уже являлось Аврааму в человеческом образе и Моисею через объятый пламенем куст. Слово в понимании философии того времени служило посредником между высшим божеством и материальным миром (с. 202), в том же качестве пришел и Христос, не отдельная сила, как второе начало мира у дуалистов, но все же отличный от Творца и поэтому не равный тому своей божественностью. Иисуса следовало почитать «во вторую очередь»¹¹.

Тем временем некий Пантен после посещения Индии, вызывавшей тогда столь пристальный интерес, основал христианскую школу в Александрии (ок. 170 г.). Потом около двадцати лет ее возглавлял Климент Александрийский, пока его не вынудили бежать из города преследования чиновников Септимия. Он перешел в христианство из язычества в зрелом возрасте, как и многие другие защитники этой религии, чьи произведения таким образом отстаивали их выбор. Юстин и его последователи, известные как греческие апологеты, стремились представить свою веру в выгодном свете для образованных язычников и для иудеев. Христианская же община Александрии, с ее долгими и богатыми традициями, пошла дальше, обратившись к логике Ари-

стотеля, с тем чтобы построить цельное здание христианской философии, способное удовлетворить интеллектуальные запросы верующих. Клименту недостаточно было одной веры, в которой он не сомневался, но считал пригодной лишь для тех, кто спешил обрести спасение. Климент хотел обеспечить Новый Завет интеллектуальной основой, используя знание и рассуждение, создать религию, которая имела бы вид науки. Философия в его системе служила «видимым образом правды, божьим даром грекам», даром несколько эзотерического свойства, соответствующим традиции гностицизма, тем более что элите предназначено было остаться элитой и в Царстве Божьем. Климент весьма рьяно отстаивал свой взгляд на роль философии. Политеизм считался ошибочной верой в демонов, но монотеизм Климента оказался по духу скорее греческим, чем иудейским, а его толкование греха как проявления свободы воли (а не результата борьбы доброго и злого начал) носит гуманистический характер (с. 274)¹². Как и Юстин, Климент представлял Христа окончательным воплощением эллинского Слова или божественного Разума, Платона же считал агрическим Моисеем и предшественником Христа.

Христианского теолога, в совершенстве владевшего философией Платона и других греческих мыслителей, церковь впервые обрела в лице Оригена (ум. в 254/255 г.) — самого плодовитого в античную эпоху христианского писателя. Он близко знал Аммония Сакка, главу философской школы, который учил в том числе и Плотина (с. 198). Утонченный и аскетичный мыслитель поэтического толка, Ориген сменил Климента на посту главы школы в своей родной Александрии, превратив ее в ведущее христианское учебное заведение, своего рода «университет» (202—231/232 гг.). Его тщательно разработанное опровержение Цельса — труда антихристиански настроенного платоника (с. 318) — как воплощение борьбы христианства с язычеством уступает только книге Августина «*О граде Божьем*». Книга Оригена «*О началах*» представила образованным людям его времени систему христианской теологии как интеллектуально обоснованное учение о развитии существовавших до него верований. Искусно обходя все ловушки, в которые попадали те, кто стремился оправдать евангельскую историю

рассуждением, а не верой, Ориген все же придерживается александрийской традиции и предпочитает разумную веру, как более прочную, более достойную Бога, к которому она может только приблизить верующего. Он не согласился бы с Карлом Бартом (с. 293) или с мольбой Паскаля, просившего себе такого Бога, существование которого доказать невозможно.

Такое умствование, пытающееся объяснить веру, происходило, однако, только благодаря вольности обращения с христианской традицией, которую позволял себе Ориген. Ибо он полагал, что Святое Писание следовало понимать не буквально, а символически или аллегорически истолковать, чтобы понять скрытый в нем смысл, в присутствии коего там Ориген не сомневался. Оставалось только правильно применить к Библии методы философского анализа и увидеть скрытое в ней высшее знание. В античной традиции примером такого подхода служили аллегорические комментарии к Гомеру, Ориген ссылаясь и на апостола Павла: «Но сокровище сие мы носим в глиняных сосудах»¹³. Своей фантазии в понимании Святого Писания Ориген дал волю в комментариях к Библии, которые стали самой известной из его работ. Порфирий, критик Оригена из стана язычников, считал его деятельность «внесением эллинской философии в чуждые ей басни христиан». Конечно же, Ориген своей смелой интерпретацией, как Бультман и другие теологи наших дней, искажил смысл многих частей Библии, наслаивая на них тщательно созданные им конструкции из платонических и стоических идей. Наследуя Юстина и Климента с еще более впечатляющим арсеналом доказательств, Ориген рассматривал Сына всемогущего бестелесного Бога как проявление его божественности, которое было даровано и в другие времена в другом облике и служило цели постепенного высвобождения души человека¹⁴. Сын подчинялся Богу и даже мог (потенциально) воплотиться много раз. Таким образом философия Оригена привела к развитию тенденции отказывать Новому Завету в уникальном историческом значении, а Иисусу — в равенстве с Богом-Отцом.

Ориген при этом был страстным проповедником христианства, отдавшим жизнь за свою веру, ведь умер он в Тире от пыток, которыми

подвергся во время преследований христиан в 250—251 гг. (с. 323). Мученическая смерть Оригена помогла сохранить его богословские концепции не столько в Александрии (где его сместили с епископской кафедры), сколько в Сирии и Палестине, где он провел последние двадцать лет своей жизни, а также в Малой Азии. Тогда вообще в моду и у язычников, и у христиан вошло философствование. Во второй половине III века, когда на саркофагах язычников изображали загробную жизнь в духе философского успокоения (с. 267), на христианских в сходной манере появляется Иисус в облике мудреца. Если язычество достигло своих высот в творчестве Марка Аврелия и Плотина, христианство приобрело интеллектуальный облик благодаря Иринею и Оригену, хотя их взгляды в последующие столетия пришлось по душе далеко не всем христианам¹⁵.

Это относится и к учению другого мыслителя из Александрии, священника Ария (ум. в 336 г.). В его трудах апология человеческой природы Иисуса, подразумевавшая принижение его божественности, достигла своей высшей точки. Воспитанный на учении Оригена о единстве Бога, Арий, как и унитарии Нового времени, считал Христа отдельным от Бога, низшим по отношению к Нему и в каком-то смысле младшим, хотя и появившимся еще до начала времен. Христос Арию представлялся способным даже согрешить и не грешившим только потому, что он этого не хотел. Арий играл значительную роль при дворе императора Лициния, который порвал с ортодоксальной церковью, когда та выступила против Ария (320 г.). Константин созвал Никейский собор в 325 г., для того чтобы достичь согласия, и своей властью поддержал принятый там Символ веры, в результате чего Ария отлучили от церкви. Однако арианство на время заняло доминирующее положение в империи уже после смерти Ария и Константина¹⁶, а позже распространилось среди германских народов, которые образовали свои королевства в Западной Европе и Северной Африке (особенно долго продержалось у лангобардов на севере Италии).

Тенденция, проявившаяся во многих ересьях, считать Иисуса более человеком, чем Богом, несмотря на некоторое отступление от основ христианской веры, происходила из стремления укрепить веру в реаль-

ность жизни Иисуса на земле в определенном месте и в конкретную историческую эпоху. Уникальной особенностью христианства было то, что Спаситель, в отличие от Митры, Исида и прочих, считался историческим персонажем, который не так давно жил среди людей и умер ради них. В Иисусе человек и Бог соединились в одно, спланив таким образом материю и дух, и, казалось, прибавили к этому миру новое измерение, когда предвечный Творец явился в теле. Убежденность в том, что это случилось в строго определенный момент истории, давала христианам твердую основу для их веры, намного более захватывающую воображение, чем сотканные из мифов доктрины других религий.

В то же время учение о единственности Христа с Богом-Отцом подвергалось опасности от христиан с другой стороны, выступавших против него так же сильно, как ариане, и даже более рьяно. В противоположность александрийцам и другим апологетам, подчеркивающим человеческую природу Христа в ущерб его божественности, нашлось много таких, которые предпочитали полагать его скорее Богом, чем человеком. В первую очередь, сам философский, аналитический подход вызвал немало проявлений враждебности, например, от африканца Тертуллиана (с. 319) и его соотечественника, пламенного Арнобия (ок. 305 г.)¹⁷. Вера в божественного Спасителя казалась привычнее и удобнее, чем представление о Спасителе как человеке и Боге одновременно. Поэтому евангельскую повесть о том, что произошло с Иисусом за время его жизни на земле, иногда низводили на второй план.

На склонность христиан к такому представлению об Иисусе повлияло давление на них враждебно настроенных язычников. Противники христианства критиковали прежде всего ничем не подкрепленную, с их точки зрения, сосредоточенность христиан на истории жизни одного человека в Палестине, ставшей основой всего их вероучения. Воплощение Иисуса язычники называли просто попыткой, неуклюжей и несовместимой с концепцией Платона о едином божестве, перекинутый мост через пропасть между сверхъестественным и человеческим мирами, которые разделены христианскими догмами. К тому же среди

сих христиан наметилась явная склонность приуменьшать значение пришествия Христа. Это показывает и призыв св. Игнатия (ум. ок. 117 г.) к верующим из городов Малой Азии «ни в коем случае не оставлять веру в человеческую природу Иисуса». Но некоторые секты именно так и поступали, особенно пресловутые монархиане, последователи североафриканского проповедника Сабеллия (ок. 250—260 гг.).

Лактанций (ум. ок. 317 г.), «христианский Цицерон», подытожил в своей книге взгляды тех направлений христианства, сторонники которых полагали, что Иисус никогда не был человеком, а только временным явлением Бога на земле. «Короче говоря, по их мнению, Богу не пристало превращаться в человека и обременять себя слабостью плоти, ибо его небесное величие не может снизойти до того, чтобы стать предметом презрения и насмешек со стороны других людей»¹⁸. Представление о боге, который претерпевает муки и чья смерть означает наступление зимы, а воскресение приносит возрождение и бессмертие его почитателям, давно уже бытовало в странах, где люди кормились прежде всего за счет земледелия (с. 262). Примеры таких богов — Орфей, Аттис, Осирис, Адонис, Ваал, Исаак. Но в Новом Завете этот сюжет приобретает новую, душераздирающую трагичность благодаря своей предполагаемой истинности. Это и сделало христианское вероучение слишком трудным для восприятия многих людей. Им хотелось верить в Спасителя, и если немалая вера требовалась для убеждения себя в человеческой природе Христа, то еще тверже следовало быть в вере, чтобы не усомниться в утверждении: как Спаситель к людям пришел тот, кто подвергся унижению и позорно-му наказанию.

По этим причинам раннее христианство, в противовес нескольким греческим интеллектуалам, например из Александрии, нечасто оставалось на земной жизни Христа. За исключением некоторых окзальтированных христиан, вдохновляемых муками Христа (с. 324), верующие того времени редко обращались к теме его страданий. О них весьма мало говорят рельефы на саркофагах христиан. Их погребальная культура находилась под сильным влиянием язычества, и в трудные времена гонений верующие хотели напомнить себе не о слабости

распятого Христа, а о силе *Спасителя*. Гораздо позже вместо изображений Христа как божественного учителя и чудотворца стали преобладать изображения его крестных мук. Но даже они подчеркивают не столько унижение, сколько скрытое торжество Христа. Рисунок распятия до IV века встречается лишь изредка. Что же до видения креста в небе, о котором заявил Константин (после этого его войска стали использовать *Iabagum* — монограмму Христа, т. е. перекрещенные буквы ХР (с. 333)), то крест для императора представлялся, прежде всего, магическим символом и означал не так страдания, как воскресение из мертвых — новую эру и новый этап предначертанной Богом истории. Люди, которые предпочитали считать Христа скорее Богом, чем человеком, могли опираться на Евангелие от Иоанна. Оно, несмотря на ярко выраженный эллинистический характер, основывалось в своей мистической, иносказательной манере прежде всего на божественной природе Христа, который выступал в нем скорее олицетворением идеи, чем конкретным историческим лицом (с. 289, 291).

Евангелие от Иоанна оказало заметное влияние на развитие настенной живописи в катакомбах Рима и других городов, в которой мало внимания уделялось Христу как человеку. Христиане, как и язычники, тогда уже не кремировали умерших, а считали необходимым хоронить их, чтобы покойник дождался воскресения из мертвых (с. 264). Изначально христиане покоились на обычных кладбищах под открытым небом. Однако с начала III века, по мере того как места для захоронений сокращались, зато усиливались преследования властей, христиане все чаще стали хоронить своих покойников в катакомбах. В Риме они берут свое начало от подземных погребений иудеев, а также последователей других восточных и западных религий. Мягкая вулканическая порода, которая, несмотря на свою прочность, легко поддавалась каменотесам, изначально выдалбливалась в форме простого греческого креста или решетки. Постепенно в катакомбах образовались многокилометровые переходы, располагавшиеся в несколько этажей, где насчитывалось от половины до трех четвертей миллиона могил. Первым, кому папа Зефирин (ум. ок. 217 г.) поручил надзирать за этим кладбищем, стал св. Каликст¹⁹. Во времена преследований в катакомбах

могли укрываться и живые люди. После официального признания христианства катакомбы постепенно превратились в места паломничества, хотя погребать в них людей продолжали до конца IV века.

Стены катакомб украшены религиозной живописью, которая отражает все тенденции того времени, начиная от традиций римского искусства и до александрийских и месопотамских влияний, от классического стиля до импрессионистского или даже сюрреалистического барокко или сурового примитивизма народного искусства. Особенно заметно влияние распространенных тогда многофигурных рельефов. Христианская живопись повествовательна и подчинена догмам, нередко прибегает к символичности и недосказанности — не от желания скрыть что-то (ведь целью ее было наставление), а потому что сверхъестественная истина не нуждалась ни в каких доказательствах. Наставление верующих через изобразительное искусство осуществлялось по определенным образцам, частично заимствованным от иудаизма. Настенная живопись отражает и молитвы христианских богослужений, и книги великих святых, и христианскую поэзию, и историю воскресения Христа.

Что же касается человеческой природы и страданий Христа, то следует признать, что подземная живопись не уделяла им практически никакого внимания. Художники подчеркивали силу Христа как божественного Спасителя. Наиболее часто из всех эпизодов жизни Иисуса они воспроизводили сцену воскресения Лазаря из мертвых (в городе Вифания), о чем рассказывает только Евангелие от Иоанна²⁰. В римских катакомбах нашли порядка пятидесяти трех картин на этот сюжет. На них же Христа изображали благословляющим тем самым жестом, который встречался и на имперских монетах (с. 249). Ибо более всего христиане ждали от своей веры спасения, подобного воскресению Лазаря, в день второго пришествия Христа. Учение о том, что верующие воскреснут и встанут из мертвых, присутствует у св. Игнатия и в древнейшей версии символа веры, который относится ко второй половине II века. Тогдашнее всеобщее стремление бежать от зла этого мира и найти спасение в мире грядущем (с. 264) удовлетворялось христианской верой наиболее убедительным и привлекательным образом.

Как говорил Арнобий, человек получил неведомый ранее дар бессмертия²¹, что стало решающим шагом на пути избавления от вечного страха. Лактанций, ученик Арнобия, прямо заявил, что обратился в христианство потому, что новая вера гарантировала ему бессмертие.

Спасение человека в будущей жизни изображено на многочисленных саркофагах²², наиболее красноречива — фигура молящегося (*orans*), который либо представляет отдельного человека, либо воплощает все человечество и просит о допущении в христианский рай²³. Примером этому служат сотни стел из Теренута (Ком Абу Биллу) в Египте, на которых представлена эта тема. Иногда воскресение на них изображается как самоотречение и подчинение сверхъестественной силе: молящийся уплывает на корабле спасения или ожидает его прибытия. На других, более прозаических рельефах из Теренута изображена фигура лежащего человека, наслаждающегося отдыхом на пиру, который символизирует загробную жизнь. В Табраке (Африка) христианка предвидит свое вечное упокоение под защитой Матери-церкви. Даже Константин признался собору в Арелате, что он ждет суда над своими поступками после смерти. Эта жажда спасения, не слишком обращающая внимание на тонкости теологии (ибо такая вера в вечную награду за праведность заставляла искупление казаться несущественным), отражает лишь бесконечную преданность Христу как Спасителю.

Люди желали избавления от горестей этого мира. Существовала также и идея очищения от греха (с. 264), и тем более жажда спасения от демонов, враждебных человеку злых духов, сверхъестественных, хоть и не равных богам (с. 202)²⁴. Как неоднократно свидетельствовали христианские писатели, для огромного количества людей умение изгонять бесов казалось одним из ценнейших достоинств служителей церкви. Лактанций указывает, что злые духи бегут от креста, а Евсевий подтверждает повсеместное убеждение, подкрепленное личным опытом многих, что беспокойные и злые *даймоны* осаждают тела и души людей. Подобно тому как философы верили в сверхъестественные силы, игравшие роль посредников, христианская церковь отражала натиск демонов со всех сторон: Иисус стал Спасителем в том числе и от этой беды. Экзорцизм — исцеление больных за счет изгнания

демонов «без каких-либо операций или лекарств»²⁵ — оказался той стороной деятельности христианского клира, которая производила впечатление на простой народ, поэтому церковь занималась этим целенаправленно, не так, как другие религии, жрецы которых могли зарабатывать на этом деньги лично для себя. Это согласовалось с распространённым среди христиан убеждением, впервые высказанным Юстином, что Иисус воплотился в человеческом облике для того, чтобы уничтожить бесов, — в этом заключалась его миссия Искупителя грехов²⁶.

Поэтому противники христианства считали Иисуса одним из бесчисленных шарлатанов того времени, претендовавших на сверхъестественные способности (с. 269). О магии в христианской среде говорили много. В Египте, где склонность к магии всегда проявлялась сильнее, чем где бы то ни было, коптский язык, употреблявшийся вначале только на папирусах чародеев, стал официальным языком церкви. Константин, не обращая особого внимания на мнение церкви, снисходительно относился к белой магии, но вообще борьба против колдовства велась упорная. Синод в Лаодикее (Денизли в нынешней Турции) в 363 г. осудил членов христианского клира, занимавшихся магией, заговорами, астрологией и изготовлением амулетов. В истории ранней Церкви немаловажную роль играли и пророческие видения. Особенно часто встречались они у фанатичных христиан в сельской местности, положив начало сектам наподобие монтанистов (с. 338), которые продолжали пользоваться такой приверженностью христиан к пророчествам для подкрепления своих теорий. Среди сторонников монтанизма женщин было даже больше, чем в ортодоксальной церкви, потому что они использовались этими еретиками в качестве медиумов. Одна из таких медиумов видела Христа в женском обличье.

Другим способом «общения» и сопричастности христиан со Спасителем оказались мистическая связь и союз, которые и в язычестве того времени занимали все более важное место (с. 209). К вере язычников в обладавшее личностью божество (как в Ветхом Завете) христианство прибавило опыт постижения Царства Божьего в душе человека. Про-

должение присутствия на земле Святого Духа и после смерти Иисуса подчеркивалось апостолом Павлом как основа новой жизни. Затем Евангелие от Иоанна говорило об Утешителе, которого Бог-Отец пошлет, чтобы напомнить верующим учение Иисуса²⁷. Четвертое Евангелие стало, таким образом, основой для христианского мистицизма (с. 220), независимо от того, испытывал его автор мистическую экзальтацию, ощущал ли себя медиумом. Сходные настроения проявлялись и во многих апокрифических Евангелиях. Ориген, старший современник Плотина, часто чувствовал, что Христос пребывал с ним «настолько, насколько было возможно», но потом «он неожиданно исчезал», и Ориген «не мог найти то, что искал»²⁸.

Однако были у христиан и другие, чаще применявшиеся, средства достижения союза со Спасителем. После сцены воскрешения Лазаря самым популярным сюжетом катакомбной живописи стала история из Нового Завета о том, как Христос накормил пять тысяч человек пятью хлебами и двумя рыбами. К тому же эта история во всех четырех Евангелиях упоминается не менее шести раз, чаще, чем какое-либо другое из чудес, сотворенных Иисусом. Особое значение этому эпизоду придавали потому, что он символизировал два таинства: евхаристию (причастие, тайную вечерю) и крещение. Христианство было далеко не единственной религией, опиравшейся на таинства для привлечения верующих, но благодаря человечности, личной теплоте Спасителя, с которым его почитатель соединялся посредством таинств, эти обряды стали играть исключительно важную роль в жизни христиан. История о том, как Иисус накормил тысячи людей, означала евхаристию, потому что пищей им служили «истинный хлеб и рыба из живой воды». А рыба (кроме того, что греческое написание этого слова являлось аббревиатурой титулов Иисуса) напоминала также о таинстве крещения, ибо «мы, рыбки, в воде рождаемся»²⁹.

Самой сильной стороной христианства стало то, что эти таинства давали возможность единения с Богом в любое время. Христос принял крещение из рук Иоанна Крестителя. Предсказанное же Иисусом крещение Святым Духом, согласно «Деяниям Апостолов», осуществлено было им как сходение Святого Духа на апостолов в Пятидесятницу

(Троицу). Это послужило божественным предзнаменованием крещения, которое должен был получить каждый христианин, смывая таким образом свои грехи. Поскольку люди, покрестившись, продолжали жить в этом мире, а принимать на себя грех после крещения уже не хотелось, многие из них не прибегали к очищению посредством этого таинства до тех пор, пока не оказывались на смертном одре (с. 334), хотя в III в. н. э. обычным делом становится и крещение младенцев. Крещение даже более наглядно, чем инициации, принятые в языческих религиях, давало верующему прямое, личное общение с Богом, сочетая, как таинство, величие и простоту. Прежде всего, люди верили в то, что крещение становилось путем бегства от гибели в бессмертие, оно же означало и второе рождение, чистый спокойный свет, спускающийся на человека сверху и омывающий, очищающий сердце того, кто принимал крещение³⁰. Но для того чтобы креститься, обязательно следовало выполнить два условия — раскаяться и уверовать.

Связь, установленная такой инициацией, постоянно обновлялась через таинство евхаристии (причастия). Символическое действие отображало тайную вечерю, благодаря которой Иисус превратил своих учеников в сознательных участников его жертвенного подвига. Преломленный хлеб символизирует в причастии Тело Христово³¹. Вначале последний символический ужин Христа ассоциировался с братскими трапезами христиан, агапами (*agapae*), носившими благотворительный характер (с. 322). В течение III столетия эти обеды превращались в обычные застолья, тогда евхаристия выделилась в отдельный ритуал, обладавший особенной, ни с чем не сравнимой силой воздействия на верующих. После долгой проповеди о милости Господней евхаристия завершалась раздачей верующим символических порций хлеба и вина. Эта трапеза причастия, изображавшаяся в катакомбах как древо жизни³², стала главным таинством и высшим духовным выражением христианства: она снова и снова подтверждала полученный при крещении путь к бессмертию, знаменовала братство христиан по всему миру, давая каждому из них возможность личного единения с Христом.

Дарование этих таинств оказалось особенно необходимым потому, что вера в неминуемое второе пришествие, столь страстная в эпоху

становления христианства, постепенно слабела, что объясняется наложением концепций, взятых из греко-римской философии, на изначально иудейское вероучение. Пуристские секты, такие как монтанисты, все еще ожидали близкий конец света, а преследования христиан поддерживали в них эту веру, но своих немногочисленных сторонников эти секты находили только в низших слоях общества³³. К началу III века распространилось мнение, что отдалить конец света может существование Римской империи (с. 316). Следовательно, таинства, непосредственно объединявшие верующих с Христом, должны были служить им утешением, заменив в этом качестве остывшее у верующих желание увидеть при жизни второе пришествие.

Катакомбные художники изображали отношение христиан того времени к своему Спасителю. Они, как правило, не рисовали его непосредственно, поскольку христианство унаследовало от иудаизма отвращение к попыткам изобразить Бога, и есть надежные свидетельства того, что подобные представления продолжали существовать и в III веке. Удаленность от основной линии развития христианской культуры отражает христианская часовня в Дура-Европос: здесь Христос появляется на картине уже в 232/233 г. Некоторые толкователи Ветхого Завета оправдывают этот факт, утверждая, что в нем порицается скульптурное, а не живописное изображение божества. Мавзолей Юлиев под собором св. Петра в Риме, расписанный христианами в 250—275 гг., демонстрирует не столь прямой подход к изображению Иисуса, ибо он на тамошней потолочной мозаике предстает в образе бога солнца, который в то время становился главным божеством официального культа в Риме (с. 254). Христос показан правящим четверкой лошадей бога солнца, которые символизируют не только четыре Евангелия, но и воскресение из мертвых. Изображен Спаситель на золотом фоне (характерном для позднейшей византийской живописи), который означает небесный вечный свет, предвестником которого и должно стать воскресение. Другим популярным сюжетом, нашедшим свое отражение и на напольных мозаиках в виллах богатых людей, и на катакомбных картинах, являлось уподобление Иисуса Орфею, закля-

пателю сил природы, погибшему мученической смертью. Орфей также считался мифическим основателем религиозного течения — орфизма. Это отождествление, вероятно, происходит от поэмы, приписывавшейся Давиду, в которой упоминается орфическая мифология³⁴. Орфей на мозаике в Эдессе (227/228 г. н. э.) похож на Давида из синагоги в Дура-Европос. Многие христиане разделяли убежденность в том, что Орфей, как и другие основатели религий, был философом, использовавшим символы, которые предстояло разгадать последующим поколениям. Поскольку основателя своей религии — христианства — христиане считали реальным историческим лицом, они полагали необходимым показать неведомые язычникам *истинные* образы Орфея, Одиссея или Геркулеса. Орфей изображался и языческими, и христианами художниками в образе певца: отождествленный с Иисусом, он становится князем мира, предсказанным пророком Исайей, что нашло отражение и в литургических песнопениях — самой ранней из известных форм христианской общей молитвы.

До окончательного утверждения обычая в Византии непосредственно изображать Иисуса³⁵ живописи предстояло еще преодолеть немало препятствий. В 306 г. собор в Эльвире (Испания) высказывался против искусства в церкви, а Евсевий порицал Констанцию, сводную сестру Константина, за желание увидеть изображение Христа и сделать с него копию. В течение предыдущего столетия катакомбные художники начали рисовать и Деву Марию³⁶ как символ особого места женщины в христианстве. Жизни Богородицы было посвящено апокрифическое «Протоэвангелие от Якова». Но в то время художники, как и скульпторы, предпочитали изображать Иисуса иносказательно. Особенно часто он предстает в образе доброго пастыря, который спасает свое стадо и убергает его от «пасти льва». Эти картины встречаются вдвое чаще, чем воскрешение Лазаря, и втрое чаще, чем кормление пятью хлебами и двумя рыбами. Пастырь несет на плечах барана или ягненка, напоминая о языческой традиции скульптурных изображений пастухов, что в греческой культуре восходит к временам архаики. Иногда даже невозможно установить, принадлежит ли изображение пастыря христианам или язычникам, символизирует ли оно языческую доброту

(филантропию) или христианскую любовь. Этот же пастух, кудрявый юноша, представляет не только Давида, но и Аполлона или Гермеса, проводника душ. Спасенный ягненок в таком случае символизирует душу, вырванную из пасти разрушения. Но ягненок означает в то же время и пасхальную жертву, которая объединяет избавление в прошлом, братство в настоящем и надежду на будущее.

Добрый пастырь появляется на одном из самых ранних из известных христианских саркофагов, между портретами умерших, изображенных в райских кущах. От середины III века и до 280 г. этот образ превалирует и как центральный в христианском искусстве порождает яркие образцы живописи, устанавливая манеру, сохранившуюся на многие столетия. Иногда художники одевали пастыря в императорское облачение, что напоминало о значении, придаваемом этому образу: не человечность или страдания Христа, а его сила Спасителя³⁷. Хотя мученики и вдохновлялись тем, что уподобляли свои страдания мукам Христа, верующие в целом считали его не столько примером для подражания, сколько Спасителем — божеством, пришедшим в мир, чтобы завершить Божье предначертание и принести спасение тем, кто уверует.

Около 280 г. в катакомбном искусстве происходят заметные изменения: статичную, спокойную композицию, изображающую доброго пастыря, сменяет серия оживленных, динамичных повествовательных сцен. Они рассказывали о том, как Бог неоднократно показывал свое могущество, вмешиваясь в ход истории и спасая тех, кто в него верил, против всяческой вероятности. Но, за исключением только воскрешения Лазаря, которое прямо символизировало спасение (с. 301), избранные для картин сюжеты происходят не из Евангелий, а из Ветхого Завета. Они повествуют об избавлении людей от бед в эпоху Древнейшей истории иудеев и во времена пророков. Художников привлекали истории из жизни Ноя, Авраама, Моисея, Сусанны, Даниила, Ионы, а также история о трех чудесно спасенных отроках (Садрах, Мийсах и Абеднегро)³⁸. Из 233 ветхозаветных сцен, которые насчитали исследователи раннехристианской живописи, 68 показывают, как Моисей добывает воду из скалы, 57 иллюстрируют историю Ионы,

а 39 — Даниила. Как и в арабской, и в языческой традиции, христиане рисовали, как вдохновленный Богом Моисей дал своему народу источник воды, чем спас их жизни. Иона и Даниил спаслись от жестокой смерти благодаря божественному вмешательству. Иона был вырван из пасти морского чудовища, с которым сравнивали государства, преследовавшие христиан³⁹ (а три дня и три ночи, проведенные Ионой в чреве кита, предвещали три дня перед воскресением Христа), Даниил же спасся от львов персидского царя. Эти темы стали преобладать в умах христиан, вытесняя другие на второй план. Ветхий Завет служил тому, чтобы показать могущество Бога, который всегда спасал своих преданных почитателей. Под давлением репрессий со стороны государства христианство обратилось к своим иудейским истокам, в которых так часто и уверенно предсказывалось спасение истинно верующих.

Другим результатом этих репрессий стал уход от враждебного мира и физического, так сказать, пространственного смысла. В эпоху, когда аскетизм и созерцательность считались высшими достоинствами человека (с. 207, 282), многие представители разнообразных религий верили, что вести подобный образ жизни следует в одиночестве⁴⁰. В эллинистической культуре традиция монашеского уединения шла от Пифагора. Уже в период правления династии Птолемеев в Египте встречались отшельники⁴¹, а по берегам озера Мареотиды в той же стране проживали иудейские пустынники, называвшиеся терапевтами⁴². В Палестине приверженцы секты ессеев в уединении обитали в горах возле Геброна⁴³. Во II—III вв. н. э. склонность к отшельничеству только возрастала. Христиане превозносили его за презрение к плоти и условиям жизни, о чем говорили и апостол Павел, и даже, как доказывали сторонники монашества, сам Иисус, который учил «продать имение свое и раздать нищим». Его последователи соответственно стали называться «одиночками» (*monachoi*), так как они, подобно Христу, только временно принадлежали плоти⁴⁴.

Одним из главных побуждений к монашеству становилось простое отвращение к людям. Другим мотивом ухода от мира оказалось широко распространенное в ту эпоху острое чувство вины. Некоторые верующие покидали общину из-за неприятия отвратительного им

ученого христианства александрийцев. Самый ранний из известных христианских отшельников (анакоретов) — Нарцисс, живший во II веке, удалился от людей из-за клеветы на него. Многие хотели уйти таким образом от семейных неурядиц. Но немало людей бежали от социальной несправедливости, притеснений и призыва на службу, от сборщиков налогов, от преследований за веру (с. 323 и далее). Фанатичные пуритские секты, такие как монтанисты, обостряли стремление к отшельничеству (с. 338).

И вот в III веке в Египте возникло монашеское движение. Толчком к этому послужило изгнание из Александрии лидеров христианской общины (таких как св. Дионисий), которым при Валериане пришлось спастись от преследований в оазисе Куфра. Но еще до этого преследования императора Деция (250 г.) вынудили юного отшельника Павла Фиванского бежать в пустыню, где он оставался до самой смерти, прожив, по слухам, до 113 лет. Вскоре и св. Антоний начал уединенную жизнь и немало поспособствовал тому, что монашество привлекло внимание многих христиан. Он родился в Верхнем Египте около 251 г., а в молодости неподалеку от своей деревни обнаружил отшельника, гораздо старше, чем он⁴⁵. Антоний покинул свое имущество (ок. 270 г.), а затем посетил Павла Фиванского и начал регулярную отшельническую жизнь. Еще через пятнадцать лет он полностью удалился от людей, поселившись в пустой гробнице на вершине холма в пустыне⁴⁶. Но многим людям хотелось последовать его примеру и жить вместе с ним. Во время последних масштабных преследований христиан Антоний организовал группы своих последователей, которые жили отдельно, каждая в своей келье, а встречались только для общей молитвы (ок. 305/306 г.)⁴⁷. В последние годы гонений, в начале IV века, Антоний помогал их жертвам, которых заключали в тюрьмы и копи Александрии. Не считая кратких отлучек, Антоний провел остаток жизни в пустыне около горы Колзим, где, как говорили, дожил до 105 лет. Люди постоянно приходили к нему, уже не боясь преследований, желая увидеть наследников былого мученичества в лице тех, кто умерщвлял свою плоть. Эти применявшиеся к самому себе пытки, доходившие даже до кастрации (запрещенной церковью в IV веке), казались

сторонникам монашеской жизни единственным способом служить Иисусу и избежать мирских соблазнов и гибели, которую они влекли за собой. Тогдашним церковным писателям эта тенденция к бегству от реальной жизни казалась чуждой, но вскоре прочно закрепились.

Антоний, происходивший из зажиточной семьи, был неграмотен и не знал никаких языков, кроме коптского. Он учил христианской вере очень просто, утверждал, что Святого Писания вполне достаточно для спасения⁴⁸, и игнорировал все учения современных христианских богословов. Его приверженцы придерживались христианских канонов, в частности того, о котором сказано в Нагорной проповеди, но Иисусу в целом уделяли мало внимания. Гораздо больше их заботила борьба с демонами (с. 302). Демоны просто кишели в пустыне, и Антоний провел всю жизнь, отгоняя их и уча других отшельников, своих последователей, как это делать. Многие художники, увлекавшиеся демонологией, показали нам весьма ярко, как Антония, по его представлению, бесы пытали и мучили до тех пор, пока он уже не мог стоять на ногах. Антоний наблюдал демонов в образе похотливых женщин, а также видел, как открылись все четыре стены его кельи и демоны ворвались туда с ужасным шумом в виде львов, медведей, леопардов, быков и скорпионов.

Амун (Аммоний), скончавшийся раньше Антония, основал общину, состоявшую из трех или четырех келий, общину отшельническую, а отчасти уже и монашескую⁴⁹. У них не было никакого устава, но членам общины следовало чтить личный авторитет старейшин. Амун не соглашался с Антонием в том, что надо было сосредоточиться на изучении Библии, которую Амун считал непонятной и странноватой из-за ее божественного происхождения. Он находил более разумным опираться на изречения святых отцов⁵⁰. Еще один египтянин, св. Пахомий (ок. 292—346 гг.), призывал изучать Святое Писание в рамках тщательно разработанный им программы строгой дисциплины и созерцания, установленной для христианских отшельников. Пахомий стал первым, кто основал настоящую монашескую общину, а именно монастырь в Табенниси, на острове в верховьях Нила (ок. 320 г.). Чис-

ленность обитателей этого монастыря вскоре достигла 1400 человек. За всю свою жизнь Пахомий основал девять мужских и две женских обители, в которых насчитывалось семь тысяч монахов и монахинь.⁵¹ К аскетизму, уединению и почтению к старшим прибавилось еще и следование уставу: каждый монастырь управлялся своим настоятелем, а они в свою очередь подчинялись Пахомию⁵². Также как и отшельники прошлого, они зарабатывали себе на пропитание трудом своих рук — монастыри становились весьма значительными субъектами экономики, бастионами, противостоявшими бедствиям того времени.

По прошествии недолгого времени в египетских пустынях проживали от ста до двухсот тысяч монахов. Монашеское движение, которое за столь короткий срок достигло впечатляющих размеров, стало частью значительного вклада Египта в мировую культуру. Монашество свидетельствует о достоинствах и недостатках египетского национального характера и представляет собой одно из высших достижений восточного христианства и яркий феномен эпохи расцвета и гибели римской цивилизации.

В 307 г. св. Илларион из Табаты (возле Газы) посетил Антония, а затем основал новый монастырь недалеко от своей малой родины⁵³. Евгений, выходец из монастырей Пахомия, перенес монашескую традицию в Нисибин (Месопотамия). Св. Василий Великий (ок. 330—379), происходивший из Кесареи в Каппадокии, четко сформулировал идеалы монашеской общины, укоренившиеся по всему Востоку империи. Традиции Василия Великого до сих пор сохраняются в православных монастырях.

Постепенно отшельники становились ближе к официальной церкви. До начала IV века большинство из них относились враждебно к городской жизни, распространяя это не только на государство, но и на церковную иерархию. Монахи часто становились источником беспокойств для епископов, иногда даже бежали именно от их власти. Пахомий не хотел, чтобы монахи принимали священнический чин, некоторые из них, стремясь избежать рукоположения, даже отрезали себе уши. В IV веке монахи все еще сохраняли неуважение к клиру и епископам⁵⁴. Но им пришлось смириться с отправлением священниками

богослужения, потому что примерным монахам следовало причащаться ежедневно⁵⁵, и постепенно восточные монастыри стали колыбелью священничества. С тех пор монахи служат церкви не столько в роли критиков, сколько в роли ее влиятельных помощников.

Св. Иероним, основавший общину в Вифлееме (389 г.), стал одним из пропагандистов крайней суровости, приверженцы которой критиковались Гиббоном и Юмом в XVIII веке с характерным для того времени неприятием аскетизма. Этим историкам ранние христиане подобного сорта казались угрюмыми полусумасшедшими фанатиками с куриными мозгами. Но еще в молодые годы Иероним мог прочитать написанное св. Афанасием «Житие святого Антония» (356—362 гг.), которое стало одной из популярнейших книг того времени. Придерживаясь установленных язычниками законов жанра (с. 168), Афанасий не боялся смешивать выдумки с фактами, предоставив образец для многих последующих произведений агиографической литературы. Латинский перевод «Жития» дал монашеской традиции возможность проникнуть на Запад Римской империи. В Ирландии пустынноческие обычаи монашеской жизни, установленные св. Антонием, бытовали очень долго. В Галлии же св. Мартин основал монастырь в Лигюже возле Пуатье (ок. 360 г.)⁵⁶. Характерную для западного монашества форму придал ему св. Бенедикт. Его устав (ок. 515 г.) добавил к восточному аскетизму римские добродетели: серьезность, постоянство и умеренность, которые сделали западных монахов миссионерами, исследователями, хранителями христианской культурной традиции.

Иудеи, христиане и государство

Несмотря на мощное греко-римское влияние, фундамент христианской теологии оставался иудейским, а отношение к христианам со стороны римлян определялось изначально именно иудейскими корнями учения.

Положение иудеев в Римской империи было двусмысленным. Поскольку они не почитали богов Эллады и Рима, их принимали за атеистов. Иудеи вообще очень сильно выделялись, и своими обычаями,

такими как обрезание, кошерная пища, святость семьи, и своим убеждением в том, что они являлись избранным народом. Эта исключительность угрожала выживанию иудеев, потому что не вызывала любви у их соседей, которых иудеи, в свою очередь, презирали. «Всех же остальных (людей), — писал Тацит, — они ненавидят как врагов». Особенно напряженными всегда были отношения иудеев с греками, прежде всего это касалось Александрии, где издавна проживала большая иудейская община. Кроме того, отчужденность между греками и римлянами с одной стороны и иудеями с другой возросла после того, как два восстания в Палестине (66—70 и 132—135 гг.) сопровождались (в разное время) и антиримскими выступлениями в Египте, Киренаике и других местах. Однако изолированность иудейской общины не только придавала самим иудеям стойкость, но и укрепляла их позиции в противостоянии с римскими властями, потому что иудейский бог казался просто национальным богом, а к этому римляне могли относиться с пониманием и уважением. Ранние императоры защищали права иудеев, прежде всего, право следовать законам своей религии. Хотя обрезание тех, кто не принадлежал к их народу от рождения, строго запрещалось, иудеи не могли вызвать в суд в субботу и не призывали в армию, где ему никак не удалось бы соблюдать свой закон. Таким образом, отношение римского государства к иудеям балансировало на грани покровительства и недоверия. Вторая половина II в. н. э., когда создавалась Мишна (наиболее ранняя часть Талмуда), была благоприятным периодом для иудеев. В иудейской традиции популярно имя Антонинов, потому что в период между правлениями Марка Аврелия и Каракаллы — двух императоров, носивших имя Антонин, иудеи процветали и получили официальное признание при рабби Иуде Святом (Иуда Гакадош I) (135—217 гг.)⁴⁷. Данная тому привилегия, как официального лица, нашла свое отражение в скульптуре в синагоге города Капернаум, а в Галилее тогда, несмотря на подозрительное отношение к иудеям Септимия Севера, насчитывалось много великолепных синагог. Иудейские школы, игравшие немаловажную роль, также появлялись и в городе Сура на Евфрате, и в других местах⁴⁸. Палестина в то время, вследствие тяжелых условий

жизни, бедности и болезней, уступила Месопотамии роль культурного центра иудеев. В Дура-Европос, полиэтничном городе на Евфрате, находилась синагога, где стены были расписаны картинами, аллегорично изображавшими несчастья и возрождение народа Израиля (ок. 235 г. н. э.). Иудеи, в чем их повторили и христиане, подчеркивали непрерывность иудейской истории как свидетеля наград и наказаний, получаемых иудеями от Бога за послушание его закону или отход от него. Постройка в Дура-Европос отражает последствия, к которым иудеев привела эллинизация из-за пренебрежения талмудическим запретом изобразительного искусства. Иудеи вообще говорили тогда частенько на греческом языке, а не на древнееврейском, как ранние христиане. В синагогах других городов встречались изображения богини победы, бога солнца, даже Леды и Лебедя. В Дура-Европос, где представлены разнообразнейшие художественные стили, греческое влияние просматривается в изображении трех нимф, ухаживающих за младенцем Моисеем. Езра, читающий свой свиток, похож на греческого оратора. Давид же со своей арфой, несмотря на восточную манеру, в которой выполнена композиция, напоминает Орфея, сравнивавшегося христианами с Иисусом (с. 306)⁵⁹.

Археологи, производившие раскопки в Дура-Европос, предположили, что тамошние иудеи подверглись нападению. Возможно, римские власти заподозрили их в симпатиях Ирану. Таким образом, несчастья иудеев, заканчивающиеся их спасением, изображенные на стенах синагоги в Дура-Европос, могли иметь конкретное происхождение. За несколько лет до этого Септимий Север наложил запрет на миссионерскую деятельность иудеев, а Филострат (с. 256), повторяя давние претензии к ним, описывал иудеев как повстанцев против Рима и всего человечества, живущих в непримиримой отчужденности, отрезанных от своих соседей по империи пропастью более глубокой, чем та, что отделяла Рим от Суз, Бактрии или Индии⁶⁰. В ходивших в те времена по рукам многочисленных оракулах, направленных против греко-римской цивилизации, прослеживается сильное влияние иудаизма. Тем не менее иудеи практически не пострадали от многочисленных преследований, обрушившихся на христиан.

Когда Римская империя стала христианским государством, двусмысленная модель отношений с иудеями не изменилась. Константин отзывался о них совсем не лестно, запретив иудеям обрезать своих рабов-христиан и преследовать тех, кто оставил иудаизм ради христианства. Однако этот же император позволил раввинам не платить городским властям налоги.

Прошло немало времени, прежде чем римское население научилось четко отделять христианство от породившего его иудаизма. Хотя римские власти стали различать две эти религии, очевидно, еще в период преследований христиан Нероном (64 г.), сохранялась тенденция рассматривать христианство лишь как радикальную иудейскую секту⁶¹. В отличие от христиан иудеям позволялось следовать закону своих предков, поэтому нелюбовь к ним со стороны язычников была еще сильнее. К тому же призывы христианства к низшим слоям общества и рабам, обещание спасения всем, независимо от социального положения⁶², власти часто считали расшатыванием устоев, особенно во времена кризиса империи (с. 323).

Сам образ жизни христианских общин приводил греко-римское общество в раздражение. Поскольку христиане не исповедовали, как иудеи, традиционную национальную религию, их еще ожесточеннее упрекали в отстраненности, в том, что они скрытно молились своему Богу, считали себя избранными, пропагандировали нормы и ценности, противостоящие общепринятым. Даже после того, как стал прослеживаться след ожидания немедленного второго пришествия (с. 306), христианам надлежало ненавидеть этот мир и все, что ему принадлежало. Ибо христианин, ревностно служивший Богу, становился чужеземцем на своей родине. Христиане, как им казалось, не жили в этом мире, а лишь пребывали в нем временно⁶³. Подобного мнения придерживались многие языческие мыслители той эпохи (с. 195), поэтому несложно объяснить враждебность по отношению к христианам, которая выливалась во вспышки насилия. Уже император Нерон сделал христиан козлами отпущения, официально за поджог Рима, но на самом деле, как указал Тацит, за то, что они казались

«ненавистниками рода человеческого», — обвинение, выдвинутое ранее и против иудеев.

Но в последующие более чем сто лет императоры, озабоченные, как всегда, умиротворением ненужных страстей, склонялись к тому, чтобы защищать христиан от враждебной среды, а не обвинять их в каких-то преступлениях. В начале II века Плиний Младший, наместник Вифинии и Понта, испытывал обеспокоенность тем, что христиане не отказываются от своих извращенных верований. Он, соответственно, спросил совета у императора Траяна, который ответил, что на христиан не надо охотиться. Следовало лишь наказывать тех, принадлежность которых к христианству доказана судом, с условием, что люди, отрицавшие свою принадлежность к этой вере и оправдавшие себя своим поведением, а именно *почитанием языческих богов*, должны освободиться от наказания, несмотря на все прошлые проступки⁶⁴. Тем не менее хотя другие императоры не начинали репрессивных кампаний против христиан, они чувствовали необходимость время от времени позволять это на местах, в ограниченных масштабах, чтобы волнения среди антихристиански настроенного населения не нанесли ущерба соблюдению закона⁶⁵. Но оправдание лишь посредством отказа от своих убеждений являлось уникальным случаем снисходительности государства в вопросах уголовного преследования. Приверженность христианской вере могла навлечь на любого санкции со стороны наместников провинций, в обязанности которых входила защита официального культа. Но преследования не были постоянными, а иногда и вовсе прекращались.

При Марке Аврелии, однако, положение христиан стало ухудшаться. В Галлии и Малой Азии происходили погромы, потому что христиан считали виновниками военных поражений, экономических неурядиц и стихийных бедствий. Галло-римское население жестоко ненавидело купцов-христиан, выходцев с Востока, которые торговали в долинах Роны и Соны, иммигрантов, пребывавших в постоянном страхе перед нападками ксенофобов. Чтобы успокоить народные волнения, власти проводили аресты и жестокие казни христиан. При Коммодe такие преследования распространились и на Северную Африку.

В правление Марка Аврелия одной из жертв преследований стал Поликарп, епископ Смирны, который отказался, к недоумению судьбы, клясться гением императора (с. 233)⁶⁶. Но Поликарп при этом заявил, что христиан учили относиться с уважением к официальным властям, назначенным Богом, при условии, что те не преследовали христиан⁶⁷. Ириней (с. 291), один из основоположников западной средневековой политической мысли, также заявлял о необходимости существования властей, из-за того, что человечество казалось ему слишком порочным и ограниченным в своих возможностях. Среди христиан было широко распространено мнение, что одновременное появление миропорядка Августа (Pax Augusta) и их Спасителя произошло не случайно. Вот и Мелитон Сардский, когда писал Марку Аврелию, щедро восхвалял императорскую власть⁶⁸. Но Фронтон, наставник Марка Аврелия, был противником христиан, хотя, пожалуй, в меньшей мере, чем философ Цельс (ок. 177/178 г.; с. 295), что известно по опровержению его взглядов Оригеном. Цельс считал высказывание христиан «Никто не может быть слугой двух господ» прямым призывом к бунту. Христиане в его интерпретации предстают необразованными, упрямыми и иррациональными варварами, деятельность которых подпадала под законы о тайных обществах. Почему же христиане не несут общее бремя, не занимают государственных должностей, не сражаются в рядах императорских войск? Если бы все вели себя мирно, как христиане, говорил Цельс, всякое общественное устройство рухнуло бы, включая и христианскую церковь⁶⁹.

Очевидно, в конце II века Минуций Феликс, происходивший, предположительно, из Северной Африки, написал по-латыни первый известный труд в защиту христианства. В нем он цитирует и опровергает мнения своих врагов, представляя, какие дичайшие обвинения в непристойностях и даже канибализме выдвигались против христиан, обычаи и законы которых мало кто знал⁷⁰. А из рядов последних сириец Татиан ответил тем, что описал язычников, поедавших плоть христиан, чтобы не допустить их воскресения.

Септимий Север развернул первую общеимперскую кампанию притеснений христиан, запретив и им, и иудеям вести миссионерскую

работу и подвергая вновь обращенных суровым наказаниям (201—203 гг.). В Северной Африке, где источники зафиксировали казни христиан, враждебность к ним открыто продемонстрировали жрецы египетского бога Сераписа, благорасположение императора (с. 130) к которым вдохновило их выдвигать обвинения против христиан, а наместник Африки и Египта по той же причине пошли у них на поводу.

«Нас осадили, — стонал Тертуллиан, — на нас охотятся, застанут врасплах на наших тайных собраниях!» Но деятельность этого ученого африканца, отстаивавшего свое мнение упорно и импульсивно, вдохнувшего силу истинно верующего в свою блестящую и безжалостную латынь, ознаменовала поворот христианской литературы от примиренчества к самоуверенности и непривычной агрессивности. В своей книге «*Apologeticus*» Тертуллиан атаковал язычников жестоко и без обиняков (197 г.). Он питал отвращение к их лживым пророкам и грязным жертвоприношениям, к крови, дыму и зловонным трупам животных. За свои грехи язычники приговорены уже к куда более страшным, чем их ритуалы, наказаниям в Судный день, которым подвергнутся все язычники и все их книги⁷¹.

Тертуллиан, законник, сумевший применить римское правосознание к христианскому вероучению, не являлся ни в коей мере бунтовщиком: по его убеждению, верность властям была в интересах самих христиан. Тертуллиан считал, что стабильность, которую несла с собой Римская империя, предназначалась для того, чтобы задержать приход в мир пеликой силы зла, которая причинит людям ужасные страдания и будет означать скорый конец света. Поскольку христианам не хотелось испытать эти бедствия, они, молясь за то, чтобы конец света случился как можно позже, помогали продлить существование римской цивилизации⁷². Со временем Тертуллиан стал склоняться к нетерпимости и фанатизму, что привело его в ряды секты монтанистов (с. 338), а его патриотизм постепенно сошел на нет. Теперь он обратился против античных традиций и культуры, на которых основывалось существование империи. Христиан он призывал не принимать участия ни в каких языческих мероприятиях, даже семейных праздниках, а смешанные браки христиан и язычников Тертуллиан порицал как идолопоклон-

нические. Осуждал он и религиозное принуждение, бывшее частью государственной политики. Теперь Тертуллиан даже и не утруждает себя проявлением какой-то лояльности по отношению к властям и не пытался найти некий компромисс. Истинный христианин не мог, на его мнению, занимать официальные посты, а оружие им осуждалось как нехристианский инструмент, который не принесет его обладателю ничего хорошего. Единственно возможной службой оставалось служение Христу. Тертуллиан заявлял, что христианин не только должен воздержаться от жертвоприношений гению императора, но и от всякого служения ему⁷³.

С течением времени противостояние обострялось. Максимиан I, взойдя на трон после периода герпимости, выслал соперничавших христианских епископов на Сардинию (235 г.) и стал ужесточать существовавшие законы против христиан, а особенно против их духовенства, чему предшествовал всплеск христианских гонений, вызванный военным и экономическим кризисом и землетрясениями. Потом наступил еще один период спокойствия. Но, когда Ориген писал о преследовании Цельса (ок. 248/249 г.), он знал, что христиан ожидали новые преследования и что по всей империи будет неспокойно. Ориген чувствовал, что может ставить условия власти еще увереннее, чем Тертуллиан. Имперские власти расчистили путь евангельской вести, а христиане, по его словам, защищали государство, молясь за императора и за всю империю, но только если император был праведен, а его ссудаты сражались на справедливой войне. Ибо Христос сильнее императора и всех его прислужников, сильнее сената и римского народа⁷⁴.

Ориген рассматривал церковь как структуру, параллельную имперским властям⁷⁴, и действительно, она была государством в государстве. Эта организация, более эффективная, чем у какой-либо другой религии, подавила демократические и олигархические элементы, присутствовавшие в раннем христианстве, утвердив автократию епископов. Изначально христиане следовали иудейскому обычаю, по которому в каждой синагоге были не только священники и служки, но и совет старейшин (пресвитеров). По этой схеме и сейчас устроена пресвитер-

ианская (кальвинистская) церковь. В Новом Завете слова «старейшина» и «епископ» (*episcopos*) часто употребляются как синонимы, но на протяжении II века различия между ними становятся очевидными. Игнатий (ум. ок. 117 г.) уже мог восхвалять систему епископского надзора, а к 140 г. римские епископы (папы) стали особыми сановниками церкви, обладавшими и богослужебными, и административными функциями. Поддержанные заявлением Иринеем о том, что они являлись наследниками апостолов, на авансцену вышли епископы и других важных областей (ок. 190 г.).

Усиление власти епископов означало утрату ее не только пресвитерами, но и общиной верующих мирян. Согласно концепции общего священства всех членов христианской общины миряне изначально играли весьма заметную роль в управлении церковью. Во времена Оригена еще случалось принятие решений на общем собрании, в котором участвовали все христиане⁷⁵. Такое активное участие мирян в делах церкви осталось характерным для Востока и позже, где образованных людей среди них насчитывалось немало (с. 342). На Западе также наблюдалось постепенное возвращение к прежним представлениям, согласно которым клир должен быть четко отделен от мирян. К IV веку все службы и дела, относившиеся к церкви, оказались в руках духовенства, что закрепилось и законодательно.

Уже в 50-е годы III века подчеркивались уникальность и духовная чистота священнического сана. Такова, например, была позиция первого широко известного в Северной Африке епископа св. Киприана (ум. в 258 г.). Мирный и благоразумный человек (хотя погибший в результате преследований), Киприан полагал, что отход от прежних демократических обычаев ради усиления власти епископов более чем оправдывался гармонизацией и укреплением церкви. В его послании «О единстве католической церкви» (имелось в виду: «всемирной церкви»), направленном Карфагенскому собору (256 г.), утверждалось, что епископы, хотя и были каждый в отдельности средствами осуществления Божьего промысла, вместе представляли собой *единый* неделимый епископат. Киприан страстно отстаивал единство и сплоченность христиан, переходящие из поколения в поколение, чему не нашлось

примера в других современных раннему христианству религиях. Сильное руководство христианской церкви служило необходимым противовесом давлению имперской и муниципальной бюрократии. К примеру, вольноотпущенник св. Каликст, римский епископ (папа) в 217—222 гг., по своему богатству не уступал чиновникам.

Чтобы компенсировать установившееся неравенство в управлении общиной, духовенство стало заботиться о благосостоянии всех ее членов, независимо от социального статуса. Такой благотворительностью занимались до христиан и иудеи, и языческое население империи, создававшее организации взаимопомощи для содержания бедных и сирот и для проведения похорон. Теперь каждая христианская община оказывала особое внимание своим старикам, вдовам, беднякам, жертвам преследований и болезней. В Риме в середине III столетия община материально поддерживала свыше полутора тысяч вдов и стариков. Опасность, которая грозила всем христианам от властей, только стимулировала развитие благотворительной деятельности в приходской

Благотворительность основывалась на кассе взаимопомощи, образованной во времена Коммода и Септимия Севера. Священники получали жалованье, а церковь постепенно начала приобретать недвижимость. Христиане давно уже считали помощь нуждающимся главным занятием церкви, в чем отличались от сектантов, которые «нет дела до любви, нет дела до вдов, сирот, опечаленных, голодных и жаждущих»⁷⁶. «Смотрите, — восклицает Тертуллиан, — как любят друг друга истинные христиане!» Благотворительность христиан производила впечатление даже на их врагов, таких как скептически настроенный Лукиан. Два столетия спустя император Юлиан Отступник приписал успех христианства не только показной строгости обычаев и тщательно разработанному ритуалу похорон, но и благотворительным трапезам для бедных христиан и нехристиан, при том что язычники не заботились даже о своих⁷⁷. Такие мероприятия, теплота, которую они приносили в обезличившийся и жуткий мир Поздней империи, способствовали приходу господства христианской веры. Кроме того, медленно, но верно человеколюбие христиан подвигло римлян на осуждение и запрет гладиаторских игр, оставления родителями ново-

рожденных младенцев и самоубийств (с. 119). Но еще до этого социальная активность христиан служила наглядным доказательством их исключительной силы. Хотя любовь к ближнему присутствовала и в других религиях, христианская оказалась единственной, провозглашавшей и практиковавшей невиданные, всеобщие, неограниченные любовь, утешение и сострадание, не различая происхождение, пол, национальность, образование, должность, включая в обещанное спасение даже грешников, отчаявшихся и нищих, от которых отвернулось общество. Нищего Лазаря пригрел на груди Авраам, а богатого ожидали муки ада, ибо «Блаженны нищие, ибо их есть Царство Небесное... блаженны алчущие и жаждущие, ибо они насытятся».

Хотя церковь и оставалась относительно небольшой и маловлиятельной, ее эффективно организованная администрация представляла опасность для правительства, обремененного многими другими заботами. Поэтому Деций, обратившись против христиан (250—251 гг.), сначала взялся за их предводителей. Максимиан I поступил так же, но Деций гораздо яснее представлял себе силу организации христианской церкви, которую он решил разгромить. После казни римского епископа Фабиана император якобы заметил: «Я бы предпочел известие о появлении претендента на мой трон избранию нового епископа в Риме».

Одной из основных задач государственной машины являлось установление разумного единообразия. Дарование всему населению гражданства (с. 118) не стимулировало преследования христиан самого по себе, но послужило распространению идеи о том, что гражданам подобает почитать богов, от которых зависит благосостояние всей империи. Деций не заставлял христиан отречься от их веры, но не потерпел отказа принимать участие в общих ритуалах с язычниками. Деций рассуждал по-солдатски, и его приказ, как на войне, не подлежал обсуждению. Его призыв к почитанию языческих богов носил, скорее, психологический характер: во времена кризиса и утраты уверенности в силе Рима такие мероприятия отвлекали внимание людей от бедствий и тревог. Сверх того, именно в то время в обращение вышла уникальная серия монет в память о прежних, обоженных императорах (с. 238) —

все жители Римской империи, забыв о религиозных разногласиях, должны были сплотиться вокруг этих почтенных личностей из славного прошлого. И Деций потребовал от христиан выполнения только одного ритуала. По совершении его местная комиссия выдавала соответствующее удостоверение (*libellus*), образцы которого были найдены в Египте. Прихожане и клир христианской церкви, жившие в основном в городах, оказались в безвыходном положении. Тем не менее некоторые христиане, вероятно, без лишнего шума уклонились от совершения ритуала. Другие подкупали членов комиссий, чтобы те выдали им удостоверение, многие же христиане согрешили и сделали то, что от них требовалось⁷⁸. Те же, кто отказывался, подвергались казни.

Мученичество (слово *martyr* — «мученик» — означало еще и «свидетель») не было чем-то новым. Казни в правление Марка Аврелия усилили веру в тот критический момент, когда терпимость власти к христианам привела бы к возникновению разнообразных сект и последующему распаду церкви. К тому же хотя Марк Аврелий и другие язычники могли осуждать непокорных христиан-мучеников как ищущих славы любой ценой (с. 197), их смерть осталась в памяти собратьев по вере (следующих заветам стоиков и других язычников) образцом для подражания⁷⁹. Подобное самопожертвование основывалось на стремлении к смерти и смыванию всех своих грехов посредством подражания мукам Христа. Христиане также верили, что их жертва ускороит примирение Бога и его народа. До второго пришествия исключительно мученики могли попасть в рай. «Счастлив человек, которого уничтожил Бог, — провозгласил Тертуллиан. — Кровь мучеников есть семя христианства». Упорство, которое ненавидели в христианах, по его же словам, преподало миру урок. Так как Божеское и человеческое изначально враждебны, то, будучи осуждены властями, христиане, как они верили, оправдывались Богом⁸⁰.

В Риме художники и все христиане предпочитали изображать Христа скорее могущественным спасителем, чем страдающим мучеником (с. 301). Но в кругах верующих, настроенных более сурово, особенно в Северной Африке, христианство понималось как мучительное испытание, приносящее победу над дьяволом и демонами,

которые и подстрекали римские власти преследовать христиан. Киприан восславлял ноги, «благословенно» скованные и освобождавшиеся от оков не кузнецом, а Господом⁸¹. А верующие бросали свою одежду на то место, где должны были казнить самого Киприана, надеясь, что она пропитается его кровью. Ориген тоже был фанатичным приверженцем мученичества — оно, по его мнению, демонстрировало, как христиане своими делами доказывают свою веру в посмертное воздаяние.

Тем временем появились могилы мучеников, игравшие роль святылиц, в чем примером христианам послужило почитание язычниками легендарных героев. В Малой Азии подобные христианские «культы» возникли еще во II веке. Самым почитаемым, однако, стал римский мученик (Martyrium) апостола Петра, которого около 100 г. считали казненным по приказу Нерона. Гробница (ок. 160—170 гг.), недавно открытая под собором св. Петра в Ватикане (с. 138), считалась символом победы над смертью и язычеством, согласно видению некоего священника в конце III века. Постепенно церковные празднества и памятные службы в честь мучеников становились все более важными для христиан. Оттуда, где лежали их кости, демоны «бежали, как от огня и невыносимой пытки»⁸². Демонстрация того, что за христианскую веру стоило умирать, доказывала, что с нею стоит и жить.

Через несколько лет после репрессий Деция Валериан предпринял новые нападки на церковь по всей империи (257—258 гг.). Он, несомненно, повторил призыв к почитанию национальных богов, тем более что положение на беспокойных границах империи только ухудшалось. В верности же христиан возникли сомнения после того, как некоторые бежали к готам, вторгшимся в провинцию Понт. Но в первую очередь мотивы Валериана могли быть корыстными. Церковная собственность представляла собой немалый соблазн, а люди, служившие священниками на жалованье, превратились в живые мишени. Когда Валериан обрушился на церковную организацию христиан, он не только изгонял епископов, но и впервые стал конфисковывать помещения, где собирались прихожане, а также храмы и кладбища. Лишал он собственности и богатых христиан.

Но когда Валериан попал в плен к персам, его сын Галлиен положил конец этим преследованиям⁸³. Его поступок может служить объяснением положительного отношения языческих письменных источников к Валериану и отрицательного — к Галлиену. Но отказ последнего от репрессий не был вызван какими-то личными симпатиями к христианству. Галлиен более интересовался учением философа Плотина, хотя при дворе императора были и христиане. Очевидно, в период отчаянной борьбы за выживание, когда государство почти скатилось к состоянию анархии, Галлиен предпочитал примирять враждующих, а не искать козлов отпущения.

Политика терпимости, начатая Галлиеном, продержалась сорок лет. В этот период христианство упрочило свои позиции. При том что распространение христианской веры в сельские районы Востока породило фанатичных, но своенравных неопитов (с. 338), главной опорой церкви оставались городской средний класс и городская беднота, включавшие лавочников, моряков, писцов, мелких торговцев, ремесленников и рабочих. Дион Кассий, историк греческого происхождения, не обратил на усиление христианства никакого внимания. Тертуллиан же, со своей стороны, провозгласил, что христиане, хоть и появились «только вчера», но уже наполнили весь мир, особенно отметив преобладание христиан в городах⁸⁴. Это являлось преувеличением, или выводом, сделанным лишь по нескольким городам, но в целом время действительно работало на христиан. На Карфагенском соборе 256 г. присутствовали 87 епископов, через полвека их количество утроилось. Раньше христиане редко занимали высокие посты на императорской или муниципальной службе, немногочисленные образованные христиане обосновывались во многих городах, не только в Александрии (с. 295). К концу III века церковь имела своих приверженцев даже среди наместников провинций⁸⁵. По всему Южному и Восточному Средиземноморью, а особенно там, где присутствовала заметная иудейская или другая семитская составляющая, христианство укоренялось медленно, но верно и обращало на себя внимание. Христиане постепенно вращались в греко-римское общество.

В Малой Азии, где истину в религии искали давно и упорно, христианская церковь набрала тот потенциал, который дал ей возможность успешно развиваться и в других регионах. Распространение христианства в Малой Азии началось с греческих городов на берегу Эгейского моря, а затем проникло на Восток, в горы. Св. Григорий Чудотворец Неокесарийский (ум. ок. 272 г.), обращенный в христианство Оригеном, весьма умело проводил свою миссионерскую деятельность в Понте и Каппадокии, где разоблачал лживость языческих оракулов и целителей, а местные языческие праздники заменял на такие же праздники, но в честь христианских мучеников. Но там, как в Египте и в Сирии, распространение христианства в сельской местности порождало ереси (с. 338). Население Египта, возможно, стало более чем наполовину христианским уже к 300 г., а позже число верующих возросло за счет наплыва людей в монастыри (с. 310). Сирия и Палестина не менее стремительно обращались в христианство (центрами стали Антиохия, Кесарея и Тир), там же христианская религиозность впервые получила явную этническую окраску благодаря появлению литературы на сирийском и арамейском языках. Сирийская церковь активно занималась миссионерством, и, когда епископ Антиохии рукоположил первого епископа Эдессы (нынешней Урфы), столицы Осроены, государства на северо-западе Месопотамии, речь шла уже и о национальной церкви. Вскоре царь этого зависимого от Рима государства был обращен и, как это ни печально, положил начало преследованиям язычников со стороны христиан (с. 336)⁸⁶. Другом царя был еще один новообращенный христианин, Бардесан (154—222 гг.). Этот образованный астроном и астролог по роду своих занятий, оказавший влияние и на возникшее позже манихейство (с. 282), исповедовал весьма своеобразную разновидность христианства, полагая, например, что Тело Христа было иллюзией. О Бардесане говорили, будто у него был легион демонов в сердце и Господь на устах⁸⁷. Но в политическом трактате, посвященном Каракалле или Элагабалу, Бардесан доказывал, что христианская свобода, под которой он подразумевал свободу воли, выражается через национальные особенности разных народов. Такую модель Бардесан считал более

значимой, чем идеал Великой Римской империи, хотя и не относился к нему с явной враждебностью⁸⁸.

Эдесса породила не одно новшество в богословии, а происходившие оттуда священники основали епископскую кафедру в Арбеле (Эрбиль в нынешнем Ираке) на восток от Тигра. Армянский поэт восхвалял Эдессу, «помолвленную с Сыном Божьим»⁸⁹. Ибо к концу III столетия Армения тоже обратилась в христианство. Апостолом для нее стал св. Григорий, выходец из царской династии уже не существовавшего Парфянского государства. Царь Армении, за которую постоянно воевали Иран и Рим, приняв христианство и отдав церкви языческие храмы, сделал христианскую веру фактором международных отношений.

Христианство в тех землях, где говорили на латыни, развивалось медленнее. В Карфагене, правда, появился один из самых известных христианских писателей — Тертуллиан (с. 319). Через полстолетия после его смерти североафриканская церковь, несмотря на обилие еретических движений, отличалась терпимостью, высокой организованностью, наличием состоятельных прихожан, поддерживавших ее, и высокообразованным священничеством. Соответственно, ближе к тому времени, когда жил св. Августин, именно североафриканские христиане распространили свою веру на Западное Средиземноморье.

В Британии христианство проявилось в начале III века. Через столетие испанская церковь, словно предчувствуя свое будущее величие, предоставила Константину в советники Осия из Кордубы, а в городе Эльвира в 306 г. прошел собор епископов. В Галлии во II веке большинство христиан оставались грекоязычными выходцами с Востока, чья чуждость местному галльскому населению провоцировала погромы. В Риме языком церкви также достаточно долго, чуть ли не до IV века, оставался греческий. В 200 г. в Риме насчитывалось около десяти тысяч христиан, а через сто лет их число увеличилось до тридцати — сорока тысяч, вероятно, еще удвоившись при Константине.

Такое количество верующих не позволяло церкви прийти к власти в Римской империи. После периода затишья, начавшегося при Галлиене,

христиан ожидали самые жестокие репрессии, которые возглавил Порфирий (ум. ок. 305 г.), ученик Плотина.

Дошедшие до нас цитаты из его труда в пятнадцати книгах *«Против христиан»* свидетельствуют, насколько яростно язычники взялись за христиан на этот раз. Св. Иероним, один из многих авторов, опровергавших обвинения Порфирия, отнесся к ним столь серьезно, что назвал своего противника подлецом, сикофантом, сумасшедшим и бешеной собакой. Однако Порфирий был человеком верующим, не менее христиан стремившимся обрести откровение, искупление грехов и бессмертие, готовый для этого даже «выбросить за борт» языческие культы⁹⁰. Он меньше, чем его предшественники, заботился об укреплении римского патриотического духа⁹¹. Порфирий, лучший специалист по Востоку за всю эпоху Поздней империи, стремился установить истину во что бы то ни стало. В поле зрения Порфирия-исследователя попали генеалогия Иисуса, канон Нового Завета, искажения истины, якобы во вине евангелистов, богословие и биография апостола Павла.

Коллега Порфирия Гиерокл тоже стал одним из главных подстрекателей грандиозной кампании преследований христиан, начавшейся в 303 г. и продолжавшейся десять лет. Санкцию на нее дали Диоклетиан и его цезарь Галерий. К тому моменту первый находился у власти уже девятнадцать лет, а второй — десять. Столь запоздалое решение можно объяснить либо недооценкой силы христианства, либо наличием его влиятельных сторонников при дворе. Но когда правители все же начали репрессии, их целью являлось полное уничтожение христианской церкви. Развернулась жесточайшая борьба веры против веры, старого порядка против нового.

Диоклетиан обратился за советом к римским богам, справился в Сивиллиных книгах и у оракула Аполлона в Бранхидах (Дидима в Малой Азии), а после этого стал издавать соответствующие эдикты. Первый из них запрещал все собрания христиан для молитвы или богослужения и предписывал разрушить все их церкви и уничтожить священные книги. Известных властям приверженцев христианства увольняли с государственной службы, включая армейскую, где культ императора был необходимой составляющей воинской дисциплины.

В двух последующих эдиктах, действие которых ограничивалось восточными провинциями, предписывалось арестовывать членов христианского клира и заставлять их приносить жертвы богам-покровителям государства. Четвертый эдикт (304 г.) распространял это требование на всех христиан без исключения⁹². Вскоре Диоклетиан отрекся от трона августа Востока в пользу Галерия. Галерий же, как и его племянник и цезарь Максимиан II Дайя, заставлял наместников следить за тем, чтобы все мужчины, женщины и дети принуждались к жертвоприношению богам. Кары для упорствующих ужесточались. Максимиан II Дайя постановил, что все, даже грудные младенцы, должны присутствовать на жертвоприношениях и вкушать мясо жертвенных животных (309 г.).

Но сопротивление этим эдиктам оказалось невиданно упорным и дерзким. Неизбежным было отступничество многих христиан, однако значительное их число не подчинилось властям и подверглось казни. На Западе людей погибло немного, так как Констанций I не хотел проводить широкомасштабные преследования и, за исключением сноса нескольких церквей, не стал вообще ничего предпринимать. Главный же удар пришелся на африканские и восточные провинции, где многочисленные крестьяне и горожане являлись преданными сторонниками христианства. В Палестине источники фиксируют 83 казни, из которых 32 приходились на самих палестинцев, а 51 — на египтян. В самом Египте, хотя точных цифр нет, произошло восстание, что вызвало репрессии со стороны властей. Вероятно, общее число казненных по всей империи достигло трех тысяч человек.

В восточных провинциях бюрократия для осуществления преследований христиан объединила усилия с армией. Репрессии, с некоторыми промежутками, длились десять лет. Но они стали финальным актом кровавой трагедии⁹³. По прошествии этих ужасных десяти лет стало ясно, что в преследованиях больше нет смысла. Времена изменились. Языческие общины больше не подстрекали власть так настойчиво. Напротив, они теперь сожалели о том, какие масштабы приняли казни христиан-мучеников⁹⁴. Язычники стали испытывать к христианам неприязнь меньшую, чем к авторитарной власти, терроризировавшей все население. Да и обычаи христиан уже не казались такими

чуждыми. Итак, по невыясненным причинам уже смертельно больной Галерий издал эдикт, обеспечивший свободу богослужения всем христианам (311 г.). Преследования, как заявил умирающий император, только заставляли христиан упорствовать или побуждали их не почитать вообще никаких богов.

Увидев, что многие, пребывая в своем безумии, не воздают подобающего поклонения ни богам небесным, ни Богу христиан, мы, по нашему человеколюбию и неизменной привычке даровать всем прощение, решили незамедлительно распространить наше снисхождение и на христиан: пусть они остаются христианами, пусть строят дома для своих собраний, не нарушая только общественного порядка. В другом послании мы объясним судьям, что им надлежит соблюдать. И в соответствии с этим разрешением христиане должны молиться своему Богу о благоденствии нашем, всего государства и своем собственном: да будет все хорошо в государстве и да смогут они спокойно жить у своего очага⁹⁵.

Христиане впервые получили некоторое официальное признание. Этот эдикт не просто позволял им существовать. Призывая христиан молиться за императора и государство, власть скрыто признавала христианского Бога. Ничего определенного не говорилось о церковной собственности, однако Максенций, правитель Рима (306—312 гг.), хоть и был ревностным приверженцем патриотических культов, изгнавшим двух епископов, вернул церкви то, что было отобрано во время преследований.

На Востоке, однако, Максимиан II Дайя, сменивший на престоле Галерия, продолжал упорные бои с наступающим христианством. Сначала он с неохотой согласился с мерами, предусмотренными эдиктом Галерия, но затем передумал и возобновил преследования. Максимиан II Дайя получал прошения из провинций, например от муниципальных властей Никомедии и Тира, с просьбой изгнать христиан из их общины, на что император охотно соглашался.

Если же они останутся в этом проклятом пустом заблуждении, то да будут, как вы о том просили, изгнаны далеко за пределы вашего го-

рода и его окрестностей, дабы в соответствии с вашим достохвальным горячим желанием ваш город, избавившись от всякой скверны и нечестия, обратился, по врожденному своему расположению, к благоговейному служению бессмертным богам. А чтобы вы знали, как любезна нам была эта ваша просьба, без промедления, без просьбы, по собственному побуждению нашей исполненной благоговения души, мы предлагаем вам, благочестивые люди, в ответ на вашу любовь к богам просить у нас любой великой милости. Согласитесь только сделать это, и получите все без промедления. Оказанная вашему городу милость будет весь век свидетельствовать о вашем благочестии и любви к богам⁹⁶.

Чтобы найти основания для подобных репрессий, Максимин II Дайя получил от проституток и пустил в обращение письменные признания в том, что они участвовали в оргиях христиан. Император также приказал включить в школьную программу поддельные «Деяния Пилата» антихристианской направленности. Несколько человек казнили, но вообще Максимин II предпочитал казням пытки, желая таким образом «улучшить показатели» отступничества от христианской веры. Упорствующих ослепляли на один глаз, подрезали им сухожилия на одной ноге, а затем посылали работать на рудниках и карьеры. Но еще больше, чем все эти наказания, Максимиана II интересовало учреждение языческой религиозной организации, которая в соперничестве с христианской церковью должна была превзойти ее. Так Максимин II и поступил, образовав единую разветвленную языческую «церковь» со своей иерархией священнослужителей.

Пока в восточных провинциях происходили описанные выше события, Константин разбил Максенция в битве на Мильвианском мосту недалеко от Рима и стал полновластным правителем Запада (312 г.) Сознание Константина тогда эволюционировало от солнцепоклонничества к христианской вере (с. 253), это был процесс неотвратимый, но несколько непоследовательный. Позже он рассказал Евсевию, что

⁹⁶ Цит. по: Бердяев Н. А. Философия свободы. — М.: Правда, 1989.

по время перехода через Галлию, еще до завоевания им Италии, он увидел на солнце крест⁹⁷, а на звездах над крестом — предписание «побеждай с этим». То, что видел Константин, могло быть редким явлением природы, при котором лучи солнца образовывали крест. Или же это была галлюцинация — подобные видения тогда происходили часто. Но было ли это тем или другим, или и тем и другим, или знаком с небес, видение подвигло Константина успешно провести кампанию против Максенция. Лактанций также сообщил, что перед битвой на Мильвианском мосту Константину во сне было приказано поместить монограмму ХР (Христос) на щиты своих солдат.

На Востоке Константину предстояло бороться с двумя соперниками — Максимином II Дайей в неевропейской части империи и враждовавшим с Дайей Лицинием, другом покойного Галерия, который правил придунайскими провинциями. Притворяясь дружелюбным по отношению к обоим, Константин предложил Дайе прекратить преследования христиан, а за Лициния выдал замуж свою сводную сестру Констанцию. На свадебных торжествах Константин и Лициний опубликовали так называемый «Миланский эдикт», в котором провозгласили всеобщую веротерпимость. После этого Константин предоставил возможность Лицинию и Максиминому II Дайе самим выяснять отношения между собой (313 г.). Максимиин II, потерпев поражение, перед смертью согласился прекратить всяческие преследования, а Лициний оставался соправителем Константина на Востоке еще одиннадцать лет. Перед решительным сражением армии Максимиана II с войском Лициния последний тоже объявил о видении с религиозным подтекстом. Оно, правда, не было явно христианским, также как и литания, которую его войска прочитали трижды перед самым сражением⁹⁸, ибо в ней они обращались к «высшему пресвятому богу» (с. 253).

Со стороны Константина смутные упоминания некоего верховного божества тоже случались нередко. Но довольно быстро император стал открыто отождествлять верховную силу с Иисусом, говорил о христианской вере как о «законнейшей и святейшей», в течение нескольких лет предпринимал различные меры, предоставлявшие значительные

преимущества христианам. Христианских священников, исключая сектантских (с. 340), Константин освободил от всех муниципальных обязанностей, подобно тому, как свободны от них были раввины. Не еще более решительным шагом стало выделение средств (что серьезно сказалось на бюджете государства) для субсидий церкви в провинции, например христианам Карфагена. Условия, в которых жил римский епископ (папа), резко изменились к лучшему, когда ему предоставили один из императорских дворцов — Латеранский⁹⁹ — вместе с несколькими великолепными новыми церквями. Христианское богослужение становилось торжественнее, в подражание придворному церемониалу. Кроме того, церкви доверили играть определенную роль в общественной жизни. Во-первых, несмотря на существовавшие разногласия между христианским вероучением и традициями римского права, епископальные суды получили юрисдикцию в гражданских делах (318 г.). Во-вторых, император позволил людям завещать церкви свою собственность, приравняв ее к гражданским корпорациям¹⁰⁰. Наконец, Константин крестился сам, отложив это, правда, до смертного часа. Как и многие христиане, он надеялся умереть после крещения чистым, т. е. безгрешным (с. 305).

Церковь и государство стали двумя лошадьми в одной упряжке. Но, по мере того как император все более осознавал свою мессианскую роль, на двух соборах — Арелатском в 314 г. и Никейском в 325 г., собравших соответственно западных и восточных епископов, — стало очевидным то, что руководил церковью сам Константин, которому по воле неба досталась власть над всем, что было на земле. Поэтому-то принадлежность к христианской церкви стала означать покорность всем требованиям государства, требованиям, тяжесть которых мало кто мог вынести (с. 92 и далее). Но, поскольку христианство превращалось в официальную религию, ничто, кроме навязанной сверху субординации, не могло обеспечить построение «вертикали власти», которая сохранила бы от разрушения и бюрократию, и церковь, и саму Римскую империю. Евсевий в книге «Жизнь Константина» очертил новую теорию христианской государственности, приравняв отношения императора с Иисусом к отношениям Иисуса с Богом-Отцом¹⁰¹, страст-

но желая оставить в прошлом недостатки раннехристианских институций. Ему даже показались заслуженными и не слишком суровыми преследования христиан при Диоклетиане. Поэтому Евсевий приветствовал полную капитуляцию церкви перед властью. Св. Иероним (ум. в 420 г.), с другой стороны, считал, что, хотя влияние христианской церкви возросло, добродетель христиан пострадала. И св. Августин, не забывая о нелицеприятных сторонах правления Константина, не мог согласиться полностью с восхвалениями Евсевия, предпочитая прославлять без меры своего современника — императора Феодосия I (ум. в 395 г.). Зато св. Амвросий стал первым в новой плеяде церковных писателей, не знавших страха, который обрушился на того самого Феодосия. Осий Кордубский в свое время тоже имел смелость просить Константина не вмешиваться в дела церкви, но тогда христианское духовенство даже не пыталось противостоять императору, который так радикально изменил его статус.

Импульсивный и экзальтированный Константин остро ощущал потребность в божественной поддержке, которую христианство, со своим лучшим из Спасителей, обещало императору убедительнее, чем разнообразные языческие религии. Константин или его советники могли прийти к мнению, что христианская церковь являлась единственной силой, с помощью которой возможно было привести к согласию противостоящие друг другу слои общества Римской империи. Но все же обращение Константином всего государства в христианство стало отважным поступком, авантюрой вселенского масштаба. опровергающей современные представления о том, что все в истории происходит постепенно и независимо от личных пристрастий кого бы то ни было.

Конечно, распространение христианства отображало тенденции реального исторического развития, но тенденции слишком слабо выраженные, чтобы произвести глобальные последствия без решительного вмешательства со стороны власти. Христианское население Рима, хотя и увеличившееся при Константине, не превышало все же семидесяти — восьмидесяти тысяч (с. 328), и немногие его представители влияли на политическую и общественную жизнь столицы. Империя

стала христианской из-за неожиданного появления на троне императора-христианина. Без такого покровителя, как Константин, человека целеустремленного и смелого, обращение римской цивилизации, если бы и случилось вообще, заняло бы весьма долгое время. В Иране, хотя среди его населения насчитывалось много христиан, никогда на престоле не восседал христианин, соответственно не возникло и перспектив для христианизации всего государства.

Большинство подданных Константина оставались язычниками, и император настаивал на том, что служил он не только христианам, но и являлся епископом для тех, кто не входил в их число. Но отношение Константина к язычникам, все еще занимавшим многие важные посты, изменилось, как того и следовало ожидать. Сначала он предложил заблудшим наслаждаться тем же миром и спокойствием, что и верующие. Язычников, однако, заставляли произносить общую монотеистическую молитву, следы языческих культов постепенно стирались из официального языка. Из известных языческих храмов власти закрыли только немногие¹⁰², в двух случаях это объяснялось недопустимой практикой ритуальной проституции. Но яростная, направленная против язычников риторика «Смерти преследователей» Лактанция (ок. 316 г.) наводила на мысль, что мирное сосуществование долго не продлится. Когда Лициния вывели из себя противоречия ортодоксов и ариан (с. 295) и он возобновил санкции против христиан (320—321 гг.), его отношения с Константином ухудшились, тем более что последний предпринял ответные меры по отношению к язычникам. В год краха режима Лициния (324 г.) Константин издал суровый закон против ворожбы. После этого в восточных областях, которые перешли под власть Константина, редко можно было встретить наместников, не принадлежавших к христианской церкви. В 331 г. власти конфисковали сокровища языческих храмов, потом запретили жертвоприношения. Но смерть язычества наступит еще нескоро.

Тем временем непослушные собратья-христиане представляли для Константина проблему более неприятную, чем язычники. В 314 г. император писал высокопоставленному чиновнику в Северную Африку

о том, что Божья милость доступна только при единении верующих, которые должны подняться над своими ссорами и враждой, мерзкими Всевышнему¹⁰³. Церкви следовало искать согласия не только с императором, но и со всей своей паствой. Как отметил Евсевий, раздоры могли навлечь кару небесную, ибо ничто так не гневало Бога, как разделение церкви, подобное расчленению тела Христова¹⁰⁴.

Экуменизм Константина являлся не оборонительным маневром, как у современных нам христианских церквей, а наступлением с целью обращения всего мира в христианство, в тот период, когда сложились благоприятные условия для распространения этой религии. К тому же в отличие от современных объединителей, Константин преследовал в первую очередь политические цели, что заметил и король Англии Яков I. Ереси, кроме того что навлекали Божий гнев, сопротивляясь официальной церкви — детищу Константина, еще и создавали хаос в обществе, таким образом причиняя вред государству.

Чтобы не допустить отклонения от догмы христианства, император созвал собор епископов в Никее, где сам и председательствовал (325 г.). Целью собора было заявлено примирение противоречащих толкований природы божества, арианского и ортодоксального (с. 295, 336). Когда епископы сошлись в едином мнении, Константин не особенно старался вникнуть в их аргументы, возможно, даже не понимая их.

Но достижению единства церкви помешали другие серьезные препятствия, далеко выходявшие за пределы богословских споров. Одним из них стали пуристские наклонности части верующих. Наиболее заметно они проявились в массовом бегстве в пустыни и монастыри (с. 310). Но это движение, хотя изначально и враждебное по отношению к епископату и светским властям, не могло противостоять давлению с их стороны. Постепенно, оказавшись под контролем со стороны церковной иерархии, монашеская жизнь стала дозволенным средством дать выход отшельническим устремлениям людей того времени. Но и те, кто остался в городах и деревнях, проявляли недовольство унификацией церкви и подчинением ее государству, чего добивался Константин. На Арелатском соборе 314 г. еще высказывалось мнение о том, что обязанности императора едва были совместимы с христианской

верой¹⁰⁵. Собор все-таки стал полностью на сторону Константина, но христианам действительно приходилось совершить духовный поворот на 180 градусов, чтобы придерживаться религии, которая уже не преследовалась государством, а субсидировалась властями и управлялась не столько епископом из Латеранского дворца, сколько самим императором. Сомнения, высказанные св. Иеронимом по поводу такого положения дел, отражают широко распространенное тогда недовольство¹⁰⁶.

Корни этого недовольства лежали глубоко. Перед тем как церковь получила официальное признание, многие христианские авторы выражали отвращение не только по отношению к Римскому государству, но и по отношению к античной философии, с помощью которой апологеты стремились приукрасить иудейские основы христианства (с. 295). Например, сириец Татиан во II веке гордился «варварством» христианской веры¹⁰⁷. С ним соглашался и Тертуллиан, который после нападок на все существовавшие ереси (ок. 197 г.) сам пристал к одной из наиболее радикальных — монтеизму. Эта ересь происходила от апокалиптических культов истерического характера, зародившихся в фригийских деревнях (с. 303), там, где находят покаянные надписи (более раннего периода), посвященные языческому богу по имени Мен (Мене). Ересь распространялась только среди сельских жителей, и большинство христиан Малой Азии ее отвергло¹⁰⁸. Но в сирийских, египетских и особенно североафриканских деревнях монтеисты получили значительную поддержку. Присоединился к ним и Тертуллиан.

До этого времени христианство оставалось в основном религией горожан, а продвижение его в сельскую местность породило ряд новых проблем. Сельское население империи, хотя и производившее основную часть валового внутреннего продукта, всегда находилось в подчиненном положении по отношению к городскому, при этом крестьяне и горожане не испытывали никакой взаимной симпатии (с. 88). Для крестьян, следовательно, новая религия служила опорой не только в неприятии властей, но и в недовольстве общественным строем. Поэтому сельское христианство не очень-то ладило с городским. Последнее казалось слишком формализованным и централизованным. Рост цер-

ковной иерархии, ставящей перед собой задачу единения и мирного сосуществования христиан, означал, с точки зрения деревни, слишком много недопустимых и постыдных компромиссов с мирской жизнью.

Жестокое красноречие Тертуллиана явно отдает семитским (и пуническим, и иудейским) отвращением к греко-римской традиции. Роднее ему казался строгий и бескомпромиссный фундаментализм, наследник свирепых семитских языческих культов¹¹⁰. Ересь монтанистов отражала отход к старой, суровой церкви пророков, твердо основывавшейся на Божьем Слове, страстно ненавидевшей мир, жаждущей мученического венца. Христианство в Северной Африке никогда особенно не опиралось на любовь и сострадание. Тем более не интересовался ими монтанизм, стремившийся к умиротворению Божьего гнева и смягчению наказания на Страшном Суде. Основой спасения, по словам Тертуллиана, был страх¹¹¹.

Разрыв между пуританами-монтанистами и ортодоксальной церковью Северной Африки произошел во времена преследований при Септимии Севере. Св. Каликст, епископ Рима, столкнулся с расколом своей конгрегации из-за того, что допустил обратно в лоно церкви отступников, поддавшихся давлению властей. Потом, после окончания репрессий при Деции, Новациан, сыгравший на руку тем, кто «разделял и властвовал», повел за собой часть римских христиан, которые не хотели иметь ничего общего с ренегатами (251 г.). Новациан получил серьезную поддержку в Антиохии и других сирийских городах, а также от простых людей из Малой Азии. Тамашние жители, которым было нечего терять, не испытывали такого сильного соблазна отступить от веры в ходе преследований и поэтому не одобряли представителей городского среднего класса, часто грешивших этим. Новациана поддержали и монтанисты — они, как и сторонники самого Новациана, на протяжении столетий сохраняли свою веру, почитавшую мучеников.

Когда вслед за репрессиями Деция и Валериана настали сорок лет покоя, число приверженцев «сельских» ересей в провинциях Востока и Северной Африки резко возросло. Как и при жизни Тертуллиана, Северная Африка стала свидетелем нового витка противостояния радикального христианства и официальных властей. Избранный епи-

скоп Карфагена не получил признания своих коллег из не столь просвещенной Нумидии, потому что противился сознательному стремлению к мученической смерти. Вместо него на епископскую кафедру выдвинули двух других кандидатов, одним из которых стал Донат. Его последователи — донатисты — подобно египетским сектантам того времени, полностью отвергали городскую культуру с ее гуманистическими традициями и не признавали никакой церковной иерархии. Константин, посчитав донатистов непримиримыми врагами дорогого ему единства церкви, исключил их из списка получателей субсидий, которые император направлял христианским приходам. В течение жарких и продолжительных споров ортодоксы и донатисты окончательно стали соответственно сторонниками и противниками властей (316 г.). Когда Константин несколько раз оставил без внимания их прошения, донатисты поставили вопрос ребром: «Какое отношение император имеет к церкви?» А Константин, жестче относившийся к христианам-раскольникам, чем к язычникам, ответил донатистам конфискацией их церкви и изгнанием епископов. В результате у донатистов возник свой мартиролог (список мучеников).

Еще через пять лет вооруженное преследование еретиков прекратилось, император предпочел просто их не замечать. Причиной этому стало возобновление репрессий со стороны правителя восточной части империи Лициния, раздраженного сторонниками Ария (с. 336). Константин решил, что он, напротив, должен не наказывать непокорных донатистов, а оставить за Богом право покарать их. Но зловеющий обычай уже установился: христианская церковь, едва став официальной, начала преследования собратьев по вере. На Востоке Константин тоже конфисковывал храмы, принадлежавшие различным сектам, и запрещал проводить в них богослужения¹¹². Постулат о единстве христианской церкви означал, что она, в отличие от иудаизма, была институтом универсальным и стремившимся к расширению числа своих сторонников, причем несогласие следовало подавлять силой. Но репрессии, которые Константину показались необходимыми, не достигли своей цели — единения церкви, а только вызвали многовековые раздоры между христианами, сопровождавшиеся часто пролитием крови.

Несмотря на дальнейшие преследования¹¹³, ересь донатистов процветала, пока, после столетнего господства вандалов — ариан — и восстановления императорской власти в VI веке, вторжение арабов в конце следующего века не положило конец всем течениям христианства в Северной Африке. Донатисты не пытались, в отличие от ортодоксальной церкви Константина, обратить в свою веру весь мир, но они заявляли о том, что имеют право защищать свои взгляды, считая себя хранителями Закона Божьего. Донатисты возглавили революционное движение, привлекавшее беглых рабов и разорившихся крестьян. Надписи из сельских церквей в Нумидии повторяют тексты, в которых христианство названо убежищем от трудов и печалей этого мира. Там донатистов представляло их левое крыло, состоявшее из анархически настроенных бродяг, ожидавших конца света, — циркумцеллионов. Вожди донатистов говорили и писали на латыни. Но сторонников секты в городах насчитывалось мало, потому что там их слишком рьяно преследовали власти. В основном донатисты встречались в глубинке, например в нагорьях (современный Алжир), среди жителей которых позже возникали и радикальные исламские секты. Донатисты ненавидели городскую цивилизацию, а поскольку они находились в конфликте и с преобладавшей тогда античной культурой, то наиболее сильно эта ересь проявилась в регионах с преимущественно берберским и пуническим населением.

Во многих отношениях это была религия протеста. Сначала Константин проявлял терпимость к ее последователям, но потом не сдержался и стал применять методы насильственного принуждения, противоречившие его экуменическим тенденциям. Отношение же донатистов к официальной церкви весьма напоминало протестантизм, появившийся в Европе двенадцать столетий спустя.

Другой фундаментальный раскол единой церкви начинается не в XVI веке, а гораздо раньше — в пятом. Имеется в виду расхождение между католической церковью, главой которой был и остается Папа Римский, и православной церковью, главным центром которой до сих пор по традиции считается Константинополь. Это разделение церкви на вос-

точную и западную, ставшее неизбежным, вероятно, еще до Константина, получило еще один импульс, когда Константин, хотя с другой целью, основал Константинополь.

Когда строительство новой столицы только начиналось, Никейский собор 325 г. объявил, что резиденциями патриархов станут Рим, Александрия и Антиохия. Восточные столицы противились первенству Рима, однако тот долго пользовался исключительным статусом. Римский епископ вмешивался в церковные дела других общин, например Коринфа, еще до 100 г. В следующем столетии карфагенские христиане осознавали свою зависимость от Рима, а римская община осознала свой особенный статус¹¹⁴. Главным фактором сохранения первенства римского христианства оказалась его близость к императорской власти. Другие церкви понимали, какая ответственность лежала на римском епископе. Тем более что, несмотря на постепенное утрачивание городом Римом своего политического и экономического значения в империи, абстрактный статус «Вечного города» ни в глазах язычников, ни в глазах христиан не уменьшался, а, наоборот, возрастал (с. 232). Уже в конце II века Ириней обосновывал претензии римской церкви на господство тем, что ее предстоятели были преемниками апостолов. Указывая на то, что ортодоксальная церковь являлась истинной благодаря непрерывному наследованию духовной традиции от апостолов последующими епископами, Ириней подчеркнул, что в Риме первыми руководителями общины были св. Петр, старший среди апостолов, и св. Павел. Соответственно наиболее чистое христианство, с которым должны согласоваться другие общины, принадлежит римской¹¹⁵. Примерно в то же время, когда творил Ириней, в Риме построили и гробницу Петра, апостола-мученика, ставшую объектом поклонения (с. 325).

Восточные христиане признавали особенную роль римской церкви, но не желали, чтобы в Риме решали за них вопросы богословия или организации церковной жизни. На Востоке не разделяли западную склонность полностью исключать мирян из управления церковью. Кроме того, восточные христиане полагали, что авторитет церкви не может заключаться в одном человеке, но, согласно Святому Писанию, принадлежит каждому епископу (несмотря на почетное первенство

предстоятелей старейших епархий) и выражается через них всех во время соборов (с. 321).

Но причина раздоров не заключалась лишь в религии. Издавна римляне и греки по многим вопросам расходились во мнениях, да и просто не любили друг друга. Восхищение, которое образованные римляне, такие как Цицерон, выказывали по отношению к великой греческой культуре прошлого, редко распространялось на современных им представителей этой культуры. Греки же почти всегда испытывали ненависть к богатым, сильным и грубым римлянам, в чьей финансовой помощи они так часто нуждались. Несмотря на шаги к примирению, сделанные, с одной стороны, Вергилием и, с другой, проримски настроенными греческими лидерами, пропасть между ними становилась все шире. К тому же образованные люди, знавшие два языка, встречались все реже (с. 164). Эти различия сказались и на церковной жизни. Сначала римская церковь состояла исключительно из грекоговорящих. Но последним видным представителем эллинской культуры в римской христианской общине стал Ипполит (ум. ок. 235 г.). Новациан писал по-латыни, а к IV веку греческий язык перестали использовать и в богослужении. В восточной церкви мало кто вообще знал латынь, да и желания учить ее не возникало — ведь Новый Завет был написан на греческом, поэтому представители восточного духовенства считали себя хранителями истинного Слова Божьего.

Следовательно, причины непонимания между западными и восточными христианами лежали и в психологической, и в лингвистической плоскости. Ссора по поводу даты празднования Пасхи подтолкнула римского епископа св. Виктора (ум. ок. 199 г.) к разрыву с малоазиатскими христианами против воли Иринея. Противостояние снова стало открытым, когда св. Стефан (254—256 гг.), раздраженный спором о крещении, обнаружил претензии римской общины на господство над всеми остальными, обоснованные первенствующим положением среди апостолов Петра, культ которого тогда уже процветал среди римских христиан (с. 325). Фирмилиан из Кесареи ответил опровержением какого-либо законного первенства апостола Петра и его преемников, заявляя, что наследниками апостолов были

все епископы¹¹⁶. Грекам казался чуждым тот централизм, повторяющий модель государственной власти, к которому римляне, во-первых, приучались с детства, во-вторых, встречали его в книгах богословов с юридическим уклоном, таких как Тертуллиан. Римляне же не принимали столь привычное греческому христианству эллинистическое философствование апологетов (с. 295). На Востоке христиан учили верить, на Западе — повиноваться¹¹⁷.

Аврелиан укрепил позиции римской церкви, поддержав ее в споре, касавшемся епископской кафедры Антиохии. Основание же Константином новой столицы — Константинополя — резко и надолго обострило разногласия между Востоком и Западом. Переезд имперского правительства из Рима дал главе римской церкви большие возможности для ведения самостоятельной политики и участия в делах светской власти. Зато присутствие императора в Константинополе придало и тамошнему патриарху особенное значение. Привилегии новой столицы сначала были не слишком велики (с. 140), но с течением времени Константинопольского патриарха признали вторым лицом в церкви после Римского Папы (381 г.). Двадцатью годами ранее новую столицу называли связующим звеном Востока и Запада, где сходились люди со всех сторон, городом, на который все смотрели как на единый центр и средоточие веры¹¹⁸.

Но все это звучит слишком благостно, учитывая последующие раздоры между христианами. Предметом споров стали целибат, грехопадение и природа Святого Духа. Восток, как всегда, настаивал на единстве верховного божества, а Запад подчеркивал божественность Иисуса (с. 298)¹¹⁹. Перенос столицы империи в Константинополь обострил все старые противоречия — культурные, психологические и лингвистические. В результате вместо установления единой для всех христиан церкви, о чем мечтал Константин, произошел ее раскол на католическую и православную. Взаимоотношения же официального христианства с еретиками вроде донатистов предвещали другой глобальный раскол христианской церкви — Реформацию. Несмотря на экуменизм Константина, христианство разделилось на несколько конфессий, что породило и недостатки в каждой из них, и твердость в вере, противостоявшей «инославным» христианам.

ЭПИЛОГ

Можно ли извлечь урок из вышесказанного? Изучение столь важного периода в истории человечества интересно и полезно само по себе, даже если он никак не связан с сегодняшним днем, хотя найти связь вполне возможно. Античный мир, от которого мы позаимствовали многое, представляет собой единственную цивилизацию (или комплекс цивилизаций), полностью открытую для исследования от зарождения до последних лет существования, которым и посвящена эта книга. Античность подарила достижения в художественной, литературной, духовной и политической сферах — достижения, не сравнимые ни с чем по своему блеску и изобилию. Римская империя уникальна тем, что простиралась на огромной территории, управлявшейся из единого центра, и включала европейские, азиатские и африканские земли, на которых зародились многие современные нации. Конечно, прямой аналогии между античной и современной цивилизациями проводить нельзя, но все же следует признать, что история Древнего Рима помогает понять события, происходившие в последующие столетия.

Поздняя Римская империя стала лебединой песней Античности, соответственно, наследие античной эры перешло потомкам именно от нее. Некоторое сходство с современностью очевидно (*часть II*). Во-первых, борьба за власть, перевороты и гражданские войны, которые поспособствовали скатыванию империи к финансовому кризису и спровоцировали ее врагов перейти в наступление, и ныне являются частью нашей жизни. Государства, возникшие в XX веке, нередко страдали от стремительной смены властителей, правление которых было столь же коротко, сколь и правление римских императоров, а окончание правления — так же печально. Население раздираемых борьбой за власть стран оказывается заложником беспорядков и других бедствий, повторяя судьбу подданных Рима. Частая смена власти оказалась важнейшей политической проблемой Римской империи, разрешить ко-

тору так и не удалось. Последствия же были катастрофическими. И сегодня во многих странах выход из тупика не найден, поэтому политикам и политологам, в свете истории позднего Рима, не помешает детально изучить пример передачи власти мирным путем.

Второй признак сходства эпохи позднего Рима и Новейшего времени — в военно-политической и экономической сфере, где одинаковые причины могут повлечь подобные последствия. Как и государства современного западного мира, римские власти столкнулись с внешними врагами (зачастую потенциальными), представлявшими невиданную дотоле угрозу. Необходимые для ее отражения средства обусловили возрастание расходов государства до астрономических масштабов, чего также раньше не знали. Подобное пережили и ведущие мировые державы в XX веке. В-третьих, взимание необходимых средств путем налогообложения подданных породило тенденцию к установлению социального равенства, характерную и сегодня. Но уравнивание представляло собой, естественно, снижение статуса некоторых слоев населения. В-четвертых, такая фискальная политика была возможна только благодаря развитию безграничной, авторитарной власти. Не избежал этого и XX век. В нескольких великих державах установились авторитарные режимы, а в ряде стран, где сильны традиции либерализма и демократии, правительства желали бы удовлетворять потребности бюджета при помощи постоянного усиления государственного регулирования. Сложно предвидеть последствия такого развития событий, но изучение истории позднего Рима, когда обстоятельства во многом напоминали нынешние, позволит избежать некоторых опасных путей, приведших империю к политике тотальных принуждения и контроля.

Действия правителей Рима основывались на определенных допущениях. Так, например, существовало убеждение, что на происки врагов на границах Рима лучшим ответом станет увеличение расходов на войсковые операции. Из-за вопросов престижа к дипломатии почти никогда не прибегали. Через какое-то время это уже и не помогло бы — в середине III века самая искусная дипломатия не остановила бы ни иранцев, ни германцев. Но существовавшая раньше возможность договориться была упущена. Британские исследователи часто задаются вопросом

существовала ли возможность не отказываться от статуса империи, тогда как американские твердят о необходимости защищать интересы империи по всему миру. Как и Британии, Риму трудно было перерасти привычную установку на наступательную политику, хотя завоевания стоили очень дорого и едва ли приносили какую-то пользу. В то же время некоторые императоры все же отступали от традиций, а дважды римляне даже оставляли завоеванные земли. Галлиен эвакуировал войска с территории между верховьями Рейна и Дуная просто потому, что не мог ее удержать. Аврелиан же, эвакуировавшийся из провинции Дакия, чтобы отодвинуть границу к Нижнему Дунаю, стал единственным правителем, который сознательно избавился от проблемной территории. Что же могли еще сделать властители Рима для облегчения невыносимой ноши, в которую превратилась защита границ империи? Решение оставить завоеванные земли казалось неприемлемым не только по идеологическим, но и по практическим причинам. Скорее, пока существовала возможность, следовало полагаться на переговоры. Поэтому можно назвать недалевидным презрительное отношение древних авторов к политике подкупа варваров, живших по ту сторону границы.

Римская власть, установив такую высокую планку своих военных и, соответственно, финансовых обязательств, достигла несомненного величия, когда даровала всем своим подданным римское гражданство, хотя причины тому были далеки от благородных. Впрочем, власть неуклонно скатывалась к тоталитаризму. Случится ли это в Новейшее время? Необходимости в этом нет, так как для XX века нехарактерна отсталость римской экономики. В наши дни, как и тогда, рыночные отношения должны работать на продавца, иначе невозможно удовлетворить нужду государства в деньгах. К XX веку это относится еще больше, ведь римская экономика в значительной степени основывалась на натуральном хозяйстве. Внешняя торговля Рима в течение всего рассматриваемого периода едва ли распространялась за пределы приграничных территорий. Причиной тому служили напряженные или откровенно враждебные отношения с восточными и северными соседями Рима, сравнимые с «холодной войной» второй половины XX века. Следует добавить, что рынок сбыта римских товаров достиг

насыщения как в провинциях, так и за рубежами империи. То же, вероятно, постигнет и рынки сбыта ведущих капиталистических стран, если развивающиеся страны смогут использовать собственные ресурсы. Когда это произошло с римской экономикой, оказалось, что внутри страны большая часть населения была настолько бедной, что просто не оставалось места для расширения рынка. В XX веке развитые технологии и отсутствие ограничений, как те, что налагались на римлян в условиях имперского режима, позволяют благосостоянию расти, а людям — покупать продукты их труда¹.

Таким образом, существуют предпосылки к тому, чтобы современные государства под давлением обстоятельств не скатились к авторитарным режимам. Следует избегать проведения внешней политики, которая будет стоить больше, чем можно себе позволить, и ограничит внешний рынок. Но даже если внешний рынок окажется бесполезным, значительное превосходство над Римом в совершенствовании технологий и в социальной сфере гарантирует капиталистическим странам возможность развития достаточного внутреннего рынка. Он не станет панацеей, но даст надежду на лучшее.

Когда Рим под напором обстоятельств, несколько напоминающих события XX века, окончательно утратил наследие республиканского строя, его военные достижения были столь значительны, что вызывают сомнения в неотвратимости поражения империи в противостоянии с варварами. Процесс распада государства был остановлен чуть ли не в высшей точке, и империя просуществовала еще целых полтора столетия. Разве способна на такое умирающая империя? Жесточайшее налогообложение, обеспечившее выживание армии и всего государства, стало делом рук самых талантливых за всю историю человечества юристов, а Рим впоследствии первым в истории пришел к идее ежегодного бюджета. Одним из величайших событий эпохи Поздней империи стало перенесение столицы в Константинополь, что заложило основы существования Византии и обеспечило передачу наследия античной культуры, выжившей в эпоху самого глубокого кризиса, в III веке (часть III).

Упомянутые события сами по себе едва ли оправдывают название «Расцвет Рима», выбранное для этой книги (хотя история Советского Союза продемонстрировала, сколь суровой может быть жизнь нации даже в ее высшей точке). Но такое название заслуженно можно применить к рассматриваемой эпохе благодаря достижениям эстетического, интеллектуального и духовного развития того времени. Несмотря на непрерывный военный и финансовый кризис, изящные искусства позднего Рима характеризуются оригинальностью и высочайшим мастерством исполнения. Скульптурные портреты императоров отражают блеск и глубину психологизма, не сравнимые ни с чем существовавшим в предыдущие и последующие эпохи. Архитекторы Поздней империи перевернули старые представления, создавая величайшие за всю историю Рима дворцы с их огромными залами, куполами, сводами и апсидами. Они же стали строить христианские базилики, столь же великолепные и еще более оригинальные, чем императорские дворцы. Архитекторы, скульпторы, юристы, врачи, такие как Гален, представляли собой плод системы образования, хотя в какой-то степени и декоративной. Однако достоинством ее стал охват гораздо большего, чем когда-либо раньше, количества учащихся. Ее же следствием стало распространение жанра романа, предназначенного для среднеобразованного читателя, жанра, процветавшего именно в эпоху позднего Рима, но глубоко повлиявшего на читательские вкусы на много столетий вперед.

Читателю-интеллектуалу свой совет могли предложить философы, представляющие для данного исследования уникальный и непреходящий интерес. — Марк Аврелий и Плотин. Марк Аврелий кажется самым благородным и одухотворенным наставником человечества из тех, кто черпал свою силу не из веры. Совершенствуясь, чтобы исполнять нелегкие обязанности императора, он нашел опору в себе самом. Старый античный принцип уверенности в себе и отважного достижения своей цели еще действовал, но обращение внутрь себя уже вело человека к средневековым идеалам. Еще дальше на этом пути продвинулся Плотин. Его грандиозная философская система — предшественница экзистенциализма в области этики и фрейдизма в обращении к подсознательному — приводит человека к выводу, что его предназначение

лежит в созерцании, обращенном внутрь себя. Но здесь уже нет места классическому чувству долга, которое испытывал Марк Аврелий по отношению к интересам общества. Еще важнее то, что созерцание привело Плотина к сверхъестественному опыту, который он истолковал как мистический союз с руководящей силой, составлявшей суть Вселенной. Идеи Плотина созвучны со скульптурным портретом его времени, в котором человека часто изображали со взглядом, обращенным за пределы повседневности к потустороннему истинному миру. Плотин одним из первых заложил богатую традицию мистицизма, которой есть что сказать и современной цивилизации.

Когда античная философия, достигнув кульминации, превратилась, по сути, в средневековую, римское государство обратилось к традиционным культам и к почитанию императоров (часть IV). Патриотизм, столь необходимый для спасения Рима от натиска внешних врагов, постепенно сконцентрировался на возрожденном древнем культе солнца, который приобрел черты почти монотеистического. Солнцепоклонничество подкупало своей благородной простотой и, казалось, имело все шансы подменить собой все официальные языческие культы империи. Тех, кто искал в религии большей духовности, могло удовлетворить течение солнцепоклонничества — митраизм, высоко нравственный мистический культ, суливший посвященным бессмертие, что в те времена становилось главной приманкой во многих религиях. Однако Мани — выдающийся духовный лидер III века, живший в Иране, но заметно повлиявший на греко-римскую цивилизацию, — создал вероучение, опиравшееся на избранных. В нем утверждалась дуалистическая концепция о двух верховных богах, удобно объяснявшая существование зла. Гностики также считали, что доброе божество не может сотворить зло, поэтому верили в присутствие рядом с ним и второго, злого творца. Мани свое вероучение выразил в древних зороастрийских терминах извечной борьбы света с тьмой, которая должна завершиться очищением света от смешавшейся с ним тьмы.

Дуализм, от которого произошли многие великие религиозные движения Средневековья, и сейчас удобен для тех, кто видит в окружающей их действительности работу дьявола. Но такая концепция

была совершенно неприемлема для строго монотеистического иудаизма и происходившего от него христианства. В период, о котором идет речь в этой книге, принимались судьбоносные решения, определившие современное содержание Нового Завета. Различные течения в иудейской и античной философии, имевшие огромное значение для миллионов христиан, отбрасывались, принимались, сплавливались воедино богословами в невиданном дотоле масштабе. В то же время художники, расписывавшие катакомбы и саркофаги, передавали понимание христианской веры и бессмертия на уровне обычных людей, отражая их интересы и предрассудки. Именно сила веры этих людей, их сплоченность и терпение позволили христианству стать мировой религией. Призыв к любви обладал простотой и универсальностью, которые привлекали сильнее, чем доктрины других религий. Христианские общины, воплощая на практике гуманистические тенденции того века, выражали эту любовь через благотворительную деятельность, унаследованную от иудейской и греческой традиции, но осуществлявшуюся христианами с куда большим размахом.

Именно в то время отношение римского государства к небольшой, но сплоченной христианской церкви, с каждым годом укреплявшей свои позиции, претерпело революционные изменения, равные которым мы не найдем за всю историю человечества. Враждебность греко-римского общества к христианам неоднократно прорывалась наружу в виде гонений, так или иначе санкционированных властью. Но Галерий, один из ярых гонителей христианства, на смертном одре приказал прекратить преследования. Константин же не побоялся объявить о своей приверженности к религии, которую исповедовало меньшинство ее подданных, а церковь из врага государства быстро превратилась в его покорную помощницу. Такое апокалиптическое обращение всей империи не затронуло Иран, где христиане не получили столь неожиданной поддержки от царствующей особы. Поступок Константина изменил судьбу средиземноморской цивилизации и Европы в целом. Единство церкви, за которое боролся Константин, предполагало, подобно стремлениям современных сторонников экуменизма, христианизацию всего человечества, но Константин действовал уверенно

и наступательно, и идея вселенской церкви в его время действительно как никогда была близка к воплощению

Тем не менее оставалось много христиан, которые не могли смириться с беспрекословным подчинением христианской церкви государству. Они предпочли удалиться от людей и, следуя языческому обычаю отшельничества, создали монашеское движение, оказавшее огромное влияние на средневековую культуру. Сверх того, усилия Константина по организации единой церкви вызвали к жизни другое явление, омрачавшее историю Европы долгие века, — преследования христианами собратьев по вере. Жертвами репрессий Константина стали еретики — члены пуристских сект. Неспособность власти подавить эти сектантские движения (чья вера только укреплялась вследствие насилия) предвещала будущие раздоры между католиками и протестантами. А перенесение столицы в Константинополь лишь подтвердило существование разделения, давно проявлявшегося в античной культуре. И действительно, раскол между римско-католической и греческой православной церковью длится до наших дней.

Вот лишь часть причин, позволяющих считать эпоху от начала правления Марка Аврелия до смерти Константина самой важной во всей истории Древнего Рима. Даже при Августе Рим не мог похвалиться таким количеством талантливых людей — мыслителей и творцов. Хотя сам город Рим практически утратил свое значение и едва ли производил уже что-то значительное, эпоха так называемого упадка, парадоксально, как сказано и в предисловии к этой книге, является временем расцвета Рима.

Какими же были взаимоотношения культурного и религиозного развития с тенденциями политической и общественной жизни в эпоху позднего Рима? Иногда, как, например, в период правления Перикла или Августа, литература, искусство и философия находились почти в абсолютной гармонии с жизнью государства. Но в эпоху, которая началась правлением Марка Аврелия, распространилась интеллектуальная «шизофрения». В некоторых сферах еще были возможны великие достижения: юристы продемонстрировали блестящие результаты работы, служа правительству и помогая ему укрепить авторитарный

режим; скульпторы не только радовались покровительству власти, но и получали вдохновение от самоуверенности или обеспокоенности, или просто от силы личности императоров, позировавших им для портретов. Скульпторы шли вслед за тенденциями века, также как и архитекторы, которых величие императора и ничтожество простого человека вдохновляло на создание великолепных зданий. К тому же религия часто укрепляла патриотические чувства римлян — это относится и к традиционным культам, и к митраизму, и даже к христианству, которое Константин смог поставить на службу государству.

В основном за полтора столетия, которые составляют рассматриваемый период, величайшие достижения человеческого духа шли вразрез с представлениями Античности о службе обществу, ибо представляли собой попытки не думать о несчастьях своего времени. Марк Аврелий воплотил эти противоположные тенденции в своей философии. Восседавая на императорском троне, он страстно желал стать частным лицом и не заботиться о защите Рима от внешних врагов. Именно это противоречие делает его «Размышления» неустаревающими и интересными современному читателю. Выдающиеся писатели того века — авторы романов — чувствовали и описывали, иногда иносказательно, горести этого мира, но плели сказочные сюжеты, позволявшие забыть о них. Их великий современник Плотин еще откровеннее учит тому, как избежать мерзости земной жизни. По той же причине на бесчисленных надгробных памятниках язычников самых разных толков проявляется страстное стремление к бессмертию. Великий вероучитель того века, Мани, также был глубоко озабочен несчастьями земного существования, и это подвигло его не только на проповедь ухода от мира, но и на впечатляющий анализ истоков бедствий, обрушившихся на его современников. И христиане от невзгод повседневной жизни бежали в другой, лучший мир. Мученики отрицание земной жизни довели уже до крайних пределов, а после того как церковь превратилась в орудие в руках императоров, монахи и еретики продолжали поиски путей к бегству от мира.

Соответственно, между обычной жизнью и жизнью духа отношения строились в двух различных плоскостях: через прямое стимулирование,

проявлявшееся в работе юристов, скульпторов, архитекторов в официальном язычестве, а позднее — в официальном христианстве, и через реагирование — это отражено в романах, трудах философов, многих религиозных доктринах, в том числе в христианском вероучении, не затронутом влиянием властей. Однако тяготы жизни в эпоху позднего Рима рождали в человеке не апатию, а вдохновение. Безжалостность правительства не заставила замолчать выдающихся мыслителей и богословов, а дала им творческий импульс. Здесь наблюдается явное различие с XX веком. В современных тоталитарных государствах в период усиления власти рождалось очень мало творческих или духовных достижений. Сочувствовавшие тоталитарным правительствам художники и архитекторы почти всегда оказывались бесплодны, несогласные же подавлялись — их не было ни видно, ни слышно. Это связано с тем, что современные правительства способны контролировать простых людей так жестко, как римляне и представить себе не могли. Как говорил Олдос Хаксли: «Слишком большое зло и слишком тяжкие страдания могут сделать творчество невозможным, но вообще величие вполне совместимо с управляемым безумием, дозволенным преступлением и острым, постоянным несчастьем большинства».

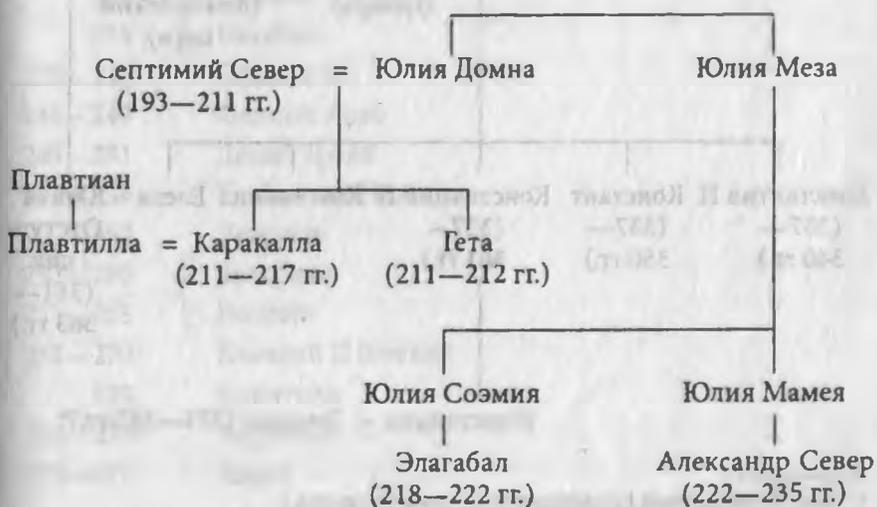
Очевидно, поздняя Римская империя, несмотря на развитие тенденций к уравниванию, превратилась в тюрьму для большинства подданных. В этом не было ничего нового, но трудные условия того времени сделали положение простых людей невыносимым. Конец античной эры, также как и ее начало, ознаменовался тем, что достижения (кроме простого выживания) становились заслугой немногих. Эта эпоха не стала демократичной, несмотря на фактическое уравнивание различных слоев населения. Поэтому писать ее историю с позиций современной демократии, наверное, не совсем правильно². Несколько выдающихся личностей двигали историю вперед и сохранили своим трудом цивилизацию, оставив потомкам наследие — величайшие творения разума и духа. В период тревог, бедствий и опасностей они создали для себя и для своих единомышленников собственные умозрительные миры, которые стали лучшими памятниками этой ужасной, но в то же время прекрасной эпохи.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

Семья Марка Аврелия

Династия Северов

Семья Диоклетиана и Константина

* Сын Валентиниана I и сводный брат жены Феодосия I.

ПЕРЕЧЕНЬ РИМСКИХ ИМПЕРАТОРОВ (161—337 гг. н. э.)

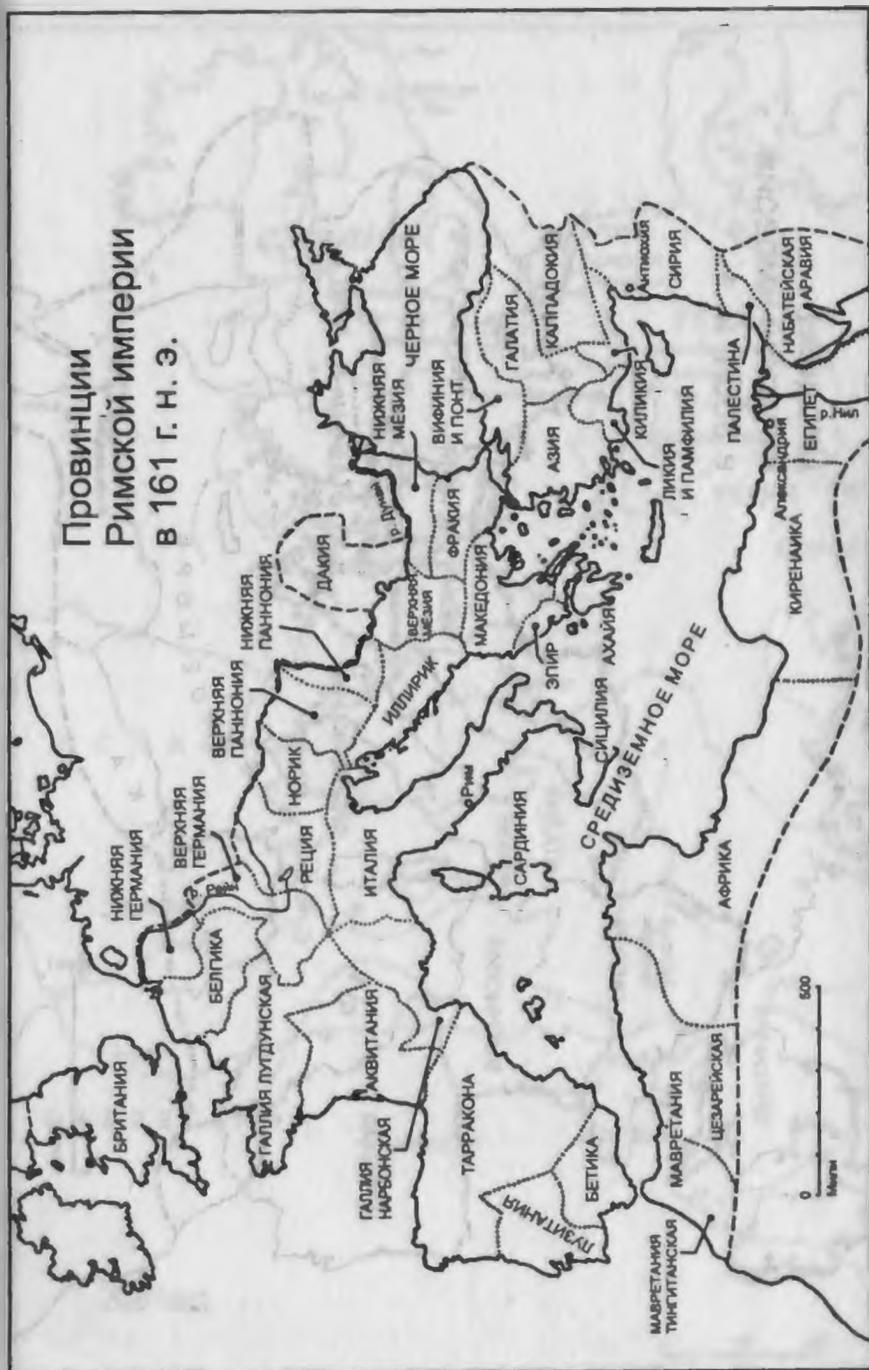
161—180	{ Марк Аврелий
161—169	{ Луций Вер
180—192	Коммод
193	Пертинакс
193	Дидий Юлиан
193—211	Септимий Север
211—217	{ Каракалла
211—212	{ Гета
217—218	Макрин
218—222	Элагабал
222—235	Александр Север
235—238	Максимин I
238	{ Гордиан I Африканский
238	{ Гордиан II Африканский
238	{ Пупиен
238	{ Бальбин
238—244	Гордиан III
244—249	Филипп Араб
249—251	Деций Траян
251—253	Требониан Галл
253	Эмилиан
253—260	{ Валериан
253—268	{ Галлиен
268—270	Клавдий II Готский
270	Квинтилл
270—275	Аврелиан
275—276	Тацит

276	Флориан
276—282	Проб
282—283	Кар
283—284	{ Карин
283—284	
284—305	{ Диоклетиан
286—305	
305—306	{ Констанций I Хлор
305—311	
306—312	{ Максенций
308—313*	
312—337	{ Константин I
312—324	

В этот перечень не вошли не добившиеся успеха претенденты на престол в провинциях, а также младшие члены семьи какого-либо императора, возвышенные до статуса августа (более или менее декоративного) при его жизни.

* В тот период правили также Север II (306—307 гг.) и Максимиан (306—308 гг., второе царствование). Константин I и Лициний были провозглашены августиами в 306 и 308 гг. соответственно.

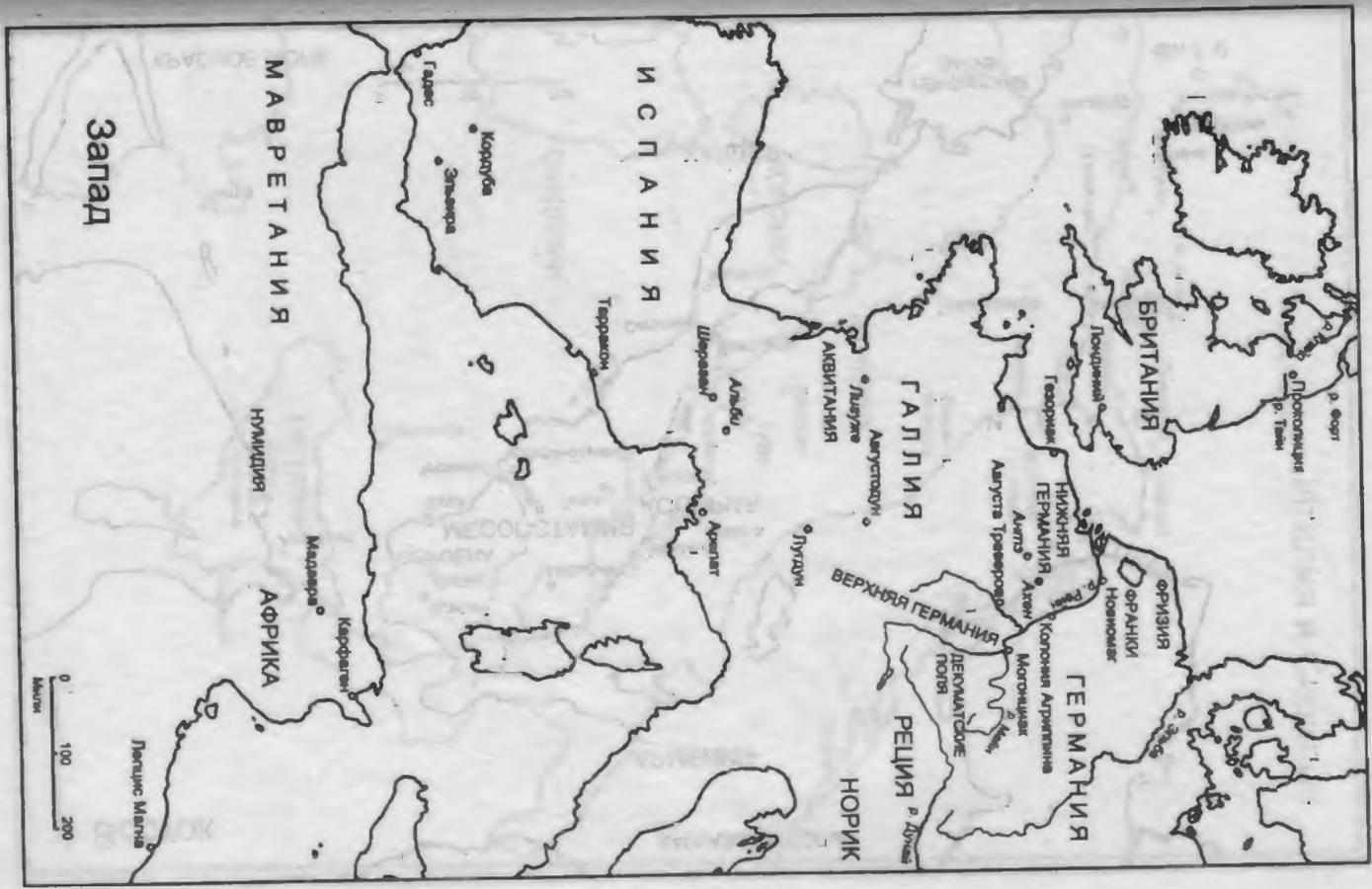
Провинции Римской империи в 161 г. н. э.

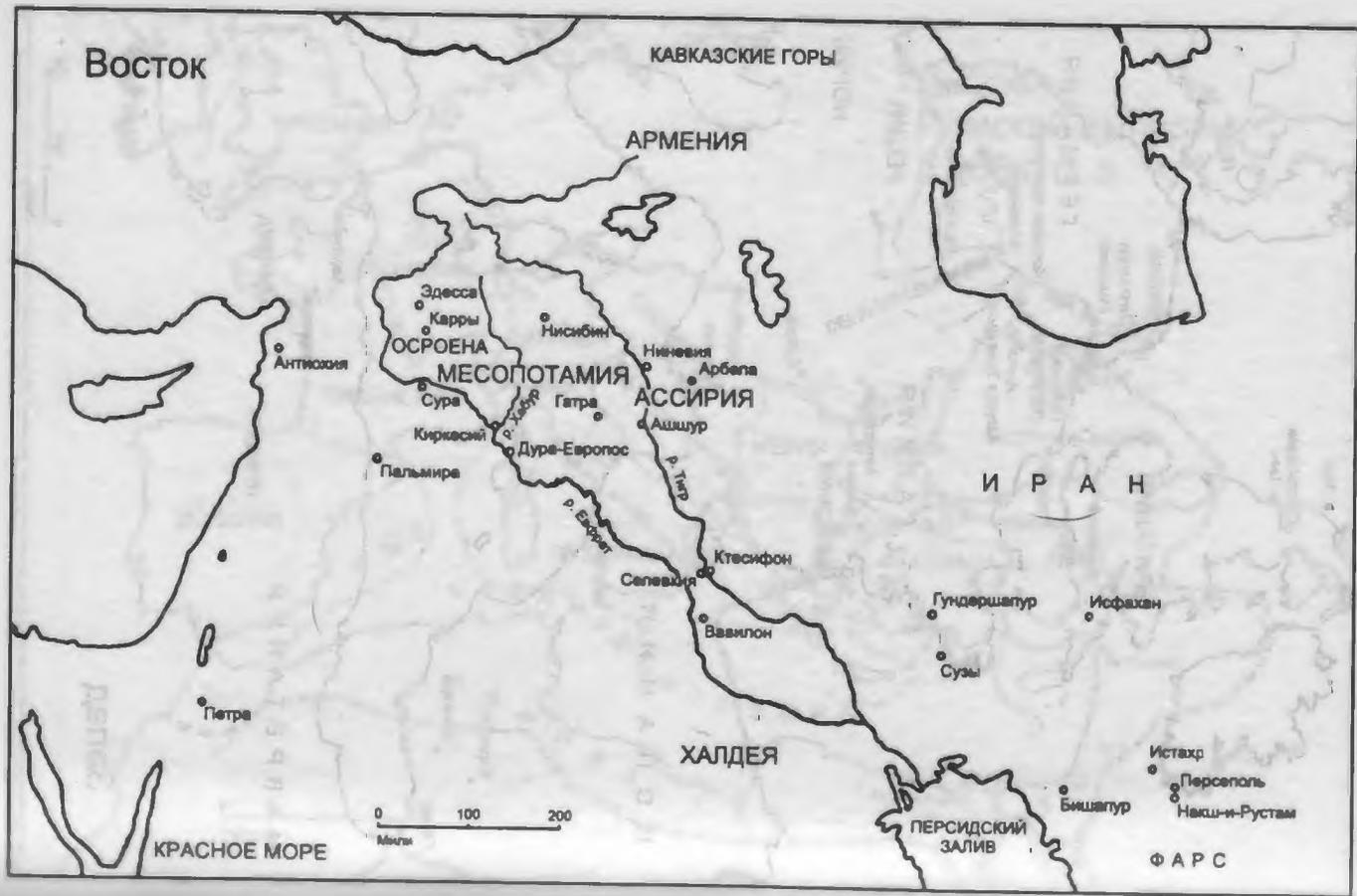

Диоцезы Римской империи в 305 г. н. э.

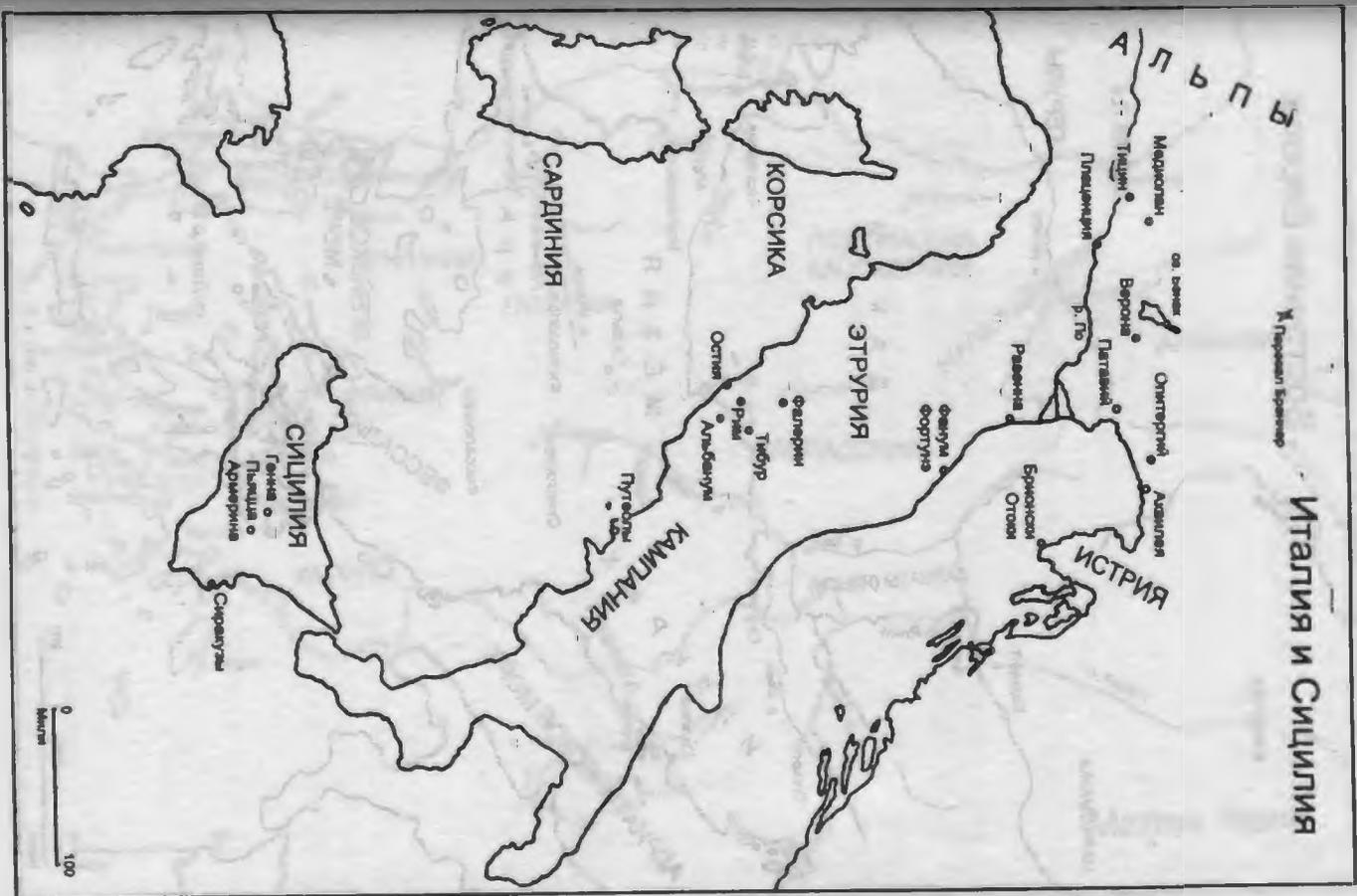

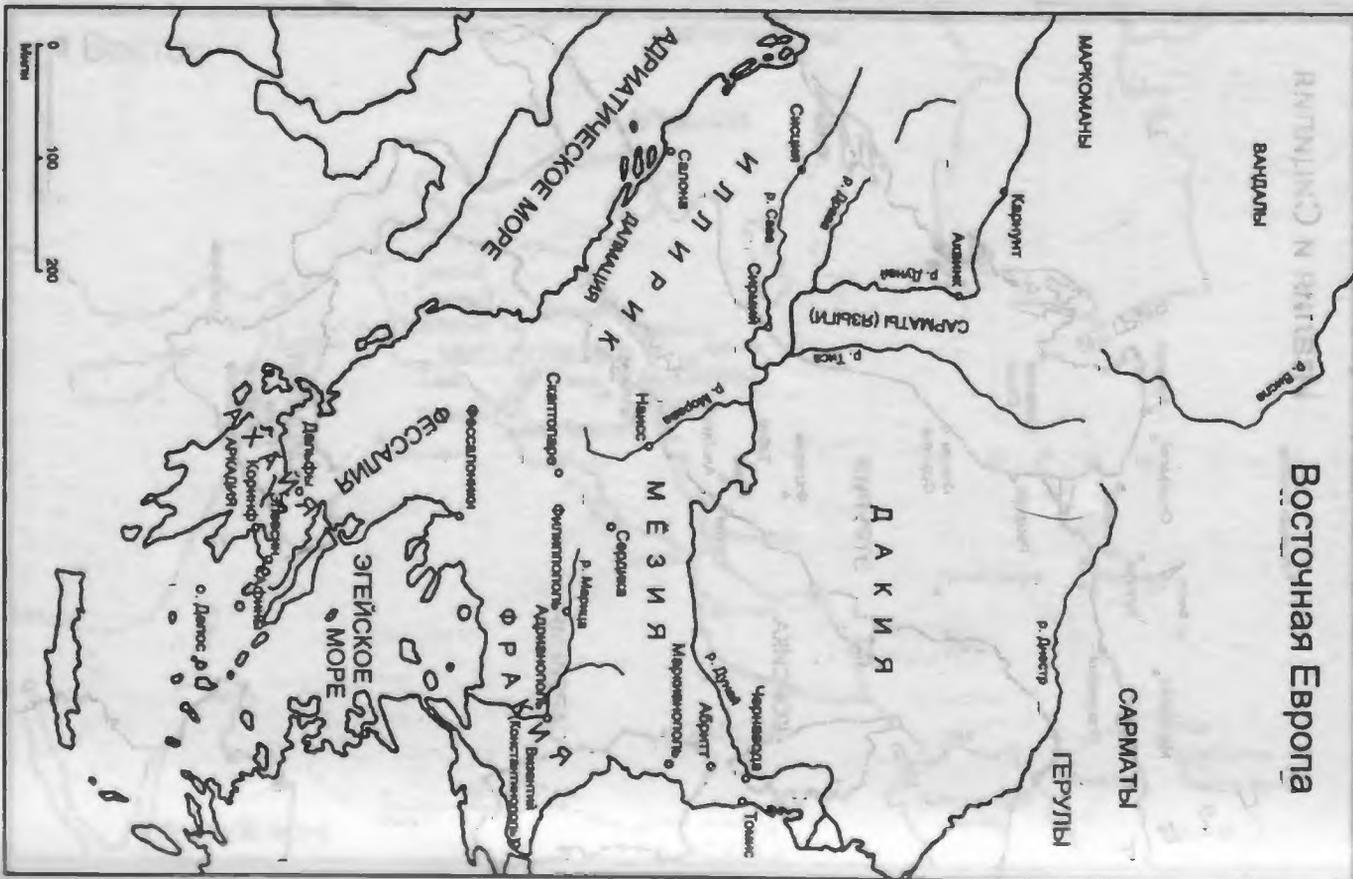
РАСПЕВЕТ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

РАСПИЕВЕТ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1. История Поздней империи

1. Кроме него: Пертинакс и Дидий Юлиан (Рим, 193 г.), Песценний Нигер (Восток), Клодий Альбин (Галлия).
2. Максимиан I и его сын Максим Цезарь, Гордиан I Африканский и его сын Гордиан II Африканский (в Карфагене), Пупиен и Бальбин (в Риме).
3. В 251—253 гг. правил Требониан Галл, в 253 г. — Эмилий Эмилиан.
4. В то время правили также Квинтилл (270 г.), Тацит (275—276 гг.), Флориан (276 г.).
5. Карин и Нумериан (283—284 гг.).
6. В их числе: Констанций I Хлор, отец Константина (305—306 гг.), Север II (306—307 гг.) и Максимиан (попытки вернуться на трон в 306—308 и 310 гг.).
7. А. Н. М. Jones.
8. Например, больше всего сведений о Диоклетиане можно почерпнуть у Лактанция, который его ненавидел.
9. Иоанн Ксифилин.
10. Dio, LXXIII, 4, 2.
11. Содержит декреты и письма императора.
12. Протоколы городских советов; официальная переписка; военная, налоговая, юридическая документация; завещания; свидетельства о браке и разводе; документы о продаже или сдаче в аренду; частные письма и записи.
13. Например, Ураний (Сульпиций) Антонин II, Дриантилла, Корнелия Супера.
14. Harold Mattingly.

Глава 2. Военные достижения

1. Пупиен и Бальбин (238 г.), Тацит (275—276 гг.).

2. Пертинакс, Дидий Юлиан
3. Макрин (217—218 гг.), Флориан (276 г.).
4. Септимий Север, Песценний Нигер, Клодий Альбин.
5. Пакатиан (248—249 гг.), Ингенуй (258 или 259 г.), Регалиан (259 или 260 г.).
6. Испания и южная Галлия вернулись под власть законного императора, возможно, при одном из преемников Постума (Марий, Викторин, Тетрик).
7. Элиан и Аманд. Мятежи «багаудов» продолжались до V века. В правление Проба были восстания Прокула и Боноза, при Коммоде — Матерна (Галлия и Испания, ок. 186 г.).
8. Задачей Караузия было отбить нападения саксов, продвигавшихся на запад от низовий Эльбы.
9. Йотапиан (ок. 248—249 гг.), Ураний (Сульпиций) Антонин II (ок. 253—255 гг.), Макриан и Квиет (260—262 гг.).
10. Ураний Антонин I (в правление Александра Севера), Квартин (235 г.).
11. Еще один сателлит Рима — правитель Боспора Киммерийского — также титуловался царем царей.
12. Неоплатоники из Рима после смерти Галлиена собрались в Пальмире.
13. Кисик (на полуострове Капыдагы в нынешней Турции) на своих монетах изображал законных императоров.
14. Andrew Alfoldi. Сыном Зенобии был Вабаллат.
15. «Деяния языческих мучеников» (преимущественно конец II в. н. э.) Резня устроена Каракаллой в Александрии в 215 г. Восстания: Муссия Эмилиана (261—262 гг.), потом Мемора, Фирма (после пленения Зенобии — продолжительная гражданская война), Домиция Домициана (при Диоклетиане).
16. На южных границах, в Африке, также постоянно происходили войны, пик которых пришелся на царствование Каракаллы. Со времен Марка Аврелия пустынные племена проникали и даже вторгались в Испанию. Мавретанские племена, уже восстававшие при Александре Севере, и так называемые блеммии («безголовые», на самом деле — нубийский народ меджай) из Судана (здесь находились довольно мощные государства — сателлиты Рима) напали на империю в правление Диоклетиана и Максимиана. В результате египетскую границу империи пришлось отодвинуть на север.
17. Макрин, Александр Север, Гордиан III.

18. Военная колония Селевкидов, ок. 300 г. до н. э. Надписи на древнегреческом, латыни, пехлеви, среднеперсидском, сафайтском, пальмирском, сирийском и арамейском.
19. Dio, LXXV, 3, 3. Примерно тогда же был увеличен гарнизон в Дура-Европос (возможно, войсками из Пальмиры). Город стал отправной точкой для многих походов.
20. Хотя Септимий также подарил парфянским царям многих умелых механиков, бежавших потом за Тигр.
21. Также известен как Артавазд (возможно, это его сын). Был соправителем или соперником своего брата Вологеза V.
22. В изделиях из серебра и драгоценных камней греческие художественные приемы вытесняются иранскими.
23. *Sumer II*, Pt. I, 1955, pp. 39—43 (235—244 гг. н. э.).
24. На парфянском языке пехлеви, сасанидском среднеперсидском и древнегреческом языках. Надпись на «Каабе Зороастра».
25. В доме фресок нарисованы персы, побеждающие римлян или пальмирцев, или и тех, и других.
26. Предположительно 253 или 259 и 260/261 гг. Шапур возвел на престол марионеточного императора по имени Мареад.
27. Бишапур, Дарагбирд и Накш-и-Рустам.
28. Надпись в Пайкули: триумф Нарсеса и демонстрация покорности римскими посланцами и царями азиатских государств.
29. В Антиохии и Дамаске, также в Эдессе. Дорога Диоклетиана: Сура — Пальмира — Дамаск.
30. Стена Антонина по рекам Форт и Клайд в Шотландии не устояла под натиском варваров, в правление Коммода захвативших часть Северной Англии (Септимий с сыновьями лично принимали участие в сражениях (территория современной Шотландии) в 201—211 гг.). Каракалла отодвинул римские войска к стене Адриана (Тайн-Солуэй). После восстания Караузия Констанций I Хлор разбил вторгшихся пиктов и (как до него Септимий) умер в Эбураке (ныне Йорк) в 306 г.
31. Благодаря «варварам» раннее Средневековье получило: клуазоне (перегородчатую эмаль), войлок, лыжи, сливочное масло, лохани и бочки, рожь, овес, спельту (пшеницу), хмель, штаны, одежду из меха, тяжелый плуг, стремена и подкову.
32. Языги.

33. Костобоки.
34. Авидий Кассий.
35. Квады (жили к востоку от маркоманов).
36. Например, карпы (дакииское племя, обитавшее по берегам Прута).
37. Остров Готланд, центр торговли на Балтийском побережье, остался для них связующим звеном между Балтийским и Черным морями.
38. Dexipp. *fr.* 6, 10, 25, 27, 29.
39. Узурпатор Пакариан.
40. Богатое Боспорское царство (на Боспоре Киммерийском) стало вассалом готов.
41. Монета Галлиена из Колонии Агриппины (ок. 257 г.): *cvm exer (civ) svo.*
42. Ср. клад из Нидербибера: передовые позиции покинуты.
43. Syncellus 717 и далее. Ср. *SHA Call. Duo XIII, 9, Zon. XII, 24.* Иногда победу приписывают все же Клавдию II Готскому.
44. *Zos. I, 43, 2; 45, 1.*
45. Монеты в Дакии чеканились до 256 г. Аврелиан создал новую провинцию с этим названием на южном берегу Дуная, с центром в Сердике (нынешняя София).
46. Остготы (жившие на территории нынешней Украины) при Германарихе совершили ряд завоеваний, но большинство из них попали под власть гуннов.
47. Например, при Александре Севере и при Пробе, также по закону от 313 г. *Cod. Teod. VII, 22, 1.*
48. Keil-Premmerstein. *Dritte Reise, S. 87.*
49. Два в Палестине, по одному — в Египте, Аравии, Испании и Северной Африке.
50. *Dig. 50, 10, 6* (Марк Аврелий): требуется позволение императора. Стены вокруг городов на западе Франции, например в Le Mans (285—315 г.). Огромные крепостные ворота в Трире, ср. *Deutz* (ок. 310 г.). Стена вокруг Рима начата Аврелианом, завершена Пробом и укреплена Максенцием.
51. *Veg. II, 11.* Например, в Xanten, Ohrenbacher, Trennfurt (Германия), Carrawburgh (Англия).
52. *Herod. III, 8, 4—5.* Септимий также создал клубы для отдыха младших офицеров.

53. Серпы и косы найдены в Pfünz, Weissenburg (Германия), Great Chesters (Англия).
54. Например, Sitifis и Kaua (Мавретания), Burgstall (Чехия), около озера Балатон (Венгрия), в Сирии, Малой Азии, Фракии.
55. Аврелиан формировал вспомогательные части из вандалов, ютунгов и аламанов.
56. Агг. *Tact.* XXXIII, 2.
57. Сарматы (аланы) оказали влияние на квадов и готов. Похожее заимствования способствовали созданию тяжелой кавалерии в Китае.
58. Подковы уже использовались на Востоке. Макрин (217—218 гг.) вооружил своих пехотинцев длинными обоюдоострыми германскими мечами и пиками для отражения ударов кавалерии.
59. Позже распространено на офицеров, младших по званию. Затем — что-то наподобие кадетов.
60. Вожак — Ингенуй (убит в Мурсе).
61. Арка Галерия.
62. *Race Joh. Lyd.* (435, 266). Кавалерия и пехота теперь были разделены, также было увеличено количество легионов — с 39 до 65 — за счет сокращения численности каждого.
63. Из Малой Азии — галаты и исавры; германцы — батавы и тунгры.
64. При сыновьях Константина привилегированная группа войск называлась палатинами (*palatini*).

Глава 3. Цена выживания

1. Существует предположение, что Коммод повысил жалование до 375, но это кажется маловероятным.
2. *Dio*, LXXVIII, 10, 4.
3. В ценовом соотношении золота и серебра изменения могли произойти после завоевания золотых копей в Дакии.
4. Не зависевшие от Рима германцы с трудом могли получить хорошие денарии, поэтому все больше интересовались золотом.
5. *OGIS*. 515.
6. Есть версия, впрочем весьма сомнительная, что $1\frac{1}{2}$ денария.

7. МОНЕТА AVGVSTI, AEQVITAS AVGVSTI, МОНЕТА RESTITVTA (при Александре Севере).
8. P. Оху. 1411 (Макриан и Квиет).
9. Проба XX. I, очевидно, значит: 1 нумм (nummus) = 20 сестерциев (5 денариев). Старые монеты из латуни и бронзы прекратили хождение.
10. Золотых монет приходилось 60 на фунт, серебряных — 96. В Британии Караузий выпустил монеты из серебра высокой пробы.
11. Возможно, из-за истощения копей. Ср. Сурт. *Ad Dem.* 1.
12. Недавно в Сульмоне (Италия) найден новый фрагмент.
13. *Lact. De Mort. Pers.* 7. В письме чиновник Диоклетиана просит друга, чтобы тот на все его деньги купил товары, не обращая внимания на цены.
14. Мнение, что эта цифра ошибочна (на самом деле — 10 тысяч), наверное, несостоятельно.
15. P. Оху. 1430. Возможно, за пределами Египта инфляция не была такой стремительной.
16. Пертинакс, Дидий Юлиан.
17. В три раза; во II веке разница была еще заметнее.
18. *SHA. Gall. Duo* 15, 1—2.
19. Dio, LXXVIII, 9, 2.
20. Каракалла отменил исключения для родственников в налоге на наследство. Другим важным косвенным налогом были таможенные сборы (*portoria*).
21. Продовольствие предназначалось также для оружейников и животных, выдавался фураж для кавалерии и почты, а кроме того: продукты для раздачи населению Рима, материалы и рабочая сила для общественных работ.
22. PSI. 797.
23. P. Ryl. 341.
24. Chester Beatty Monographs № 10, 1966 (Panopolis).
25. Возможно, уже при Диоклетиане. Некоторые рассматривают *caput* как единицу измерения (*unité de compte*), применяемую в разных случаях. Налог распространялся также на неземледельческое население Италии и нескольких западных провинций. При Диоклетиане сборы сочетали годичный и пятилетний ритм.
26. P. Cairo Isid. 1 (пер. А. Н. М. Jones).

27. P. Оху. 2106.
28. Налог на сенаторов — *follis (gleba senatoria)*, на торговцев — *chrysargyron (collatio lustralis)*.
29. Максимиан II Дайя и Лициний принудительно выкупали у городов золото в слитках.
30. Серебряные монеты Константина не стали столь же многочисленны и востребованны, как золотые. Вскоре они стали обесцениваться.
31. *Cod. Theod.* IV, 22.
32. *Fruentarii, stationarii, colletiones, eirenarchoi, diogmitai*. Особенно ярко себя проявили центурионы. Позднее у Церкви появились собственные полицейские и юристы.
33. *Eis Bas.* 21 (62). Управляемая аристократией муниципальная полиция возглавила восстание в Тиздре (238 г.) в поддержку Гордианов I и II.
34. *Lact. De Mort. Pers.* 22.
35. Keil-Premmerstein. *Dritte Reise*, S. 9, 28, 55.
36. *IGGR.* 1. 674; *Syll.* ³ 88.
37. *OGIS.* 519.
38. P. Оху. 1490, 1469 (298 г.), 1477.
39. *Terra sigillata* (красно-коричневая глазурованная керамика) из Галлии на какое-то время заменили местные товары (ок. 200 г.). Малая Азия все так же экспортировала сукна, полотна, пурпурные ткани, а также египетские тканые изделия. Морской транспорт, намного дешевле наземного (*эдикт Диоклетиана*), постепенно попадал в руки немногих сирийских и иудейских судовладельцев. Несмотря на ряд препятствий (например, запрет на вывоз в Парфию товаров оборонного значения) и вообще низкий уровень развития производства, экономика империи могла похвастаться успехами. Среди них чистое белое стекло из Колонии Агриппины (Кельн); водяные мельницы в городе Барбегаль (Прованс), производившие в восемь раз больше муки, чем в соседнем Арелате; в том числе производство настоящей стали после усовершенствования кузнечных мехов.
40. *ILS.* 6987 (201 г. н. э.).
41. Со временем в такой же ранг были возведены коллегии: пекарей, возчиков, барочников, портовых грузчиков, конторщиков (мерщиков зерна), мясников (работавших со свиной, говяжьей и бараниной), торговцев маслом, кузнецов.

42. Mitteis, *Chrest.* 375, cp. P. Ryl. ii 75 (2), PSI. 292.
43. Petr. Patr. fr. 10, 4.
44. *Cod. Theod.* I, 13.
45. *Corp. Pap. Hermopolitanorum* (250—275 гг. н. э.).
46. Рабы в I—II вв. н. э. стоили очень дорого, однако в период кризиса их стало больше и цена на них упала. Рабы не применялись в сельском хозяйстве Египта, а в Италии это было обычным делом.
47. Стали оставлять землю под пар на год, водяные мельницы встречались редко, большая часть зерна перемалывалась в ручных мельницах, ткань прядли на домашних станках; еще не был изобретен хомут.
48. Особенно в 167 г. н. э. из Селевкии на Тигре (оспа, тиф или бубонная чума) и в 250 г. из Эфиопии, продлилась 13—15 лет.
49. Марка Аврелия, Пертинакса, Аврелиана, Проба. Крестьян и варваров поселяли на земли в Африке, Италии, Греции, Галлии, придунайских провинциях и др.
50. Сокращение населения связано с увеличением налога за отпускание рабов на волю. Уровень рождаемости и смертности были примерно такими, как в Индии в 1900 г. Женщины жили меньше мужчин, а городское население — меньше сельского.
51. Септимий Север различал собственность императора и свою личную собственность (позже рассматривавшихся как одно целое), приобретенную за счет конфискаций.
52. Заботились об этом Марк Аврелий и Септимий.
53. Например, Preisigke, *Sammelb.* 4284 (207 г. н. э.). Началось это во II в. н. э.
54. В Anthée: плавильни, пивоварни, бронзовые и эмалированные предметы, керамика, упряжь, изделия из кожи. В Cheragan: восемьдесят небольших зданий.
55. *Dig.* 49. 14.
56. Законом Константина ограничивалась свобода потомков арендаторов земли, изначально закрепленных в латифундиях. В конце V века свободные арендаторы были прикреплены к ним на тридцать лет.
57. Константин расширил действие законов Диоклетиана в отношении солдат и на чиновников.
58. При Диоклетиане и Константине только на Западе их было 17.

59. А. Н. М. Jones.

60. Tac. *Hist.* I, 16. Ср. *Dial. De Or.* 40, 41.

Глава 4. Император и его чиновники

1. Также недолго правивший Мартиниан (324 г), младший август Лициния.
2. Ulp. *Dig.* I, 4, 1. Ср. *Gaius* I, 5.
3. Paul. *Sent.* V, 12, 9a. Ср. IV, 5, 3; *Dig.* XXII, 23, V, 28, 2; *Cod. Just.* VI, 23, 3.
4. Ulp. *Dig.* I, 3, 1.
5. Herod. IV, 3, 4 и далее.
6. Предшествовало этому отдельное правительство на Востоке при Филиппе Арабе.
7. *Pan. Lat.* XI, 6, 3.
8. Стамбул.
9. *SHA. Sev.* XI, 8. Ср. II Книга Царств, IX, 33.
10. Бишапур.
11. *Cod. Just.* IX, 51, 1.
12. Dio, Herod., *Eis Bas.*
13. Dio LXXIII, 17, 3. Herod. I, 14, 8.
14. Herod. V, 2, 4—5.
15. *Toga picta, tunica palmata.*
16. Eus. V. *Const.* 3.
17. Со времен Марка Аврелия их называли *viri clarissimi* (а всадников — *viri egregii*).
18. Марк Аврелий запретил браки между сенаторами и вольноотпущенниками. *Dig.* XXIII, 2, 16.
19. Африканцы постепенно занимали первые роли, но Септимий не отдавал им явного предпочтения. При Каракалле впервые сенатором стал житель Александрии.
20. При Элагабале и Александре Севере из 238 соответственно: 113, 17, 33, 3, 72. Во второй половине III века из 265 соответственно: 116, 23, 34, 6, 86.
21. Сыновья центурионов также имели статус всадников.
22. При Каракалле или Александре Севере.

23. Dio LII, 14, 5.
24. Значение *Victor Caes.* 33, 34 оспаривается.
25. Африка, Сицилия, Ахайя и италийские провинции.
26. Две тысячи человек к 350 г. н. э. Через сто лет двум разрядам сенаторов (из трех) разрешили не присутствовать в столице.
27. В Византии, если правитель был неспособен управлять государством, гражданская бюрократия работала сама по себе.
28. При Константине появилось несколько новых министерских постов.
29. В Испанию входила Мавретания Тингитанская; в Южную Италию — Сардиния, Корсика, Сицилия; в Северную Италию — альпийские провинции. Константин разделил Мезию на две провинции, а Валент отделил Египет и Ливию от Востока.
30. Ранее иногда назначали чрезвычайных представителей префектов.
31. Коммод, Пертинакс, Дидий Юлиан.
32. В Риме это было в юрисдикции префекта города.
33. Туллий Криспин командовал войсками при Дидии Юлиане, выдвинутом преторианцами (193 г.).
34. Лучшим префектом у Константина стал Аблабий, христианин, сын провинциального чиновника на Крите.
35. *Dig.* I, 1, 10.
36. Ульпиан настаивал на возвращении функций законодательной власти сенату, но тогда процесс был уже необратим.
37. Император Макрин (217—218 гг.) также был юристом, поэтому стал префектом претория.
38. Harold Mattingly.
39. Ульпиан и Павел свободно предлагали свои примечания к текстам Папиниана, которые позже Константин отверг как искажения.
40. Константин придавал «Сентенциям» Павла особенное значение (еще до того, как над ними поработали составители «Дигест»). Одни ученые утверждают, что в этой книге просматривается шесть последовательных слоев текста, другие отрицают авторство Павла.
41. Wolfgang Kunkel.
42. Последним из них стал Модестин (при Гордиане III издавшем триста рескриптов, т. е. ответов).

43. *Coll. Lib. Iur. Anteiust. ed. Krueger*, III, 1890, 187 и далее.
44. *Codex Gregorianus* (291 г., институции императоров от Адриана до Диокле-тиана) и *Codex Hermogenianus* (294 г., почти полностью посвященный за-конодательству Диоклециана). Оба известны по позднейшим цитатам. -
45. Около 300 г. внешний вид книги изменился: вместо *volumen* был уста-новлен *codex*, воспроизведенные в новой форме произведения по во-просам права стали каноническими.
46. Кроме «Институций» Гая.
47. Изменения (весьма противоречивые) зачастую представляют собой плохо сделанные компиляторами (нередко жившими задолго до Юсти-ниана) сокращения. «Дигесты» (50 книг из 432 глав) составлены на основе 2000 произведений. Кроме того, комиссия издала *Codex* (статуты), *Institutes* (учебник) и *Novellae* (новые законы).
48. *Florentinus, Dig. I, 5, 4* (конец II или начало III века). Раб оставался дви-жимым имуществом для Ульпиана и Павла, хотя Ульпиан заявлял, что все люди равны по законам природы.
49. *Dig. XXXV, 2, 89*. Септимий Север приказал раздавать больным бес-платные лекарства, поставив Галена отслеживать четкость выполнения приказа — *De Antidot. I, 3; De Theriac. I, 2*.
50. *Ulp. Dig. I, 18, 6, 2*.
51. Например, Филипп Араб, Валериан, Кар.
52. *M. Aur. Med. I, 14*.
53. *Dio LII, 19, 6*.
54. *Dio LXXVIII, 9, 4f*.
55. А именно дедитициев (*dediticii*; P. Giess. 40). Мнения ученых об их ста-тусе до сих пор расходятся. Либо это вольноотпущенники, совершившие преступления, либо те, кто не принадлежал ни к одной общине, либо бывшие враги (поселенцы или солдаты из числа варваров).
56. Новым гражданам давали послабление за счет старых (например, в Дмей-ре; Сирия, XXIII, 1942/3, pp. 173).
57. Поскольку замена местных законов римским правом происходила мед-ленно и не без исключений, Ульпиан и Павел признавали законную силу за местными обычаями.
58. Ает. Масер, *Dig. XLVIII, 19, 10 pr*. Уже во II веке наместники стали осуж-дать и казнить римских граждан без права на апелляцию.

59. *Dig. XLIX, 1, 25; P. Оху. 2104. Humiliores* могли подавать апелляцию после исполнения приговора.
60. Например, *Dig. L, 4*: перечень обязанностей перед государством
61. Он также запретил женатым мужчинам содержать наложниц (конкубин).
62. Ramsay MacMullen.
63. *Dig. I, 16, 6, 3*. Ср. и озабоченность Константина. Вопросов, по которым можно было подавать апелляции, оказалось слишком много.

Глава 5. Изобразительное искусство и архитектура

1. Herod. III, 9, 12.
2. Примеры: храмы пальмирских богов в Дура-Европос (85 г. н. э.), статуя царя Утала из Гатры (музей г. Мосула, II в. н. э.).
3. Например, бронзовые статуи из Луристана (VIII—VII вв. до н. э.).
4. Может быть, через Греко-Бактрийское царство. На Востоке образцы такого искусства мы видим в области Гандхара (на границе современных Пакистана и Афганистана), в Бактрии (Сурх-Котал), в Индии (Матхура, Бхархут, Санчи).
5. Например, Шапур I (индийский триумф), Бахрам II (сидящий на престоле), монеты Ардашира I, картина с изображением наместника в Дохтар-и-Нуширван.
6. Изображения Септимия Севера в Манделе, Каракаллы в Тарсусе, Александра Севера и Гордиана III (на медалях). Полностью стилизованы изображения Аврелиана и Проба. Ср. мозаику *opus sectile* в базилике Юния Басса (Рим, Pal. del Drago).
7. Яркий пример этого направления в барельефах Бахрама I в Бишапуре (ок. 273—276 гг.).
8. Например, огромный клад из Chaoursne (Aisne) свидетельствует о возрождении эллинизма при Галлиене и Постуме.
9. Из катакомб Претекстата (Praetextatus). Фигура Ацилии на саркофаге датируется не периодом правления Гордиана III, а скорее 250—260 гг.
10. Ранние саркофаги с батальными сценами: в Портопаччо (ок. 190—200 гг.). Такие же сцены на монетах и медалях — при Каракалле, а также *VICTORIA GERMANICA* Максимиана I.

11. Возможно, это Тимеситей, Волузиан (сын Требониана Галла) или Клавдий II Готский.
12. Например, дом в Риме (Via dei Cerchi).
13. Например, в церкви San Apollinare Nuovo.
14. Диоклетиан включил в высший разряд ремесленников, скульпторов, художников и мозаистов.
15. Лучшие — молодая женщина (Канзас-Сити, W. Rockhill Nelson Gall., ок. 175 г. н. э.); *cosmetai* из Афин; старуха (Триполи, Castello Mus.); бюсты философов; бюст из Афин, напоминающий Христа, возможно, периода правления Галлиена; бюст из Милетополя (Берлин, ок. 260—270 гг.); бронзовый бюст (Allard Pierson Mus., возможно, периода правления Галлиена); стилизованный бюст из Остии (ок. 280 г.); портреты на саркофагах (Ацилия, Бальбин, Людовизи); также в Новиомаре, Пальмире (Максим Аристид и Ярхай), Петре и Гатре.
16. Herod. X, 5.
17. Например, преемник Постума Марий.
18. Например, из Геразы (монастырь доминиканцев, Иерусалим), Остии (Indiana Univ., Bloomington). «Святой в церкви»: Плотинуполь (Дидимотих во Фракии).
19. Возведенные к небу глаза встречаются уже на портретах Марка Аврелия (ок. 169 г.). Септимий Север носит прическу наподобие той, с которой изображался бог Серапис.
20. Например, портрет в Cincinnati Art Museum. Это или Дидия Клара, дочь Дидия Юлиана, или Юлия Домна.
21. Например, из Прусиады на Гипие (Prusias ad Hurium). Ср. изображение Александра Севера из Эдессы.
22. Венеция (Mus. Arch.). Ср. Philostr. V. *Apol.* VIII, 7.
23. Монеты Диадумениана (сына Макрина), изображение Александра Севера в Apollonia Salbace. Коротко стриженные волосы и борода, как у Адриана, на портрете Пупиена из Ватикана (Braccio Nuovo).
24. «Зеркало души» — Полемон в Förster, *Script. Physiogn.* I, 106—120. Портреты: Plut. *Alex.* 1. Воздетые к небу глаза: бюст из Via dell' Impero (Mus. Nuov. Cap., ок. 240 г.), портрет Отацилии Северы, жены Филиппа Араба (Walters Art Gall.). Глаза, широко распахнутые, как на иконах, — Каракалла на монетах из Гиераполя.

25. Ватикан (Braccio Nuovo). Ср. у Hans P. L'Orange. Реалистичностью исполнения этот бюст напоминает искусство поздней Республики.
26. Plot. *Enn.* I, 6, 1. Ср. Philostr. *V. Apol.* VI, 19; Pl. *NH.* XXXV, 98.
27. Портрет Деция — в Осло (частная коллекция), Галла — в Нью-Йорке (Florence).
28. Ср. также камеи, например, с портретом Салонины, жены Галлиена. Таких тенденций мы не видим в живописи и архитектуре того времени.
29. «Плотин» (в Остии и Ватикане), саркофаг Ацилии в Риме (Mus. Naz., ок. 260—270 гг.); в Сардах (Манисе, ок. 260—284 гг.); фигуры на Латеранском саркофаге.
30. Ср. лазуриты в Британском музее, возможно, это Лелиан (ок. 268 г.).
31. На монетах Митридата III (57—54 гг. до н. э.), Ардашира I. Римские *imagines clipeatae* (монеты Августа и Тиберия), медаль Коммода. Ср. классические фронтальные изображения греческих богинь.
32. Рим (Mus. Conserv.). Ср. портрет Проба (Mus. Cap.).
33. G. M. A. Hanfmann.
34. Например, колоссальный бюст из Никомедии и ранние монеты Диоклетиана, бронзовый бюст Константина из Белграда, прекрасные женские портреты времен Константина, ранние диптихи из слоновой кости.
35. Из Атриба (Каир, красный порфир) и Александрии (возможно, это Максимин II). Ср. скульптуру из Пальмиры.
36. В Венеции (Dumbarton Oaks Coll.) и Ватикане. Ср. камео из халцедона с изображением Диоклетиана и Максимиана (Dumbarton Oaks Coll.), медали Лициния и т. д.
37. Mat. *Genethl. Max.* II, *Pan. Lat.* 9.
38. Бюст, вероятно, Константина в Риме (Mus. Conserv.). Бюст из Барлетты — один из его преемников.
39. Например, столб с изображением Шапура I возле Бишапура.
40. *Acta SS. Abramii et Mariae, Acta Sanctorum*, II, p. 933.
41. Ср. изображение Константина из Латеранского дворца, повторяющее статуи Августа.
42. Synes, *De Regno* 6 (10).
43. Монетные дворы при династии Северов в Риме, Лаодикее Сирийской, Эмесе или Самосате, Никомедии. Местные городские монеты из бронзы

- и некоторые выпуски монет в провинциях чеканились до второй половины III века.
44. Монетные дворы, подчинявшиеся непосредственно центральной власти в 238—284 гг.: в Риме, Медиолане, Вероне или Аквилее, Виминакии, Колонии Агриппине, Арелате, Сисции, Антиохии, Кизике, Эфесе, Самосате, Сердике, Триполи, Тицине, Лугдуне и Августе Треверов. Последние два, как и монетные дворы в Могунциаке и Бонне, принадлежали Постуму и его преемникам.
  45. Колония Агриппина, Лугдун, Арелат, Сисция.
  46. Новые монетные дворы появились в Никомедии, Гераклее (Перинфе), Фессалониках, Карфагене, Лондинии, при Максенции — в Остии, при Константине — в Сирмии и Константинополе.
  47. *FHG*. IV, 199.
  48. *Zos*. II, 30, 1. Прежние слухи о Юлии Цезаре. Константин, как полагали, на роль столицы рассматривал и Фессалоники, и родной ему Наисс (Ниш).
  49. С 332 г. Египет снабжал только Константинополь, Африку оставили для Рима.
  50. *Socr*. I, 16. Еще Септимий Север начал масштабную перестройку Византия.
  51. Боттичелли в Сикстинской капелле (Ватикан).
  52. В городах Ламбесис, Сабрата (сцена), Лепчис Магна.
  53. *SHA. Sev*. XXIV, 3. Название звучит скорее *Septizodium*, а не *Septizonium*.
  54. Ср. у Микеланджело (Капитолийские дворцы), Палладио (Виченца, *Loggia del Capitano*).
  55. Например, парк Гордиана III (Марсово поле).
  56. В калдарии терм Каракаллы в купол, чтобы облегчить его вес, вставлены пустые горшки.
  57. Термы Александра Севера (отстроенные термы Агриппы), Деция, Гордиана III.
  58. Кирпичные арки в доме Амура и Психен.
  59. Ранние мозаики на сводах: ниша Адриана в термах Семи Мудрецов в Остии, ниша конца II века Остии (Латеранский дворец). На стенах: в Помпеях и Геркулануме.
  60. *Santa Maria degli Angeli*, хотя сама по себе и большая, является лишь восстановленной половиной этого зала.

61. Например, Шакка, Хауран (вторая половина II века) с необычной каменной крышей.
62. Лувр и Тегеранский музей.
63. Ср. с аркой Галерия в Фессалониках. План военной городской застройки в Филиппополе.
64. Мраморные и мозаичные покрытия, боковые колоннады исчезли.
65. Династия Северов (фиалковый и белый как доминирующие): термы Семи Мудрецов, дома в Остии. Дура-Европос (красный, оранжевый, зеленый; линии ломаные и асимметричные): Caseggiato degli Aurigne и др. Конец III века (важные сохранившиеся эпизоды): надгробие Требия, дом нимф в Остии. Новая мода в имитации мрамора. Константин и более поздний период (голубой, синий, желтый): Виа Ливенца, дворец Барберини в Риме, Дуростр. Неоаттический период представлен в архитектуре Александрии. Египетские «портреты мумий» продолжают традицию.
66. Например, Антиохия (с I по VI вв., что повлияло на Сасанидов), Эдесса, Злитен. В Лепчис Магна наблюдается переход к каменным плитам большего размера, ипподром Фидра (соединение визуально организованного и секторного пространства), Британия, Остия (корабли на площади Севера).
67. Исключение: группа девушек-спортсменок в открытых одеждах.
68. Например, дом Диоскура.
69. Некоторые исследователи предпочитают этот особняк датировать серединой либо концом VI в., или даже V в.
70. Ср. с дворцом Dux Ripae в Дура-Европос (первая половина III века).
71. Обращенные внутрь дома (ср. с поздним арабским периодом) в Остии: Круглый храм.
72. *Pan. Lat.* X. 3.
73. Например, дом Фортуны в Помпеях, вилла Адриана в Тиволи, форум в Лепчис Магна.
74. Нет сходства с Пальмирой, где зал приемов занимал центральное место в планировке.
75. Ср. колонны Золотых ворот, не сохранившихся до нашего времени. Стоит отметить и другие экспериментальные постройки с колоннами в Остии: дом Амура и Психеи, *Fortuna Annoraria*.

76. Например, Пантеон. Ср. с храмовыми постройками романо-кельтского типа в Периге, Силчестере, Кервенте.
77. Например, надгробный памятник в Риме, Via Nomentana; Филадельфия (Каср-эль-Нуэйджис, Амман), Гераза, Петра, Себаста. Угловые арки вместо парусных куполов в Фирузабаде.
78. Маяк в Риме (S. Ivo della Sapienza).
79. Например, Гордиан III, Галл и Волузиан. Ср. с купольными зданиями квадратной формы в Парфии, изображенными на арке Септимия.
80. Ср. с постройками II века: Т. Telesphorus (Asclepieion, Пергам, гробница Tor de Schiavi, Via Praenestina).
81. Например, усыпальница в форме распятия (Бин Бир Килизе), высеченные из скал надгробия, церкви с выделенным центральным сектором. Наиболее важный из сохранившихся образец относится, очевидно, к 350 году, мавзолей Констанция в Риме, скопированный с церкви Гроба Господня в Иерусалиме (купольная конструкция, как в византийских храмах).
82. Вклад Констанция II в возведение храмов маловероятен. Вошел в историю Юстиниан, его наследник. Константин, очевидно, заложил восьмиугольное здание для совершения обрядов крещения.
83. Eus. V. Const. III, 50.
84. Сергей и Бахус, часовня в Ахене. Ср. с круглыми храмами в Бостре и Геразе.
85. «Механика и геометрия» занимали главенствующее положение по отношению к архитектурной науке. Константин выделял стипендии на ученые изыскания и настаивал на всестороннем образовании.
86. Молитвенные дома в период до правления Константина обнаружены в Дура-Европос и Лаллингстоуне.
87. В III веке был построен собор в Рузукуру на севере Африки: внутренняя стена возвышалась прямо от колонн, как в христианских базиликах.¹
88. Позже к Иоанну Предтече и к Иоанну Евангелисту. В последних исследованиях поставлено под вопрос, был ли это собор Папы. Более раннее появление базилик подтверждают Тир, Орленсвилль и Аквилей.
89. Р. Краутхаймер.
90. S. Paolo fuori le Mura (385 г.), Манастирине (Далмация) (400 г.); S. Denis (775 г.), Центула (S. Riquier) (791—799 гг.), Фульда (802 г.).

Глава 6. Культура романа

1. *Frag. Vat.* 204. Ср. Dio LXXVII; Herod. IV, 17, 6.
2. Образование должно было носить христианский характер, но его благами воспользовались язычники Никагор и Сопатер.
3. Присциан счел Аполлония Дискола величайшим грамматиком. Сохранились 4 из 29 работ Диоскола, и очень мало — из работ его сына.
4. Pseudo-Dionysius, *Techne*. Ср. две *Technai* II в. н. э., написанные двумя разными авторами. Книга Псевдо-Лонгина «О величественном», скорее всего, принадлежит автору эпохи Августа, а не министру Зенобии по имени Лонгин.
5. Greg. Thaum. *Orat. Paneg. Ad Orig.* 5.
6. Мартин П. Нильссон; Джеффри С. Кирк.
7. Выдающиеся математики из числа неоплатоников: Ямвлих, Диофант Александрийский (ок. 250 г., в алгебре), Папп (ок. 300 г., в геометрии).
8. В Пергаме (школа, стоявшая теперь выше косской), Смирне, Лаодикее на Лике, Эфесе.
9. Galen, *De Fac. Nat.* III, 10 (пер. А. J. Brock).
10. *Id.*, *De Usu Partium* (о кисти руки).
11. Charles Joseph Singer.
12. Семь свободных искусств (*Trivium, Quadrivium*) — термин, возможно, появившийся в III веке (ср. у Марциана Капеллы, V в. н. э.). Изучение физики едва ли надолго пережило христианизацию Римской империи.
13. P. Oxy. XII, 1467; *Ulp. Dig.* L, 5, 2, 8; *JHS.* XXIX, 1909, 30 и далее.
14. *Hermeneumata Pseudo-Dositheana* (один раздел датируется 207 г. н. э.); *Corp. Gl. Lat.* III, 381 seq.
15. Басни Бабрия (возможно, II в. н. э.) также пользовались популярностью.
16. Евмена послали работать в Августодун: *Pan. Lat.* IV, 14, 15.
17. Коммода-Геркулеса отождествляли с кельтскими богами. Ср. широко распространенные культы Белена, Эпоны, сирийской богини Атаргаты.
18. *Syria*, XXIII, 1942—1943, 178 и далее (216 г. н. э.).
19. Aug. *CD.* XVIII, 18; *Ep.* 1138.
20. *Apul. Apol.* 55. Апулей принадлежал к средним платоникам.
21. «Милетские рассказы».

22. Ср. в катакомбах Домициллы в Риме: изображения Амура и Психеи, собирающих цветы.
23. *Apul. Met.* 1, 1.
24. Попытки идентификации автора с Лукианом неубедительны
25. P. Berlin 2041 и далее.
26. Имя девушки не встречается в дошедших до нас фрагментах.
27. *Par. Michaelidae* (Абердин, 1955 г.), № 1. Ср. 156 P.
28. Эгиалей и Тельксиноя.
29. Отчасти отразилось в «Истории Аполлония, царя Тирского». Латинский перевод этой книги появился в ранней Византии и послужил моделью для «Перикла» Шекспира. Греческий оригинал относится, вероятно, к началу II в. н. э.
30. A. Vogliano, *Stud. Ital. fil. class.* XV, 1938, 121.
31. *Ach. Tat.* III, 21.
32. *Ibid.* I, ix, 3—4 (пер. S. Gaselee).
33. *Ibid.*, II, XIV, 9—10 (пер. S. Gaselee).
34. *Ibid.*, IV, iv, 7 (пер. S. Gaselee).
35. *Lucian, Ver. Hist.* (пер. P. Turner; послужили моделью для Рабле, Свифта и Вольтера), пародирующие «Чудеса по ту сторону Фулы» Антония Диогена (I или II в. н. э.).
36. *Longus* I, 10 (пер. M. Hadas).
37. *Longus* IV, 37 и далее (пер. M. Hadas).
38. George Thornley (1657 г.).
39. Ксенофонт из Эфеса сначала высказывает предположение о том, что его герой Габроком хотел подняться выше Эрота.
40. *Longus* II, 6 и далее (пер. M. Hadas).
41. В XI веке. Император-язычник Юлиан Отступник запретил священнослужителям читать романы.
42. Французский перевод Амио (1559 г.), английский Дей (1587 г.). Ср. у Шекспира («Зимняя сказка»), Коро, Равеля.
43. *Heliod. Aeth.* I, 1 и далее (пер. W. Lamb).
44. *Heliod. Aeth.* I, 5 и далее (пер. W. Lamb).
45. Египтяне претендовали и на Эзопа. Мелеагр считал, что Гомер был сирийцем.

46. Heliod. *Aeth.* IV, 3 (пер. W. Lamb).
47. Heliod. *Aeth.* VI, 9 (пер. W. Lamb).
48. Афродиту мы видим в романе Харитона, Пана — в романе Лонга, Артемиду и Исиду — у Ксенофонта, Сераписа — у Ахилла Татия. На Исиду ссылался и Апулей.
49. *Деяния Павла и Феклы, Деяния Ксантиппы и Поликсены* (III или IV в. н. э.). Французский куртуазный роман весьма много позаимствовал от византийских романов.
50. Шекспир знал роман Гелиодора («Двенадцатая ночь», V, I, 121 и далее).
51. Percy Lubbock.
52. Уилки Коллинз, К. Д. Ливиз, Д. Х. Лоренс (против Хью Уолпола).

Глава 7. Надеяться осталось только на себя

1. M. Aur. *Med.* VI, 30; I, 16 (пер. M. Staniforth).
2. *Ibid.*, II, 5, III, 12; ср. VIII, 41.
3. *Ibid.*, XII, 26, II, 17.
4. *Ibid.*, XII, 28.
5. *Ibid.*, VII, 69.
6. *Ibid.*, X, 5.
7. Epict. *ap. Arr. Enchir.* I, 13.
8. M. Aur. *Med.* VI, 30.
9. *Ibid.*, II, 11; ср. VI, 13.
10. *Ibid.*, VII, 69, IV, 49.
11. M. Aur. *Ad Front. Epist.* I, Loeb, p. 216.
12. M. Aur. *Med.* VIII, 24, VI, 28.
13. Epict. *ap. Arr. Enchir.* III, 13.
14. M. Aur. *Med.* IV, 48, II, 17, VII, 3.
15. *Ibid.*, II, 17.
16. *Ibid.*, IV, 3.
17. *Ibid.*, VII, 28, 59.
18. *Ibid.*, IX, 20.
19. *Ibid.*, VIII, 59.

20. *Ibid.*, IX, 1; XI, 21; ср. XII, 20.
21. *Ibid.*, XI, 9 и т. д.
22. *Ibid.*, IV, 29.
23. *Ibid.*, I, 17.
24. *Ibid.*, VI, 30.
25. *Ibid.*, X, 10.
26. *Ibid.*, IX, 36.
27. *Ibid.*, II, 17 и т. д.
28. *Ibid.*, I, 14.
29. *Ibid.*, IV, 4.
30. *Ibid.*, VI, 30 и т. д.
31. *Ibid.*, XI, 3.
32. *Porph. V. Plot.* 3.
33. *Plot. Enn.* VI, 5, IV, 23.
34. *Ibid.*, III, 8, 10 (пер. Е. О'Brien).
35. Максим Тирский (ок. 125—185 гг.) соединил все философские системы, кроме учения Эпикура. Альбин считал «верховное Начало» Платона неподвижным, как Аристотель, но не перводвижателем, а Платоновы идеи называл «мыслями Бога».
36. *Plot. Enn.* V, 5, 6.
37. *Ibid.*, VI, 9, 6 (пер. А. Н. Armstrong).
38. *Ibid.*, I, 6, 3.
39. *Ibid.*, VII, 18.
40. *Ibid.*, VI, 9 (пер. Е. О'Brien).
41. Платонова идея Блага становится у Плотина неотъемлемой частью Разума, который мыслит идеи, а они в нем находятся.
42. *Plot. Enn.* III, 1, 4. Созерцание души порождает идеи у каждого отдельного человека, что не предусмотрено в Платоновом учении об идеях.
43. Иногда Плотин вместо этого предполагает, что в высшей точке мы сливаемся с самим Разумом. Плотинова Душа — более широкое понятие, чем Душа у Платона.
44. *Plot. Enn.* IV, 8, 9.
45. *Ibid.*, II, 3, 9.

46. *Ibid.*, IV, 8, 14. Ср. у Нумения из Апамеи (две души) и у Плутарха.
47. *Plot. Enn.* I, 8, 3. Ср. у Аристотеля.
48. *Plot. Enn.* I, 8, 8.
49. *Ibid.*, II, 3, 17 и далее (пер. А. Н. Armstrong). Ср. конфликт между Платоновыми «Федоном» с одной стороны и «Тимеем» и «Законами» с другой.
50. Ср. *Ag. EN.* x, 7, 8: человек, которому присуща от рождения божественность, может жить так, будто он бессмертен.
51. *Plot. Enn.* III, 8, 4.
52. *Ag. EN.* x, 8, 7. Ср. *Pl. Symp.* 211, *Phaedr.* 24951, *Phaedo* 67c, 79c, 81A.
53. *Plot. Enn.* VI, 9, 11, 22.
54. *Ibid.*, VI, 7, 34, 12 и далее. Ср. VI, 10, 11.
55. *Porph. V. Plot.* 23 (пер. А. Н. Armstrong). Порфирий заявлял, что однажды с ним произошло то же самое.
56. *Plot. Enn.* VI, 7, 34; IX, 4.
57. *Ibid.*, I, 6, 8.
58. *Ibid.*, VI, 9, 11 (пер. А. Н. Armstrong).
59. *Ibid.*, V, 3, 17, VI, 9, 11 (пер. А. Н. Armstrong).
60. Ср. у P. Hadot, *Plotin ou la Simplicité du Regard*, pp. 63 и далее.
61. *Ibid.*, VI, 7, 21, 30 и далее. Ср. *Pl. Phaedo, Symposium.*
62. *Ibid.*, VI, 7, 34 (пер. E. O'Brien).
63. *Ibid.*, VI, 7, 19, 24 и далее.
64. *Ibid.*, II, 9, 11. Плотин не отрицал силу магии, но считал ее использованием вселенского притяжения в своих целях. Что же до астрологии, то Плотин допускал, что звезды предсказывают будущее (но не определяют).
65. *Ibid.*, I, 6 (пер. E. O'Brien).
66. *Ibid.*, I, 6 (пер. E. O'Brien).
67. William James. Ср. у Анри Бергсона и Чарльза Брода (Charles Dunbar Broad).
68. Arthur Koestler.
69. Например, мескалин, пейотль (Олдос Хаксли).
70. Впервые этот термин употребил Лейбниц.
71. *Plot. Enn.* VI, 9, 11.

72. *Ibid.*, III, 2, 9. II, 9, 9.
73. Участь человека зависит и от его прошлых жизней (ср. у пифагорейцев).
74. Plot. *Enn.* III, 2, 9.
75. *Ibid.*, III, 8, 4.
76. *Ibid.*, III, 2, 5.
77. *Ibid.*, I, 4, 7. Ср. VI, 7, 34.
78. Средние платоники, такие как Цельс, не приветствовали отход от общественной жизни. Ср. у Анджелы из Фолиньо и в дзен-буддизме.
79. Plot. *Enn.* V, 3, 17.
80. Анри-Фредерик Амиэль (1821—1881).
81. Justin, *Dial. Tryph.* II, 3—6.
82. Например, у Спевсиппа, ученика Платона.
83. Школа Меркавы («Колесницы»). Ср. позднейшую «Книгу сотворения» (Сефер Ецира).
84. Филон, правда, отнюдь не призывал отказываться от обычной жизни.
85. *Галатам*, I, 12.
86. *2-е Коринфянам*, XII, 4; *Галатам*, II, 20.
87. «Устав Общины», XI, 4—8.
88. Eriphanus, *Haer.* XXVI, 3, 1. «Евангелие Евы» принадлежит дуалистической секте офитов, чтивших змею.
89. «Евангелие Истины», XXII, 3. Оно, как и сходное «Откровение Досифея», известно по находкам из Хенобоскиона.
90. «Деяния Фомы» (пер. G. R. S. Mead).
91. Corp. Herm. X, 4—6, XI, 20 (пер. E. Dodds). Филострат приписывал мистический опыт своему Аполлонию Тианскому.
92. Numenius, *fr.* 11 (пер. E. Dodds).
93. Брихадараньяка Упанишада.
94. Свами Прабхавананда.
95. Буддисты считают достижение нирваны возможным и в этой жизни, но отрицают метафизику, в том числе мистический союз.
96. Анисвара йога.
97. Philostr. *V. Apoll.* III, 18.

98. *Iambl.* 27 (86. 4). Плотин считал математику средством для преодоления неупорядоченности материального мира.
99. *Aug. De Ver. Rel.* IV, 7.
100. *Id.*, *C. Ac.* III, 20, 43. Ср. 19, 42; 18, 41. Из «Эннеад» Плотина в переводе на латынь, Мария Викторина.
101. *Aug. De Quant. An.* 76.
102. *Id.*, *Conf.* VII, 10, 17. Он безосновательно отождествил Платинов Разум со Словом (Логосом) евангелиста Иоанна.
103. Неоплатонизм оставил свой след как в православном богословии (св. Василий Великий и св. Григорий Нисский), так и в католическом (через Бозция).
104. В *Theologia Aristotelis* содержатся отрывки из *Plot. Enn.* IV—VI. Ср. у аль-Фараби из Багдада (ум. в 950 г.; смесь неоплатонизма и учения Аристотеля) и у Ибн Гебироля или Авицеброна (учение о природе воли).
105. А также произведениям поздних неоплатоников, особенно Прокла из Константинополя (ум. в 484 г.).
106. Иоганн Таулер и Генрих Сузо (Seuse) замалчивали влияние неоплатонизма на Экхарта. В учении Экхарта есть сходство с Санкарой.
107. Метерлинк (из предисловия к переводу Рейсбрука на французский). Мистицизм Рейсбрука перекликается с Мандукья Упанишадой.
108. Фрэнсис Томпсон (1859—1907).

Глава 8. Расцвет язычества

1. *Agrob. Adv. Nat.* I, 24.
2. Особенно Квинкватрии, Нептуналии, Сатурналии.
3. Арвальские братья.
4. *Jul. Ad Theodor.* 362.
5. *Max. Tyr.* XXXIX, 5; ср. у Плутарха.
6. *Grant, Roman Imperial Money*, p. 229.
7. *Dio Cass.* LII, 35 и далее; ср. XL, 47, 3.
8. *ILS.* 157.
9. Праздник проходил в день Парилиев (21 апреля).
10. *CIL.* VI. 30738; *Porta Argentariorum.*

11. *CRAI*. 1930, 208 и далее (Сузы). Фраат V (?).
12. *Venus Vitrix* и *Fausta Felicitas* (9 октября).
13. Гней Корнелий Лентул Марцеллин, ок. 76—74 гг. до н. э.
14. *Porta Argentariogum*. Монеты 68—69 гг. н. э., медаль Адриана.
15. Отнесение ее к периоду правления Аврелиана не столь убедительно.
16. *Barberini Roma* (ок. 326—330 гг.).
17. *Zos.* II, 31.
18. *Perv. Vigil.* (пер. Р. Jay). Дата написания спорная (ок. 307 г., начало II века, ок. 283—284 гг., середина IV века).
19. John William Mackail; Frank Laurence Lucas.
20. Большая золотая монета Галлиена с надписью *DEO AVGVSTO* является исключением (ср. с. 170).
21. Монумент Секундинов (Igel около Трира) изображает вознесение Геркулеса.
22. Венгерские находки дают основание приписать ее Галлу (251—253 гг.).
23. *ILS*. 1638.
24. *Ditt.* ³ 881.
25. *Dio Cass.* LXXVI, 16, 3.
26. *Dio Chrys. De Regn.* III, 125.
27. Бехистунская надпись.
28. *Hom. Il.* II, 205, *Plut. Num.* 6, *Sen. Clem.* I, 1, 2, *Corp. Herm.* XVIII, *Orig. C. Cels.* VIII, 63.
29. Arthur Darby Nock.
30. *Stat. Silv.* III, 3, 48 и далее.
31. Например, голова в Национальном музее в Риме, медаль в Милане (с диадемой).
32. *Xen. Mem.* I, 4; на монетах: головы Сципиона Африканского (?) и Помпея, медали III века с изображением Александра Македонского.
33. *FHG.* IV, 197.
34. Хотя на *ILS*. 629 они названы богами и создателями богов.
35. *Corp. Herm.* IX (ок. 300 г.).
36. Например, Атарант (Эфиопия), *Mela, De Chor.* I, 43.
37. Эрнест Ренан.

38. *Cens. De Die Nat.* 8.
39. 2-я Книга Царств, II, 11. Белых коней приносили в жертву солнцу, *Hel. Aeth.* X, 36.
40. Малахия, IV, 2. Ср. Захария, III, 8, VI, 12.
41. *Pseudo-Call. Hist. Alex. Magni* I, 36, 2; 38, 2. Термин из Авесты — *hvareno*. Суппилулиума (хеттский царь) называл себя богом солнца.
42. Бывший храм огня недавно открыт в Иране в Танг-и-Чак-Чак.
43. *Philostr. V. Apol.* I, 25, *Ann. Marc.* XVII, 5, 3.
44. *Plot. Enn.* VI, 4, 3 (критиковал в VI, 5, 8).
45. *Aug. C. Faust.* XIV, 11. Ср. *De Haer.* 46.
46. *Hom. Il.* III, 277.
47. *Soph. Ter. fr.* 582: фракийцы молились солнцу.
48. *CIL.* VI, 29954. Но Анаксагор считал, что солнце — это камень.
49. *Pl. Symp.* 220D. Ср. *Левит* 887E.
50. Брат Кассандра. Он основал Город Неба (Уранополь).
51. Птолемей III Евергет, Антиох IV.
52. *Hom. Hymn.* XXXI.
53. См. *Plut. De Os. et Is.* 6.
54. Его последователем был Селевк из Селевкии на Тигре (ок. 150 г. до н. э.).
55. Синкретизм выражался в сближении, наложении и смешении различных культов.
56. *Sr. Tert. Apol.* 16.
57. *Cic. Somn. Scip.* 4, *Pl. NH.* II, 5.
58. *Waehrens, Poet. Lat. Min.* IV, p. 543.
59. Например, в Египте в Тальмис (современная Калабша) и в *Preisigke, Sammelb.* 4127.
60. *Jul. Or.* IV, 155D.
61. Марка Антония и Августа. Ср. при Веспасиане и Траяне.
62. *Dio LXII*, 6, 2 (значение спорно).
63. *Tac. Hist.* III, 24.
64. *P. Giess.* 20.
65. Вена. Ср. *Klio*, VII, p. 278 (Траян) и монеты.

66. Непобедимый и открыватель света: Guarducci, *Rend. P. Acc. Rom. di Arch.* 1957/9, 161 и далее.
67. Бог солнца изображен с бородой, как у Септимия (197 г.).
68. Например, Arringatore (Музей архитектуры во Флоренции).
69. Dio LXXVIII, 10, 3.
70. Brendel, *Die Antike*, 1936, S. 275 (Берлин).
71. SACERD. DEI SOLIS ELAGAB.
72. Herod. V, 6, 6—8 (пер. Е. С. Echols).
73. *SHA. Call. Duo XXIII*, 18.
74. *ILS*. 210 и т. д.
75. «Калликрат из Тира». *SHA. Aurelian.*, IV, 2.
76. *Or. Sib.* XIV.
77. Zos. I, 61.
78. Поскольку Аврелиан восстановил власть империи не только на Востоке, но и в Галлии, его культ Солнца-Аполлона мог отражать и галльское почитание богов света и исцеления, отождествляемых с Аполлоном.
79. Kantorowicz, *Proc. Am. Phil. Socr.* 1961, p. 379. Имеется в виду Гатра, ср. с Пальмирой.
80. *Eus. V. Const.* I, 17.
81. Максимиан II подражал таким монетам у себя на Востоке.
82. Дата определяется по кладу в Montbouy. Лициний в свою очередь претендовал на родство с Филиппом Арабом.
83. *Pan. Lat.* VI (VII), 21: *salutifer*.
84. *Eus. V. Const.* III, 10.
85. *Lact. De Mort. Pers.* 46. О Константине: *Eus. V. Const.* IV, 20.
86. Мелитон из Сард. Клемент Александрийский называл Иисуса солнцем правды вслед за Малахией.
87. *Orig. In Libr. Ind. Hom.* VIII, 1, 2.
88. *Tert. Adv. Nat.* I, 13, *Apol.* 16. Евсевий и Зенон Веронский.
89. *Jul. Or.* IV, 130c, 131c, 134D, 135D, 137D. Как посредник, солнце — это потомок Зевса.
90. *Macrob. Sat.* I, 19, 9 (неоплатоник, как и Юлиан).

91. Гимны Прокиписиса. Ср. св. Ефрема Сирийского (ум. в 373 г.) *Fest. Eriph.* II, 1: совместное правление Семхи (ясности) и Демхи (рассвета).
92. Очевидно, второй из трех, а то и четырех авторов, которых так звали. Этот Филострат (170—244/9 гг.) происходил, возможно, с Лемноса. Другие члены кружка: Оппиан (может быть, два Оппиана), Элиан, будущий император Гордиан I, Саммоник Серен, Гален.
93. *Philostr. V. Apol.* VI, II. Ср. I, 10.
94. *Ibid.* VI, 11; VII, 12. Ср. учение Пифагора.
95. *Dio LXXVIII*, 18, 4; *SHA. Alex.*, 2.
96. Например, Порфирий и Гиерокл. Сотерих написал о нем эпическую поэму.
97. *Eus. Vs. V. Apol.* 31.
98. *Stat. Theb.* I, 719. Возможно, эта религия проникла на Запад через Аквилею.
99. M. J. Vermaseren. *Corp. Inscr. et Mon. Rel. Mithr.* 206 № 518 (Тибр).
100. *ILS.* 659.
101. *Plut Pomp.* 24 (невнятно). Некоторые монетные дворы Причерноморья изображали бога-наездника, которого отождествляют с Митрой.
102. Нерон, Коммод, Диоклетиан, Юлиан.
103. *Orig. C. Cels.* I, 9 и т. д.
104. *Firm. Mat. De Err. Prof. Rel.* 22 и далее.
105. *ILS.* 4271. Ср. 4099, 4152 (*taurobolium*, ср. *criobolium*).
106. Исключение составил род Корнелиев.
107. Мельфи (*Pal. Pubblico*), найдено в Альбери.
108. Например, саркофаги в Сидамаре и Силифке (*Seleucia ad Calycadnum*) в Турции (Стамбульский музей).
109. Например, из городов Атталей (Анталья) и Ксанф (*Xanthus*).
110. Например, мавзолей Диоклетиана в Салоне (Сплит).
111. Ватикан.
112. *Badminton sarc* (Нью-Йорк). Ср. монеты Каракаллы.
113. *Mus. Cap.* (Рим).
114. *Alex. Aphrodis., De An. Mant.* p. 182, 18 *Bruns*.
115. Фаворин из Арелата. *Gell. NA.* XIV, 1.

116. Tert. *De An.* 47, 2.
117. Сург. *Ep.* 16, 4. Ср. Min. Fel. *Oct.* 27.
118. Например, *Книга мертвых*.
119. Lucianus, *Philopseudes*: собрание пародийных историй о привидениях и колдовстве.
120. *Id.*, *Bis Accus.* 27.
121. Albin Lesky. На Лукиана повлияли известные «Диатрибы» киника Мениппа из Гадары.
122. Lucianus, *Icaromenippus*; *Juppiter Confutatus*; *Mortuorum Dialogi*; *Juppiter Tragoedus*; *Deorum Concilium*.
123. *Id.*, *De Morte Peregrini*. Ср. Adv. *Indoctr.* 14, Athenagoras, *Leg.* 26.
124. Lucianus, *Alexander*. Змея бога Асклепия (Эскулапа).
125. Райнер Мария Рильке (пер. J. B. Leishman).
126. 1-я Книга Паралипоменон XXI. Захария III, 1—5.
127. Farvardin Yast.
128. Pl. *Rep.* 379c. Ср. *Theaet.* 176A, *Polit.* 269E, *Tim.* 28 c.
129. 66—70, 115—116, 132—135 гг. н. э.
130. Евдемий Родий (Damascius, *De Prim. Princ.* ed. Ruelle, I, p. 322).
131. Sext. *Emp. Math.* VII, 159—165.
132. *Id. Pyrrh.* II, 218—238.
133. Samson Eitrem.
134. Александр из Ликополя.
135. Г. И. Гурджиев и его сторонники — современные наследники гностиков.
136. Hippol. *Philosophumena*, Bks. V, VI *frs.*; Epiphanius.
137. *Деяния апостолов*. VIII, 9 и далее. Доктор Фауст в чем-то повторяет Симона Волхва.
138. Iren. *Adv. Haer.* I, 35, 6 (середина II века). Происходит от секты Карпократа.
139. Его последователи прямо отождествляли Ветхий Завет со злом.
140. Из Хенобоскиона. Перевод с греческого на диалект коптского языка.
141. Например, «Евангелие от Никодима» (включающее и «Деяния Пилата»). Другие имена: Agathodaemon, Baal, Typhon.

91. Гимны Прокиписиса. Ср. св. Ефрема Сирийского (ум. в 373 г.) *Fest. Epiph.* II, 1: совместное правление Семхи (ясности) и Демхи (рассвета).
92. Очевидно, второй из трех, а то и четырех авторов, которых так звали. Этот Филострат (170—244/9 гг.) происходил, возможно, с Лемноса. Другие члены кружка: Оппиан (может быть, два Оппиана), Элиан, будущий император Гордиан I, Саммоник Серен, Гален.
93. *Philostr. V. Apol.* VI, II. Ср. I, 10.
94. *Ibid.* VI, 11; VII, 12. Ср. учение Пифагора.
95. *Dio LXXVIII*, 18, 4; *SNA. Alex.*, 2.
96. Например, Порфирий и Гиерокл. Сотерих написал о нем эпическую поэму.
97. *Eus. Vs. V. Apol.* 31.
98. *Stat. Theb.* I, 719. Возможно, эта религия проникла на Запад через Аквилею.
99. *M. J. Vermaseren. Corp. Inscr. et Mon. Rel. Mithr.* 206 № 518 (Тибр).
100. *ILS.* 659.
101. *Plut. Rom.* 24 (невнятно). Некоторые монетные дворы Причерноморья изображали бога-наездника, которого отождествляют с Митрой.
102. Нерон, Коммод, Диоклетиан, Юлиан.
103. *Orig. C. Cels.* I, 9 и т. д.
104. *Firm. Mat. De Err. Prof. Rel.* 22 и далее.
105. *ILS.* 4271. Ср. 4099, 4152 (*taurobolium*, ср. *criobolium*).
106. Исключение составил род Корнелиев.
107. Мельфи (*Pal. Pubblico*), найдено в Альбери.
108. Например, саркофаги в Сидамаре и Силифке (*Seleucia ad Calycadnum*) в Турции (Стамбульский музей).
109. Например, из городов Атталей (Анталья) и Ксанф (*Xanthus*).
110. Например, мавзолей Диоклетиана в Салоне (Сплит).
111. Ватикан.
112. *Badminton sarc* (Нью-Йорк). Ср. монеты Каракаллы.
113. *Mus. Cap.* (Рим).
114. *Alex. Aphrodis., De An. Mant.* p. 182, 18 *Bruns*.
115. Фаворин из Арелата. *Gell. NA.* XIV, 1.

116. Tert. *De An.* 47, 2.
117. Сурр. Ep. 16, 4. Ср. Min. Fel. Oct. 27.
118. Например, *Книги мертвых*.
119. Lucianus, *Philopseudes*: собрание пародийных истории о привидениях и колдовстве.
120. *Id.*, *Bis Accus.* 27.
121. Albin Lesky. На Лукиана повлияли известные «Диатрибы» киника Мениппа из Гадары.
122. Lucianus, *Icaromenippus*; *Jupiter Confutatus*; *Mortuorum Dialogi*; *Jupiter Tragoedus*; *Deorum Concilium*.
123. *Id.*, *De Morte Peregrini*. Ср. Adv. *Indoct.* 14, Athenagoras, *Leg.* 26.
124. Lucianus, *Alexander*. Змея бога Асклепия (Эскулапа).
125. Райнер Мария Рильке (пер. J. B. Leishman).
126. 1-я Книга Паралипоменон XXI. Захария III, 1—5.
127. Farvardin Yast.
128. Pl. *Rep.* 379c. Ср. *Theaet.* 176A, *Polit.* 269E, *Tim.* 28 c.
129. 66—70, 115—116, 132—135 гг. н. э.
130. Евдемий Родий (Damascius, *De Prim. Princ.* ed. Ruelle, I, p. 322).
131. Sext. Emp. *Math.* VII, 159—165.
132. *Id.* *Pyrrh.* II, 218—238.
133. Samson Eitrem.
134. Александр из Ликополя.
135. Г. И. Гурджиев и его сторонники — современные наследники гностиков.
136. Hippol. *Philosophumena*, Bks. V, VI *frs.*; Eriphanus.
137. *Деяния апостолов.* VIII, 9 и далее. Доктор Фауст в чем-то повторяет Симона Волхва.
138. Iren. *Adv. Haer.* I, 35, 6 (середина II века). Происходит от секты Карпократа.
139. Его последователи прямо отождествляли Ветхий Завет со злом.
140. Из Хенобоскиона. Перевод с греческого на диалект коптского языка.
141. Например, «Евангелие от Никодима» (включающее и «Деяния Пилата»). Другие имена: Agathodaemon, Baal, Typhon.

142. Из монастыря Зукнин (Zuqnin). Ср. широко известную «Книгу Пещеры сокровищ». Сиф сохранился в шиитском предании.
143. Он знал новое издание «Авесты», вышедшее при Вологезе I, с подстрочным комментарием на пехлеви.
144. Идея Падения у Мани также заимствована от Бардесана. О поражении Первичного Разума рассказано в тюркской книге «Исповедь» (Khuastuanift).
145. Francis Crawford Burkitt.
146. После 1468 лет.
147. Теодор бар Конай. Pognon, *Inscr. Mandaites*, p. 193.
148. Дуалистов еще называли *bougres*, так как они полагали, что рожать детей не следует.
149. P. Cair. Isid. 62 (Домиций Домициан).
150. Aug. *In Man.* XXIV, 26. Ср. *Conf.* V, 10, VI, 5.
151. «Манда» означает нечто среднее между рассуждением и откровением. Езиды из Северного Ирака считают дьявола творцом, действовавшим по поручению бога.
152. Византийские дуалисты: мессалиане или евхиты. Армянские: павликиане. Боснийские: патарены.
153. Steven Runciman.

Глава 9. Триумф христианства

1. Рукопись из Хенобоскиона, а три отрывка — из Оксиринха.
2. Св. Клемент I (Папа Римский), Поликарп.
3. Ср. у Иринея: естественно, как четыре стороны света.
4. Но споры продолжались (Eus. *EH.* III, 25, 1), пока Афанасий Великий не поставил в них точку (367 г.).
5. *Tert. De Praescr. Her.* 8. Ср. сцены победы над злом (охота на львов или кабанов) на стенах христианских саркофагов.
6. Например, легенды о том, что Иисус передал свое тайное знание Иакову, Иоанну и Петру, либо Филиппу, Матфею и Фоме, своему брату-близнецу. См. «Пистис София» (апокрифические «Деяния Иоанна»), сирийские «Деяния апостола и евангелиста Филиппа».

7. Ср. *Евреям*, II, 10. Последователи Ириней рассматривают учение о вечном ввержении в ад несовместимым с христианским толкованием природы зла.
8. Ср. *Книга Бытия*, III; VI, 1, 8 и послания апостола Павла. Августин не соглашался с Платоном в его восхищении человеческим интеллектом.
9. Неудачно ему оппонировал Арминий из Голландии в XVII веке.
10. Ранние апологеты: Квадрат, обратившийся к Адриану, и Маркиан Аристид, оправдывавший христианство при Антонине Пие.
11. В первой из двух «Апологий» Юстина. Юстин, отстаивая свою позицию, не считался с ветхозаветными пророками. Логос из Евангелия от Иоанна Юстин отождествлял с Умом стоиков.
12. *Clem. Paed.* I, 62, 70.
13. 2-е *Коринфянам*, IV, 7. Ср. *Orig. DCB.* IV, 119 и у Метродора из Лампсака о Гомере (V в. до н. э.).
14. Он объяснял существование зла, принимая точку зрения Пифагора и Платона о предвечном существовании души и о предопределении судьбы каждого. Ориген признавал эзотерические построения Климента, но не соглашался с тем, что «избранные» сохранятся и в Царстве Божьем.
15. Климента Александрийского исключили из числа святых в 1748 г. Почти все книги Оригена подверглись осуждению при Юстиниане в 543 г. Из-за Оригена же византийцы и в X—XI веках с опаской относились к Платону.
16. Соборы в Арелате и Медиолане (355 и 357 гг.). Арий, порицавший своих противников за дуализм, откинул термин «единосущный» (*homoousios*), означавший отношение Иисуса к Богу-отцу, принятый на Никейском соборе, так как ему это казалось утверждением полного отсутствия различий этих двух ипостасей божества. С 350 г. ариане заявляли о том, что Святой Дух был особым божьим творением (Тертуллиан, вслед за Юстином, настаивал на формуле «Един в трех лицах»).
17. Тертуллиан порицал философов (кроме Сенеки) и преподавателей. См.: *Apol.* 46, 18; *De Test. Anim.* 1. Но «Апостольское предание» Ипполита (ок. 215 г.) не запрещает профессию учителя.
18. *Lact. Inst. Div.* IV, 22, 30 (пер. Fletcher).
19. *Hippol. Philosphumena*, IX, 12.
20. *От Иоанна*, XI, 43 и далее.

21. Arnob. I, 65.
22. Символами этого служили и павлин, и феникс (ср. на языческой мозаике в Эдессе, 235—236 гг.). Особенности внешности покойника, необходимые во время его личного воскресения, тщательно передавались на саркофагах.
23. Саркофаг в Via Salaria; Coemeterium Majus ок. 270—275 гг. (женщина). Ср. надпись PIETAS на имперских монетах.
24. *Supr. Ep.* 69, 15; *Tert. Apol.* 46; *Min. Fel.* 27, *Eus. EH.* VI, 43; *Lact. Inst. Div.* IV, 27, 1.
25. *Orig. C. Cels.* VII, 4.
26. *Just. II Apol.* 6.
27. *От Иоанна*, XIV, 17, 26; XV, 26; XVI, 7—14.
28. *Orig. Hom. in Cant.* I, 7 (GCS. VIII, 38, 16) — предвосхищая мистицизм Григория Нисского.
29. *Tert. De Bapt.* 1. Ср. *Paul. Nol. Ep.* XIII, 11.
30. *Supr. Ad Donat.* 3.
31. Христианское богослужение описано Юстином. Ориген толковал таинство причастия иносказательно.
32. Например, в катакомбах Претекстата (III век).
33. Вера в скорый конец света распространилась во время преследований в начале IV века, о чем рассказывают Евсевий и св. Иероним. Фантастичная апокалиптическая поэзия Коммодиана, которой восхищался Гюйсманс, может датироваться III, IV или V веком.
34. Предположительно поэма создана ессеями. Ср. параллели с Геркулесом.
35. Иконоборцы восставали против этого. На некоторых саркофагах изображена жизнь Иисуса и апостола Петра.
36. Например, в катакомбах Присциллы (середина II века). Иногда вместе с пророком Валаамом, который, как считалось, предсказал непорочное зачатие (*Числа* XXIV, 17) и связал таким образом Ветхий Завет с Новым. («Протоевангелие», конец II или начало III века).
37. В катакомбах Гермеса.
38. Ной с ковчегом также появляется на монете из фригийской Апаimei при Филиппе Арабе.
39. *Иона* II, 11.

40. *Sen. Ep.* X, 1 и т. д. о счастье одиночества. Ср. папирусы III века: «Царство находится внутри тебя».
41. Культ Сераписа (при Птолемеи VI Филометоре).
42. О которых благосклонно писал эллинизированный иудей Филон Александрийский.
43. *Jos. BJ.* II, 119, 21.
44. Евангелие от Фомы.
45. *PG.* 26, 84.
46. Возле Писпира.
47. Три группы, жившие возле Мемфиса и Арсинои, очевидно, положили начало общинной монашеской жизни.
48. *Ath. V. Ant.* 44.
49. В египетской области Нитрия (Вади-Натрун).
50. *Arophth. Amin*, II, p. 128.
51. Есть и более ранние известия о девственницах, посвятивших себя молитве и богослужению (таких как весталки): Методий Олимпийский, «*Пир двенадцати дев*», конец III века. Есть предположения, что женские монастыри появились раньше, чем мужские.
52. Резиденция — в Пабау (Фау-кебли).
53. Семь миль от Маджомы.
54. Например, Сульпиций Север.
55. *Hist. Mon.* VIII, 56.
56. Св. Мартин происходил из Павии и стал епископом города Тур. Монастыри (мужской и женский) Иоанна Кассиана в Марселе (начало века) послужили образцом для многих других.
57. Равви Езекия и равви Аббаху, цитаты из равви Елеазара. Мишна представляет собой сборник пояснений к Ветхому Завету.
58. Основатель — абба Арика (175—247). Также Нехардея под руководством Самуила (180—250 гг.), разграбленная в 258 г., потом Пумбедита при Иуде бен Езекиеле (ум. в 299 г.). Александрийская иудейская община, кажется, почти полностью была уничтожена в 115—117 гг.
59. Ср. эллинистические темы в Кахане и Авигаде. В Бет Шеарим просматривается смешение греческих и иудейских надписей. Давид в синагоге Дура-Европос напоминает Орфея.

60. Philostr. *V. Apol.* 33.
61. В Азии христиане соблюдали еврейскую пасху даже в 170 г.
62. Ср. Orig. *C. Cels.* III, 55. Раннехристианская книга «Дидачэ» (*Didache*; «Почтение»), однако, советует рабам подчиняться своим хозяевам как образам Божиим. Но папа св. Каликст (217—222 гг.) считал, что Закон Божий позволяет браки между представителями разных социальных слоев, не признаваемые римскими законами.
63. Pont. *V. Cyr.* 11; Pion. *V. Polycarp.* 6; *Cyr. De Mort.* 26; *Ep. Diogn.* 5, 5.
64. Pl. *Ep.* X, 97.
65. Восстание Бар-Кохбы при Адриане серьезно обеспокоило власти Рима.
66. Возможные даты: 155—156 гг., 165—168 гг., 177 г.
67. Mart. X, 2. Ср. *I Clem.* 60, 61.
68. Mel. *ap. Eus. EH.* IV, 26, 7 и далее.
69. Orig. *C. Cels.* VIII, 68. Ср. 2.
70. Min. Fel. IX, 1 и далее.
71. Tert. *Apol.* XXIII, 14 и далее.
72. *Ibid.* XXXI, 4 (пер. Т. Р. Glover).
73. *De Idol.* (ок. 211 г.); *De Cor. Mil.* Ср. *Ad Ux.* II, 4, 9; *Ad Scap.* 2.
74. Orig. *C. Cels.* III, 29, 30.
75. *Library of Christian Classics*, Philadelphia, 1954. По общему священству см. *Rev.* I, 6; *I Pet.* II, 9. Официальное признание церкви при Константине положило конец господству мирян в христианских общинах.
76. Ignat. *Ad Smyr.* VI, 2. Приходская организация в Риме заметно развивалась при Дионисии (259—268 гг.).
77. Jul. *Ep.* 84a. Ср. Luc. *Peregr.* 12, 13.
78. Например, *libelli* из Теадельфии (Файюма).
79. Начиная с «Деяний Мучеников Скилии» (180 г.) и позднее.
80. Tert. *Apol.* L, 12 и далее.
81. *Cyr. Ad Nem., Ep., LXXVI.*
82. Иоанн Христом. Солдаты Христа: Lact. *De Mort. Pers.* 31. Мученичество в искусстве: Исайя в Багавате (Куфра, IV) и бичевание Элии Афанасии, в катакомбах Претекстата, ок. 270—280 гг. Паломничество к мантириям: *Bordeaux Pilgrim* (333 г.).
83. Eus. *EH.* VII, 13, 1.

84. Tert. *Apol.* 37, 4; *Ad Scap.* 2
85. Eus. *EH.* VIII, 1, 2.
86. Например, преследовались почитатели сирийской богини Атагарты. Епископ-просветитель Антиохии: Серапион. Первый епископ Эдессы: Палут. Ее царь: Абгар IX. Сирийский язык, на котором говорили в Эдессе, до сих пор используется несторианами.
87. Св. Ефрем.
88. В Athenag. *Leg.* 1, Tert. *Apol.* 24, Just. *I Apol.* 24. Попытки оправдать христианство, ссылаясь на различия культур всех народов.
89. Яков из Саруга. Первым христианским царем Армении стал Тиридат III.
90. Porph. *De Regressu, fr.* 10. Он нападал и на приписывание Моисею авторства Пятикнижия, и на подлинность книги пророка Даниила.
91. Lact. *Inst. Div.* VIII, 15, 11 — все еще ужасается при мысли о том, что империя может оказаться не вечной.
92. *Id.*, *De Mort. Pers.* 16.
93. W. H. C. Frend.
94. Eus. *De Mart. Pal.* IX, 3.
95. *Id.*, *EH.* VIII, 17 (пер. G. A. Williamson)
96. *Ibid.*, IX, 7 (пер. G. A. Williamson).
97. *Id.*, *V. Const.* I, 28, III; Lact. *De Mort. Pers.* 45. Ср. космическую гармонию в Pl. *Tim.* и древо познания добра и зла в Эдеме, где текли четыре реки
98. Lact. *De Mort. Pers.* 46.
99. Унаследованный женой Константина Фаустой от ее отца Максимиана.
100. *Cod. Theod.* XVI, 2, 4. Ср. I, 27, 1 по юрисдикции. Константин также разрешил епископам освобождать рабов.
101. Три сына Константина Евсевий ассоциировал с Троицей (Eus. *V. Const.* IV, 40). Но официально признавалось, что Константин лишь под покровительством Бога, а сам не божественен (*Firm. Mat. De Err. Prof. Rel.* XXIX, 4). Его головы на монетах смотрят в небо (как у Александра Македонского и Галлиена), что объясняется в *Jul. Caes.* 329 как похотливый взгляд солнца на луну. Основой идеологии Константина стало то, что Бог поручил ему управлять земными делами (*Opt. Milev. App.* III).
102. Eus. *V. Const.* IV, 24.
103. *Opt. Milev. App.* III (к Элафию).

104. Также у Иоанна Хрисостома *Ep. ad Eph. Hom.* XI, 5.
105. Третий канон (об армии) труден для понимания. Папы IV—V веков по-рицали христиан, служивших солдатами, чиновниками и юристами.
106. *Jer. V. Malchi*, init.
107. *Tat. Or.* 25 Ср. *Didache*.
108. *Tert. De Praescr. Haer.* Ср. *Apol.* 46.
109. *Anon. ap. Eus. EH.* V, 16, 10.
110. *Tert. De Pall.* 2. Ср. *Apul. Apol.* 98 по поводу ненависти к латыни.
111. *Tert. De Cult. Fem.* ii, 2.
112. Отлучение сторонников Новациана отменили через год.
113. Констант преследовал донатистов (345 г.). На диспуте, проведенном в 411 г. в Карфагене по указанию императора, на стороне донатистов были 279 епископов из 565. Через четыре года их стали приговаривать к смертной казни. В Египте сходной с донатистами сектой были милитиане.
114. *I. Clem.* (ок. 95 г.). Титул папа (*papa, pappas*), сначала применимый ко всем епископам, постепенно остался только за римским (на Западе), хотя так продолжали называть священников греческой церкви.
115. *Iren. Adv. Haer.* III, 2, 3. Ср. *Tert. De Praescr. Haer.* 36.
116. *Cyril. Ep.* 75. Ср. *De Cath. Eccl. Un., Ep.* 45-3, 55-4.
117. Henry Hart Milman.
118. Св. Григорий Назианзин.
119. После диспута св. Василия Великого (ум. в 379 г.) и папы св. Дамаска I, в 385 г. Рим навязал клиру безбрачие (целибат), а Константинополь — нет. С 484 г. западная и восточная церкви в течение сорока лет фактически не поддерживали отношений. Разошлись тогда окончательно и бесповоротно и взгляды на исхождение Святого Духа — на Востоке считали, что Святой Дух исходил только от Бога-Отца, единого и неделимого верховного божества, а на Западе, подчеркивая божественность Христа, утверждали, что Святой Дух исходит и от Бога-Сына.

Эпилог

1. Ср. у Фрэнка Уолбанка.
2. Ср. у Виктора Эренберга: «Для нас достаточно будет рассматривать общество как ту часть населения, которая в определенное время может стать необходимой основой для творчества индивида».

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Части 1 и 2: история

Фундаментальные работы на английском языке: *Cambridge Ancient History*, XI (1936), XII (1959) и А. Н. М. Jones, *The Later Roman Empire* (1964), кратко изложенные в *The Decline of the Ancient World* (1966).

Другие полезные книги: R. Remondon, *La Crise de l'Empire Romain de Marc-Aurèle à Anastase* (1964), H. M. D. Parker, *A History of the Roman World A. D. 138—337* (2-е изд., 1958), A. Piganiol, *Histoire de Rome* (5-е изд., 1962), F. Altheim, *Niedergang der Alten Welt* (1952), S. Mazzarino, *The End of the Ancient World* (1966), G. G. Starr, *Civilization and the Caesars* (1954), A. Alföldi, *Insignien und Tracht der römischen Kaiser* (Röm. Mitt. L, 1935), J. Vogt, *The Decline of Rome* (1967), L. White (ed.), *The Transformation of the Roman World* (1967).

По отдельным темам: M. Hammond, *The Antonine Monarchy* (Mem. Am. Ac. Rome, 1959), R. MacMullen, *Soldier and Civilian in the later Roman Empire* (1963), A. Passerini, *Dizionario Epigrafico*, IV (1949), s. v. *Legione*, G. Forni, *ibid.*, *Limes*, M. Rostovtzeff, *Social and Economic History of the Roman Empire*, 2nd ed., (P. M. Fraser), 1957; Отчет о раскопках в Дура-Европос.

По многим вопросам: F. W. Walbank, *The Awful Revolution* (1968), F. Altheim — R. Stiehl, *Finanzgeschichte der Spätantike* (1957), Pauly-Wissowa etc. (ed.), *Realencyclopädie für Altertumswissenschaften*, XXII (1954), ss. vv. *princeps civitatis* (L. Wickert), *praefectus praetorio* (W. Ensslin), R. Ghirshman, *Iran* (1956), M. Sprengling, *Third Century Iran* (1953), H. Mattingly, *Roman Coins* (2-е изд., 1960), M. Grant, *Roman Imperial Money* (1954), *Roman History from Coins* (1958), J. M. G. Toynbee, *Roman Medallions* (1944), F. Millar, *A Study of Cassius Dio* (1965).

Библиография в: С. А. Н. Piganiol и G. Walser & T. Pekáry, *Die Krise des römischen Reiches* (1962).

Часть 3: художники, архитекторы, романисты, философы

J. M. G. Toynbee, *The Art of the Romans* (1965), G. M. A. Hanfmann, *Roman Art* (1965), R. E. M. Wheeler, *Roman Art and Architecture* (1964), M. Borda, *La Pittura Romana* (1958), D. E. Strong, *Roman Imperial Sculpture* (1961), H. P. L'Orange, *Art Forms and Civic life in the late Roman Empire* (1965), H. Kahler, *Rome and her Empire* (1963), M. Gough, *The Early Christians* (1961), R. Krautheimer, *Early Christian and Byzantine Architecture* (1965), A. Grabar, *The Beginnings of Christian Art* (1967).

Фундаментальное произведение о художественной литературе на греческом языке, после недавних открытий папирусов: A. Lesky, *History of Greek Literature* (1966, translation of German second edition, 1963). Ср. L. Perry, *The Ancient Romance* (1967).

По вопросам образования: H. I. Marrou, *History of Education in Antiquity* (1962), W. Stahl, *Roman Science* (1962).

О Марке Аврелии: A. S. L. Farquharson, *The Meditations Marcus Antoninus* (1944), *Marcus Aurelius: His Life and his World* (2-е изд., 1952), A. Birley, *Marcus Aurelius* (1966).

О Плотине: H. R. Schwyzer в: Pauly-Wissowa etc., *Realencycl. XXI* (1951), s. v. Plotin, A. H. Armstrong, *Plotinus* (1953) и предисловие к изданию Плотина в Loeb (Vol. 1, 1966), а также: P. Hadot, *Plotin ou la Simplicité de Regard* (1963), J. M. Rist, *Plotinus: the Road to Reality* (1967), S. Spencer, *Mysticism in World Religion* (1963) и др.

Часть 4: от язычества к христианству

По религии того периода: A. D. Nock, *Conversion* (1933), E. R. Dodds, *Pagan and Christian in an Age of Anxiety* (1965), A. Momigliano (ed.), *The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century* (1963), M. Sordi, *Il Cristianesimo e Roma* (1965).

По отдельным аспектам: R. O. Fink, A. S. Hoey, W. F. Snyder, *The Feraile Duranum (Tale Classical Studies VII, 1940)*, F. Cumont по солнцепоклонничеству и т. д. — библиография в: *Mélanges F. Cumont* (1936) —

и *Lux Perpetua* (1949); E. H. Kantorowicz, *Oriens Augusti* (*Dumbarton Oaks Papers*, № 17, 1963), M. J. Vermaseren, *Mithras, the Secret God* (1963), G. Widengren, *Mani and Manichaeism* (1965), K. Grobel, *The Gospel of Truth* (1960), J. Doresse, *The Secret Books of the Egyptian Gnostics* (1960), H. Lewy, *Chaldaean Oracles and Theurgy* (1956).

По евреям: L. Finkelstein, *The Jews*, I (1949), M. Avi-Yonah, *Geschichte der Juden im Zeitalter des Talmud* (1962, на иврите: 1946).

По христианству: H. Lietzmann, *Geschichte der alten Kirche*, II (2-е изд., 1953), P. Garrington, *The Early Church* (1957), J. G. Davies, *The Early Christian Church* (1965), J. Danielou — H. Marrou, *Nouvelle Histoire de l'Eglise* (I, 1963), R. M. Grant, *Gnosticism and Early Christianity* (1959), J. Moreau, *Les Persécutions du Christianisme dans l'Empire romain* (1956), W. H. G. Frend, *Martyrdom and Persecution in the Early Church* (1965), J. M. G. Toynbee and J. Ward-Perkins, *The Shrine of St. Peter and the Vatican Excavations* (1956), A. Alföldi, *The Conversion of Constantine and Pagan Rome* (1948), N. H. Baynes, *Constantine the Great and the Christian Church* (*Proc. Brit. Ac.* 1929), A. H. M. Jones, *Constantine and the Conversion of Europe* (1948), H. Chadwick, *Early Christian Thought and the Classical Tradition* (1966).

УКАЗАТЕЛЬ

- А**
- Абритт 50
- Август 13, 36, 46, 54, 60, 65, 66, 83, 73, 97, 103, 106, 112, 151, 157, 237, 248, 352
- Августа Треверов 30, 34, 99, 139, 144, 148, 149, 155, 157, 253, 270, 381
- Августин, св. 165, 166, 226, 285, 292, 293, 335
- Августодун (Отен) 86, 157
- Авидий Кассий 31
- Авраам 257, 294, 308, 323
- Аврелиан 17, 28, 30, 33, 52, 61, 69, 84, 95, 101, 138, 143, 233, 235, 240, 242, 251, 344, 347
- Аврелий, Марк: культура и искусство 14, 25, 123, 126, 158, 163, 166, 171, 265, 269, 281, 352
- политика 14, 67, 73, 83, 96, 101, 109, 112, 116, 355
- философия и религия 21, 117, 158, 164, 166, 189—198, 201, 209, 218, 237, 238, 240, 248, 255, 263, 269, 273, 278, 297, 314, 317, 324, 349
- военное дело 14, 31, 37, 45, 54, 59, 64, 99, 123, 139
- Авреол 30, 61
- Агриппа 104, 143
- Адриан 20, 37, 60, 83, 92, 99, 106, 112, 115, 133, 134, 150, 240, 279
- Адрианополи 53, 64
- Аквилея 46, 60, 135
- Аквина: см. *Фома Аквинский*
- Аларих 53
- Александр из Абонутиха 272
- Александр Македонский 130, 133, 168, 182, 224, 239, 401
- Александр Север 15, 21, 40, 48, 49, 84, 101, 142, 157, 160, 164, 185, 250
- Александрия 43, 138, 157, 159, 160, 225, 260, 294, 297, 310, 314, 326, 342
- Алексарх 246
- Аллект 31, 253
- Альбанум 56
- Альби 287
- Амвросий, св. 162, 335
- Аменхотеп IV: см. *Эхнатон*
- Амикла 236
- Амио, Жак 185
- Аммоний Сакк 199, 224
- Амун (Аммоний) 311
- Анастасий I 81
- Андердаун 185
- Антея 170
- Антиохия 34, 41, 136, 139, 147, 153, 157, 327, 339, 342, 369
- Антоний, св. 310—313
- Антонии: см. *Каракалла, Марк Аврелий, Элагабал*
- Антонин Пий 157, 190, 238, 248, 263, 278
- Апамея (в Сирии) 160, 222, 246
- Аполлоний Дискол 384
- Аполлоний Тианский 249, 256, 257
- Апулей 13, 165—166, 263
- Арагуэна 82
- Арбела 328
- Ардашир I 39, 40, 146
- Арелат (Арль) 84, 139, 302

Арий 297, 340
 Аристарх Самосский 246
 Аристотель 94, 161, 199, 200, 209,
 227, 294
 Арнобий 298, 302
 Арнольд, Мэтью 197
 Арнуф 269
 Артабан V 38
 Афанасий, св. 313
 Афины 46, 157, 159, 225
 Афродисиада 124
 Ахен 154, 383
 Ахилл Татий 171, 175, 178, 183, 187

Б

Бальбин 97, 126
 Бар Хилл 57
 Барбалисс 41
 Бардесан 282, 327
 Барт, Карл 207, 293, 296
 Батанея 198
 Бахрам I 284
 Бейт Альфа 245
 Бенедикт, св. 313
 Бердяев, Николай 273
 Берит 157, 159
 Блейк, Уильям 228
 Бомбей 245
 Борромини, Франческо 152
 Бостра 43
 Бранхиды 272, 329
 Браунинг, Роберт 272
 Бриюни Велики (Брионски Отоки,
 Бриони Гранде) 91
 Бугугхан 286
 Будда 125, 282
 Бультман, Рудольф 296

В

Вавилон 245, 277
 Валент 53, 64
 Валентин 279

Валентиниан I 356
 Валентиниан III 115
 Валериан 16, 33, 40, 51, 97, 110, 139,
 147, 148, 325, 377 --
 Ван Гог, Винсент 135
 Вар 54
 Василид 281, 286
 Василий Великий, св. 312, 402
 Вер, Луций 14, 27, 37, 97, 129
 Вергилий 116, 163, 176, 343
 Верона 60
 Веспасиан 103, 392
 Византий и Византия: см. *Констан-*
тинополь
 Виктор, св. 343
 Висла 49
 Вифания 301
 Вифлеем 153, 313
 Вольтер, Франсуа 174
 Вон, Генри 228

Г

Гадес 240
 Газа 312
 Гай, император: см. *Калигула*
 Гай, юрист 96
 Гален 9, 13, 21, 160, 293, 349, 394
 Галерий 18, 42, 52, 78, 98, 126, 139,
 148, 329—333, 351, 371, 382
 Галл, Требониан 115, 131, 367, 383
 Галлиен 16, 29, 30, 33, 42, 51, 53, 60,
 72, 105, 108, 110, 133, 138, 147,
 199, 218, 235, 242, 250, 262, 326,
 347, 370, 379, 391, 401
 Ганнибал 40, 233
 Гатра 40, 125, 146
 Геброн 309
 Гезориак 31
 Гелиодор 15, 178—187, 249
 Гелиополь 142, 152
 Генна 149
 Гермоген 158

Гермократ 169
 Геродиан, грамматист 20, 26
 Геродиан, историк 158
 Геродот 168
 Гета 15, 97, 113, 118, 131, 249
 Гете, Иоганн Вольфганг, 178
 Гиббон, Эдвард 7, 13, 53, 136, 313
 Гиерокл 225, 329, 394
 Гитта 279
 Гоя, Франсиско 132
 Гомер 170, 182, 296, 385, 397
 Гордиан I и Гордиан II 367, 373
 Гордиан III 16, 41, 99, 110, 199, 259,
 368, 378, 381, 383
 Гостилиан 126
 Грациан 356
 Григорий Нисский 398
 Григорий, св. 328, 390, 402
 Григорий Чудотворец, св. 327
 Гундершанпур 284

Д

Давид 307, 315
 Дамаск 220, 369
 Даниил 308, 401
 Данте, Алигьери 227
 Дарий 241
 Декарт, Рене 224
 Делакура, Эжен 217
 Делос 272
 Дельфы 179, 272
 Деций, Траян 16, 26, 28, 49, 131, 238,
 310, 323, 324, 339, 380, 381
 Джеймс, Уильям 273
 Джонсон, Сэмюэл 187
 Дидий Юлиан 367, 372, 376
 Дидима: см. *Бранхиды*
 Диоген 270
 Диоклетиан:
 архитектура, культура и искус-
 ство 20, 135, 144, 147, 150,
 157, 162

политика 17, 27, 34, 69—71,
 76—79, 87, 93, 95, 98, 100,
 106—107, 110, 114, 119, 139
 религия 137, 150, 235, 239, 243,
 253, 284, 329, 335
 военное дело 18, 28, 31, 43,
 62—63, 76, 110
 Дион Кассий 7, 20, 38, 96, 104, 107,
 110, 117, 157, 232, 240, 326
 Дионисий I, тиран Сиракуз 170
 Дионисий Александрийский, св. 310
 «Дионисий Ареопагит» 226
 Днестр 51
 Домициан 65, 248, 257
 Домиций Домициан 368
 Домна, Юлия 14, 160, 248, 256
 Донат 340
 Дунай 13, 17, 19, 28, 44—49, 51, 54,
 56, 59, 60, 61, 139, 347, 370
 Дура-Европос 22, 38, 42, 55, 57, 87,
 105, 125, 233, 238, 306, 307, 315

Е

Евгений 312
 Еврипид 168
 Евсевий 21, 102, 278, 302, 307, 334,
 337, 393, 398, 401
 Евфрат 13, 19, 32—35, 139, 270
 Езра 315

З

Заратуштра (Зороастр) 258, 274,
 275, 282
 Зенобия 17, 33, 34, 61, 148, 251,
 368, 384
 Зенон Китийский 190
 Зефирин, св. 300

И

Игнатий, св. 299, 321
 Иезекиль, пророк 219
 Иероним, св. 313, 329, 335, 338
 Иерусалим 153, 383

- Илларион из Табаты, св. 312
 «Илиада»: см. Гомер
 Илион: см. Троя
 Илья, пророк 239, 245, 255
 Иоанн, апостол 289
 Иоанн, евангелист 304
 Иоанн Креститель 289, 300, 304
 Иона 309
 Ипполит 343, 397
 Иринея 278, 291, 294, 297, 318, 321, 342, 396
 Ирнерий 116
 Исая 307, 400
 Истахр 39
- К**
- Калигула 239, 247
 Каликт (Каллист), св. 322, 339, 400
 Капернаум 314
 Кар 17, 42, 98
 Каракалла 15, 38, 48, 56, 65, 68, 73, 96, 103, 107, 113, 130, 143, 157, 164, 197, 249, 257, 314
 Караузий 31, 98
 Карин 98, 135
 Карл Великий 154, 156
 Карнеад 277
 Карнунт 259
 Картир 284
 Карфаген 157, 260, 285, 328, 334, 381, 402
 Кассий: см. Авидий, Дион
 Кассий Лонгин 33
 Катон 163
 Кесаря (в Каппадокии) 312
 Кесаря (в Палестине) 327
 Киприан, св. 7, 91, 321, 325
 Киркесий 42
 Клавдий I 83
 Клавдий II Готский 17, 28, 52, 135, 239, 251
 Клар: см. Колофон
- Клеандр 109
 Клеопатра 33
 Климент Александрийский 294
 Книва 49
 Колзим 310
 Колония Агриппина (Кельн) 29, 370, 381
 Колофон 170
 Кольридж, С. Т. 187
 Коммод 14, 27, 47, 81, 101, 109, 129, 157, 164, 171, 233, 240, 242, 317, 322
 Константин Великий:
   архитектура, культура и искусство 21, 127, 136, 145, 154—156, 160, 163
   политика 25, 76, 87, 93, 95, 98, 102, 106, 108, 119, 127, 137
   религия 119, 137, 140, 153—154, 235, 239, 243, 253, 297, 303, 316, 328, 332—341, 344, 352
   военное дело 19, 28, 53, 63, 80, 99, 110, 127, 332, 336
 Константинополь (и Византия) 19, 76, 106, 140, 143, 154, 157, 235, 254, 287, 342, 344, 348, 381, 402
 Констанций II 102
 Констанций I Хлор 18, 31, 52, 98, 139, 144, 157, 252, 330
 Констанция 307, 333
 Кордуба (Кордова) 328
 Коринф 342
 Корнелий Супер 367
 Ксенофонт из Эфеса 170, 385
 Ктесифон 33, 35, 39, 146, 151, 281
 Кумран 275
 Куфра 310
- Л**
- Лактанций 296, 333, 336, 367
 Лаодикея (в Сирии) 160
 Лаодикея (в Фригии) 303

Латеранский дворец 338, 380
 Латеранский собор 156
 Лев Великий, св. 255
 Лепчис Магна 124, 144, 241, 381
 Лесбос 177
 Лет 109
 Лигюже 313
 Ликополь 199
 Линакр, Томас 161
 Лициний 19, 63, 80, 95, 102, 127,
 135—140, 254, 297, 333
 Лонг 15, 175—178, 187
 Лонгин: см. *Кассий*
 Лондиний 253, 260
 Лугдун (Лион) 86, 291
 Лука, евангелист 279
 Лукиан 13, 174, 270, 277, 322, 385
 Лукий из Патр 168
 Луций: см. *Вер*
 Людовик IX Святой 287

М

Мадавра 166
 Макрин 15, 38, 101, 104
 Макробий 255
 Максенций 19, 87, 127, 145, 239,
 253, 331
 Максим: см. *Марий, Пупиен*
 Максимиан 18, 31, 52, 78, 95, 98, 139,
 144, 243, 253
 Максимин I Фракиец 16, 28, 40, 48,
 74, 86, 107, 131, 320, 323
 Максимин II Дайя 19, 330—333
 Малахия 245, 255
 Мальх: см. *Порфирий*
 Мани 17, 203, 206, 247, 272, 281—286,
 350, 353, 396
 Маменя, Юлия 15
 Мареотида 309
 Марий Максим 21
 Марица 139
 Марк Аврелий: см. *Аврелий*

Маркианополь 49
 Маркион из Синопа 279
 Мартин, св. 313, 399
 Медиолан (Милан) 18, 30, 60, 139,
 147, 238, 381, 397
 Меза, Юлия 248
 Мелитон 318, 393
 Мероэ 179
 Месомед 246
 Меценат 104, 117, 232
 Микеланджело 266, 381
 Миласа 67
 Милл, Дж. С. 197
 Минуций Феликс 318
 Митилена: см. *Лесбос*
 Могунциак (Майнц) 48, 381
 Мозель 267
 Моисей, пророк 294, 308, 401
 монтанизм 303, 306, 310, 319, 338
 Монтень, Мишель де 183
 Монтемайор, Хорхе де 178
 Морава 139

Н

Наисс (Ниш) 51, 381
 Накш-и-Рустам 22, 40, 369
 Нарсес 42, 369
 Нарцисс, отшельник 310
 Неаполь (Сихем в Самарии) 289
 Нерон 36, 46, 156, 247, 316, 325
 Никея 20, 337
 Никейский собор 297, 342, 397
 Никола Пизано 266
 Николай из Антиохии 279
 Никомедия 17, 139, 148, 331, 380
 Нил 179, 182, 311
 Нин 169
 Нисибин 312
 Новалис, Ф. Л. 228
 Новациан 339, 343, 402
 Новиомаг 267, 379
 Ной 308

Нумений 222, 388

Нумериан 98, 101

О

Овидий 116, 266

Оденат 17, 33, 251

«Одиссея»: см. Гомер

Опитергий 46

Ориген 255, 295, 304, 325, 397

Оронт 165

Осий 328, 335

Остия 87, 144, 150, 260

П

Павел, апостол 220, 290, 292, 309, 342

Павел, юрист 96, 114, 120, 376, 377

Павел Фиванский 310

Палладио, Андреа 143, 381

Пальмира 17, 32, 34, 42, 59, 125, 148, 251, 368

Пантен 294

Пантикапей 50

Папиниан 110, 113, 120

Паскаль, Блез 219, 296

Пахомий, св. 311, 312

Пелагий 292

Пергам 160, 383

Перегрин 270

Перенний 109

Перикл 352

Персеполь 39

Пертинакс 82, 242, 367, 368

Петр, апостол 156, 255, 306, 325, 343

Петра 43

Пилат 332

Пирей 260

Пифагор 245, 257, 277, 309

Плавт 186

Плавтиан 109

Платон 94, 168, 196, 199, 201, 204, 218, 226, 245, 275, 294

Плиний Младший 231, 317

Плотин 17, 21, 133, 159, 165, 177, 195, 198—228, 245, 247, 272, 281, 295, 326, 349, 353, 390

Плутарх 241, 263, 388, 390

Поликарп 318, 396

Портер, Дж. С. 187

Порфирий 21, 198, 199, 206, 210, 218, 225, 290, 296, 329

Посидоний 246

Постум 17, 29, 51, 60, 134, 147

Проб 17, 28, 30, 52, 101, 368

Проколиция 261

Птолеми 83, 94, 252, 309

Птолемей, географ 159

Пупиен 97

Путеолы 260

Пьяцца Армерина 150

Р

Рабле, Франсуа 174

Равенна 127

Расин, Жан 185

Рафаэль 167, 185

Рейн 14, 17, 29, 31, 43, 44, 49, 51, 53, 60

Рейсбрук, Ян ван 227, 390

Рона 317

Руссо 178

С

Сабеллий 299

Сакк: см. Аммоний

Салона (Сплит) 150—152, 155

Сальвий Юлиан 112

Самосата 270, 277

Саотер 47

Сарды 380, 393

Сасаниды 16, 18, 26, 39, 42, 50, 60, 100, 124, 134, 145, 146, 179, 241, 245, 276, 284

Стефан, св. 343

Светоний 21

- Свифт, Джонатан 174
 Север II 367
 Сезанн, Поль 135
 Секст Эмпирик 277
 Селевкия на Тигре 32, 35, 281, 374, 392
 Семирамида 169
 Сен-Пьер, Бернаден де 178
 Септимий Север:
     архитектура, культура и искусство 124, 130, 141, 152, 233, 237, 241, 251, 256
     политика 4, 26, 67, 74, 82—84, 103—112, 116, 130
     религия 125, 143, 237, 248, 256, 294, 314, 318, 322, 339
     военное дело 4, 21, 28, 32, 38, 54, 59, 62, 65, 72, 82, 110
 Сервантес, Мигель де 185
 Сердика (София) 95, 139, 240, 370, 381
 Сидон 159
 Сидни, Филипп 178
 Симон Волхв 278, 395
 Сингидун 19
 Сиракузы 169
 Сирмий 139, 381
 Сихем: см. Неаполь
 Скаптопар 82
 Скотт, Вальтер 187
 Сократ 245
 Сона 317
 Спенсер, Эдмунд 227
 Статий 246, 248
 Сузы 33, 246, 315
 Сура 314, 369
 Сусанна 308
 Сцевола, Цервидий 112
- Т**
- Табата 312
 Табенниси 311
 Табрака 302
- Тарракон 50
 Тарсус 158, 259
 Татиан 289, 318, 338
 Татий: см. Ахилл Татий
 Тацит, император 52, 105, 367
 Тацит, историк 44, 94, 314, 316
 Тереза, св. 217
 Теренут 302
 Тертуллиан 165, 168, 268, 292, 319, 320, 322, 324, 326, 338, 344
 Тетрик 30, 34
 Тиана 86, 257
 Тиберий 232
 Тибр 165
 Тигр 33, 36, 43, 328
 Тимеситей 16, 110, 379
 Тир 113, 198, 296, 327, 331
 Тиса 45, 47
 Тит 123, 126, 143
 Тицин (Павия) 52, 60, 139, 381
 Толстой, Лев 195
 Торквато Тассо 185
 Трапезунд 50
 Траян 14, 35, 37, 41, 59, 67, 103, 123, 126, 143, 170, 240, 249, 269, 317, 392
 Траян Деций: см. Деций
 Требониан Галл: см. Галл
 Троя 140
- У**
- Ульпиан 96, 110, 113, 120, 376, 377
- Ф**
- Фабиан 323
 Фалерии 83
 Фанум Фортунэ 52
 Фаррер, Остин 291
 Фаустина Старшая 238, 263
 Фаустина Младшая 238, 263
 Февенипуста 91

Феодосий I 335
 Феодосий II 115
 Феокрит 176
 Фессалоники 127, 139, 148, 381
 Филипп Араб 16, 26, 32, 41, 49, 81,
 87, 110, 131, 375, 377, 398
 Филиппополь (в Сирии) 49, 238
 Филиппополь (во Фракии) 87, 144
 Филон Александрийский 220, 247,
 399
 Филострат 179, 224, 249, 256, 257,
 315
 Фирмилиан из Кесареи 343
 Фирузабад 383
 Фичино, Марсилио 227
 Флориан 367, 368
 Фома Аквинский 204, 227
 Фома, апостол 289
 Фотий 173
 Фрейд, Зигмунд 217
 Фронто 159, 189, 198, 318

X

Хабур 38
 Хаксли, Олдос 354
 Халкида (в Сирии) 225
 Халкидон 50
 Харитон из Афродисиады 169
 Хенобоскион 275
 Хрисипп 277

Ц

Цельс 295, 318, 320, 389
 Цервидий Сцевола: *см. Сцевола*
 Цицерон 116, 167, 343

Ч

Чернавода 52

Ш

Шами 33
 Шапур I 16, 22, 33, 40, 99, 146, 284

Шапур II 42
 Шарден, Тейяр де 219, 291
 Шераган 91

Э

Эдесса (Урфа) 37, 40, 266, 289, 307,
 328, 369
 Экхарт, Иоанн 227
 Элагабал 15, 32, 100, 142, 249, 250
 Элевсин 46, 134, 262
 Эльба 47, 50, 368
 Эльвира 307, 328
 Эмеса 34, 179, 185, 248—251
 Эмилий Эмилиан 367
 Эмпирик: *см. Секст*
 Энна: *см. Генна*
 Эпиктет 191, 194, 197, 273, 275
 Эсхил 245
 Эфес 50, 68, 248
 Эхнатон 219, 244

Ю

Ювенал 165
 Юлиан, волшебник 269
 Юлиан Отступник 21, 225, 231, 255,
 322
 Юлиан, юрист: *см. Сальвий Юлиан*
 Юлий II (Папа Римский) 266
 Юлия: *см. Домна, Мамея, Меза*
 Юм, Дэвид 313
 Юнг, Карл Густав 288
 Юстин Мученик 289, 294, 303
 Юстиниан I 21, 115, 156, 383
 Юэ, Пьер 187

Я

Яджнавалкьи 275
 Яков I, король Англии 336
 Ямвлих, романист 171
 Ямвлих, философ 225, 252, 269

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	5
Предисловие	7

I ПЕРЕМЕНЫ В АНТИЧНОМ МИРЕ

Глава 1 История Поздней империи	13
Очерк истории	13
Исторические источники	19

II ПОЗДНЯЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

Глава 2 Военные достижения	25
Кризис внутри империи	25
Кризис на границах империи	35
Расцвет римской армии	54
Глава 3 Цена выживания	65
Бюджет	65
Государство отвечает за все	81
Глава 4 Император и его чиновники	95
Император	95
Правительство	102
Расцвет римского права	111

III ХУДОЖНИКИ, АРХИТЕКТОРЫ, РОМАНИСТЫ, ФИЛОСОФЫ

Глава 5	Изобразительное искусство и архитектура	123
	Расцвет римской скульптуры	123
	Города и дворцы поздней Римской империи	138
Глава 6	Культура романа	157
	Образование	157
	Лучшие романы	166
Глава 7	Надеяться осталось только на себя	189
	«Размышления» Марка Аврелия	189
	Плотин	198

IV ОТ ЯЗЫЧЕСТВА К ХРИСТИАНСТВУ

Глава 8	Расцвет язычества	231
	Национальные боги	231
	Поклонение солнцу	243
	Евангелия спасения	258
	Мани — силы добра и зла	272
Глава 9	Триумф христианства	289
	Спаситель христиан	289
	Иудеи, христиане и государство	313
	Эпилог	345
	Генеалогические таблицы	355
	Перечень римских императоров (161—337 гг. н. э.) ...	357
	Карты	359
	Примечания	367
	Рекомендуемая литература	403
	Указатель	406

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

Служба работы с клиентами:

тел. (057) 783-88-88

E-mail: support@flc-bookclub.com

Науково-популярне видання

ГРАНТ Майкл

Розквіт Римської імперії

(російською мовою)

Головний редактор *Н. С. Чистюхіна*

Перекладач *С. І. Луїні*

Редактор *С. С. Склір*

Художній редактор *Н. В. Александрова*

Коректор *І. В. Набока*

h
Підписано до друку 25.08.2005. Формат 60х90/16.
Друк офсетний. Гарнітура «Міньйон». Ум. др. арк. 26,00.
Наклад 8000 прим. Зам. № 5-759.

Книжковий Клуб «Клуб Семейного Досуга»

Св. № 04059243Ю0017536 від 13.03.2000.

61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а

E-mail: corp@flc-bookclub.com

Віддруковано з готових діапозитивів
у ВАТ «Харківська книжкова фабрика "Глобус"»
61012, м. Харків, вул. Енгельса, 11

3

Майкл Грант — величайший популяризатор
этого столетия.

Алан Мэсси

Майкл Грант всегда был очень энергичным
и хорошо информированным, он сдул пыль
с классического мира и в одиночку сделал
больше, чем кто-бы то ни было, в деле его
популяризации.

«Санди Таймс»

Майкл Грант — уникальная личность среди
классических ученых нашего времени.

«Спектейтор»

Майкл Грант по праву считается экспертом
и хорошим проводником по Древнему миру.

«Экэномист»

Известный английский историк Майкл Грант (1914–2004) — член совета Тринити-Колледжа в Кембридже, профессор латинского языка и литературы в Университете Эдинбурга, проректор Королевского университета в Белфасте и Университета в Хартуме, доктор литературы в Кембридже и почетный доктор литературы и права в Дублине и Белфасте соответственно, а также президент Ассоциации антиковедов Англии, общества Вергилия и Королевского нумизматического общества, специалист по медалям Американского общества нумизматов. Его перу принадлежат биографии Юлия Цезаря, Нерона, Ирода, Клеопатры, Иисуса, апостолов Петра и Павла, а также работы по литературе, искусству, мифологии и социальной жизни греков и римлян. Но наибольшую популярность он обрел, опубликовав около 50 книг по истории Древнего Рима, Греции и раннему христианству.

Период от вступления на престол Марка Аврелия в 161 году н. э. до смерти Константина в 337 году обычно рассматривается в аспекте внутренних раздоров и многочисленных войн вдоль обширных границ империи. Однако колоссальные достижения в военном искусстве и вооружении позволили сохранить империю еще на несколько столетий. Эта стабильность дала толчок потрясающему расцвету римской цивилизации, в котором проявились «артистическое, духовное и политическое величие и беспримерная роскошь».